

П. Н. КРАСНОВЪ

ЦАРЕУБІЙЦЫ

РОМАНЪ

Издание В. Сіяльскаго

ПАРИЖЪ

П. Н. КРАСНОВЪ

ЦАРЕУБИЙЦЫ

(1-го марта 1881-го года)

РОМАНЪ

Издание В. Сіяльского

ПАРИЖЪ

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Tous droits réservés.

Copyright 1938 by the author.

Настоящее?...

*Его у насъ нѣтъ. Есть только прошлое
и можетъ быть — будущее.*

*Въ прошломъ будемъ черпать знанія
— чтобы совершенствовать будущее.*

Авторъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вѣра Ишимская была въ томъ возрастѣ, когда дѣвочка превращается въ дѣвушку. Платье — уже длинное, косы уложены по дѣвичьему, подъ юбкой подкинутъ турнюрь — маленькій, послѣдняя мода, и зонтикъ съ длинной и тонкой ручкой и дана нѣкоторая самостоятельность ходить по городу безъ горничной и гувернантки. Но внутри, за платьемъ все еще дѣвочка. По дѣтски все ее трогаетъ и волнуетъ. Изъ самой же глубины душевной поднимаются неясные вопросы, сложные, туманные и неразрѣшимые. Душа жаждетъ дѣйствія. Хочется подвига, подвижничества. Что-то совершить. Вѣра бродитъ по комнатамъ, вдругъ останавливается, задумывается, зажмурить глаза...

Царствовать, какъ Екатерина Великая — Державинская — «Фелица» — «Богородица» — «Богоподобная царица киргизъ-кайсацкія орды, которой мудрость несравненна»... Сгорѣть на кострѣ, послѣ подвига!.. Жанна-д-Аркъ!.. Стихи, заученные въ дѣтствѣ по Русски и по французски встаютъ въ памяти: — Ломоносовъ, Державинъ, Пушкинъ, Викторъ Гюго, Ламартинъ...

Пушкинская «Татьяна»?.. Фуй!.. Татьяна это вздоръ!.. Кисейная барышня!.. Любовь — пошлость!... Съ такими-то запросами души — любовь?.. Въ мірѣ и такъ довольно пошлости...

Откроетъ глаза — передъ нею по стѣнамъ гравюры, литографіи, акварели, картины масляными красками... Ладурнеръ, Клодтъ, Виллевалде. Разводъ караула... Знамен-

щикъ Семеновскаго полка... Группа на бивакѣ. Бѣлые штаны, мундиры въ обтяжку, широкіе лосиные ремни, черныя каски съ мѣдными орлами и высокими волосяными султанами...

Дѣдушкина утѣха.

Вѣра — сирота. Она живетъ у дѣдушки — генераль-адъютанта Афиногена Ильича Разгильдяева, стараго вдовца.

Ее никто и ни въ чемъ не стѣсняетъ. Она можетъ уходить изъ дома, гулять одна, зимою ходить на катокъ въ Таврическомъ саду, лѣтомъ гулять по Петергофскому парку. Ей вѣрятъ. Она — Ишимская, она была въ институтѣ и, выйдя изъ третьяго класса, закончила образованіе дома съ приходящими учителями.

Вѣра остановится противъ зеркала и долго смотритъ на себя. Красива? Волосы русые — поэтъ романистъ сказалъ-бы: — пепельные! Глаза голубые. Въ глазахъ есть нѣчто напряженное и смѣлое. Стальное! Дерзкое!? Сложена? Недурно... Кузень Афанасій говоритъ: — «на пять съ плюсомъ; Гвардейскій ремонтъ...» Лицо овальное, какъ въ паспортахъ пишутъ: — «обыкновенное»... Полюбить, увлечься?.. Не теноромъ-же увлечься, или капельмейстеромъ Главачемъ?... Фуй!.. Или полюбить такого осла, какъ Афанасій? Щиплетъ горничныхъ, говорятъ — имѣетъ любовницу, французенку изъ Михайловскаго театра — Мими. Какая гадость!..

Юное личико складывается въ презрительную гримасу. Вѣра поворачивается на каблукахъ и идетъ по залу. Высокіе каблуки щелкаютъ по гладкому, натертому паркету — «токъ!.. токъ!.. токъ»!.. Гренадеры, егеря, стрѣлки, кирасиры, уланы съ гравюръ и картинъ глядятъ на нее. Любуются. На колоннѣ желтаго мрамора съ розовыми жилками стоитъ бѣлый бюстъ Императора Николая I — кумира дѣда Вѣры.

Вѣра дерзко проходитъ мимо. Щелкаютъ каблучки — «токъ!.. токъ!.. токъ»!..

— А ты полюбилъ-бы?..

«Токъ!.. токъ!.. токъ»!..

— Императоръ?!

Вызывающе, дерзко смотреть на холодный мраморъ бюста.

— Не боюсь!..

«Токъ!.. токъ!.. токъ»!..

7-го іюля — канунъ «Казанской» — графиня Лилия потащила въ Казанскій соборъ Вѣру ко всеношной.

Толпа народа. Все стѣснилось въ лѣвой сторонѣ собора, гдѣ на возвышеніи, въ золотѣ драгоцѣннаго оклада, въ блистаніи множества самоцвѣтныхъ, пестрыхъ камней, отражавшихъ безчисленные огни свѣчекъ стоялъ прекрасный образъ.

Шель долгій акафистъ. Кругомъ Вѣры — бѣлые кители и сверкающіе погоны офицеровъ, стояли солдаты, мужики, бабы, виднѣлись длинные сюртуки купцовъ, поддевки дворниковъ и лавочныхъ сидѣльцевъ, платки женщинъ старыхъ и молодыхъ. Было душно, отъ ладана сладко кружилась голова, пахло духами, розовымъ масломъ, дыханіемъ толпы, потомъ, сапогами, деревяннымъ масломъ. Вѣру толкали, хлопали по плечу свѣчками, шептали на ухо: — «Владычицѣ»!.. «Казанской»!.. «Празднику»!.. Отравляли Вѣру смрадомъ дыханія.

Кругомъ были напряженные лица, страстно вѣрующіе глаза, люди усталые, потные и счастливые... Прекрасно, вдохновенно пѣли митрополичьи пѣвчіе. Изумительно шло богослуженіе. Въ самую душу вливались слова тропаря, запоминались навсегда.

...«Заступница усердная, Мати Господа Вышняго!.. За всѣхъ молиши Сына Твоего Христа Бога Нашего и всѣмъ твориши спастись въ державный Твой покровъ прибѣгающимъ»...

«Вотъ, вотъ оно гдѣ — настоящее», — думала Вѣра, опускаясь на колѣни рядомъ съ графиней Лилей.

И у Вѣры становилось на лицѣ то-же умиленное выраженіе, какое было у графини Лили, какое было у всѣхъ молящихся вокругъ образа.

Отъ долгаго стоянія, отъ духоты, отъ толпы — во всемъ тѣлѣ явилась сладкая истома. Сердце преисполнилось

восторгомъ и хотѣлось донести этотъ восторгъ до дома, какъ въ дѣтствѣ доносила Вѣра зажженную свѣчку отъ «Двѣнадцати Евангелій», отъ «Плещаницы», отъ «Свѣтлаго Воскресенія»...

II.

Эти лѣтніе дни, въ Петергофѣ, на дачѣ дѣда, Вѣра была подъ обаяніемъ глубокой вѣры. Зажженный огонекъ любви и вѣры она донесла до дачи на Заячьемъ Ремизѣ и продолжала носить, не гася, и дальше.

Она избѣгала на прогулкахъ Нижняго сада, гдѣ много бывало народа, гуляла по тихимъ дорогамъ Англійскаго парка, любовалась отраженіями въ прудахъ кустовъ и деревьевъ и бѣлыхъ стѣнъ павильоновъ на Царицыномъ и Ольгиномъ островахъ.

Съ графиней Лилей она предпринимала далекія прогулки на высоты деревни Бабій Гонъ, къ Бельведеру и мельницѣ, къ сельскому Никольскому домику.

Тамъ солдаты инвалиды отворяли двери и показывали въ шкафу за стекломъ длинный черный сюртукъ съ медалями за Турецкую войну и Анненской и два дѣвичьихъ сарафана.

— Сюртукъ этотъ солдатскій, инвалидный, — тихимъ сдержаннымъ голосомъ рассказывалъ солдатъ сторожъ, — Государь Императоръ Николай I Павловичъ изволили надѣвать на себя, когда поднесли домикъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Ея Величество изволили часто совершать сюда прогулки, очень здѣсь распрекрасный видъ, и какъ уставали онѣ — то и повелѣлъ Государь Николай Павловичъ, чтобы отдохновеніе имѣть Ея Величеству, построить избушку. Всѣ работы дѣлались тайно. Когда домикъ былъ готовъ, Государь сказалъ Государынѣ, будто пойдеть онѣ съ дѣтьми въ кадетскій лагерь, а Государыню просили обождать ихъ въ Большомъ дворцѣ. И вотъ, значить, посылаетъ Его Величество флигель-адъютанта съ приказомъ провести Государыню на это мѣсто. И тутъ вдругъ видитъ

Государыня на пустомъ раньше мѣстѣ стоитъ красивая изба и изъ нея выходитъ отставной солдатъ въ сюртукѣ Измайловскаго полка, вотъ въ этомъ самомъ, съ золотымъ галуномъ на воротникѣ и шевронами на лѣвомъ рукавѣ, — хлѣбъ-соль у него въ рукахъ и проситъ тотъ солдатъ Государыню отдохнуть въ его избушкѣ. И солдатъ тотъ былъ самъ Государь Императоръ. Входитъ умиленная и растроганная до слезъ Государыня въ избу, а тамъ выстроены во фронтъ ея дѣти.

— Дозвольте, — говоритъ солдатъ, — Ваше Императорское Величество представить вамъ моихъ дѣтей и просить вашего покровительства имъ. Старшій мой сынъ, Александръ, хотя и солдатскій сынъ, и всего ему минуло 19 лѣтъ, а уже флигель адъютантъ и о немъ я не прошу, а вотъ о другихъ моя просьба. Десятилѣтняго Константина — благоволите, Матушка Царица, опредѣлить во флотъ, семилѣтняго Николая просиль-бы въ инженеры, а меньшого моего Михаила въ артиллерію. Старшую мою дочь Марію хотѣлось-бы въ Смольный Институтъ, вторую — Ольгу въ Екатерининскій, а молодшую въ Патріотическій...

— Вотъ въ этихъ самыхъ сарафанахъ и представлялись Государынѣ Великія Княжны, какъ простыя солдатскія дочери.

— А ты знаешь, Вѣра, — сказала по французски графиня Лиля, — почему Императоръ Николай I не хотѣлъ ничего просить для своего старшаго сына, нынѣшняго нашего Государя...

— *Et bien.* *)

— Въ эти дни Государь хотѣлъ его въ крѣпость заточить, казнить, какъ казнилъ Петръ своего сына Царевича Алексѣя.

— Боже мой!.. Да за что-же?..

— За романъ съ Ольгой Калиновской, на которой хотѣлъ жениться Наслѣдникъ и которая вышла потомъ замужъ за графа Апраксина. Такой, говорятъ, скандалъ тогда вышелъ! Твой дѣдушка помнитъ, да не любитъ о томъ рассказывать.

*) Ну?

Графиня Лиля беретъ Вѣру подъ руку. Она лѣтъ на шестнадцать старше Вѣры, старая дѣва, фрейлина Двора и любитъ придворныя сплетни. Онѣ выходятъ изъ Никольскаго домика. Передъ ними — идиллія прошлаго царствованія, рыцарскаго вѣка, тонкаго ухаживанія, балладъ, сонетовъ, танцевъ, пастушковъ, пастушекъ, сюрпризовъ - подарковъ, альбомовъ со стишками и акварельными картинками, любви до гроба, мадригаловъ, вѣкъ той красоты, немного искусственной, казенной, въ родѣ тѣхъ литографій, что висятъ по стѣнамъ дѣдушкиной квартиры. Передъ ними ширь Петергофскихъ полей и луговъ. Ивнякъ растетъ вдоль болотныхъ канавъ, копны душистаго сѣна раскиданы по полямъ, повсюду красивыя группы кустовъ и деревьевъ, прилизанная причесанная, приглаженная природа Петергофскихъ Царскихъ затѣй.

За лугами и холмами — городъ - сказка — горитъ золотыми крышами дворцовъ и куполами церквей, густою зеленью садовъ и парковъ — Новый Петергофъ. За нимъ синь моря съ прикрытымъ тонкой дымкой финскимъ берегомъ. Отъ Петергофа несутся звуки военной музыки и кажется, что все это не подлинный міръ — но яркая сцена наряднаго балета.

Не жизнь — сказка. Сказка жизни...

Раннимъ утромъ графиня Лиля съ Вѣрой спустились въ Нижний садъ и пошли по главной аллеѣ къ Дворцовому каналу.

По всей аллеѣ, между высокихъ липъ, дубовъ и каштановъ бѣлѣли солдатскія рубахи и голландки матросовъ. Саперы и матросы Гвардейскаго экипажа приготовляли къ 22-му іюля иллюминацію.

Только что установили бѣлую мачту, и молодецъ матросъ, краснощекій, безусый богатырь — Вѣрѣ казалось, что она видитъ, какъ молодая кровь бѣжитъ по его жиламъ, поплевалъ на руки и, ловко перебирая руками, полѣзъ на мачту. Онъ дѣлалъ это такъ легко, что на него пріятно было смотрѣть. Вѣра не сводила съ него восхищенныхъ глазъ. Онъ поравнялся съ вершинами деревьевъ, достигъ верхушки мачты.

— Давайте-что-ль! — крикнулъ онъ внизъ веселымъ голосомъ. И ему стали подавать канать съ навѣшенными стаканчиками съ саломъ.

Вдругъ... Вѣра не могла понять, какъ это случилось, — сломилась-ли подъ тяжестью матроса верхушка мачты, или онъ самъ не удержался на ней — Вѣра увидала, какъ матросъ согнулся внизъ головой и полетѣлъ внизъ.

Вѣра зажмурила глаза.

Раздался глухой стукъ. Точно тяжелый мѣшокъ ударился о землю... Потомъ наступила мгновенная тишина. Такой тишины Вѣра еще не знала.

Графиня Лиля тащила Вѣру за рукавъ.

— Вѣра!.. Идемъ... Какой ужасъ!..

Вѣра стояла неподвижная и съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣла, какъ въ двухъ шагахъ отъ нея дергалась въ судорогахъ нога въ просторныхъ бѣлыхъ штанахъ, какъ налилось красивое лицо матроса несказанной мукой, потомъ вдругъ побѣлѣло и застыло.

Толпа матросовъ оттѣснила Вѣру отъ убиившагося и накрыла его шинелью. Всѣ сняли фуражки и стали креститься.

Ужасъ смерти прошелъ мимо Вѣры.

Вѣра еще никогда не видѣла мертвецовъ. Ея родители умерли въ деревнѣ, когда Вѣра была въ институтѣ, и Вѣру не возили на похороны. Она не знала суроваго безобразія смерти. Ей не пришлось бывать на похоронахъ. Иногда на прогулкѣ встрѣтитъ Вѣра шествіе. Но въ немъ нѣтъ безобразія смерти. Шестерка лошадей везетъ колесницу, сплошь покрытую цвѣтами и вѣнками, сзади ведутъ лошадей, звучитъ торжественный похоронный маршъ и мѣрнымъ шагомъ подъ грохотъ барабановъ идутъ войска. Пахнеть примятымъ ельникомъ, еловые вѣтки разбросаны по дорогѣ. Вѣра остановится и смотритъ войска; совсѣмъ, какъ у дѣдушки на картинахъ. О покойникѣ въ гробу она и не вспомнить. По привычкѣ бездумно перекрестится — такъ ее учили.

Эта смерть матроса была первая смерть, которую Вѣра увидала на порогѣ своей дѣвичьей жизни и она ее по-

разила, пронзила такую страшную несправедливостью, что Вѣра потеряла все то настроеніе умиленности, что жило въ ней эти дни.

— Идемъ-же Вѣра, — настаивала графиня Лилия, а сама тряслась всѣмъ тѣломъ и не двигалась съ мѣста.

Лазаретный фургонъ рысью ѣхалъ по аллеѣ. Матросы несли убившагося, и между ихъ спинъ Вѣра увидѣла бѣлое страшное лицо.

Знакомый офицеръ, мичманъ Сухановъ, подошелъ къ Вѣрѣ и графинѣ Лилѣ.

— Николай Евгеньевичъ, -- спросила графиня Лилия, -- неужели?... Совсѣмъ?

— Да... Убился... Судьба... Кисметь. Доля такая...

— Убился?... Что-же это? -- сказала Вѣра.

— Сорвался... Это бываетъ... Молодой...

— Бываетъ... -- съ негодованіемъ говорила Вѣра, сама не помня себя. — На потѣху публикѣ... Иллюминацію готовили!.. Потѣшные огни! У него-же мать!.. Отецъ!..

— Это уже насъ не касается, — сухо сказалъ офицеръ. — Несчастный случай.

— Вѣра!... Вѣра, -- говорила графиня Лилия. — Что съ тобой? Подумай, что ты говоришь!

Вѣра шла, опустивъ голову. Та свѣча, что донесла она отъ Казанской была загашена этимъ глухимъ стукомъ живого человѣческаго тѣла о землю. Ея душа погрузилась въ кромѣшный мракъ и голько выдержка воспитанія заставляла Вѣру идти съ графиней и Сухановымъ къ дому. Она тряслась внутренней дрожью и все ей было теперь противно въ томъ прекрасномъ мірѣ, который ее окружалъ.

III.

Вѣра не хотѣла выходить на смотръ экипажей и выѣздовъ и къ завтраку, хотѣла отговориться нездоровьемъ. Генераль второй разъ присылалъ за нею.

Въ комнатѣ Вѣры графиня, стоя передъ зеркаломъ, пудрила носъ.

— Боже!.. Какъ загорѣла! — говорила она. — И носъ совсѣмъ красный. И блестить!.. какая гадость!.. Тебѣ хорошо, въ твои восемнадцать лѣтъ и загаръ — красота, а мнѣ нельзя такъ загорать... И полнѣю тутъ. Прогулки не помогаютъ...

Блестящіе черные глаза графини Лили были озабочены. Она подвила спереди челку волосъ, поправила шиньонъ. Вѣра смотрѣла на нее съ ужасомъ. «Какъ можетъ она послѣ того, какъ тутъ убился матросъ, думать о своей красотѣ!..»

Графиня Лилиа заглянула въ окно.

— Вѣра, — сказала она. — Тебѣ пора садиться въ брэкъ. Генераль уже забрался на него. Когда тебѣ перевалило за тридцать, милая Вѣра, нужно обо всемъ подумать. Что то намъ покажетъ Порфирій?.. Я догадываюсь... Я думаю, что я даже отгадала... Идемъ, Вѣра!..

На дворѣ высокій худошавый генераль въ длинномъ сюртукѣ съ золотымъ аксельбантомъ, въ фуражкѣ сидѣлъ на козлахъ высокаго брэка. Рослые вороные кони не стояли на мѣстѣ. Державшій ихъ подъ уздцы грумъ побѣждалъ помочь Вѣрѣ забраться на козлы. Двѣ бѣлыхъ собаки въ мелкихъ черныхъ пятнахъ, точно въ брызгахъ, два «кэрричъ-дога», привѣтливо замахали хвостами навстрѣчу Вѣрѣ.

— Фликъ!.. Флокъ!.. На мѣсто! — крикнулъ генераль — Вѣра, опаздываешь!

Собаки покорно побѣжали къ переднимъ колесамъ экипажа. Генераль ту же натянулъ возжи, и вороные кони, постепенно набирая ходъ, сдѣлали кругъ по усыпанному пескомъ двору и выѣхали за ворота на шоссе.

Гости генерала пестрой группой стояли на деревянномъ мостикѣ, перекинутомъ черезъ шоссе-канаву у входа въ садъ. Впереди всѣхъ — баронесса фонъ Тизенгорстъ, старый другъ генерала и большая лошадиница, у нея въ Лифляндской губерніи былъ свой конный заводъ; подлѣ нея молодой, въ темно-русыхъ бакенбардахъ, крѣпко сложенный, коренастый, красивый лейбъ - казачій ротмистръ Фроловъ, тоже коннозаводчикъ, французскій военный агентъ Гальяръ, бойко говорившій съ графиней Лилей,

тщательно картавившей съ настоящимъ парижскимъ шикомъ и пришедшій вмѣстѣ съ Вѣрой и графиней — Сухановъ ожидали выѣздовъ. Нѣсколько сзади стояли Карелинъ, чиновникъ иностранныхъ дѣлъ въ форменномъ кителѣ и полковникъ генеральнаго штаба Гарновскій, пріятель сына генерала Порфирія.

— Русскія женщины удивительны, — говорилъ Гальяръ, — онѣ говорятъ по французски лучше чѣмъ француженки.

— Oh, mon colonel *), Вы мнѣ дѣлаете комплименты! Французскій языкъ родной для меня съ дѣтства.

— Я полагаю, графиня, — серьезно сказала баронесса фонъ Тизенгорстъ, — намъ лучше сложить зонтики, чтобы не напугать лошадей. Лошади генерала не въ счетъ, ихъ ничѣмъ не испугаешь, но Порфирія Афиногеновича и особенно Афанасія, Богъ ихъ знаетъ, что у нихъ за лошади.

— Скажите, баронесса, — обратился къ Тизенгорстъ Карелинъ и вскинулъ въ глазъ монокль, — это правда, что никто, и Афиногенъ Ильичъ въ томъ числѣ, не знаетъ, что готовятъ ему сынъ и внукъ?

— Совершеннѣйшій секретъ, милый Карелинъ, — сказала графиня Лиля по французски. — Никто того не знаетъ. Порфирій Афиногеновичъ готовилъ свой выѣздъ въ Красномъ селѣ, а Афанасій въ Царскомъ.

— Неужели никто не проболтался? — сказалъ Гарновскій

— Никто. Вѣдь и вамъ Порфирій Афиногеновичъ ничего не говорилъ и не показывалъ. И намъ предстоитъ рѣшить, чей выѣздъ будетъ лучше, стильнѣе и красивѣе.

— Во Франціи такіе конкурсы уже дѣлаются публично въ Парижѣ, — сказалъ Гальяръ.

— Но мы еще, милый Гальяръ, не во Франціи, — улыбаясь сказала графиня Лиля.

— Если выѣзды будутъ одинаковые — это возможно, — мягкимъ баскомъ сказалъ Фроловъ, — генеральскій выѣздъ мы всѣ знаемъ, но я никакъ не могу себѣ представить Порфирія въ нѣмецкомъ брэкѣ и съ куцо-остриженными хво-

*) Полковникъ!

стами у лошадей... Да вотъ и его высокопревосходительство.

Вороные кони просторною рысью промчались мимо судей по шоссе. Генераль сидѣлъ, какъ изваяние, прямой и стройный, рядомъ съ нимъ безъ улыбки на блѣдномъ, грустномъ лицѣ сидѣла Вѣра. Грумъ, сложивъ руки на груди помѣстился сзади, спиною къ нимъ. Керричъ-доги дружной парой бѣжали у передняго колеса и было удивительно смотреть, какъ собаки поспѣвали за широкою машистою рысью высокихъ, рослыхъ коней.

— Прекрасны, — сказалъ Фроловъ.

Генераль свернулъ на боковую дорогу, объѣхалъ кругомъ, подкатилъ къ гостямъ и беззвучно остановилъ лошадей. Грумъ соскочилъ съ задняго мѣста и сталъ противъ лошадей у дышла. Собаки, разинувъ пасти и высунувъ розовые языки, улеглись подлѣ колеса.

— Картина, — сказалъ Фроловъ. — Что въ нихъ четыре вершка съ половиной будетъ?

— Полныхъ пять, Алексѣй Герасимовичъ, — съ козель отозвался генераль.

— Настоящіе, Ганноверскіе, — сказала баронесса фонъ Тизенгорстъ. — Эта порода вѣками выводилась. Какая чистота линий. Обѣ безъ отмѣтинъ. Я думаю такой пары нѣтъ и въ Придворномъ вѣдомствѣ.

— А, собаки, собаки, — умиленно сказалъ Гарновскій. — Просто удивительно, какъ онѣ свою роль знаютъ. Гдѣ вы такихъ достали, ваше высокопревосходительство?

— Подарокъ князя Бисмарка... Ну, бери, — крикнулъ генераль груму. — Уводи. Слѣзай, Вѣра. Сейчасъ Порфирій пожалуетъ удивлять насъ.

— Конечно, я угадала, — сказала графиня Лилия. Она подалась впередъ, опираясь на зонтикъ и прислушиваясь. Она вдругъ помолодѣла и похорошѣла. Румянецъ заигралъ на ея полныхъ щекахъ. Глаза заблестали, маленькій, красиваго рисунка ротъ былъ пріоткрытъ, обнажая тронутые временемъ, но все еще прекрасные зубы.

— Музыка, — восторженно сказала она и приложила маленькую, пухлую руку къ уху.

Изъ за поворота шоссе все слышнѣе становился залистый звонъ колокольцевъ и бормотаніе бубенчиковъ.

Ближе, слышнѣе, веселѣе, ярче, залиivistѣе становилась игра троечнаго набора. И вотъ она вся, тройка буланыхъ лошадей, показалась на шоссе. Вихремъ неслась она мимо любопытныхъ прохожихъ, мимо дачъ. Она пронеслась, мелькнула, не пыля по нарочно политому водой шоссе мимо Афиногена Ильича и его гостей. Качался подъ расписной дугой широкій, ладный розово-золотистый жеребецъ, и колокольце на дугѣ мѣрно отзывивалъ тактъ его бѣга. Такія же розово - золотистыя пристяжки неслись въ растяжку. Ихъ черныя гривы взмахивались, какъ крылья, прямые хвосты были вытянуты. Стонали на ожерелкахъ и на сбруѣ бубенцы, заливаясь неумолкаемою пѣснью. Спицы колесъ слились въ одну полосу. Ямщикъ въ шапкѣ съ павлиньими перьями, въ малиновой рубахѣ и бархатной поддевкѣ молодечки гикнулъ, проносясь мимо. Порфирій всталъ во весь ростъ въ коляскѣ, въ накинутой небрежно на одно плечо «Николаевской» легкой шинели и отдалъ честь отцу — и все скрылось во мгновение ока, слетѣло съ политаго водою участка дороги и запыхало облакомъ прозрачной сѣрой пыли.

— Н-нда, птица тройка, — раздумчиво сказалъ Карелинъ, выбрасывая изъ глазъ монокль. — Чисто Гоголевская тройка.

Облетѣвъ кварталъ, тройка приближалась снова. Она шла теперь воздушною рысью. Усмиранные бубенцы бормотали и чуть позванивалъ серебрянымъ звономъ колокольчикъ на дугѣ.

— Ту-тпру-у!.. Ту-тпру-у!.., — остановилъ лошадей ямщикъ.

Еще и еще разъ прозвенѣлъ мелодично колокольчикъ: — коренникъ переступилъ съ ноги на ногу. Бубенчики на мгновение залились: — пристяжная, отфыркиваясь, встряхнулась всѣмъ тѣломъ.

Порфирій, сбросивъ шинель на сидѣнье, выпрыгнулъ изъ коляски и счастливый и торжествующій быстрыми шагами подошелъ къ отцу.

— Ну, какъ, папа?

— Что-же... Ничего не могу сказать... Очень хороша... Оч-чень... Я, чаю, такой тройки и у царя нѣтъ.

— У Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго есть еще и получше. Вся сѣрая... Стальная... Кр-расота!.. Да не прочна. Побѣлѣютъ съ годами сѣрые кони — разравняется тройка.

Фроловъ подошелъ къ лошадямъ и гладилъ пристяжку по вспотѣвшимъ щекамъ. Бѣлая пѣна проступила вдоль чернаго тонкаго ремня уздечки.

— Наши!.. Задонскія!... — сказалъ онъ.

— Да. Мой управляющій, бывшій вахмистръ всѣ ваши степи объѣздилъ. Настоящіе калмыцкіе «дербеты». А какъ легки на ходу!... Пухъ!...

— Рысакъ откуда взяли? — дѣловито басомъ спросила баронесса фонъ Тизенгорсть.

— Ознобишинскій. На прикидкѣ въ бѣгункахъ, мину-га сорокъ верста, — счастливо улыбаясь, сказалъ Порфирій.

— Священная у калмыковъ масть, — сказалъ Фроловъ. — Какъ они вамъ такихъ уступили?

— Митрофанъ Грековъ устроилъ. За Манычъ съ моимъ вахмистромъ ѣздилъ, всѣ ихъ зимовники обшарилъ.

— Рѣдкая масть... Изумительно подобраны. Коренники еще и въ яблокахъ.

— Ну, давай, Порфирій, много... Кажется и сыночекъ гвой жалуешь удивлять насъ, — сказалъ генераль и сердито нахмурился.

Рослая, нарядная, караковая англійская кобыла легко и вычурно — такъ была заѣзжена, — бросая ноги широко впередъ, везла рысью легкій двухъ колесный французскій тильбюри. Ею правилъ румяный молодой офицеръ, совѣтъ еще мальчикъ, въ маленькой мѣховой стрѣлковой шапкѣ и въ кафтанѣ Императорской фамиліи стрѣлковаго батальона. Рядомъ съ нимъ, подъ легкимъ бѣлымъ съ кружевомъ зонтикомъ сидѣла хорошенькая, весело смѣющаяся женщина. Изъ подъ соломенной шляпки съ голубыми цвѣтами выбились и трепались по вѣтру легкіе пушистые темно-каштановые волосы. Блузка съ буфами у плечъ, легкая въ фалболахъ юбка кремоваго цвѣта съ голубыми мелкими цвѣточками была, какъ на акварельной картинѣ времянь Им-

періи. Рядомъ съ женщиной умно и чинно сидѣлъ бѣлый стриженный по законамъ пуделиной моды пудель съ большимъ голубымъ бантомъ у ошейника.

— Боже мой, — воскликнула графиня Лиля, — Мимишка и ея бѣлый пудель!

Графиня выговорила «бѣлый пудель» по англійски и оно вышло — «бѣлы пудль».

— Нах-халь! — сердито сказалъ Афиногенъ Ильичъ и погрозилъ внуку пальцемъ.

Чуть покачиваясь прокатилъ мимо мостика тильбюри. Женщина смѣялась, сверкая зубами. Фликъ и Флокъ встали, насторожили черныя уши и жадно и напряженно смотрѣли на пуделя.

Тильбюри скрылось за поворѣтомъ и, когда показалось снова, ни Мимишки, ни ея бѣлаго пуделя въ немъ не было. Рядомъ съ молодцомъ-мальчикомъ офицеромъ сидѣлъ такой же молодецъ стрѣлокъ въ бѣлой рубахѣ. Точно и не было въ тильбюри никакой женщины, не было и пуделя. Только показалось такъ... Офицеръ легко выпрыгнулъ изъ экипажа, бросилъ возжи солдату и чинно направился къ генералу.

— Пор-р-ротъ надо за такіе фокусъ-покусы, — сказалъ Афиногенъ Ильичъ. — Нах-халь!.. Тутъ кузина дѣвушка... Тебя за такія продѣлки изъ батальона, какъ пить дать, вышвырнуть...

— Дѣдушка!.. Ваше Высокопревосходительство!.. Ничего не вышвырнуть. Высочайше одобрено. Вчера Великій Князь Владиміръ Александровичъ смотрѣлъ. Очень одобрилъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ Павловскѣ встрѣтилъ, подошелъ, смѣялся...

— А ты, Афанасій, какъ показывалъ то свой выѣздъ? въ полномъ парадѣ? — беря подъ руку офицера спросилъ Фроловъ.

— Ну, натурально. Съ пуделемъ и со всѣмъ, что къ нему полагается, — весело и громко, задорно поглядывая на Вѣру, сказалъ Афанасій.

Вѣра не обратила вниманія на взгляды Афанасія. Она стояла, далекая отъ всего того, что происходило вокругъ. Врядъ ли она и видѣла всѣ экипажи. Она вдругъ перестала

понимать всю эту праздную, бездѣльную, красивую жизнь. Полчаса тому назадъ здѣсь, совсѣмъ недалеко убился молодой, полный силъ матросъ и тамъ, въ деревнѣ!.. О!. Боже мой!.. Что будетъ въ деревнѣ, когда тамъ узнають о его смерти? Какъ страшень весь міръ, съ экипажами, лошадыми, бубенцами, странными женщинами и ихъ собачками!.. Гдѣ-же Богъ?.. Гдѣ справедливость и милосердіе? Гдѣ Божія Матерь, о Комъ такъ любовно и свято думала она всѣ эти дни? «Пресвятая Богородице спаси насъ».. Нѣтъ... не спасетъ Она!... Ея нѣтъ... Если Она есть, какъ можетъ Она быть съ этими людьми, все это допускать?...

IV.

— Что-же, — поднимаясь на стеклянный балконъ и проходя черезъ него за дамами въ столовую, говорилъ Карелинъ, — вы показали намъ сегодня, Афиногенъ Ильичъ, не премировку лучшихъ выѣздовъ, которые и премировать нельзя, такъ различны они и такъ каждый по своему хорошъ, а три политическія программы, три настроенія, три вѣянія нынѣшняго времени.

— Что вы, Акимъ Петровичъ. Увѣряю васъ объ этомъ и не дувано.

— Охотно вѣрю-сь. Да вышло то оно такъ.

Генералъ просилъ къ столу.

— Пожалуйте, баронесса рядомъ со мною. Вы — графиня къ сыну, Сухановъ съ Вѣрой рядомъ, Акимъ Петровичъ напротивъ баронессы...

— Это интересно то, что вы сказали, Акимъ Петровичъ, — сказала баронесса Тизенгорстъ, сядя по правую руку генерала. — Поразительно вѣрно. И дѣйствительно такъ... Три націи, три направленія нашей политики.

— Ваше высокопревосходительство, вы на праздникъ будете въ каскѣ? — спросилъ Фроловъ.

— Ну, натурально, Алексѣй Герасимовичъ. На иллюминацію и концертъ «при паролѣ» объявлена форма одежды — обыкновенная — каски безъ плюмажей.

— Совсѣмъ будете, какъ я видалъ на картинкахъ въ «Иллюстраціи», князь Бисмаркъ.

— Вотъ я и говорю, — продолжалъ Карелинъ, — нашъ генераль съ его брѣкомъ и Ганноверскими конями, съ его собаками — это прошлое — блаженной памяти Государь Николай Павловичъ, маневры Русскихъ и Прусскихъ войскъ подъ Калишемъ тридцать пятаго года. Совсѣмъ недавнее прошлое — когда мы дали маститому Императору Вильгельму возможность молніеносно разбить французовъ подъ Седаномъ и войти въ Парижъ — памятный семидесятый годъ... Мудрая вѣковая политика. Она слабѣетъ послѣднее время, и вашъ сынъ, Порфирій Афиногеновичъ, предвосхищаетъ близкое будущее — славянофильскую политику, обращеніе вспять отъ Европы — птицу-тройку со всею ея анархической лихостью... Да-съ, Порфирій Афиногеновичъ, — повернулся Карелинъ къ Порфирію, — ваша птица-тройка сама прелесть, но и анархія-съ!.. Русь — не Россія, но Русь!.. Подлинная Русь — и вы, пожалуй почти современны. Въ сферахъ идутъ колебанія... Такъ вотъ-съ.. Ну, а молодой человѣкъ, вы далеко пойдете-съ... Предвосхищаете-съ будущее-съ... Альянсъ съ Франціей... Самодержавную Русь подъ руку съ демократической республиканской Франціей.

— Да что вы, Акимъ Петровичъ, — запротестовалъ Фроловъ. — У насъ, батюшка, марсельеза запрещена. Попробуйте заиграть или запѣть — квартальный на цугундеръ потащить... Какой же альянсъ?..

— И тѣмъ не менѣе, Алексѣй Герасимовичъ, наша обожаемая Цесаревна, чернокудрая съ голубыми глазами, отразившими Датскія воды Сѣвернаго моря, принцесса Дагмара, имѣетъ всѣ причины ненавидѣть объединенную Германію и тяготѣть къ иному Государству. А — *ce que la femme veut — Dieu le veut.* *)

— Но Государь еще не старъ, — нерѣшительно сказалъ Гарновскій. — Ему всего пошелъ пятьдесятъ восьмой годъ.

— Не старъ, но сдаетъ. — переходя на французскій языкъ возразилъ Карелинъ. — Онъ поддался общественно-

*) Что хочетъ женщина — Богъ того хочетъ.

му мнѣнію. Къ чему намъ этотъ славянскій вопросъ, раздуваемый такъ въ Москвѣ? Повѣрьте мнѣ — Катковы, Аксакковы, Хомяковы — не менѣе вредны Россіи, чѣмъ полоумные студенты, что идутъ просвѣщать народъ въ деревни. Въ нашемъ дворянствѣ и въ офицерскихъ кругахъ сердце превалируетъ надъ разумомъ. Идутъ къ Черняеву сражаться за сербовъ, забывая, что они Русскіе офицеры и ихъ долгъ думать о Россіи, а не о Сербіи.

— Не слушается старика князя Бисмарка, — буркнулъ себѣ подъ носъ старый Разгильдяевъ.

— Позвольте возразить вамъ, — сказалъ Порфирій. Онъ покраснѣлъ и былъ возбужденъ. Успѣхъ его тройки, а онъ ощущалъ его безъ словъ, выпитое вино кружили ему голову. Ему было жарко. Мелкія капли блистали на его высокомъ переходящемъ въ лысину лбу.

— Пожалуйста. *Du choc des opinions jaillit la vérité.**) — сказалъ Карелинъ, выбросилъ монокль изъ глаза и занялся форелью, положенной ему лакеемъ на тарелку.

— Мой товарищъ по Пажескому корпусу Николай Кирѣевъ, мой камеръ-пажъ — Дохтуровъ, лейбъ-гусаръ Раевскій, гродненскій гусаръ Андреевъ ѣдутъ къ Черняеву въ Сербію. Такіе люди!.. И, конечно, съ Высочайшаго разрѣшенія.

— Я о томъ и говорю-съ...

— Да вѣдь это — подвигъ, Акимъ Петровичъ, самый настоящій подвигъ. И я самъ сейчасъ все бросилъ-бы и поѣхалъ туда, гдѣ бьются братья славяне, если-бы не былъ увѣренъ, что и безъ того попаду на войну за освобожденіе славянъ.

— Экъ куда хватилъ! — сказалъ сердито Афиногенъ Ильичъ. — Да неужели ты думаешь, что мы будемъ драться за какихъ то братушекъ? Этого только не доставало!..

— Иначе и быть, папа, не можетъ. Если Государь Императоръ разрѣшилъ этимъ доблестнѣйшимъ офицерамъ ѣхать къ Черняеву — значитъ — Сербская война и Сербская побѣда угодны Его Величеству... Государь за славянъ... Въ «Новомъ Времени» статья о неудачахъ и бѣд-

*) Изъ столкновенія мнѣній выясняется истина.

ствіяхъ сербскихъ дружинъ заканчивается: ...«нѣтъ, не выдадимъ мы н а ш е г о Черняева»... Этимъ не вы да д и м ъ дышетъ вся Россія — отъ послѣдняго мужика до насъ, офицеровъ корпуса колонновожатыхъ, до самого Государя!..

— Н-да-а, — протянулъ Карелинъ. — Птица-тройка, сорвется, понесетъ сама не знаетъ куда. Въ гору, подъ уклонъ-ли, ей все равно. Хоть въ пропасть.

— Нѣтъ... Будетъ война!.. — съ убѣжденіемъ сказалъ Порфирій и залпомъ осушилъ большую рюмку легкаго бѣлаго вина.

— Какая война? — недовольно сказалъ Афиногенъ Ильичъ, — брось молоть ерунду. Никто, ни о какой войнѣ не думаетъ. Сербамъ прикажутъ сидѣть смирно, а Черняеву вернуться назадъ.

— *Comment, mon colonel, vous voulez avoir la guerre?* — сказалъ Гальяръ.

— *Mais certainement. C'est notre devoir.*

— *Vos troupes sont excellentes, mais votre administration et surtout vos trains laissent beaucoup à désirer. *)*

— Смѣю увѣрить, *mon colonel*, опытъ 1855-го года не прошелъ для насъ безплодно. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности — армія переродилась. Вы не узнаете нашей реформированной и теперь еще перевооружающейся прекрасными скорострѣльными Берданками арміи.

— Ну, ну, — сказалъ Карелинъ, — достойный похвалы патріотизмъ. Не забудьте, милый мой, что за Турціей стоитъ Англія и, возможно, что и Австрія... Перевооруженіе, о которомъ вы говорите еще и не коснулось арміи, а только гвардіи, кавалеріи и стрѣлковыхъ частей. Обуховскія и Пермскія клиновыя пушки хуже англійскихъ и нѣмецкихъ...

— Люблю, когда штатскіе говорятъ о военныхъ дѣлахъ!

*) — Какъ, полковникъ, вы хотите воевать?..

— Но, само собою разумѣется. Это нашъ долгъ.

— Ваши войска великолѣпны, но управленіе ими и особенно снабженіе оставляютъ желать многого.

— Намъ, дипломатамъ, дано и нужно знать военное дѣло. Вѣдь по Клаузевицу, его, вѣроятно, вы знаете — война есть продолженіе политики. Позвольте намъ прежде чѣмъ допустить начало войны все взвѣсить. Сколько разъ мы воевали съ Турціей. Зачѣмъ?.. Форсировать теперь Дунай не-воз-можно. Тамъ, гдѣ онъ узокъ — Никополь и Русшукъ, первоклассныя крѣпости, запираютъ его и при современной артиллеріи, какъ вы ими овладѣете?.. Тамъ, гдѣ крѣпостей нѣтъ, Дунай такъ широкъ, глубокъ и быстръ, что представляетъ изъ себя непреодолимую преграду. Это признали и нѣмецкіе авторитеты.

— Можетъ быть, нарочно, — сказалъ Фроловъ.

— Нѣтъ, Алексѣй Герасимовичъ, — совсѣмъ не нарочно, а изъ расположенія къ нашему благородному Государю Императору. Откуда, Порфирій Афиногеновичъ, вы подойдете, наконецъ, къ Дунаю, который не лежитъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи?

— Подумаешь!.. Сколько трудностей, сколько трудностей, — вздыхая сказала графиня Лиля.

— Да, хотя-бы черезъ ту-же Сербію, — быстро сказалъ Порфирій.

— Никогда Австрія этого не позволитъ. Для нея это — *casus belli* *). А дальше Балканскія горы...

— Да! Балканы, — сказалъ Афиногенъ Ильичъ, — въ бытность мою въ Берлинѣ говорилъ мнѣ князь Бисмаркъ, что нѣмецкое командованіе считаетъ, что переходъ черезъ Балканы для современныхъ армій съ ихъ снабженіемъ совершенно невозможенъ.

— Папа!.. Суворовъ перешелъ Альпы..

— Вздоръ мелешь, Порфирій. У насъ нѣтъ Суворова.

— Мы его ученики...

— Ну, хорошо!.. хорошо, — раздражаясь на Порфирія сказалъ Карелинъ. — Допустимъ, что все у васъ прекрасно вышло. Вы орлами перелетѣли Дунай и Балканы, вы у стѣнъ Константинополя... А дальше?..

— Какъ, что дальше?.. Мы вошли въ Константинополь. Вѣдь это завѣтная мечта Русскаго народа!

*) Поводъ начать войну.

— Русскій народъ, я думаю, и не слыхалъ никогда про Константинополь, — сказалъ Гальярь.

— Черное море — Русское море, — не слушая Гальяра, по русски продолжалъ Порфирій. — Славяне свободны. Славянскіе ручьи слились въ Русскомъ морѣ..

— Не забывайте, что поэтъ дальше сказалъ: — «оно-ль изсякнетъ»? — сказалъ Карелинъ и съ нескрываемою ироніей черезъ монокль посмотрѣлъ на Порфирія, — а что, ежели и правда изсякнетъ?

— Стойте, стойте, Порфирій Афиногеновичъ, — своимъ мужскимъ басомъ энергично вступила въ разговоръ баронесса фонъ Тизенгорстъ, — вотъ уже точно — «птица-тройка»... А Европейскій концертъ?.. *Comment regardera l'Europe?* *) — А Европейское равновѣсіе? Я жила эту зиму у моей кузины въ Англіи и я знаю, что — ни лордъ Биконсфильдъ, ни лордъ Салисбюри никогда не допустятъ, чтобы въ Константинополь, а потомъ въ Средиземномъ морѣ появились Русскіе корабли. И смѣю васъ увѣрить, милый Порфирій Афиногеновичъ, что какъ только Русскія войска подойдутъ къ Константинополю — Англійскій флотъ войдетъ въ Дарданеллы.

— Не испугаете, баронесса.

— Но, *mon colonel*, — сказалъ Карелинъ, — баронесса Софія Ѳедоровна совсѣмъ и не хочетъ васъ пугать. Я вамъ тоже долженъ сказать дискретно, что Императоръ Францъ Іосифъ, графъ Андраши и Каллаи, распоряжающіеся Австрійской политикой не могутъ допустить Русскаго вліянія на Балканахъ. Имъ Турція много удобнѣе, чѣмъ Россія. Чтобы освободить славянъ — нужно уничтожить Австрію. Добровольческое движеніе Австрію не пугаетъ — оно выгодно даже ей, ибо оно ослабляетъ и Турцію и Сербію. Но вмѣшательство Россіи? — это уже совсѣмъ другое дѣло... И притомъ — Румынія... А, нѣтъ! — Румынія теперь совсѣмъ не та, что была при матушкѣ Екатеринѣ, или Александрѣ I. Тамъ нѣтъ больше господарей, которыхъ легко было купить — тамъ теперь демократія, скупщина, и какой тамъ шовинизмъ!.. (*L'Europe nous regarde*..**)

*) — Какъ посмотреть Европа.

**) — На насъ смотреть Европа...

— Чорта съ два смотритъ Европа на Румынію, — пробурчалъ себѣ въ густые усы Фроловъ. — Нужны ей очень эти Руманешти.

— *La Roumanie — enfant chéri de l'Europe. L'Europe ne permettra pas toucher à la Roumanie* *), Князь Бларамбергъ и вице-Президентъ Сената Іонъ Гика открытые враги Россіи и члены могущественной турко-фильской партіи.

— Подумаешь!.. Какъ все это сложно!.. Какъ трудно!.. Бѣдный государь, — съ тяжелымъ вздохомъ сказала графиня Лиля и положила на блюдечко вторую порцію малины со сливками. — Удивительная у васъ малина, Афиногенъ Ильичъ!..

— А Братіано?...

— *Que c'est que c'est* Братіано? Бларамбергъ сказалъ про него: — *«il a commencé sa carrière avec Orsini et il la termine avec un cosaque»*. **).

— И отлично!.. Фроловъ, мотай на усы!.. Братіано — большой патриотъ. Вы навѣрно знаете, какъ онъ отвѣтилъ на это : — *«si je savais qu'une alliance avec le diable, non seulement avec un cosaque, ferait du bien à ma patrie, je le signerais»* ***).

— *Un gaillard!* ****)

— Какъ трудно!.. Подумаешь, — шептала графиня Лиля, — приканчивая малину. Она одна еще ѣла, всѣ уже кончили и ожидали ее. — Англія, Австрія, Румынія и все враги Россіи и славянъ... А тамъ Биконсфильдъ, Андраши, Бларамбергъ и тоже злѣйшіе враги Россіи. Бѣдный Государь.

Встали изъ за стола и перешли на просторный балконъ, гдѣ былъ приготовленъ кофе. Афиногенъ Ильичъ обратился къ баронессѣ:

*) Румынія — любимое дѣтище Европы. Европа не позволитъ трогать Румынію.

**) — Что такое Братіано? Онъ началъ карьеру съ Орсини и кончаетъ ее съ казакомъ.

***) — Если-бы я зналъ, что союзъ съ самимъ чортомъ, не только съ казакомъ, принесетъ пользу Родинѣ, я и такой союзъ подписалъ-бы.

****) — Шутникъ.

— Вы позволите курить?

Мальчикъ грумъ подалъ генералу трубку съ длиннымъ чубукомъ и, ставъ на колѣни, помогаль ее раскурить.

V.

— Николай Евгеніевичъ, какъ вы на все это смотрите?
— спросила Суханова Вѣра.

Они стояли вдвоемъ въ сторонѣ отъ гостей у стеклянной двери балкона. Тремя маршами внизъ спускалась широкая деревянная лѣстница. Вдоль нея пышно разрослись въ большихъ горшкахъ розовыя гортензіи. Передъ балкономъ въ круглой клумбѣ цвѣли табаки, левкои, резеда и душистый горошекъ. Пригрѣтые полуденнымъ солнцемъ цвѣты дышали прянымъ ароматомъ. Шмели съ тихимъ жужжаніемъ носились надъ клумбой. Покоемъ и лѣнью вѣяло отъ ярко освѣщеннаго солнцемъ сада.

— Мнѣ тошно на душѣ, Николай Евгеніевичъ. Неужели и война еще возможна? Вотъ тамъ на нашихъ глазахъ матросъ убится — одна смерть — и не могу успокоиться, не могу осознать себя... Не могу понять, какъ послѣ этого можетъ быть это богатство, красота, лошади, собаки, сытая ѣда, довольный смѣхъ и праздные разговоры... да еще о войнѣ... Вѣдь на войнѣ массами будутъ убивать вотъ такихъ же матросовъ и солдатъ?

— Да, Вѣра Николаевна.

— Я не могу постигнуть всего этого!.. Скажите?.. Мнѣ говорили, что вы въ Морскомъ училищѣ участвовали въ какомъ то кружкѣ самообразования.

— Да, — улыбаясь блѣдной улыбкой, сказалъ Сухановъ, — это вѣрно. Намъ прозвали «китоловами». Мы мечтали заняться китобойнымъ промысломъ, чтобы добыть средства на дѣло революціи. Юношескія то были мечты, навѣяныя, конечно, чтеніемъ Майнъ Рида, Жюль-Верна, Вальтеръ Скотта и исторіей великой французской революціи.

— Почему — революціи?

— Безъ революціи— вотъ все такъ и будетъ, Вѣра Николаевна, — войны, засиліе богатыхъ и знатныхъ. И мальчикъ грумъ, стоящій на колѣняхъ передъ генераломъ...

— Онъ помогаетъ раскурить трубку. Я и сама стала-бы для этого на колѣни.

— Вы — другое дѣло... Вы — родственница. Вы по любви стали-бы, а не по обязанности. Вѣдь это, какъ было при крѣпостномъ правѣ такъ и теперь осталось.

— Ну, развѣ?..

— Нѣтъ, хуже чѣмъ было тогда. Крѣпостной зналъ, что онъ — рабъ, а этотъ думаетъ, что онъ свободенъ... А какая же свобода?.. То же «ты», и тотъ же рабій страхъ. Тогда только боялись плетей на конюшнѣ, а теперь боятся что прогонять съ мѣста — голода боятся...

— Да, пожалуй... А какъ вы думаете?.. война за освобожденіе... Вѣдь это хорошо?.. Какъ вы смотрите на Черняева и на тѣхъ, кто идетъ къ нему?..

— Я знаю, что въ революціонныхъ кружкахъ обсуждали этотъ вопросъ.

— И что-же?..

— Въ Одессѣ образовались даже нелегальные комитеты помощи добровольцамъ, но, когда казенный патріотизмъ сталъ проявлять себя, когда объ этомъ заговорили въ «Новомъ Времени» и стали писать Катковы — они загасили искреннее душевное сочувствіе сербамъ... Тамъ сказали — зачѣмъ ѣхать на Балканы и сражаться за свободу славянъ, когда милліоны Русскихъ крестьянъ продолжаютъ находиться въ рабскомъ угнетеніи?

— Значить?..

— Надо бороться не съ турками за свободу славянъ, а съ Царскимъ правительствомъ за свободу крестьянъ. И, если будетъ война, ее надо использовать. И Англія и Австрія въ этомъ случаѣ не враги наши, но союзники, — понижая голосъ до шопота сказалъ Сухановъ.

— Вѣчная борьба -- вѣчное убійство!

— Какъ у Дарвина въ его «Struggle of life» *). Вы читали?

*) Борьба за существованіе.

— Нѣтъ...

За стеклянною дверью въ саду было тихо. На балконѣ жарко разгорался споръ. Дверь отворилась и подлѣ Вѣры появился ея троюродный кузень Афанасій. Его румяное загорѣлое лицо было краснѣе чѣмъ обыкновенно. Онъ былъ сильно навеселѣ.

— Иди, Вѣра, выручай. Папаня мой сейчасъ въ драку полѣзеть съ этимъ штатскимъ дип-пломат-томъ, чортъ его дери совсѣмъ!..

Вѣра отвернулась отъ Афанасія.

— Что, флотъ?.. Хорошъ мой выѣздъ?.. А?.. Лучше не выдумаешь?.. На завтрашнемъ праздникѣ, а?.. Лучшій выѣздъ?.. Какъ это поэтъ сказалъ?.. Нашъ поэтъ, Царскосельскій.. Гусарь!.. Онъ это понималъ по нашему.

— Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармовъ черные сѣлганы,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики золотыя,
Купчихъ парчевыя платки,
Кинжалы, сабли, алебарды..
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ
И сверху ярко освѣщалось
Огнями скляннокъ росписныхъ!..

— Навѣсили склянки, флотъ?..

— Навѣсили, Афанасій Порфирьевичъ... Только вотъ, что: вы прошлись бы, прогулялись...

— Вы полл-агаете, милостивый государь, я пьянъ?.. Н-н-нѣтъ... До этого — еще не дошло-съ!... Но можетъ дойти и до этого!..

Афанасій посмотрѣлъ на Суханова тяжелымъ пьянымъ взглядомъ и сказалъ быстрымъ шопотомъ:

— Я люблю Вѣру!.. И никому ее не отдамъ!.. Никому!! Кромѣ смерти!.. Слышите!?

Сухановъ пожалъ плечами. Афанасій нахмурился, сбѣжалъ въ садъ и скрылся въ кустахъ сирени и желтой акаціи.

На балконѣ становилось жарко. И не только отъ яркаго іюльскаго солнца, отъ сытнаго завтрака, вина, кофе, ликеровъ и коньяковъ, соблазнительно игравшихъ, какъ самоцвѣтные камни въ хрустальныхъ графинахъ на подвижномъ столикѣ, но, главнымъ образомъ, отъ остро разгорѣвшагося спора между Порфириемъ и Карелинымъ.

Гости размѣстились группами по соломеннымъ кресламъ, стоявшимъ между тропическими растеніями въ горшкахъ и кадкахъ. Генераль протянулъ ноги въ узкихъ чакчирахъ со штрипками и медленно курилъ черезъ длинный черешневый мундштукъ трубку, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ словесному бою сына съ Карелинымъ. Фликъ и Флокъ покорно лежали на волчьей шкурѣ у ногъ генерала. Рядомъ въ плетеномъ соломенномъ креслѣ сидѣла баронесса, курившая тонкую «дамскую» папироску. Она прищуренными глазами смотрѣла на Порфирія. Графиня Лиля сѣла въ углу подъ большою пальмой напротивъ Порфирія и уже не скрывала влюбленности и обожанія въ своемъ взглядѣ. Фроловъ въ длинномъ темно-синемъ чекменѣ похаживалъ сзади Порфирія и, куря папиросу, вставлялъ временами слова въ споръ.

— Масонство... масонство, — кричалъ Порфирій, — вотъ, что губить Россію черезъ ваше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.

— Весьма странныхъ дѣлъ, — баскомъ вставилъ Фроловъ, подошелъ къ столику и налилъ себѣ большую рюмку коньяка.

— Ар-ром-мать.... — сказалъ онъ, прикрывая глаза и нюхая коньякъ. — Благородный напитокъ!

— Причемъ тутъ масонство, — пожимая плечами, сказалъ Карелинъ, вставилъ монокль въ глазъ и посмотрѣлъ на Порфирія строгимъ взглядомъ. — Масоны не только у насъ... Они во всѣхъ верхнихъ слояхъ Европейскаго культурнаго общества...

— Потому то это Европейское культурное общество и покровительствуетъ турецкимъ звѣрствамъ и угнетенію славянъ, потому то оно и прогнило насквозь. Масонство это тотъ же интернаціональ. Международное братство, пре-

слѣдующее свои темныя, міровыя цѣли, но не цѣли государственныя. Когда этого не было — была Россія. Россія прежде всего... А нынче?.. Нѣтъ это еще и раньше началось. Съ Императора Александра I, да вотъ съ этихъ Несельроде, со времени конгрессовъ съ ихъ Меттернихами началось это кисельное поддаваніе иностранной указкѣ.

— Свели на нѣтъ успѣхи и побѣды четырнадцатаго года; послѣ доблести Севастополя — устроили Парижскій миръ, — пробасилъ Фроловъ.

— Народамъ нужно жить въ мирѣ и для этого необходимъ какой то сговоръ, — сказалъ по французски Гальярь.

— Вотъ ваши масоны и сговариваются за счетъ Россіи.

— Да ничего подобнаго. Все ваше воображеніе, — сказалъ Карелинъ.

— Нѣтъ-съ, раньше было не такъ-съ!.. Не такъ это было раньше. Петръ Великій, учреждая въ 1720-мъ году иностранную коллегію писалъ: — «къ дѣламъ иностраннымъ служителей коллегіи имѣть вѣрныхъ и добрыхъ, чтобы не было д и р я в о и въ этомъ крѣпко смотрѣть»... Навѣрно знаете?.. Золотыми буквами надо это у васъ на Пѣвческомъ мосту выбить.

— Ну, ну, — сказалъ Афиногенъ Ильичъ.

— А пошли — масоны и стало — д и р я в о ! . .

— А при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, да при Матушкѣ Екатеринѣ — не нами Европа командовала, а мы предписывали Европѣ и что хотѣли, то и дѣлали, — сказалъ Фроловъ.

— Птица-тройка, — сказала, снисходительно улыбаясь, баронесса фонъ Тизенгорстъ.

— Вѣрно, казакъ!.. Тогда Англійскій посолъ жаловался своему Правительству, что Русскіе мало опасаются другихъ державъ, — сказалъ Порфирій, — ну, а напустили масоновъ и пошло все шиворотъ на выворотъ.

— Ну, ну!.. Каково, Акимъ Петровичъ!.. Наступленіе по всему фронту.

— Тогда были у насъ Суворовъ, Потемкинъ и Бецкій, — сказалъ Гарновскій.

— А потомъ, извините, Акимъ Петровичъ, пошелъ чи-

новникъ... Да это еще полъ бѣды, а то пошелъ масонскій интернаціональ и Россійскія дѣла рѣшаться стали въ лѣжахъ.

— Все это бездоказательно.

— Какъ, батюшка, бездоказательно?.. — сказалъ, оставиваясь противъ Карелина, Фроловъ. — Порфирій дѣло говорить. Вотъ вы сейчасъ по славянскому вопросу говорили — кого называли?.. Биконсфильдъ, лордъ Салисбюри, Андраши, Каллаи, Бларамбергъ, Іонъ-Гика.. Кто они? — масоны!.. Позвольте, батюшка, за Государемъ Императоромъ сто пятьдесятъ милліоновъ его вѣрно-подданныхъ, такъ уже позвольте ему самому рѣшать славянскія судьбы такъ, какъ это ему будетъ благоугодно-сь!.. Не слушаясь ни англійской, ни австрійской, ни румынской указки. Побѣдимъ и тогда возьмемъ себѣ, что найдемъ нужнымъ.

— Раньше надо побѣдить, — сказалъ Гальяръ.

Фроловъ посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, въ которомъ графиня Лиля ясно прочитала: — «ты то чего говоришь — «лягушатникъ?..»

— Да мы-то побѣдимъ, — сказалъ Порфирій, — а вотъ, что вы потомъ за зелеными столами конференцій, или не дай Богъ конгресса — скажете. Вотъ, что страшно.

— Повѣрьте, милый Порфирій Афиногеновичъ, сидѣть за зеленымъ столомъ конференціи — не въ штывы ходить и не ура кричать. Потруднѣе будетъ!

— А вы въ штывы ходили?.. Пробовали?.., — запальчиво крикнулъ Порфирій и вышелъ съ балкона въ садъ.

— Ну... ну, — сказалъ Афиногенъ Ильичъ. — Не пора-ли, господа, для успокоенія страстей заѣсть за зеленый столъ съ картами и перейти къ мирному сраженію? Вы какъ, Акимъ Петровичъ?.. Баронесса — три роббера?..

— Охотно, генераль... Занесла тройка вашего сына.. А хорошо!.. люблю такіе споры!..

— Такъ идемте, господа!.. За дѣло!..

VI.

До 1876-го года на Императора Александра II было два покушенія. Одно слѣдовало за другимъ на протяженіи всего одного года. Одно было понятно Государю: — мсть патріота поляка за 1863-й годъ. — Въ Парижѣ, куда Государь ѣздилъ на всемірную выставку 1867-го года, при возвращеніи со смотра, когда коляска медленно ѣхала черезъ народныя толпы, непривычно шумныя, гдѣ сквозь восторженные крики: «Vive la Russie!.. Vive le Tzar!» *) иногда вдругъ раздавались рѣзкіе, оскорбительные свистки и крики: «Vive la Pologne!» **), полякъ Березовскій внезапно выбѣжалъ изъ толпы и, вскочивъ на подножку коляски Государя, стрѣлялъ въ Императора... Промалхнулъ...

Это было печально и тяжело. Но Государь понималъ: — Польша не могла любить Россію.. Среди поляковъ могли быть мстители. То, что это произошло во Франціи, гдѣ хозяева не уберегли гостя — оставило мучительное, ѣдкое воспоминаніе.

Выиграла Пруссія. Въ начавшейся три года спустя Франко-Прусской войнѣ Россія держала нейтралитетъ. Пруссія могла бросить всѣ свои силы на Францію. Плохую услугу оказалъ Березовскій, пріютившей его странѣ..

За годъ до этого, 4-го апрѣля 1866-го года, когда Государь возвращался съ прогулки въ Лѣтнемъ саду, у самыхъ воротъ, идущихъ къ Невѣ къ нему быстро подошелъ высокій человекъ въ черномъ сюртукѣ и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ Государя. Другой прохожій бросился на него и ударомъ кулака отвелъ выстрѣлъ. Государь не былъ затронутъ.

Стрѣлявшій оказался крестьяниномъ Каракозовымъ Спасъ Государя Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ — тоже крестьянинъ, шляпочный мастеръ. Государь пожаловалъ Комиссарова въ дворянское достоинство.

Тогда Государь спокойно вернулся домой въ Зимній дворецъ, оттуда поѣхалъ въ Казанскій соборъ, служить мо-

*) Да здравствуетъ Россія!.. Да здравствуетъ Царь!..

**) Да здравствуетъ Польша.

лебенъ. По всему пути стояли народныя толпы. Громовое ура не смолкало. Въ Зимнемъ дворцѣ въ Бѣломъ Георгіевскомъ залѣ были собраны всѣ офицеры гвардіи. Когда, по возвращеніи изъ собора Государь вышелъ къ нимъ — его встрѣтили съ неописуемымъ восторгомъ.

Это покушеніе озадачило Государя. Такъ недавно Государь своею волею, встрѣчая не малое сопротивленіе и при большой работѣ освободилъ крестьянъ. Одинъ изъ освобожденныхъ покушеніемъ на убійство отвѣтилъ Государю на его труды и заботы.

Это было гадко и мерзко. Но вся Россія взволнована привѣтствовала Государя и ликовала по поводу чудеснаго его спасенія. Студенты въ Москвѣ служили благодарственный молебенъ у Иверской иконы. 150 милліоновъ народа было за Государя — одинъ человекъ противъ. Никого за Каракозовымъ не стояло. Онъ былъ цареубійца-одиночка.

Послѣ этого не было покушеній на жизнь Государя. Полиція доносила о существованіи подпольныхъ кружковъ, находила «прокламаціи» — все это было мелко и ничтожно, руководилось изъ заграницы и по сравненію съ тѣмъ огромнымъ дѣломъ, которое дѣлалъ Государь было такъ мало примѣтно, что Государь не думалъ объ опасности своего Престола.

Государь открыто, безъ конвоя и охраны ѣздилъ по городу, гулялъ въ Лѣтнемъ саду, появлялся среди народа. Воспитанный своимъ отцомъ, Николаемъ I, въ сознаніи святости Государева долга и презрѣніи къ опасности, — считая себя безсмѣннымъ часовымъ на Россійскомъ посту, Государь просто смотрѣлъ въ лицо смерти.

Онъ зналъ, что нужно, чтобы народъ видѣлъ его, чтобы армія знала его и пріятно, радостно или тяжело это было, Государь объ этомъ никогда не думалъ — онъ ѣздилъ на смотръ, на парады, народныя гулянья, маневры, совершалъ долгія поѣздки по другимъ округамъ Россіи, отстаивалъ длинныя церковныя службы, принималъ министровъ, бывалъ въ театрѣ не потому, что та или другая пьеса нравилась ему, но потому, что это было и у ж н о.

Все это наружно, для другихъ казавшееся просто пріятнымъ развлеченіемъ, въ концѣ концовъ было очень утоми-

тельно, и нуженъ былъ отдыхъ отъ напряженной Императорской дворцовой и смотровой атмосферы. Отдыхъ отъ отвѣтственности за каждое сказанное слово.

Въ семьѣ не было отдыха. Тамъ была не жена — но Государыня Императрица, не дѣти, но Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья. Тамъ былъ тотъ-же строгій этикетъ Императорской Фамиліи.

Съ годами потянуло Государя къ спокойному, не дворцовому, а домашнему очагу. Этотъ очагъ ему создала въ 1868-мъ году молодая дѣвушка княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Государю было пятьдесятъ лѣтъ — Долгорукой — семнадцать, когда они сошлись. Дѣвушка «съ гавельными глазами» стѣмѣла простотою обращенія, иногда доходившей до грубости плѣнить Государя, и онъ полюбить ее крѣпкою, послѣднею любовью.

Таково было семейное внутреннее положеніе у Государя Александра II, когда ему пришлось рѣшать одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ его царствованія — вопросъ о войнѣ.

VII.

Точно, секунда въ секунду, какъ было назначено, Государь въ Кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ, въ каскѣ безъ плюмажа, съ Императрицей Маріей Александровной, чье теозоименитство праздновалось въ этотъ день, въ открытой коляскѣ въѣхалъ въ ворота Нижняго сада и поѣхалъ вдоль иллюминированныхъ аллей. Камеръ-казакъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ. За Государемъ на парѣ съ пристяжкой, стоя въ пролеткѣ, ѣхалъ Петергофскій полицеймейстеръ, за нимъ въ коляскѣ Наслѣдникъ съ супругою и далѣе Великіе Князья... Народное ура ихъ сопровождало, перекатываясь по аллеямъ парка.

Оно, сначала мало громкое, стало слышно у Монплезира, гдѣ собралась избранная публика, которую пускали по особымъ билетамъ. Ура быстро приближалось и становилось громче и дружнее. Разговоры среди народа, собравшагося слушать концертъ, прекратились. Музыканты въ красныхъ кафтанахъ встали за пюпитрами.

Ура приблизилось. Испуганныя, разбуженныя птицы метались въ древесныхъ вѣтвяхъ.

Вѣра, стоявшая съ графиней Лилей въ одномъ изъ первыхъ рядовъ скамеекъ передъ эстрадой, почувствовала, какъ вдругъ сжалось ея сердце. У нея потемнѣло въ глазахъ. Она не хотѣла идти на концертъ. Всѣ эти дни она боролась съ собою, принудила себя пойти съ графиней, надѣясь, что побѣдитъ себя. Сейчасъ поняла, что не сможетъ справиться съ собою. Все казалось ей фальшивымъ, скучнымъ, ненужнымъ.

Капельмейстеръ поднялъ палочку. Торжественное настроеніе охватило всѣхъ. Оно не передалось Вѣрѣ, напротивъ, еще болѣе смутило ее.

Скрипя колесами по гравію подѣхала коляска съ Государемъ. Государь поднялся съ сидѣнья, сошелъ на дорожку и подаль руку Императрицѣ.

Въ тотъ-же мигъ грянулъ народный гимнъ.

— Лиля, я не могу больше, — сказала Вѣра и пошла черезъ толпу сзади Великихъ Князей.

— Это невозможно, Вѣра.

— Я не могу.

Прекрасный, величественный, могучій и властный гимнъ лился съ эстрады.

— Царствуй на славу намъ!..

Конногвардейскій ротмистръ въ красивыхъ черныхъ бабенбарлахъ шикнулъ на графиню и Вѣру.

— Барышнѣ дурно. — прошептала по французски Лиля.

Ея лицо было покрыто красными пятнами. Ей было стыдно за Вѣру.

На большой дорогѣ у фонтана «Сахарная голова» стояла благоговѣйная тишина. Лошади множества колясокъ, одиночекъ, паръ и троекъ, точно сознавая величіе минуты, не шевелились. Кучера, ямщики и грумы сняли шапки и сидѣли неподвижно на козлахъ. Сквозь переплетъ темныхъ вѣтвей неслось:

— Царствуй на страхъ врагамъ!..

Вѣра и графиня Лиля выбрались изъ толпы. Къ нимъ подошелъ средняго роста человѣкъ въ нѣсколько странномъ, точно не по немъ сшитомъ костюмѣ. Длинный сюр-

тукъ, распахнутый на груди и свѣтло-сѣрые брюки въ коричневую клѣтку были отъ разныхъ костюмовъ. Широкий воротъ рубашки съ опущеннымъ внизъ шарфомъ открывалъ блѣдную тощую шею, откуда росла свѣтло-русая, не знавшая бритвы, мягкая, вьющаяся кольцами борода. Жидкіе усы свисали къ большому узкому рту. Рѣдкіе свѣтлые волосы были небрежно причесаны на проборъ. Въ немъ было все, какъ сейчасъ-же подумала графиня Лиля не «*somme il faut*» *) и не для такого мѣста. Не будь скандала съ Вѣрой, графиня Лиля не признала-бы его. Но теперь она обрадовалась ему.

— Князь, — въ полголоса окликнула она молодого человѣка, — какъ и вы тутъ?..

— Какъ видите, Елизавета Николаевна.

— Вѣрѣ дурно... Помогите мнѣ.

— Но, Лиля, мнѣ совсѣмъ не дурно... Просто мнѣ все здѣсь стало вдругъ до тошноты противно.

Князь Болотневъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвушку.

Сзади неслось ура. Требовали повторенія гимна.

— Гимнъ!.. Гимнъ!.. — неслись голоса сквозь крики ура.

Снова грянулъ гимнъ..

Графиня Лиля, Вѣра и князь Болотневъ вышли на узкую песчаную дорожку, шедшую отъ Монплезира вдоль берега залива. Справа плескало спокойное море. Валъ за валомъ невысокая волна набѣгала на берегъ и съ шипѣніемъ разливалась по песку. Камыши тихо шептали. Слѣва стояли густые кусты. Сладкій запахъ цвѣтущаго жасмина сливался съ запахомъ моря и кружилъ голову. Никого не было на дорожкѣ. Весь народъ тѣснился тамъ, откуда доносились волнующіе, мощные, плавные звуки прекраснаго Русскаго гимна.

— Ну, тутъ, кажется, нѣтъ ни жандармовъ, ни «городовыхъ пальто» и можно накрыть голову, — сказалъ князь, надѣвая помятый большой цилиндръ, --- за такія

*) Такъ, какъ надо.

«круглая» шляпы при Павлѣ на гауптвахту сажали и въ Сибирь ссылали... А нынче — *liberté* *)...

— Князь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали?.. Какъ вы сюда попали?..

— Вы хотите спросить, Елизавета Николаевна, какъ меня сюда пропустили?.. Я все таки — князь... Я бывший — пажъ... И мнѣ такъ легко было черезъ моихъ товарищей получить нужный пропускной и притомъ «розовый» билетъ. Мы вѣдь ужасно, какъ довѣрчивы.. Да, впрочемъ и я человѣкъ безобидный. Зла я никому не желаю. А пріѣхаль почему?.. и самъ не знаю почему и для чего? Люди ѣдутъ и я поѣхаль. Должно быть, отъ скуки.

Теперь, по излишней словоохотливости князя, графиня Лиля съ ужасомъ замѣтила, что князь находится «подъ шофе», что легкій запахъ водки идетъ отъ него и ей стало жутко и противно.

— Князь, — сказала она брезгливо, — мнѣ говорили, что вы... пьете?..

— И курица пьетъ, Елизавета Николаевна... Вы думаете — Болотневъ опустился и пьетъ!.. Какой ужасъ!.. А, когда наша золотая молодежь напивается до положенія ризъ, когда блестящій отпрыскъ Разгильдяевского рода Афанасій лежитъ на полу и ловить за ноги проходящихъ — это «*il faut que la jeunesse se passe*» **)... Кровь играетъ... Я пью, чтобы ничего не дѣлать.

— Но почему вы ничего не дѣлаете?.. Почему не работаете, не служите?

— Не работаю?.. Елизавета Николаевна, а вы?.. Простите... Работаете?..

Отъ неожиданности и дерзости вопроса графиня Лиля остановилась. Она никогда не задавала себѣ такого вопроса. Она была такъ занята!.. Она даже не успѣвала сдѣлать всего, что нужно было. Сколько времени отнималъ у нея уходъ за увядающей красотой, прогулки, чтобы похудѣть, свѣтская переписка, она читала по нѣмецки и англійски вслухъ генералу Разгильдяеву, она давала ухаживать за со-

*) Свобода.

**) Нужно, чтобы молодость перебѣсилась.

бою Порфирию, «шаперонировала» Вѣру... А карточные вечера, зимою Таврической катокъ, абонементъ въ балетъ, опера, Михайловскій театръ, «выходы» во дворцѣ, вечера у баронессы фонъ Тизенгорстъ, гдѣ всѣ бывали... Какъ можно сказать, что она ничего не дѣлаетъ... Но сказать князю, чѣмъ именно наполнено ея время графиня Лиля не рѣшилась.

— Видите... — сказалъ князь Болотневъ. — Ну вотъ и я такъ-же, какъ и вы... Я не пошелъ «въ народъ», что теперь въ нѣкоторыхъ слояхъ общества такъ въ модѣ.

— Почему?.. — спросила Вѣра.

— Потому, Вѣра Николаевна, что по глубокому моему убѣжденію, научить какого нибудь мальчика грамотѣ хуже, чѣмъ научить его пить водку.

— И безъ науки отлично умѣютъ пить, — пожимая плечами, желчно сказала графиня Лиля.

— И хорошо дѣлаютъ... Кто пьетъ, тотъ правду разумѣетъ, для того жизнь копѣйка, тотъ спитъ въ жизни, а кто спитъ, тотъ не грѣшитъ, ибо не видитъ всей глупости и бессмысленности жизни.

— Всякой, князь?..

— Всякой, Вѣра Николаевна... Позвольте — вотъ скамейка... Въ ногахъ правды нѣтъ... Давайте сядемъ.

Вѣра охотно согласилась, пришлось сѣсть и графинѣ Лилѣ. Въ присутствіи этого человѣка — «пьянаго» — она теряла почву подъ ногами. Князя Болотнева она знала съ дѣтства. Князь принадлежалъ къ верхушкѣ Русской аристократіи. Гедиминовичъ по женской линіи, съ примѣсю татарской крови по мужской, онъ былъ бы вездѣ желаннымъ, если-бы не его странности, не его нигилизмъ... Отецъ выгналъ князя изъ дома за то, что его выпустили изъ Пажескаго корпуса въ штатскіе — и не по болѣзни, или физическому недостатку, съ этимъ старый князь еще помирился-бы, но изъ за «внутренней непригодности къ военной службѣ». То есть изъ за его убѣжденій. «Въ шестнадцать лѣтъ, какія могли быть убѣжденія у этого распущеннаго мальчишки». Графиня Лиля поджимала губы. «Вотъ что ужасно», — думала она. — «Измѣна дворянства... Эти отвратительные декабристы... Со временъ Чаадаева пошло!..

А теперь этот мерзкій князь Кралоткинъ, удравшій за границу и, говорятъ, тамъ, въ Парижѣ, въ семидесятомъ году сражавшійся вмѣстѣ съ коммунарами! Какіе гадкіе пошли люди въ «нашемъ» кругу. Тоже и графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Фетъ говорилъ, что Толстой сказалъ, когда узналъ о неудачѣ покушенія на Государя Каракозова: — для меня это былъ «соир de grâse» *)... Откуда въ людяхъ «нашего круга» эта звѣриная, дьявольская злоба?.. Толстой, когда ему сказали, какъ восторженно принималъ народъ Государя послѣ покушенія сказалъ: «сапоги въ смятку — жолуди говѣли»... Подумаешь!.. Умно сказалъ!.. Князя Болотнева отецъ прогналъ, а ему хоть бы что?.. Доволенъ. Точно гордится своимъ положеніемъ. Хвастаетъ... Подумаешь!.. Есть чѣмъ гордиться — отецъ прогналъ!.. Соня Перовская, милая, свѣтская, глупенькая барышня ушла изъ дома... Въ народъ пошла отъ отца съ матерью! Сколько горя доставила родителямъ!... Какой ужасный вѣкъ!..»

Графиня ежилась. Ночь была теплая, но графинѣ подъ шелковой мантилей, подбитой легкимъ мѣхомъ казалось холодно.

«Подумаешь!.. И все это идетъ подъ флагомъ любви къ ближнему, христіанскаго ученія, жертвенности, справедливости, самопожертвованія и иныхъ добродѣтелей, а на дѣлѣ приносятъ одно зло, ненависть и вражду»...

По темному небу играли звѣзды. Воды залива отражали ихъ. Море казалось чернымъ. Вдали на пристаняхъ — казенной и купеческой горѣли огни на судахъ. Лодки съ фонариками ходили подлѣ темныхъ плотовъ со столбами, точно съ висѣлицами. Тамъ шли окончательныя приготовленія къ фейерверку.

У ногъ графини Лили утихавшія, смиряющіяся морскія волны съ ласковымъ шопотомъ лизали нѣжный песокъ. Отъ наломанныхъ прошлогодними бурями черныхъ камышей пахло иломъ, водою и рыбой.

Прекрасенъ былъ міръ.

Углубившаяся въ свои мысли графиня Лиля прислушалась. Теперь говорила Вѣра. Она говорила этому «пьяному»

*) Смертельный ударъ.

съ такою искренностью, точно исповѣдывалась передъ нимъ.

— Какъ все то, что вы говорите ново, князь!.. Я всѣ эти дни сама не своя... Была... и такъ недавно, спокойна, такъ глубоко, глубоко, до дна души счастлива... и вотъ — оборвалось... Третьяго дня это случилось... Тутъ готовили иллюминацію и... матросъ убился... на моихъ глазахъ.. И знаете такъ жутко стало и точно — пелена съ глазъ... Какъ же это можно такъ? Какой-же ужасъ тогда жизнь!.. Нога дергалась и жизнь ушла... И стало такъ тихо... И страшно, князь... Смерть. Я раньше никогда объ этомъ не думала... А тутъ задумалась и вотъ не могу... не могу... жить...

Вѣра замолчала и сидѣла, опустивъ голову. Князь досталъ трубку и, не спрашивая разрѣшенія дамъ, сталъ медленно со вкусомъ раскуривать ее.

— Вотъ оно, — началъ онъ отрывисто, между затылками, пытая вонючимъ дымомъ дешеваго табака, — вотъ оно именно то, что составило основу моего мышленія. Это я и отъ Крапоткина слышалъ... Ему братъ изъ заграницы писалъ. Впереди каждого человѣка ожидаетъ смерть. И это единственное въ жизни, что вѣрно и неизбѣжно. Тамъ, о богатствѣ, славѣ, здоровьѣ, — можно гадать, предполагать, ожидать — о смерти гадать не приходится: — она придетъ!.. Ну, а если такъ, то для чего и трудиться?.. Я могъ-бы быть офицеромъ... тамъ, скажемъ, кавалергардомъ какимъ нибудь... Подтягивать, пушить людей... «Э, милый мой», — передразнилъ князь кого-то, — «какъ любезный стоишь!.. Я тебѣ въ морду дамъ, понимаешь, братецъ ты мой!»... Чувствуете, Вѣра Николаевна, всю эту игру словъ и выражений. Это-же прелесть!.. А для меня это ужасъ!.. Служить, даже ничего по существу не дѣлая, — это трудъ... А мнѣ трудъ противенъ. Если впереди смерть, то для чего и трудиться?.. Такъ кажется, гдѣ то и въ евангеліи сказано. Вредная, знаете, книга... Пробовалъ я читать.. «Фауста» Гете, прочелъ, Гершелеву «Астрономію», «Космосъ» Гумбольта, «Философію геологіи» Пэджа, «Капиталъ» Маркса, «Богъ передъ судомъ разума», Крапоткина — все запрещенныя книги, все о томъ, что Бога нѣтъ, а есть матерія и въ ней борьба за существованіе. Капля воды подъ микроскопомъ и въ ней микробы — вотъ и весь

нашъ міръ... А затѣмъ смерть... то есть — ничего. Ну такъ и жить не стоитъ...

— Послушайте, князь... Вы говорите это дѣвушкаѣ, да еще такъ сильно потрясенной нервно.

— Я, Елизавета Николаевна, не учу.. Я не пропагандирую. Я вѣдь рассказываю о томъ, что самъ пережилъ и перечувствовалъ... Мнѣ вѣдь, знаете, трудно. Ужасно, знаете, трудно безъ Бога.. А нужно... Нужно приучать себя къ этой мысли, что спасенія нѣтъ и быть самому въ себѣ.

— Не проповѣдуете?... Не учите?... Подумаешь!.. Да вѣдь то, что вы сейчасъ говорите и есть самая страшная проповѣдь анархіи.

Графиня Лиля старалась быть спокойной. Она боялась, что лицо ея снова покроется пятнами и станетъ некрасивымъ.

Сзади изъ парка, приглушенные деревьями неслись звуки музыки. Придворный оркестръ игралъ увертюру изъ «Жизни за Царя». Сердце графини сжималось отъ восторга и любви къ Государю и такъ было досадно, что приходилось сидѣть у моря съ этимъ «пьянымъ», а не быть тамъ, гдѣ въ пестрыхъ лампіонахъ горятъ плашки на мачтахъ, и гдѣ свѣтло отъ керосиновыхъ фонарей, гдѣ людно-весело и гдѣ можно услышать, о чемъ говорилъ Государь, какія награды будутъ въ полкахъ Кавалергардскомъ, Кирасирскомъ Ея Величества и Лейбъ Драгунскомъ, гдѣ Шефы — именинницы сегодня. А приходится слушать глупыя разглагольствованія пьянаго князя.

Теперь князь вяло и скучно говорилъ, точно резину жеваль.

— Я пью... Я не напиваюсь... Напиваться противно. У меня желудокъ слабый — послѣдствія отвратительныя... А то иногда я хожу все утро по городу. Грязь, слякоть, лужи... Едва не попаду подъ извозчика... Сумерки, осень, дождь... Это я люблю... Петербургъ тогда, точно призракъ. Величественъ и страшенъ. Гранитная панель, гранитные дома, Мраморный, темно сѣрый дворецъ... И Нева!.. Въ Невѣ въ такія вотъ осеннія сумерки есть что то волнующее и страшное. Того берега не видно. И хорошо, что не видно... Тамъ крѣпость... Бррр!.. Черныя волны плещутъ въ гранитъ набережной.

режной. У пристани внизу качаются ялики. Точно край свѣта... И станеть страшно... Я приду домой. Ноги сырыя, въ комнатѣ холодно. Растапливать печь — лѣнь. Зачѣмъ?.. Я укроюсь сырымъ пледомъ и вотъ тогда — пью... Немного. Три, четыре шкалика... Побѣжить тепло по жиламъ. Я лежу на жесткой койкѣ и думаю. Часто я думаю о самоубійствѣ. Но и самоубійство трудъ... И тогда — разныя мысли... Знаете какія?! Простите — но мы всѣ — идіоты! Вы слышали — молодежь — студенты, курсистки въ народъ идутъ... Ч т о - т о дѣлать. Мнѣ это ужасно, какъ нравится: — «нужно ч т о - т о дѣлать». Такъ вѣдь и у декабристовъ было. Имъ нужно было убивать Государя и всю Царскую семью, а они?.. Что-то дѣлали... Больше болтали впрочемъ... Да и теперь. Ч т о т о дѣлать, а тамъ все само выйдетъ... Нѣтъ, знаете, Аракчеевы, Петры, Фридрихи, — они умнѣе были. Они знали ч т о нужно дѣлать. Разводы караулоевъ, смотры, шагистика, ружейные приемы — это не ч т о - т о... Странныя мысли... Такъ и лежу... Часами. И времени не вижу.

— Вы служили-бы, князь, — съ отвращеніемъ сказала графиня Лиля.

— «Служить-бы радъ - прислуживаться тошно» -- это Чацкій въ «Горе отъ ума», у Грибоѣдова, а Щедринъ написалъ: — «на службѣ одни приказываютъ, а другіе смотрятъ, чтобы приказанія исполнялись».

— Что-то очень уже мудрено, — сказала графиня.

— Если мудрено — это не я, а Щедринъ. Это, Елизавета Николаевна, вѣкъ такой... Больной вѣкъ... Реформы... Крестьянъ освободили, а людьми не сдѣлали... Кухаркины сыновья въ гимназін пошли — образованными становятся, а все въ бабки играютъ... Сословія равняютъ. Судъ скорый, гласный и милостивый, присяжные засѣдатели, защитники, прокуроры. Какія рѣчи говорятъ, какихъ преступниковъ оправдываютъ!.. Теперь подняли вотъ славянскій вопросъ... Какой полетъ!.. Не сверзимся ли мы оттуда въ бездну?.. Выдержимъ-ли?.. А я лежу и думаю... Отъ водки что-ли?.. Ничего не надо... Нужно опять до Петровскую Русь... и *langsam ruhig**). Отъ теремовъ и бань, не къ ассамблеямъ

*) Медленно, спокойно.

нѣмецкимъ, а къ хороводамъ... Патріархъ благостный, «на осляти» въ Лазареву субботу черезъ Москву ѣдетъ и царь передъ нимъ на колѣни... Вездѣ благолѣпіе, молитва и добротолубіе... Такъ чтобы было, какъ въ Китаѣ что-ли?.. Длинные одежды, накрашенные и насурмленные лица женщинъ и опять слуги... рабы... А, ну!.. не чепуха ли въ смятку?..

— Вамъ дѣломъ заняться нужно. На что вы живете?..

— Милостями людскими. Помнится и вы, Елизавета Николаевна, мнѣ какъ то десятку прислали, когда узнали, что я безъ сапогъ хожу. А дѣломъ заняться?.. А что такое дѣло?.. Чистое равненіе во фронтѣ?.. Это дѣло?.. Или судебныя рѣчи?... Тоже, если хотите — дѣло!.. А по мнѣ, что землю пахать, что водку пить — все одно дѣло...

Графиня Лиля встала. Ея терпѣніе переполнилось.

— Вѣра... Концертъ подходитъ къ концу. Твой дѣдъ будетъ сердиться, если не найдетъ тебя на твоёмъ мѣстѣ. Мы дойдемъ, князь, однѣ. Вѣра теперь успокоилась.

— Какъ вамъ угодно, Вѣра Николаевна... Я съ удовольствіемъ покурю здѣсь въ полномъ уединеніи. размышляя о конечности вселенной, о движеніи міровъ, о звѣздахъ и планетахъ... Пока не повалятъ сюда толпа смотрѣть игру потѣшныхъ огней... Народъ любитъ игрушки, а я не люблю народа...

VIII.

Въ концѣ октября на Петербургъ налетѣли сухіе морозы. Гололедка стала по городу. Скользили и падали извозничьи лошади. Нева потемнѣла, надулась и текла величавая, спокойная, дымящаяся густымъ морознымъ паромъ. Деревья садовъ, бульваровъ и парковъ покрылись сѣдымъ инеемъ, разбухли и стояли очаровательно красивые. Пруды въ Таврическомъ саду замерзли, были опробованы, и Дворцовое вѣдомство открыло на нихъ катокъ. На катокъ этотъ пускали по особымъ приглашеніямъ. Тамъ собирався Петербургскій «свѣтъ», тамъ часто каталась красавица Великая Княгиня Марія Павловна, а въ тѣ дни, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Гат-

чины на каткѣ можно было видѣть стройную Цесаревну въ короткой шубкѣ, съ необычайной граціей скользящую на конькахъ. Иногда прѣзжалъ на катокъ Государь Императоръ и, сидя въ креслѣ, закутавшись въ шинель съ бобровымъ воротникомъ, смотрѣлъ, какъ рѣзилась на льду молодежь.

По четвергамъ и воскресеньямъ играла военная музыка. Устраивались кадрили на конькахъ, потомъ подъ звуки вальса кружились изящныя пары, выписывая коньками затѣйливые вензеля.

Какъ только графиня Лиля узнала, что катокъ открытъ, она пришла за Вѣрой.

— Порфирій придетъ позднѣе, — сказала она. — Онъ занятъ... Онъ не катается на конькахъ. Мы съ нимъ будемъ потомъ пить чай на каткѣ.

Въ эту осень графиня похорошѣла и точно стала моложе. Веселый, счастливый огонь постоянно горѣлъ въ ея блестящихъ, выпуклыхъ глазахъ, румянецъ не сходилъ съ ея полныхъ щекъ и очаровательна была улыбка маленькихъ, яркихъ губъ.

Въ бѣлой горностаевой шубкѣ, въ такой-же шапочкѣ, въ свѣтло-сѣрой суконной короткой, выше щиколотки юбкѣ, въ высокихъ башмакахъ съ привитченными къ нимъ норвежскими коньками графиня Лиля смѣло и ловко сходила на синеватый, еще не исчерченный коньками тонкій ледъ.

Когда-то Вѣра «обожала» катокъ. У нея были подаренные дѣдомъ великолѣпные стальные шведскіе коньки. Она красиво каталась, умѣла дѣлать фигуры и была плѣнительна своимъ высокимъ ростомъ, тонкой таліей и строгими чертами юнаго, серьезнаго лица. Кто не зналъ, кто она, — принималъ ее за Скандинавскую принцессу.

Сейчасъ она неохотно сходила на ледъ.

— Мнѣ, Лилѣ, все это до смерти надоѣло.

— Подумаешь!.. Въ восемнадцать лѣтъ надоѣлъ катокъ! Ты хандришь, Вѣра.

— Ну, правда, что интереснаго? Мальчишки пажи и лицеисты облѣпять, приставать будутъ... и... Афанасій!.. Онъ мнѣ сталъ противенъ.

— Подумаешь!.. Афанасій... Да онъ — богъ Тавричес-

каго катка. Идемъ скорѣе. Кавалергардскіе трубачи играютъ сегодня. Возможно — будетъ Государь Императоръ.

По катку, по аллеямъ сада въ серебряномъ уборѣ инея бодро звучали трубы. Уже много было народа. Чинно катались офицеры, кто, заложивъ руки за спину мчался широкими шагами, кто, еще новичекъ, опасливо разставивъ руки и нагнувшись впередъ неувѣренно катился, ища точки опоры. Пажи и лиценсты мчались по два и по три.

Только что Вѣра съ графиней, взявшись за руки, обѣжали кругомъ пруда, какъ появился Афанасій.

Онъ появился шумно. Этотъ мальчишка зналъ себѣ цѣну. Онъ зналъ, что ему за его удалъ, красоту, молодечество все прощаютъ. Онъ не стѣснялся даже и при Высочайшихъ особахъ. Онъ вылетѣлъ прямо изъ павильона, щелкая коньками по ступенькамъ, рискуя разбить себѣ голову. Онъ былъ въ одномъ мундирѣ — стрѣлковомъ кафтанѣ, распахнутомъ на груди, въ шапкѣ съ ополченскимъ крестомъ, въ малиновой рубахѣ, въ широкихъ шараварахъ и высокихъ сапогахъ гармоникой. Ухаремъ-молодчикомъ, вихремъ слетѣлъ онъ на ледъ, крикнулъ звонко на пажей и лицейство:

— Разступись, молодежь, Афанасій Разгильдяевъ идетъ! — и помчался, выписывая вензеля, раскачиваясь со стороны на сторону и все ускоряя свой лихой бѣгъ.

Онъ нарочно разогнался прямо на Вѣру съ графиней, такъ, что тѣ испугались. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ Афанасій затормозилъ, затопалъ коньками, взвился на воздухъ и зычно на весь катокъ крикнулъ:

— Вѣра!.. Видишь?..

И, круто повернувшись, пошелъ красивымъ Голландскимъ шагомъ кругомъ катка.

Всѣ любовались имъ. Высокаго роста, съ юнымъ, круглымъ, раскраснѣвшимъ на морозѣ лицомъ, съ маленькимъ пушкомъ надъ верхней губой — онъ былъ великолѣпенъ.

Барышни млѣли, ожидая кого пригласить онъ кататься подъ вальсъ. Всѣ знали, что никто не умѣетъ такъ обольстительно катиться, выдѣлывая круги.

Вѣра со страхомъ смотрѣла на своего кузена. Она послѣднее время совсѣмъ не переносила его. А тотъ точно и не замѣчалъ этого. Его ухаживанія становились грубѣе и

настойчивѣе. Вѣра не успѣла докатиться до павильона, какъ Афанасій нагналъ ее.

— Здравствуйте, графиня... Вѣра, здравствуй... Графиня мнѣ всѣ говорятъ, что мои губы созданы для поцѣлуевъ. А?.. Что?.. Правда?..

Графиня Лиля поймала его шуточный тонъ.

— Подумаешь!.. Всѣ?.. Я первая не нахожу... Никто этого не находитъ, кромѣ развѣ вашей Мимишки. Идемте со мною, Афанасій Порфирьевичъ.

Удаляясь отъ Вѣры, Афанасій нарочно громко, обернувшись въ сторону кухни, сказалъ:

— Ну что, Мимишка?.. Мнѣ нужно, чтобы другія это находили...

Оставшись одна, Вѣра легко и граціозно покатила къ краю пруда, подальше отъ трубачей и толпы катающихся. Тутъ вдругъ увидала она Суханова. Николай Евгеньевичъ катился ей навстрѣчу не очень смѣло. Въ морской черной шинели и черной фуражкѣ, нахлобученной на уши онъ походилъ на профессора или пастора.

Вѣра съ того дня, когда убился матросъ и была премировка выѣздовъ у ея дѣда не видѣла Суханова. Она обрадовалась ему. Онъ былъ изъ другого міра, изъ того, гдѣ не признавали красоты теперешней жизни и относились къ ней критически, гдѣ мечтали создать иную, лучшую жизнь, гдѣ всѣ получаютъ жизненные блага поровну. Изъ той жизни, гдѣ строили революцію...

— Идемте со мною, — дружески пригласила Вѣра Суханова, — я вамъ помогу.

Въ отдаленіи играла музыка. Сквозь дымку морознаго тумана просвѣчивало оранжевое солнце и черезъ заиндевѣвшія вѣтви деревьевъ сада виднѣлись, какъ черезъ затѣйливую тюлевую занавѣсъ строгія линіи дворца, колонны, прямые окна и круглый павильонъ — затѣи Таврическаго князя.

— Все таки, Николай Евгеньевичъ, нельзя отрицать, что все это очень красиво, — сказала Вѣра. — Во всемъ этомъ есть какая то гармонія: въ небѣ, солнцѣ, туманной, морозной дымкѣ, инѣ деревьевъ... Вотъ только люди?.. Вы не

находите, Николай Евгеньевичъ, какіе тутъ пустые и пошлые люди?..

— Люди, Вѣра Николаевна вездѣ одинаковы. Есть хорошіе, есть и похуже. Не хорошо то, что вся эта гармонія, вся эта красота, изящество доступны такому маленькому числу людей... Пускаютъ по билетамъ... Сотни... Нѣтъ даже и не сотни, но десятки изъ 150-ти милліоновъ Русскаго народа могутъ пользоваться этою красотою. О чемъ мечтали мы, «китоловы»?.. Всѣмъ, понимаете, всѣмъ дать счастье, радость жизни, сытость, образованіе... Не десятки, а сотни...

— Тысячи! — восторженно перебила Вѣра.

— Десятки тысячъ Русской молодежи не на прудѣ Таврическаго сада, а гдѣ нибудь...

— На Ледовитомъ океанѣ, — подсказала Вѣра.

— Пускай!.. На Бѣломъ морѣ, на Финскомъ заливѣ!.. Оркестры... Тысячи музыкантовъ и радостный народъ, безъ различія званій и состояній...

— Ни званій, ни состояній тогда и не будетъ!..

— Конечно, не будетъ... Радостный народъ, сбросивъ съ себя бремя труда, вольный...

— Когда!.. Когда-же это будетъ?..

— Когда будетъ править не одинъ человѣкъ, какъ стѣною окруженный элитой знати, но весь народъ... Когда будетъ народоправство!..

— Когда?.. Скажите, Николай Евгеньевичъ, когда это можетъ быть?

— Послѣ революціи.

Ихъ обгонялъ, громыхая коньками, Афанасій. Онъ отъискалъ ихъ, и теперь, проносясь мимо, схватилъ Суханова за рукавъ шинели такъ, что тотъ чуть не упалъ, и крикнулъ молодецкимъ, разбойничьимъ окрикомъ:

— Флотъ, идемъ водку пить!.. Вр-р-ремя!... — и помчался дальше.

— Николай Евгеньевичъ, я пойду домой. Проводите меня. Я боюсь Афанасія. Онъ мнѣ противенъ. И потомъ мнѣ такъ хочется еще и еще говорить съ вами о томъ, что будетъ, когда настанетъ прекрасное время революціи. Ждите меня у выхода на Шпалерную, я пойду, скажу графинѣ, что я иду домой.

IX.

Они шли по тихой и пустынной Захарьевской. Сзади осталась красота заиндевѣвшаго сада, звуки трубъ и молодежавые окрики Афанасія. Они шли медленно, опустивъ головы. Желтый песокъ хрустѣлъ на панеляхъ подъ ихъ ногами. Позванивали коньки на ремняхъ въ рукахъ.

— Скажите, Николай Евгеньевичъ, почему нибудь да уходятъ отъ насъ, изъ нашего круга такіе люди, какъ князь Крапоткины, оба брата, какъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, Ясно-Полянской философъ, какъ опустившійся, но почему то мнѣ милый князь Болотневъ?... Значитъ имъ душно, какъ и мнѣ. Почему нибудь ушла, и съ такимъ скандаломъ Соня Перовская.

— Вы знали Софью Львовну?..

— Я была дѣвочкой... Двѣнадцати-пятнадцати лѣтъ, когда Соня уже «выѣзжала»... Я видѣла ее на тѣхъ вечерахъ, куда и дѣтей приглашали. Она очень недолго «выѣзжала». Потомъ исчезла съ нашего горизонта. Я слышала, что она ушла изъ дома. Будто отецъ отказался отъ нея, и только мать тайно съ нею видится. Но подробно я ничего про нее не знаю.

— Она пошла служить народу.

— Что это значитъ?.. Какъ служить? Я не понимаю. Объясните.

— Она помогаетъ страждущимъ, обиженнымъ, невинно наказаннымъ. Она учитъ народъ грамотѣ.

— Какъ-же она это дѣлаетъ?

— Она собираетъ по знакомымъ посылки для тюремныхъ узниковъ и носитъ ихъ въ мѣста заключенія. Она — Перовская — ея имя всѣ знаютъ... По отцу, по дядѣ... Она проникала въ самые глухіе казематы Петро-Павловской крѣпости и передавала одиночно заключеннымъ табакъ и книги. Потомъ она поѣхала въ деревню. Она жила въ избѣ, какъ простая крестьянка, учила дѣтишекъ грамотѣ, работала, какъ фельдшерица. Она прививала оспу дѣтямъ...

Вѣра вздохнула.

— Какъ это хорошо, — тихо сказала она. — Продолжайте. Это такъ интересно.

— Вы знаете — Перовская способна на героическіе подвиги. Вотъ теперь совсѣмъ недавно, она узнала, что жандармы повезутъ кого-то въ ссылку. Она рѣшила освободить несчастнаго и дать ему возможность бѣжать за границу. Она собрала деньги, подговорила трехъ сочувствующихъ ей молодыхъ людей помочь ей. Одинъ изъ ея товарищей переодѣлся въ офицерскую форму. Они взяли телѣгу и поѣхали по тому тракту, по которому должны были везти арестанта. Когда увидѣли они бричку съ жандармами, они выскочили изъ телѣги и тотъ, кто былъ одѣтъ офицеромъ, сталъ поперекъ дороги и крикнулъ: — «Стой!» Ямщикъ остановилъ тройку. — «Куда ѣдешь?... Кого везешь?..» — Жандармъ взялъ подъ козырекъ и отвѣтилъ: — «Ѣду съ арестантомъ по приказанію начальства въ Ново-Сибирскъ». Тутъ другой товарищъ выстрѣлилъ въ жандарма, но промахнулся. «Что это?.. Что тутъ такое», — растерянно крикнулъ жандармъ. Въ него выстрѣлили еще разъ и онъ свалился внутрь брички. Тройка помчалась.

— Боже мой... Значитъ, они не освободили арестанта...

— Нѣтъ... Не удалось... Но, какъ была взбѣшена, какъ бранилась тогда Софья Львовна! Она кричала: — «позорная и постыдная неудача для революціи!.. Давать промахъ, стрѣляя въ двухъ шагахъ!... Я не промахнулась бы!.. Шляпы, а не мужчины!.. Надо гнаться дальше, а они попрятались въ кусты... Бѣжали!.. Проворонили!.. Сколько товарищескихъ денегъ потратили зря!.. — Мнѣ говорили — она была страшна въ эти минуты гнѣва.

— Да-а...

— Перовскую арестовали. Она попала въ процессъ 193-хъ, была судима и оправдана... Дѣдъ — министръ народнаго просвѣщенія, отецъ былъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, дядя покорялъ и устраивалъ Среднюю Азію.

— Я знаю... Я слышала это...

— Какъ было осудить ее? Съ нею считались... Она вошла въ кружокъ Чайковского, стала вести пропаганду среди рабочихъ, попалась, была арестована, но обманула полицію и бѣжала.

— Да... Это я понимаю. Она работает! А мы?... танцуемъ!.. Мечтаемъ выйдти замужъ, на конькахъ катаемся!.. Сплетничаемъ... Гдѣ-же Соня теперь?..

— Подъ большимъ секретомъ. Ну да вы сами понимаете. Она здѣсь!..

— Какъ?.. Въ Петербургѣ?..

— Да. Она живетъ подъ именемъ Марины Семеновны Сухоруковой.

— Вы видитеcя съ нею?

— Да.

— Скажите ей про меня... Все, все скажите ей... И про матроса. Скажите ей, какъ я ее понимаю, какъ сочувствую ей. Какъ хотѣла-бы помогать ей въ ея работѣ. Если можно... Можетъ быть, она и меня научить, какъ нужно дѣлать добро, работать для народа.

— Хорошо... Я ей скажу. Вы знаете -- она совсѣмъ необычная, особенная, чудная дѣвушка.

— Такъ непременно устройте, чтобы мнѣ съ нею повидаться, — волнуясь повторила Вѣра, останавливаясь у подъѣзда своего дома. — Мнѣ такъ хочется научиться служить своему ближнему, работать, чтобы не быть кисейной барышней.

— Есть... Постараюсь, — сказалъ, вытягиваясь и прикладывая руку къ козырьку фуражки, Сухановъ.

Вѣра открыла тяжелую стеклянную дверь. Съ лѣстницы пахнуло тепломъ и уютомъ. Сухановъ увидѣлъ мраморъ ступеней, красный коверъ, пальмы, мраморную статую, вздохнулъ и пошелъ, позванивая коньками, къ Литейному.

Х.

19-го ноября 1876-го года въ третьемъ часу дня Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій вошелъ въ рабочій кабинетъ Императора Александра II. Въ низкомъ и глубокомъ покоѣ было темно и на письменномъ столѣ, за которымъ сидѣлъ Государь горѣли двѣ свѣчи. Государь всталъ навстрѣчу брату.

— Готовъ? -- сказалъ. — Дай я благословлю тебя.

Государь благословилъ и обнялъ Великаго князя. По-

томъ они стояли другъ противъ друга, серьезные и задумчивые. Оба знали что такое война. Оба изучали военное дѣло. Они сознавали отвѣтственность минуты. Еще никто, кромѣ нихъ не зналъ, что война рѣшена, что то, что сейчасъ дѣлаютъ — уже объявленіе войны въ ихъ сердцахъ. Сосредоточить армію подлѣ Кишинева, послать своего брата командовать ею — рѣшиться на все это Государю было очень тяжело.

Вчера вечеромъ у княжны Екатерины Михайловны Долгорукой въ семейномъ кругу, за чайнымъ столомъ княжна съ обычной ей грубостью сказала Государю:

— Ты думаешь — оцѣнять?... Твой благородный шагъ, оцѣнять?... Въ Морскомъ клубѣ остряки пустили крылатое слово. Чеканить будутъ медали для Кишиневской арміи съ надписью «туда и обратно». Вотъ тебѣ оцѣнка э т и х ъ т юдей движенія твоего чистаго и благороднаго сердца!

Государь это зналъ. Но онъ зналъ и то, что княжна не могла простить обществу отношенія къ ней и всегда старалась сказать что нибудь дурное про Петербургскій свѣтъ. Зналъ Государь и то, что многіе недовольны его заступничествомъ за славянъ.

Онъ стоялъ теперь молча, какъ будто снова взвѣсивая то, что рѣшился сдѣлать.

— Ну, кажется, — наконецъ, сказалъ онъ, — все тебѣ было сказано. Не мнѣ тебя учить, какъ водить полки въ бой... Съ Богомъ!

— Ваше Величество, прошу сказать: какая цѣль поставляется Вами вашей арміи?..

Большіе голубо-сѣрые глаза Государя прямо смотрѣли въ глаза Великаго князя.

Громко и твердо сказалъ Государь:

— К о н с т а н т и н о п о л ь ! . .

Великій князь низко поклонился Государю и вышелъ изъ кабинета. Государь проводилъ его долгимъ взглядомъ, потомъ подошелъ къ окну.

Туманъ поднялся къ небу. Сумраченъ былъ Петербургъ. Чуть намѣчались по ту сторону Невы низкія, прямые постройки темныхъ бастионовъ Петропавловской крѣпости. Нева текла, черная, густая, холодная, безъ волнъ...

XI.

Графиня Лилия съ Вѣрой подѣхали къ воротамъ Николаевского вокзала тогда, когда проѣздъ частнымъ экипажамъ былъ уже закрытъ. Пришлось выѣзжать изъ легкаго, наряднаго «купе» и въ сопровожденіи выѣзднаго, въ сѣро-синей шинели съ тремя алыми полосами по краю капюшона, пѣшкомъ идти по двору.

Онѣ подходили къ Императорскимъ комнатамъ, когда съ площади раздалось громовое ура, коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ съ кучеромъ въ синемъ армякѣ, съ медалями на груди спорою рысью вѣхала во дворъ. За нею, сдерживая разгоряченныхъ лошадей, наполняя дворъ цоканіемъ подковъ, достававшихъ камень черезъ неглубокій снѣгъ, кавалькадой, влетѣли офицеры Кавалергардскаго полка и Конной гвардіи, конвоировавшіе Великаго князя. Золотыя каски съ бѣлыми волосяными султанами, золотыя и серебряныя перевязи лядунокъ нанскою сѣрыхъ плащей, тяжелые палаши, синіе и алые вальтрапы, расшитые золотомъ и серебромъ, вороные и гнѣдые кони наполнили дворъ блистаніемъ красокъ и шумомъ. Офицеры торопливо слѣзали съ лошадей и звали вѣстовыхъ.

— Габельченко!

— Я здѣсь, ваше сіятельство

Звеня шпорами, громыхая палашами, тѣсной толпой устремились офицеры по лѣстницѣ за Великимъ княземъ. Знакомый кавалергардъ провелъ графиню Лилию и Вѣру съ собою.

Вѣра видѣла, какъ плакала и крестила, крестила и плакала Великая Княгиня Александра Петровна своего сына Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, ѣхавшаго въ армию съ отцомъ. Великій князь стоялъ передъ матерью, высокій, стройный съ гладко причесанными, выющимися отъ природы рыжеватыми волосами и съ юнымъ безъ бороды и усовъ лицомъ.

Большая, длинная деревянная платформа вокзала была полна офицерами гвардейскихъ полковъ. Великій князь вышелъ на перронъ. Каски, кивера, уланскія шапки стѣснились, близко, близко. Офицеры напирали другъ на друга,

стараясь услышать, что говорилъ въ ихъ толпѣ Великій Князь

Вѣра, стоявшая сзади офицеровъ, слышала голосъ Великаго Князя, но не могла разобрать словъ. Вдругъ, послѣднее четко и съ силой сказанное слово она уловила:

— Константинополь!..

Мгновенно всѣ головы обнажились. Шапки, кивера, каски замахали надъ черными, рыжими, сѣдыми и лысыми головами. Кое кто выхватилъ изъ ноженъ сабли и махалъ ими въ воздухъ. Могучее ура раздалось подъ сводами вокзала. Все задвигалось и перемѣшалось. Офицеры, тѣсняясь, пропускали къ вагону Великую Княгиню съ младшимъ сыномъ Петромъ. Вѣра увидѣла темно-синіе вагоны Императорскаго поѣзда, увидала въ окнѣ одного изъ нихъ Великаго Князя съ орошеннымъ слезами волненія лицомъ. Поѣздъ мягко тронулся, офицеры пошли за нимъ, крича ура, махая шапками и саблями, потомъ побѣжали... Вѣра стояла на платформѣ и смотрѣла, какъ удалялся въ туманѣ, становясь все меньше и меньше, послѣдній вагонъ.

Свитскій генералъ велъ подъ руку Великую Княгиню и съ нею шелъ мальчикъ великій князь Петръ Николаевичъ. Офицеры съ громкимъ говоромъ проходили по платформѣ.

Вѣра потеряла въ толпѣ графиню Лилію и пошла одна разыскивать карету.

Площадь была полна народомъ. По ней прекратили движеніе извозчиковъ и только конныя кареты, непрерывно звоня, шагомъ пробирались по рельсамъ черезъ толпу. На «имперіалахъ» стояли люди.

Кто сказалъ этой толпѣ слово «Константинополь»? Оно было на устахъ у толпы.

Юноша гимназистъ въ темно синемъ кепи съ бѣлыми кантами шелъ съ товарищемъ. Толпа задержала ихъ и они остановились подлѣ Вѣры.

— Леоновъ, помнишь, — говорилъ румяный, полнощекій гимназистъ, — Аксаковъ на освобожденіе крестьянъ написалъ:

« — Слышашъ, новому онъ лѣту

Пѣсню радости поетъ: —

«Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ»!..

Пророчество, Леоновъ! Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ!.. Я не буду я, если не брошу проклятую латынь и не удеру съ войсками къ Великому Князю, а тамъ — суди меня Богъ и военная коллегія, — побѣдителей не судять. За братьевъ славянь!..

На деревянномъ мосту черезъ Лиговскую канаву молодой человекъ съ пушистыми бакенбардами «подъ Пушкина», въ черной шинели и помятой шляпѣ говорилъ дѣвушкѣ въ шубкѣ, смотрѣвшей на него съ радостной улыбкой, обнажившей блестящіе ровные зубы:

— Константинополь, Марья Иванна, Константинополь!.. Слыхали?.. Мнѣ кавалергардскій унтеръ сказалъ: — Константинополь. Тамъ одинъ Босфоръ — чисто арабская сказка Шехерезады!.. Великолѣпіе турецкаго султана. Какіе у него янтарные мундштуки — удивленію подобно...

О войнѣ, о ея жертвахъ, потеряхъ, расходахъ, трудахъ, смерти и страданіяхъ никто не говорилъ. Константинополь заколдовалъ всѣхъ. Вѣра то и дѣло слышала:

— Завѣтныя цѣли Русскаго народа...

— Конецъ туркамъ и ихъ звѣрствамъ...

— Мечты Екатерины Великой...

— Со временъ Олега и Святослава...

— Такъ довершить данныя Русскому народу свободы!

— Какая красота подвига!..

— Подлинно православная Христова Русь!..

Купе Вѣра нашла у Знаменской церкви. Выѣздной съ высокой панели высматривалъ ее.

— Гдѣ ты пропадаешь, Вѣра? — возбужденно, блестя красивыми глазами, говорила графиня Лиля. — Одна въ толпѣ... Хотя бы приказала Петру слѣдовать за тобою.

Слезы брилліантами горѣли въ глазахъ графини.

— Ты слышала, Вѣра?... Константинополь!.. Порфирій ѣдетъ на войну. Сейчасъ это рѣшилось... Великій Князь разрѣшилъ прикомандировать его къ штабу. Это подвигъ, Вѣра!.. Твой дядюшка — герой.

Въ пылу волненія и счастья графиня Лиля уже назы-

вала Порфирія Афиногеновича просто Порфириємъ и ни она сама, ни Порфирій этого не замѣчали. Порфирій скромно улыбался.

— Полноте, графиня, -- говорилъ онъ, -- войны еще нѣтъ. Вотъ папа говорить — и не будетъ. Сербамъ прикажутъ сидѣть смирно. Черняеву ѣхать обратно...

— А, да ну васъ! — замахнулась графиня перчаткой на Порфирія. — Вашъ папа!.. Подумаешь — такой подъ-емъ!.. Несокрушимый... Константинополь!.. Трогай, Петръ, до скорого — Порфирій, я ѣду къ вамъ, все рассказать, какъ быто Афиногену Ильичу. Я думаю и онъ поѣхалъ-бы!..

Карета, скрипя колесами по снѣгу, покатила по Знаменской.

XII.

Вѣра узнала отъ Суханова, что на 6-е декабря назначена сходка студентовъ на площади Казанскаго Собора. Студенты отъ лица народа будутъ протестовать противъ войны и заявятъ свои требованія Правительству.

— Это начало, сказалъ Сухановъ, — такъ всегда! Начинаетъ учащаяся молодежь.

Вѣра пошла на сходку.

Былъ легкій морозъ и тихо; пріятная была погода, мягкая и спокойная. Сквозь туманную пелену проглядывало блѣдное солнце, Адмиралтейскій шпиль тусклымъ золотомъ отсвѣчивалъ на немъ. На Невскомъ было, какъ всегда въ праздничный день. По угламъ топтались газетчики и посыльные въ красныхъ кепи съ мѣдными бляхами. Извозчики трусили мѣрною рысцою, везли сѣдоковъ, накрытыхъ синими суконными полостями съ опушкой козьяго мѣха. По Невскому мчались «конки», взлетая на Аничковъ Мостъ, и мальчишка скакалъ верхомъ впереди на пристяжной къ дышлу лошади.

Черныя Клодтовскія статуи были, какъ кисеи накинута — покрыты бѣлымъ инеемъ. Шли юнкера въ кепкахъ, пажи въ каскахъ съ султанами, бойко отдавали честь, становились во фронтъ генераламъ.

Когда Вѣра подходила къ Казанскому Собору навстрѣ-

чу ей быстрою рысью, пригнувшись къ лукѣ промчался казакъ въ киверѣ. Лошадь пощелкивала подковами по мостовой.

На площади, у высокихъ колоннадъ Казанскаго Собора и у памятниковъ Барклай де Толли и Кутузову были небольшія группы студентовъ въ черныхъ картузахъ, въ пледахъ, накинутахъ на плечи; между ними были дѣвушки въ подоткнутыхъ «пажами» юбкахъ, стриженныя, въ очкахъ. Курсистки...

Вѣра вспомнила, какъ говорилъ Порфирій: — «не можемъ безъ формы. Пустили женщинъ на Высшіе Медицинскіе курсы — формы имъ не опредѣлили, такъ онѣ сами себѣ форму придумали — остригли волосы, очки на носъ нацѣпили — такія красавицы, — этакія дуры!... Стадное чувство. Нигилистки!»

Этихъ «нигилистокъ» теперь Вѣра видѣла близко. Но неужели это и была сходка?

Рыжеусый городской въ каскѣ и наушникахъ, такъ другъ къ другу не подходившихъ, добродушно, «честью» просилъ молодежь разойтись и не препятствовать движенію.

Изъ маленькихъ толпъ слышались презрительные крики — «фараонъ!». Студенты со смѣхомъ разбѣгались. Площадь была велика, полиціи мало. Студенты разбѣгутся и снова накопятся уже большею группою, тѣснѣе, въ другомъ концѣ площади. Точно молодежь играла въ какую то игру съ полиціей, издѣвалась надъ нею.

Вѣра остановилась у Екатерининскаго канала и смотрѣла на эту игру. Она думала — «ну, кому они мѣшаютъ?.. Почему имъ не позволять собраться и поговорить такъ, какъ они хотятъ?..»

Но становилось холодно и скучно. Вѣра стала считать людей по кучкамъ. Тутъ двадцать одинъ, тамъ тридцать два... Всего насчитала она около трехсотъ человекъ. Подумала: — 150 миллионъ Русскаго народа и триста студентовъ!.. Вѣра пыталась сопоставить эти цифры, но это ей не удавалось. слишкомъ были онѣ несоизмѣримы.

Вдругъ какимъ то ловкимъ маневромъ молодежь обманула бдительность полиціи и вся собралась въ углу площади, у колоннады, отдѣлявшей Казанскую улицу.

Вѣра поспѣшила туда.

На портикѣ Собора стоялъ кто то въ черномъ, въ длинномъ пледѣ, свисавшемъ до самыхъ ногъ и возбужденно, размахивая руками кричалъ молодымъ, рѣзкимъ голосомъ въ толпу. Вдругъ раздалось нестройное, несмѣлое пѣніе, надъ толпою, въ самой ея гущѣ развернулось поднятое на палкѣ, широкое кумачевое полотнище. На немъ черными буквами было написано: — «Земля и воля»..

По всѣмъ угламъ площади, заверещали, залились полицейскіе свистки, и городовые съ угловъ площади и съ Невского проспекта побѣжали на толпу.

Городовые шашками, не вынимая ихъ изъ ноженъ, старались отрывать людей отъ толпы. Студенты боролись. Слышались молодые, негодующіе голоса:

— Вы не смѣете насъ трогать!.. Руки коротки!..

— Не смѣй ее бить!..

— Разойдитесь, господа!... Честью васъ просятъ!..

— А еще барышня!.. Да, развѣ можно такъ... Кусаться!..

— Хватай ее, тщи въ участокъ... Ишь, стерва, око-
точнаго по лицу смазала...

— Ж-жидовка пр-роклят-тая!..

Сверху неся взволнованный картавый голосъ:

— Братья!.. Не допустимъ войну!.. Свое горе!.. Свое несчастіе надо загасить намъ раньше. Намъ не жить подъ гнетомъ самодержавія!..

Тутъ кто-то громко и съ отчаяніемъ крикнулъ:

- - Каз-заки!!.

Вѣра оглянулась. Во всю ширину Невского проспекта, гѣснымъ строемъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ и киверахъ, лихо надвинутыхъ на бекрень рысью шелъ казачій эскадронъ. Молодой офицеръ, высокій, стройный, въ блестящемъ лакированномъ киверѣ, — какъ онъ только держался такъ со-
всѣмъ на боку? — ударилъ лошадь плетью по кожаному вальтрапу и, нагнувшись впередъ, помчался на площадь. Казаки молча разсыпались широкимъ, рѣзкимъ строемъ и быстро приблизились къ толпѣ.

Всѣ побѣжали. Кто смогъ взобрался на каменную колоннаду, прыгнувъ на Казанскую и удиралъ во всю. Кто не

успѣлъ, заметался по площади, стремясь пробиться сквозь казаковъ на Невскій. Полиція ловила ихъ.

Вѣра видѣла, какъ какая то женщина, маленькая, съ растрепанными черными волосами, въ низкой шапочкѣ на самомъ темени, безобразная жидовка вдругъ выхватила перочинный ножъ и съ размаху всадила въ крупъ казачьей лошади. Та поддала задомъ.

— Ахъ, стерва!.., — злобно крикнулъ казакъ и изловчился ударить женщину плетью, но та съ жалобнымъ воемъ упала на снѣгъ и ударъ пришелся по воздуху.

— Опричники!.. У-лю-лю-лю!! Царскія собаки!.., — кричали студенты изъ за колоннъ и бросали въ казаковъ камни, калоши и палки.

Городовые лѣзли на колоннаду. Мимо Вѣры проѣхалъ казакъ безъ кивера, съ разбитымъ въ кровь лицомъ и скверно ругался.

Вѣра торопливо шла по Невскому. Нѣсколько студентовъ и съ ними дѣвушка бѣгомъ нагоняли ее. Казакъ преслѣдовалъ ихъ. Онъ нагналъ Вѣру и ударилъ ее по котиковой шубкѣ плетью.

Не было больно. Но вся кровь застыла у Вѣры отъ непереносимаго оскорбленія. Ей казалось, что она сейчасъ задохнется, умретъ... Лицо горѣло. Она точно ощутила на спинѣ кровавую полосу удара, ей казалось, что шубка разсѣчена пополамъ, что всѣ видятъ ея позоръ. Она добѣжала до Невского и здѣсь увидѣла извозчика, ѣхавшаго порожнемъ.

— Извозникъ, — едва слышно, задыхаясь, проговорила Вѣра, — на Фурштадскую.

Извозникъ остановилъ лошадь и отстегнулъ полость.

— Итъ, что дѣлають, — выѣзжая на Конюшенную и оборачивая румяное отъ мороза, обросшее сѣдьющей бородой лицо къ Вѣрѣ заговорилъ извозникъ. — Видють — барышня... Не скубентка шилохвостая какая, а барышня, какъ и слѣдуетъ быть, по всей формѣ барышня!.. Нѣтъ... И по ей!.. По чемъ зря бьютъ. Можетъ, — изъ церкви шла, ни въ чемъ не виноватая... А того жиденыша, что рѣчь держалъ... Не догнали... Ку-у-ды-ж!.. Какъ припустилъ, проклятый, по Казанской, на казацкой лошади кальеромъ не

нагонишь. Такъ и сигаеть... Такъ и сигаеть!.. Да жигуля-
стый какой... Страсть!..

Лѣтній садъ, нарядный въ серебряномъ инеѣ, сквозь
который сквозила голубая дымка дали надвигался со сторо-
ны Лебяжьей канавки. Извозчикъ снова повернулся къ Вѣрѣ.

— И знамя у ихъ!.. Я видалъ... Зна-а-амя... Красный
такой флагъ. И надпись по ему: — «земля и воля»... Итъ
чего господа не надумали. Имъ хошь бѣлая береза не расти!
Землю чтобы, значить, отобрать отъ крестьянъ и волю об-
ратно вернуть. Государь Императоръ даровалъ — такъ вотъ
имъ, значить, не пондравилось. Обратно желаютъ. Опять
значить, крѣпостное чтобы право... Чистый мигилизмъ... И
кто верховодить надъ ими — самый жидъ!.. Чтобы значить,
подъ жиды повернуть Россійское государство.

Вѣра молча расплатилась съ извозникомъ и черезъ
дворъ, по черному ходу пробралась къ себѣ въ комнату.
Она заперлась на ключъ. Сняла кофточку. На ней не бы-
ло слѣда удара. Мелкія капельки потаявшаго инея были
на нѣжномъ котикѣ, чуть мокрый былъ мѣхъ. Вѣра сня-
ла блузку и подошла къ зеркалу... Становилось темно. Вѣ-
ра спустила штору, зажгла свѣчи, скинула съ плеча рубаш-
ку и полуобнаженная разглядывала черезъ второе зеркало
красивую бѣлую спину. Не было никакого слѣда удара.
Но полоса удара все продолжала горѣть, вызывая жгучую
досаду оскорбленія и непереносимой обиды.

Вѣра долго разсматривала свою спину. Въ тускломъ
зеркальномъ отраженіи подъ шелковистой кожей шевели-
лись лопатки. Стройная талія скрывалась въ поясѣ. Вѣра
видѣла, какъ отъ жгучаго стыда, отъ боли оскорбленія ро-
зовѣла спина, какъ алѣла шея и малиновыми становились
уши. Такая жгучая боль, такой тупой ужасъ были на ду-
шѣ у Вѣры, что подвернись ей въ эту минуту револьверъ
— она застрѣлилась-бы!

Она опустила маленькое зеркало и повернулась ли-
цомъ къ большому.

Голубые глаза не видѣли прекраснаго отраженія. Пе-
редъ Вѣрой былъ мертвый матросъ съ лицомъ, накрытымъ
платкомъ и потому особенно страшный... Упавшая на
снѣгъ еврейка, казакъ, ругающийся скверными, непонятны-

ми, никогда несслыханными Вѣрой словами. Лицо казака залито кровью и одинъ глазъ закрытъ и вспухъ... Страшное лицо... И хлесткій, звучный ударъ по спинѣ, по мѣху котика... Ударъ по ней!.. По дѣвушка!..

Это жизнь?! —

Въ ушахъ слышалось — «намъ не жить подъ гнетомъ самодержавія»!...

ХІІІ.

Въ Разгильдяевскомъ домѣ царила влюбленная атмосфера и вмѣстѣ съ тѣмъ шла подготовка къ походу.

Спальня Порфирія, его кабинетъ и даже общая гостиная были завалены походными вещами. Бинокли, переметныя сумы, вьюки, сѣдла, палаточныя принадлежности, колья, веревки, чемоданы, походная постель изъ тяжелыхъ желѣзныхъ стволонъ, покрашенныхъ зеленой краской, разборный самоварчикъ — «паукъ», на вкладныхъ кривыхъ ножкахъ, потники, высокіе сапоги съ раструбами валялись на тахтѣ, лежали по диванамъ и кресламъ, на полу между мебелью. Пахло свѣжей кожей, ворванью, пенькой, грубымъ полотномъ, смолою — пахло — походомъ.

Старый генераль посмѣивался и говорилъ: — напрасныя траты!... Туда и обратно!..

Порфирій возмущался.

— Помилуй, папа!.. Туда и обратно? И это послѣ торжественныхъ проводовъ Великаго Князя, послѣ того, какъ сказаны были передъ офицерами всей нашей гвардіи великія слова о цѣляхъ войны, о Константинополѣ!... Невозможно...

— Слышалъ и объ этомъ. Конечно, слово не воробей, вылетитъ — не поймашь, но... Не слѣдовало говорить этихъ словъ... Кромѣ Россіи есть еще и Европа и въ ней міровое масонство, управляемое жидами. Какъ ты полагаешь, австрійскимъ жидамъ желательно, чтобы славяне, эксплоатировать которыхъ они привыкли, стали свободны?.. Ты думаешь англійскимъ жидамъ радостно будетъ видѣть торжество христіанства на Средиземномъ морѣ? Да вѣдь это будетъ

потрясеніе всѣхъ основъ англійской политики. Въ Яхтѣ Клубѣ открыто говорятъ, что Англія и Австрія не допустятъ Россію до освободительной войны, до торжества Россіи на ближнемъ востокѣ.

-- Но, папа... Россія?.. Слово Государя?..

— Знаю — повторишь слова о сто пятидесяти милліонномъ народѣ... Но народъ-то этотъ темень, онъ молчитъ и что онъ думаетъ, кто это знаетъ? Полагаю, что все, что хочешь, но не о благополучіи какихъ то тамъ Балканскихъ славянъ... А масонскій міръ силенъ... Государь царствуетъ 22 года -- ему не мѣшаютъ... Но, если его царствованіе завершится побѣдами и — не дай Богъ — Константинополемъ — масонскій міръ этого Государю не проститъ никогда... Всѣ темныя силы будутъ подняты, снабжены деньгами, ободрены и двинуты, чтобы уничтожить Государя... Помни мое слово -- «земля и воля» къ намъ пришли изъ за границы...

— Ужасно..

-- Міровая политика ужасна. Тутъ нѣтъ никакой жалости, ибо тутъ — еврей съ его вѣчной ненавистью къ не еврею... У масонскаго интернаціонала на поводу и въ услуженіи темный третій международный интернаціоналъ, о которомъ мы ничего не знаемъ, а когда узнаемъ, такъ ахнемъ отъ ужаса.

Порфирій тупо смотрѣлъ на отца. Онъ и точно ничего не зналъ объ этой высшей международной и внѣ правительственной политикѣ. Одолѣвали его помимо его сборовъ на войну и семейныя заботы. Афанасій шелъ на войну и стоялъ на томъ, чтобы отецъ добился его перевода въ Волинскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Кишиневѣ. Значить — въ первую голову!

Не патріотизмъ и примѣръ отца побуждали Афанасія ломать свою гвардейскую карьеру, но зналъ Порфирій, что его сынъ въ эти дни вдругъ точно прозрѣлъ и безъ ума и памяти влюбился въ Вѣру, а та словно и не замѣчала его чувства и избѣгала своего троюроднаго брата.

Простившись со своимъ батальономъ Афанасій переселился къ отцу подъ одну крышу съ Вѣрой и сталъ приставать къ кузинѣ.

Вѣра ходила задумчивая и печальная, своя тяжелая внутренняя работа шла въ ней, и влюбленный Афанасій ей былъ нестерпимъ.

Афанасій поймалъ Вѣру въ корридорѣ у дверей ея комнаты. Онъ схватилъ своею большою рукою за концы ея пальцевъ и, не зная, какъ начать давно подготовленное объясненіе, сказалъ:

— Вѣра... Вѣра.. О чемъ ты все думаешь?..

— Прежде всего пусти меня. Ты знаешь, что я этого терпѣть не могу.. Телячьи нѣжности. Конечно не о тебѣ.

— Вѣра... Мы оба выросли и не замѣтили этого... А я вотъ теперь точно только первый разъ тебя увидѣлъ.

— Ну?.. И дальше что? — вырываясь изъ крѣпкихъ рукъ Афанасія и берясь за ручку двери своей комнаты, сказала Вѣра.

— Вѣра!.. Да ты ужасно какъ похорошѣла..

-- Очень рада узнать объ этомъ отъ тебя первого.

-- Вѣра, стой!.. Поговоримъ!

--- Мнѣ не о чемъ съ тобою говорить. Мы разные люди... Мальчикомъ ты меня мучилъ и дѣлалъ мнѣ больно. Теперь надоѣдаешь мнѣ своими томными взглядами. Они и тебѣ и мнѣ не къ лицу.

— Вѣра... Прости за прошлое. Что можетъ понимать мальчикъ въ женской красотѣ... Такой у меня былъ уже темпераментъ, чтобы мучить тебя. Можетъ быть, даже это былъ инстинктъ просыпающейся любви... А теперь...

— Ну что-же теперь? — наступая на Афанасія, сказала Вѣра, пытливо и строго смотря Афанасію прямо въ глаза.

Бѣдный Волынецъ покраснѣлъ, растерялся, смутился и теребилъ полу своего сюртука.

— Вѣра... Мнѣ кажется.

— Если тебѣ что кажется — перекрестись и перестанетъ казаться, — рѣзко сказала Вѣра, быстро вошла въ свою комнату и заперлась на ключъ.

«Этотъ мальчишка и точно, кажется влюбленъ въ меня», — подумала Вѣра. — «Этого только не доставало! Отъ него всего можно ожидать... Пожалуй и на войну идетъ... потому что... Ну да не все-ли равно, мнѣ то какое дѣло до этого!»

Но главную скрипку въ любовномъ концертѣ разъигрывавшемся въ Разгильдяевскомъ домѣ несомнѣнно играла графиня Лиля. Она и не скрывала своего обоженія Порфирія.

«Нашъ герой»..., — иногда — «наши герои», когда говорилось про Порфирія и Афанасія не сходило съ ея языка.. «Подвигъ»... «Красота самопожертвованія»... «Точно по евангельскому завѣту Христа наши герои идутъ душу свою положить за други своя»...

Графиня Лиля, какъ мать, или сестра входила во всѣ подробности снаряженія Порфирія, ѣздила для него по магазинамъ, шила сама ему походные мѣшочки для чая, для сахара, подарила дорогую флягу изъ хрусталя въ серебрѣ. Порфирій принималъ все это, какъ должное, по праву героя, идущаго на войну.

А Вѣра все это было смѣшно.

XIV.

Былъ вечеръ. Въ кабинетѣ Афиногена Ильича подъ зелеными шелковыми абажурами горѣли канделябры на большомъ кругломъ столѣ. Афиногенъ Ильичъ сидѣлъ въ креслѣ, протянувъ ноги. Фликъ и Флокъ лежали подлѣ на коврѣ. Вѣра сидѣла задумавшись у камина, смотрѣла на горящія дрова и слушала сквозь свои тоскливыя мысли, какъ графиня Лиля читала выдержки изъ французскихъ и англійскихъ газетъ.

-- Афиногенъ Ильичъ, еще про Россію, прочесть? .

--- Будьте добры, графиня.

-- 18-го декабря, это значитъ, по нашему — 6-го, на площади у Казанскаго собора былъ большой митингъ. Толпа возмущеннаго народа достигла нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ. Генераль Треповъ собралъ войска Петербургскаго гарнизона и атаковалъ толпу кавалеріей...

— Дѣдушка, это-же неправда, — отозвалась отъ камина Вѣра. — Зачѣмъ пишутъ такую неправду? Я случайно проходила по Невскому въ это время. Тамъ было человекъ триста студентовъ и курсистокъ и полъ-эскадрона

казаковъ, который и разогналъ ихъ. Кто не зналъ, тотъ даже и догадаться не могъ, что это былъ митингъ...

Какія то струны туго, туго натянулись внутри Вѣры. Невидимый кровавый рубецъ огнемъ загорѣлся на спинѣ подъ ея строгимъ вечернимъ закрытымъ платьемъ. Вѣра съ трудомъ сдерживала внутреннюю дрожь.

— Всѣхъ ихъ слѣдовало-бы перепоротъ тамъ-же на Казанской площади, — брезгливо сказала графиня Лиля. — Какіе мерзавцы!.. Въ такіе священные моменты... А вотъ еще... Сообщаютъ изъ Лондона, что Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій вовсе не боленъ въ Одессѣ, но въ Кишиневѣ въ него стрѣляли возмущившіеся офицеры и онъ опасно раненъ... Подумаешь!.. Какая гадость!..

— Дѣдушка... Все это ложь... Кто-же это пишетъ?..

— Эмигранты Русскіе... Вотъ такіе, какъ князь Крапоткинъ, Герценъ и имъ подобные, ну и жида стараются всякую мерзость про Россію напечатать. Заграничная пресса, какъ правило, подкупна. Отсюда имъ даютъ свѣдѣнія, а газеты рады сенсациямъ. Тошно жить, Вѣра, когда не стало честности и благородства. Потрясаютъ основы... Ты говоришь — триста человѣкъ... Да вѣдь одинъ дуракъ бросить камень въ воду, а сто умныхъ не могутъ его вытащить... Чтобы разрушить и тридцати достаточно, а вотъ созидать нужны милліоны!.. Весь народъ.. А разрушить?..

Афиногенъ Ильичъ обернулся къ графинѣ Лилѣ:

— Они, графиня, и войну используютъ для того, чтобы разрушить Россію... Вотъ почему и не нужно намъ никакой войны.

— Ну что они могутъ сдѣлать?.. Эти, что со знаменемъ «земля и воля» ходили триста мальчишекъ, — сказала графиня Лиля.

— Разрушить Россію, — вставая, сердито сказалъ генералъ. — Убить Государя... Вы думаете, графиня, народъ?.. Какой тамъ народъ!.. Явится тамъ какойнибудь болванъ... Чаадаевъ, или тамъ Пестель, Рылѣевъ... Декабристы... И на священную особу Государя Императора покушеніе. Развѣ уже не бывало такъ? Каракозовъ... Березовскій... Стрѣляли уже. Одинъ человѣкъ... Одинъ негодяй!.. Много и не нуж-

но, одинъ негодай сдѣлаеть, а миллионы порядочныхъ людей страдать будутъ, да ничего не помогутъ.

-- Господь охранитъ нашего Государя...

-- На Бога надѣйся, а самъ не плошай... Завелась эта пакость и трудно ее вывести. Какъ ржа на желѣзѣ. Истачиваетъ ржа и сталь. Красное знамя!.. А какъ это разжигаетъ страсти!.. Мутятся головы... Какъ въ такія времена начинать войну?!

-- Освободительную войну, Афиногенъ Ильичъ! Освободить славянъ отъ гнета турокъ...

— Слыхаль, слыхаль... Освободить... Благодарность людская — черствая благодарность... Ну да тамъ видно будетъ. Спасибо, графиня, за чтеніе. Мнѣ трудно заграничныя то газеты... Печать сѣрая, мелкая, въ глазахъ отъ нея рябитъ... Спасибо...

Генераль поцѣловаль графинѣ руку, поцѣловаль Вѣру въ лобъ и пошелъ, сопровождаемый собаками въ спальню.

Вѣра и графиня сидѣли молча. Въ тепломъ кабинетѣ была тишина. Съ легкимъ шорохомъ обвалились красныя головни, на мгновеніе каминъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. По зимнему, Петербургскому было тихо въ кабинетѣ. Графиня Литя отложила въ сторону газеты и сидѣла, устремивъ сіяющіе глаза на окно съ опущенными портьерами. Вѣра низко опустила голову. Разсыпавшіеся уголья бросали кровавые блики на ея шею и волосы. Очень красиво было ея печальное, задумчивое лицо.

«Ложь», — думала Вѣра. — «Зачѣмъ»?..

XV.

Было утро, и Вѣра только что вернулась съ прогулки. Горничная, помогавшая ей раздѣться доложила, что какой то человѣкъ пришелъ съ чернаго хода на кухню и непремѣнно проситъ доложить о немъ барышнѣ.

-- Какой человѣкъ? — спросила съ недоумѣніемъ Вѣра.

— Назвались княземъ.. Да видъ то у него, барышня, совѣмъ даже не авантажный. Словно скубентъ какой. Очень бѣдно одѣты. Сапоженки прохудились, на плечахъ платокъ.

— Съ рыжеватой бородкой?

— Такъ точно-съ. Такъ что то растеть по щекамъ. Очень уже они negliжа.

— Такъ это князь Болотневъ... Проведите его ко мнѣ.

— Въ голубую гостиную прикажете, или въ залъ?..

— Нѣтъ, Маша, ничего не подѣлаешь, проведите его ко мнѣ сюда...

— Въ спальную?.. — удивилась горничная.

— Ну, да... Вѣдь у меня прибрано.

Вѣра отлично понимала смущеніе и возмущеніе горничной, но какъ было ей иначе поступить? Съ тѣхъ поръ, какъ родители выгнали изъ дома князя входъ въ такіе дома, какъ домъ Афиногена Ильича Разгильдяева былъ закрытъ для Болотнева. И князь это отлично зналъ, потому и пришелъ съ чернаго хода на кухню. Принимать его въ парадныхъ комнатахъ, куда могли пройти Афиногенъ Ильичъ, или Порфирій — это значило навлечь на князя непріятности. Если князь пришелъ къ Вѣрѣ, если онъ такъ добивается ее видѣть — значитъ случится что нибудь особенное, важное и нужно его принять и выслушать въ спальнѣ, куда ни старый генералъ, ни дядюшка Порфирій, ни Афанасій не заглянуть.

Князь Болотневъ былъ одѣтъ много хуже, чѣмъ лѣтомъ, на Петергофскомъ праздникѣ, гдѣ своими странными разсужденіями онъ отвлекъ Вѣру отъ тяжелыхъ мыслей и заинтересовалъ ее. Штаны были — тѣ-же, но были болѣе потрепаны и сзади у каблуковъ появилась на нихъ бахрама. Сапоги были давно нечищены и на правомъ сквозила дырочка, сквозь которую просвѣчивалъ не особенно чистый носокъ.

Князь протянулъ Вѣрѣ сырую, холодную, красную, обмороженную руку и сказалъ:

— Простите, Вѣра Николаевна, удивлены?.. Можетъ быть возмущены моимъ нахальствомъ и некорректностью, не «comme il faut»*), но я считаю, что намъ, молодежи, новому поколѣнію нужно строить жизнь по новому. Нужно отбросить всѣ условности хорошаго тона. Да и не до нихъ теперь. Видите — я къ вамъ по важному, очень нужному дѣлѣ, который рѣшитъ мою судьбу...

*) Не такъ, какъ нужно.

— Садитесь, князь, — показывая на кресло, сказала Вѣра. — Я васъ слушаю.

— Не бойтесь... Я васъ не задержу-съ. Порядки вашего дома знаю... Потому буду кратокъ. Вы помните нашъ разговоръ на праздникъ въ Петергофъ? То есть, собственно говоря, говорилъ то я одинъ, вы же все молчали.

— Я помню, князь... Вы были очень оригинальны. Вы совсѣмъ тогда сразили и ошеломили графиню Лилю.

— Такъ вотъ, Вѣра Николаевна, именно тогда я понялъ и почувствовалъ, что между нами существуетъ родство... То есть, конечно, я понимаю — Болотневы и Ишимскіе и Разгильдяевы совсѣмъ, совсѣмъ никакъ не родня... И близкаго ничего нѣтъ... Болотневы это тѣ, кто давно, давно пили крестьянскую кровь, крѣпили свои помѣстья — это родовитое дворянство, старое, боярское, на плетяхъ выросшее, Разгильдяевы и Ишимскіе — дворянство служилое, петровское, солдатскою кровушкой вспоенное, на шпиц-рутенахъ воспитанное. Я еще грамотѣ хорошо не зналъ, какъ меня заставили выучить генеалогію нашего рода... Такъ вотъ, — значить, родства кровнаго нѣтъ... Никакъ нѣтъ. Но я говорю въ данномъ случаѣ про родство душъ. Я тогда просто такъ почувствовалъ, что и вы, какъ и я на распутьи, ищите, не знаете, какъ жить... И вотъ я сталъ думать. Какъ видите больше полгода думалъ, обмозговывалъ, прилаживалъ въ головѣ, прежде чѣмъ васъ побеспокоилъ. Я пришелъ къ тому заключенію, что проще всего намъ будетъ взять и пойдти вмѣстѣ. Вы меня понимаете, Вѣра Николаевна?..

— Простите, князь, но я васъ совсѣмъ не понимаю.

— Ну вотъ, какъ же это такъ? Да это-же совсѣмъ просто. Я предлагаю вамъ, Вѣра Николаевна, выйти за меня замужъ. Стать моею женою.

И, точно боясь услышать сейчасъ-же отказъ, князь заторопился продолжать.

— Нѣтъ... нѣтъ... Вы не подумайте... Я предлагаю вамъ совсѣмъ особое новое... Бракъ, какъ это понимается всѣми, — мѣщанство... Я далекъ отъ мысли о мѣщанствѣ. Я считаю такой бракъ величайшею глупостью. Но, когда полюбишь и сильно, а я въ этомъ убѣдился, то это вещь совершенно естественная, вполне допустимая при моемъ матерьялистиче-

скомъ и математическомъ воззрѣніи на міръ. Когда полюбишь дѣвушку такую-же развитую, какъ я самъ — то можно допустить уже и такую глупость, какъ женитьба. Но только я предлагаю вамъ выйти за меня замужъ не иначе, какъ для того, чтобы розно жить, и ни вы, ни я тогда не потеряемъ своей свободы.

— Но это, князь... Я не знаю, какъ назвать это?... Это же комедія...

— Допустимъ. Я зналъ, что вы сразу не поймете меня. Пускай даже и комедія, но комедія безвредная... А какъ же жить въ наше время атеисту безъ комедій?...

— Князь... Бракъ — таинство... Вы знаете, что надо раньше бракосочетанія говѣть и пріобщаться...

Вѣра сама не знала, что говорила. Ей нужно было что нибудь сказать. Принять по настоящему слова князя она не могла, однако видѣла, что князь не шутитъ. Онъ былъ необычайно серьезенъ и, несмотря на свой поношенный костюмъ, весьма даже и торжествененъ, жениховски важенъ и несомнѣнно трезвъ.

— Знаю... Вотъ и говорю — комедія... Какъ я пойду къ попу на исповѣдь и начну съ того, что я не вѣрую въ Бога... — «Такъ зачѣмъ-же», — скажетъ мнѣ попъ, — «ты пришелъ ко мнѣ»?.. Вѣрно, при такихъ условіяхъ и бракъ комедія. Но вся эта комедія нужна для людей. Вы потомъ останетесь здѣсь, или лучше еще переѣдете на свою отдѣльную квартиру, я останусь въ своей мансардѣ. Но мы свяжемъ себя, такъ сказать, круговой порукой. Та любовь, которая загорѣлась во мнѣ тамъ, на берегу Финскаго залива, заставитъ меня повѣрить въ трудъ и приняться за него... Мы читали - бы вмѣстѣ, прочли - бы и усвоили «*Kraft und Stoff*» *) Людвига Бюхнера. Вы знаете языки и я ихъ знаю. Вы, можетъ быть, поступили-бы на Медицинскіе, или Бестужевскіе курсы. Мы стали-бы вмѣстѣ работать, изучать общественныя науки, мы съ вами вмѣстѣ, Вѣра Николаевна, перевернули-бы весь міръ. А?.. Что вы на это скажете?..

— Что я могу вамъ сказать?.. Вы говорите о любви, но

*) Сила и матерія.

мнѣ думается, что для женитьбы... все таки любовь должна быть взаимной...

— Я понимаю васъ... Вы меня не любите... Конечно... Прогнали человѣка изъ дома... Пьяница... Нищій...

— Нѣтъ, князь... Совсѣмъ не это... Увѣряю васъ, не это... И то, что вы безъ средствъ и то, что прогнали васъ изъ дома и все другое не имѣетъ никакого значенія для меня, если бы тутъ была любовь.. Но я?... Я никого не люблю...

— Меня же особенно, — вставая, жестко сказалъ князь. — Всѣ презираютъ меня за это мое.. нищенство. Я же считаю, что подло жить на счетъ трудовъ и слезъ своего ближняго, и вовсе не подло на счетъ добровольнаго дателя. Да, я не способенъ къ труду... Но, когда я полюбилъ, мнѣ стало казаться, что вмѣстѣ съ вами я могу и трудиться. Моя душа воспарила, и мнѣ показалось, что я не совсѣмъ пропавшій человѣкъ.. А вы способны на самопожертвованіе. Я не хочу быть бариномъ и васъ не зову стать барыней, а прошу васъ вмѣстѣ потрудиться. Я ничтожный, лишній на свѣтѣ человѣкъ, ноль.. Я тоскую и мучаюсь пустотою жизни... И мнѣ казалось, что и вы тоже...

— Ноль... И вы думали, что ноль плюсъ ноль дадутъ нѣчто...

— Прощайте, Вѣра Николаевна, — рѣшительно сказалъ князь Болотневъ. — И прошу васъ забудьте этотъ мой глупый разговоръ. Ваша логика убійственна... Эти шесть мѣсяцевъ я только и дѣлалъ, что пилъ и думалъ о васъ... Много читалъ... Даже писалъ... Думалъ, что нашелъ... Вижу, что ошибся...

Князь протянулъ Вѣрѣ все еще холодную, несогрѣвшуюся руку. Вѣра вяло пожала ее. Ей было жаль князя... Но не выходить-же ей замужъ за всѣми отверженнаго Болотнева, чтобы потомъ жить какъ то странно по разнымъ квартирамъ. Князь вышелъ изъ комнаты. Отъ него остался въ спальнѣ какой-то неуютный, нежилой запахъ холода и сырости. Точно принесъ онъ съ собою воздухъ улицы и своей холодной, одинокой, сырой мансарды...

Вѣра смотрѣла на закрывшуюся за княземъ дверь.

«Жаль, конечно... Мнѣ жаль его. Можетъ быть, было нужно, какъ это дѣлаетъ графиня Лиля, дать ему крас-

ненькую?.. Но какъ дать деньги, когда онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе руки и сердца?.. Спаси, вывести на добрый путь всѣми отверженнаго князя?.. Развѣ это не подвигъ... Но я — дѣвушка, побитая на площади казакомъ... Куда я сама-то годна со всѣми своими сомнѣніями... О, Боже! Боже!.. верни мнѣ вѣру въ Тебя!.. Научи меня, если Ты еси!.. Но — я знаю — Тебя нѣтъ... Если-бы Ты былъ, не было-бы надвигающейся войны, турецкихъ звѣрствъ, казаки не били-бы на площади студентовъ, не было-бы курсистки воткнувшей ножъ въ крупъ лошади и казака съ разбитымъ глазомъ. Мнѣ говорили, что у казака глазъ совсѣмъ вытекъ... Не было-бы и этого несчастнаго князя, но всѣ были-бы радостны и веселы и... счастливы... А то все это... И Богъ?.. Богъ?.. Милостивый и человеколюбивый Богъ?.. Нѣтъ Бога, нѣтъ, и такъ страшно жить безъ Бога...

XVI.

Порфирій у себя въ кабинетѣ примѣрялъ походное снаряженіе. Афанасій сидѣлъ въ углу въ креслѣ и смотрѣлъ на отца.

Порфирій надѣлъ чечунчовую желтоватую рубашку на крѣпкое, волосатое тѣло, сѣлъ на тахту и сталъ натягивать высокіе сапоги съ раструбами выше колѣна.

— Немного тугіе сдѣлалъ мнѣ сапоги Гозе... Ну, да разносятся, — сказалъ онъ, вздыхая. — Но нигдѣ не жмутъ. И нога, какъ облитая... Гарновскій писалъ мнѣ — въ дѣйствующей арміи — вицъ мундиръ и каска обязательны... Такова воля Государя... Какъ въ Прусской арміи въ войну семидесятаго года...

Порфирій накинулъ на плечи сюртукъ со значкомъ и аксельбантами и прошелся по кабинету.

— Папа, — сказалъ Афанасій, — ты пройди все таки къ ней. Поговори.

— А самъ-то что-же?.. Жен-нихъ!.., съ ласковой ироніей сказалъ Порфирій.

— Не могу. Такъ посмотреть на меня, что языкъ при-

липааетъ къ гортани. Боюсь — высмѣять. И ея глаза!.. Не налюбуюсь на нихъ и боюсь ихъ...

— Боишься, а жениться хочешь... Какъ же потомъ-то будетъ.

— Послѣ легче будетъ..

— Что говорить... Похорошѣла Вѣрочка, а кусается... Отъ рукъ отбилась. Вотъ оно домашнее то воспитаніе на волѣ. безъ институтской дисциплины... Такъ хочешь, чтобы я -- сватомъ?... И сейчасъ?..

— Да, папа. Завтра я уѣзжаю въ полкъ. Такъ хотѣлось-бы знать...

— Безприданница...

— Ну, дѣдушка ее не обидитъ. Да и у тебя, папа, что то есть.

— А вдругъ я возьму и тоже женюсь... Вотъ мои то денежки и проплывутъ мимо тебя.

Отецъ и сынъ весело захохотали.

-- Вѣдь не старѣ еще?.. А?.. Ни одного сѣдого волоса. Чѣмъ не женихъ?.. А?...

-- Совсѣмъ женихъ, папа... Такъ пойди и поговори.

— Ну, ладно... За успѣхъ не ручаюсь... Но не по тому, что отецъ, а по совѣсти: — лучшаго жениха для Вѣры, какъ ты, и днемъ съ огнемъ не сыскать.

Порфирій вдѣлъ рукава сюртука и распахнутый — очень ему нравилась желтоватая чечунчовая рубашка, — подрагивая крѣпкими мускулистыми ногами и позванивая прибитыми къ каблукамъ шпорами пошелъ на половину Вѣры

— Барышня у себя? — спросилъ онъ горничную, вышедшую къ нему въ корридоръ.

— Онѣ въ спальнѣ.

— Попроси ихъ въ будуарь...

Порфирій похаживалъ по мягкому ковру, поглядывалъ, какъ въ двухъ зеркалахъ отражалась его коротенькая полная фигура то со спины, то съ лица.

«На Леера, похожъ», — думалъ онъ самодовольно. — «Если отпустить бороду, да, когда посѣдѣю, совсѣмъ буду, какъ Леерь. Вотъ заложу руку въ карманъ и, какъ онъ, тихимъ ровнымъ голосомъ начну: — прошлый разъ мы за-

кончили оборудованіе базы, теперь посмотримъ, какъ въ соотвѣтствіи съ этимъ должны быть устроены операціонныя линіи... — Впрочемъ у Леера это какъ то ученіе, мудреніе выходило. А вѣдь и правда, я могъ бы лекціи читать. Мои академическія работы признаны лучшими, отчетъ о кавалерійскихъ маневрахъ на Вислѣ съ Сухотинымъ заслужилъ одобренія Обручева и Милютина. Я на дорогѣ... А теперь еще война... И я, чортъ возьми, ѣду на войну. Это тоже не шутки. Это стажъ для будущаго. Теорія, провѣренная на опытѣ... Георгіевскій темлякъ на саблѣ, а можетъ быть... и бѣленькій крестикъ!.. Всякое бываетъ... А тамъ, если повезетъ, и въ генералы... Какъ это въ «Горѣ отъ ума» то?.. «а тамъ — зачѣмъ откладывать-бы дальше, — рѣчь завести о генеральшѣ»... Однако, Вѣра меня поддерживаетъ, А, можетъ быть, догадалась, почему я такъ официально... Прихорашивается... Все таки смотрины... будущій тестюшка... Хе-хе-хе!.. А вотъ... Наконецъ»...

Вѣра вышла, какъ всегда ходила она дома, — въ строгомъ закрытомъ темно-сѣромъ платьѣ, въ корсетѣ. Круглыя пуговицы блузки были застегнуты сзади наглухо, узкимъ мыскомъ лифъ спускался за талью и незамѣтно переходилъ въ суконную юбку. Буфы на рукавахъ и турниоръ были умѣренны. Вѣра напомнила Порфирію французскую артистку, видѣнную имъ въ Михайловскомъ театрѣ. Прическа Вѣры была небрежна — слишкомъ густы и непокорны были пушистые пепельные волосы. Прическа эта очень шла Вѣрѣ.

«Хороша»... — подумалъ Порфиріѣ, — «мой оболтусъ понимаетъ толкъ въ женщинахъ. Мимишка его научила... И есть въ ней нѣчто духовное, величественное... Ей губерна-торшей быть. Вся губернія была-бы у ея ногъ. Дѣвчонка — а совсѣмъ Екатерина Великая...»

— Вѣра, я къ тебѣ по серьезному дѣлу.

— Садитесь — дядя, я васъ слушаю, — показывая на кресло и устало опускаясь въ другое, сказала Вѣра.

Порфирій продолжалъ ходить по комнатѣ. Зеркала отражали его.*

— Видишь ли Вѣра... — послѣдовало долгое молчаніе. Вѣра смотрѣла на Порфирія.

— Тебѣ нравятся мои сапоги?.. Это наша походная форма.

— Простите, дядя, вы мнѣ напомнили картинку на сказкѣ Перро — «Котъ въ сапогахъ».

— Котъ въ сапогахъ?.. — Порфирій принужденно засмѣялся и остановился противъ зеркала, спиною къ Вѣрѣ. Зеркало отразило румяное, круглое лицо, темные усы и бакены, напомаженные и приглаженные на вискахъ волосы торчали кверху, совсѣмъ какъ кошачьи уши... Небольшой носъ, веселые, жизнерадостные, круглые глаза — дѣйствительно котъ, сытый, лавочный, холеный котъ. И брюшко въ чечунчовой рубашкѣ — какъ бѣлая кошачья грудка... Котъ въ сапогахъ...

Порфирій застегнулся.

— А ѣдкая ты, Вѣра.

— Простите, дядя. Я это съ любовью.

— Охотно вѣрю, И я къ тебѣ съ любовью. Такъ вотъ... Коротко и прямо. По военному, по Разгильдяевски, по солдатски... Я къ тебѣ сватомъ. Ты — товаръ, я купецъ. Мой Афанасій просить твоей руки и сердца.

— Но, дядя... Мы-же, какъ брать и сестра... Мы родня.

— Какая тамъ родня!.. Седьмая вода на киселѣ.. Разгильдяевская кровь въ тебѣ только съ материнской стороны, да и то по бабушкѣ. Отецъ — Ишимскій, мать Тихменева и только мать твоей матери двоюродная сестра моего отца. Тутъ и не досчитаешься, гдѣ эта самая-то родня придется.

— Мы росли вмѣстѣ и я такъ привыкла смотрѣть на Афанасія, какъ на брата.

— Росли вмѣстѣ потому что... Да ты сама знаешь. Твой отецъ, капитанъ конной артиллеріи Ишимскій доблестно сражался въ Севастопольскую кампанію подъ командой моего отца, былъ тяжело раненъ, выручая со своей батареей моего отца. Это не забывается. Онъ женился въ домѣ моего отца... Я все это отлично помню и, когда твой отецъ скончался, а потомъ умерла и твоя мать, ты осталась круглой сиротой и зажила въ нашемъ домѣ со всѣми нами, какъ наша родня. Но ты отнюдь не сестра и даже не кузина Афанасія.

— И все таки я никакъ не могу себя представить женою Афанасія.

— И представлять не надо — надо стать. Афанасій ѣдетъ на войну. Онъ хочетъ передъ отъѣздомъ получить твое слово. Повѣрь мнѣ, получивъ твое слово, онъ будетъ героемъ и, если Богъ дастъ, цѣлымъ и невредимымъ вернется домой, ты дашь ему то счастье, какого онъ вполнѣ заслуживаетъ.

— Простите меня, дядя, но я не могу дать такое слово.

— Почему?.. Что онъ уродъ?... Обезьяна какая-то?..

— Нѣтъ, конечно, не уродъ и не обезьяна... «Красавчикъ» — съ дѣтства это слышу. А все таки — не могу.

— Почему?.. Ну хорошо... Я понимаю. Ты умная, Вѣра... Мой Афанасій умомъ и талантами не блещетъ, онъ не въ меня, а въ мать пошелъ... Но онъ такая прямота, такая честность, такой рубаха парень... Какъ онъ будетъ любить тебя и холить..

— Дядя... Все равно я не могу полюбить его.

— Еще разъ спрошу — почему?

— Вы помните, дядя.. Петергофъ и соревнованіе выѣздами.

— А... Такъ, такъ, такъ... Бѣлый пудель, — совсѣмъ по кошачьи фыркнулъ Порфирій. — Ф-ф-уу!.. Какая глупость! Но, милая моя, ты дѣвушка, тебѣ девятнадцать лѣтъ и тебѣ рано это знать. Но это всегда такъ бываетъ. Афанасію двадцать три года. Онъ сангвиникъ, онъ молодчикъ, что же ему?.. Фу-ухъ, какія ты глупости говоришь, хоть и умная дѣвушка... Нѣтъ ты не думай объ этомъ... Не думай и не думай... Посовѣтуйся съ нашей милой графинюшкой. Ей Богу, не потому, что отецъ, а по совѣсти — такого жениха не найти... И пожалѣй его...

Порфирій подошелъ къ сидѣвшей въ креслѣ Вѣрѣ и взялъ ее за плечи. Вѣра вывернулась изъ его рукъ и встала.

— Нѣтъ, дядя благодарю за честь.. Прошу не обижаться.. Но... просто — не могу....

— Да что у тебя есть кто нибудь на примѣтѣ?..

— Никого у меня нѣтъ — вы сами это отлично знаете. Кто у насъ бываетъ?.. Гдѣ я бываю?... Но за Афанасія я не могу выйти.... Я просто не люблю его.

— Стерпится — слюбится.

— Такимъ путемъ ни ему счастья не дамъ, ни себѣ не получу.

— Что-же сказать ему?.. Ты хотя-бы обнадежила его...

— Дядя... Въ Малороссіи, кажется, арбузы или тыкву въ такомъ случаѣ посылають.

— Ты еще можешь шутить!.. Ты отчаяніе вмѣсто надежды даешь человѣку, идущему на войну.

— Что-же я могу подѣлать? Я чувствую — что не люблю и никогда не полюблю Афанасія, — со слезами въ голосъ выкрикнула Вѣра. — Я никого никогда не полюблю. Я останусь старою дѣвою. Но только умоляю — не мучайте, не мучайте меня. Я никому не мѣшаю. Я пойду... въ народъ. Но я не могу, не могу и не могу!..

Вѣра выбѣжала изъ будуара...

Порфирій постоялъ нѣсколько мгновеній въ комнатѣ, ожидая, не вернется-ли Вѣра.

— Странная дѣвушка, — сказалъ онъ. — Съ идеями!.. — и пошелъ къ Афанасію.

Онъ засталъ сына въ кабинетѣ въ томъ-же креслѣ, въ той-же позѣ.

— Ну, что? — спросилъ Афанасій.

— Погоди, Афанасій... Нѣтъ, рано еще. Она совсѣмъ еще дѣвочка. Ей въ куклы играть, а не замужъ выходить. Не созрѣла еще. Переходный, самый капризный возрастъ. Помнишь, какъ въ Петергофѣ съ этимъ дурацкимъ матросомъ.

— Отказала? — вставая спросилъ Афанасій и поблѣднѣлъ.

— Н-нѣтъ... Она не отказала... Но, мой милый Афанасій, — надо намъ раньше вернуться съ войны, а тогда уже думать о свадьбѣ.

— Хорошо, папа... Я вернусь съ войны героемъ, или вовсе не вернусь...

XVII.

Война!.. Война!.. Она висѣла въ воздухѣ. Казалось, это страшное слово звучало въ великопостномъ перезвонѣ колоколовъ, слышалось въ чириканіи воробьевъ по улицамъ.

Въ Пассаждѣ, на Невскомъ, въ галлерей восковыхъ фигуръ были выставлены «Турецкія звѣрства». Были изображены изъ воска болгары привязанные къ деревьямъ, подъ ними горѣли костры. Фольговые огоньки костровъ блистали, восковыя ноги болгаръ были обуглены, на лицахъ изображена нестерпимая мука. Зрители стояли у столбиковъ съ малиновыми шнурами, вздыхали и говорили шопотомъ. У двери висѣла кружка «для добровольцевъ въ Сербіи». Сыпались въ нее мѣдные пятаки и трешницы, серебряные двугривенные и пятиалтынные.

На Николаевскомъ вокзалѣ ежедневно кого-то провожали въ дѣйствующую армію.

Порфирій и Афанасій уѣхали. Генераль благословилъ сына и внука иконами.

— Вернетесь, Богъ дастъ, -- сказалъ онъ, -- безъ всякой войны, Государь знаетъ:— *on ne saurait jamais entièrement anéantir les résultats de la guerre* *). Сто разъ подумаетъ. Своей Имперіей рискуетъ... Онъ это понимаетъ.

Вѣра одна осталась при дѣдушкѣ.

Газеты, «общественное мнѣніе» требовали войну.

Все это Вѣра переживала болѣзненно чутко. Она осторожно распрашивала дѣда, о тѣхъ войнахъ, въ которыхъ тотъ участвовалъ. Она съ трепетомъ слушала его рассказы о тысячахъ убитыхъ, о раненыхъ, умирающихъ на полѣ безъ помощи, о голодѣ и жадѣ, о героизмѣ Русскаго офицера и солдата.

Она думала: — «тутъ не одинъ случайно убившійся матросъ, — несчастный случай, Воля Божья, тутъ предумышленное убійство, массовое избіеніе ближняго».

Было страшно. Ночью вдругъ проснется Вѣра и долго лежитъ, устремивъ глаза въ уголь, гдѣ передъ образомъ Казанской Божіей Матери въ синемъ стеклѣ мигаетъ лам-

*) Никогда нельзя уничтожить совсѣмъ послѣдствія войны.

пада, затепленная горничной. Сама Вѣра уже не возжигала лампы — она была выше этого. Крошечное сѣмя сомнѣнія, невѣрія, матерьялизма, посянное въ ея сердцѣ княземъ Болотневымъ и тѣми книгами, которыя она читала разрослось громаднымъ деревомъ.

Вѣра смотрѣла въ сумракъ спальни на игру тѣней на золотомъ окладѣ и Ликѣ Пречистой и думала.

Война не допустима съ христіанской точки зрѣнія, не допустима и съ точки зрѣнія социализма, зовущаго къ общему міру, свободѣ, равенству и братству.

Вѣра читала Достоевскаго и слышала, какъ про него говорили: — «пророкъ,.. провидѣць... знатокъ человѣческой души... самъ много перестрадалъ и знаетъ до дна душу Русскаго человѣка»... Вѣра знала біографію Достоевскаго, слышала о дѣлѣ Петрашевцевъ, о томъ, какъ замѣшанный въ это дѣло Достоевскій былъ приговоренъ къ смертной казни и прощенъ уже на эшафотѣ. Знала, что онъ отбывалъ каторжныя работы въ Сибири. Она читала «Записки изъ мертваго дома», и, читая, сознавала, что человѣкъ, такъ много пережившій и повидавшій можетъ знать больше другихъ людей.

Вѣрѣ казалось, что Достоевскій долженъ непременно осудить войну, что онъ долженъ быть единомышленъ съ тѣми студентами и курсистками, которые митинговали на Казанской площади, что онъ, такъ много самъ пострадавшій, долженъ всею душою понять, что такое война и что онъ укрѣпить все то, что продумала Вѣра въ долгія молодые безсонныя ночи, когда такъ мучительны думы и такъ хочется на кого нибудь опереться, кѣмъ нибудь подтвердить продуманное и выношенное.

Но передъ Вѣрой всталъ сейчасъ же вопросъ: какъ пойдеть она къ совершенно незнакомому «непредставленному ей» человѣку? Какъ пойдеть къ чужому мужчинѣ — она — дѣвушка? Послѣ долгихъ размысленій она пришла къ выводу, что писатель, котораго она столько разъ читала и перечитывала сталъ для нея, какъ бы знакомымъ, что она все это объяснить, что онъ человѣкъ не молодой, пойметъ и не осудитъ ее. Вѣра думала: — а, если бы она была курсисткой? Перовская навѣрно пошла-бы. Колебанія и сом-

пѣнія продолжались долго, наконецъ, Вѣра рѣшилась.

Было то передъ-весеннее время въ Петербургѣ, когда основной ледъ на Невѣ уже прошелъ, снѣгъ лежитъ только по окраинамъ, гдѣ его не сгребали и не вывозили, а въ центрѣ гремятъ желѣзными шинами колеса дрожекъ по обнаженной мостовой, звенятъ ручки стекающей по трубамъ въ кадки воды съ крышъ, уже мѣстами обнаженныхъ отъ снѣга, когда у водопойныхъ колодъ особенно ароматно пахнетъ растоптаннымъ лошадьми сѣномъ и громко воркуютъ голуби, а извоищичи лошади стоятъ въ блестящихъ завиткахъ еще зимней шерсти и мотають головами съ навѣшенными на нихъ торбами, разбрасывая овесъ, точно чтобы нарочно дать подкормиться голубямъ и звонко кричащимъ воробьямъ, когда на деревьяхъ садовъ и скверовъ уже нѣтъ инея, но вѣтви набухли внутренними соками и нѣтъ, нѣтъ проглянетъ сквозь легкія тучи клочокъ голубого неба и ярко заблеститъ на мокрой мостовой солнце — и станетъ тогда все по весеннему радостно.

Вѣра шла, бойко постукивая каблуками, направляясь по Владимірскому проспекту въ Кузнечный переулокъ къ Достоевскому. Она поднялась на четвертый этажъ скучнаго и темнаго «доходнаго» дома и позвонила въ колокольчикъ на пружинѣ.

За дверью послышался тяжелый кашель, звякнулъ откладываемый крюкъ, и дверь медленно открылась. Отворилъ ее самъ писатель.

— Простите, Федоръ Михайловичъ, — сказала робко Вѣра, — могу я попросить у васъ нѣсколько минутъ времени?

— По дѣламъ редакціи? — стоя въ дверяхъ, сказалъ Достоевскій.

— Нѣтъ... По личному, очень важному дѣлу.

Достоевскій внимательно, изъ сумрака прихожей взглянулъ въ смущенное, порозовѣвшее лицо Вѣры. окинулъ взглядомъ ея скромный, но дорогой костюмъ, попятился назадъ и, приглашая рукою войти, сказалъ:

— Тогда, пожалуйста ко мнѣ, въ кабинетъ.

Несмотря на то, что день былъ свѣтлый, солнечный, въ

кабинетъ Ѳедора Михайловича было сумрачно. Единственное окно съ двойными рамами, выходившее на тѣнистый Петербургскій дворъ было мутно и запылено. Между рамами, въ ватѣ съ пестрыми шерстинками, были вдвинуты стаканчики со ржавой водой. Большой столъ стоялъ бокомъ къ окну. Онъ былъ заваленъ рукописями и длинными полосами корректурныхъ гранокъ. На полу лежали перевязанныя веревками высокія стопки книгъ «Дневника писателя». Противъ стола былъ книжный шкафъ, два кресла и широкій диванъ, обитый потертымъ коричневымъ рипсомъ. На кругломъ столѣ подлѣ дивана былъ графинъ съ водой и два граненыхъ стакана. Керосиновая лампа подъ зеленымъ картоннымъ абажуромъ стояла на письменномъ столѣ. Все это мелькнуло, какъ въ туманѣ передъ глазами смущенной Вѣры, но запомнилось навсегда.

Писательская бѣдность, большой тяжелый, одинокій трудъ, борьба съ врагами, завистниками и ненавистниками, временами, вѣроятно томящая усталость и мучительная болѣзнь, казалось смотрѣли изъ этой скромной обстановки.

— Я къ вашимъ услугамъ, сударыня, — сказалъ Достоевскій, подвинувъ кресло Вѣрѣ и самъ тяжело опустился въ широкое кресло у письменнаго стола.

Вѣра молча смотрѣла на сухое, изможденное лицо писателя. Изъ подлѣ низко лежащихъ надъ глазными впадинами тонкихъ прямыхъ бровей, сосредоточенно и умно глядѣли темные, ушедшіе въ себя глаза. Они напомнили Вѣрѣ другіе глаза. Вотъ такъ-же пристально, бывало, смотрѣлъ на нее духовникъ въ институтѣ, когда трепетная, и вѣрующая, смущенная и пристыженная стояла она за ширмами, на клиросѣ и готовилась каяться въ своихъ дѣтскихъ грѣхахъ. Ѳедоръ Михайловичъ не духовникъ, не священникъ, святости сана нѣтъ на немъ, и Вѣра пришла къ нему не съ грѣхами и покаяніемъ, но съ вопросами и сомнѣніями.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Садитесь пожалуйста, — повторилъ Достоевскій. — Я васъ слушаю.

— Простите, пожалуйста, — сказала Вѣра и замолчала.

Въ кабинетѣ было жарко и Вѣра разстегнула кофточку и сняла съ шеи шарфикъ. Потомъ рѣшилась и начала го-

ворить то, что давно въ бессонныя ночи придумала сказать:

— Это очень безцеремонно и не умно съ моей стороны. Вы-же меня совѣмъ не знаете... Но мнѣ такъ трудно всѣ эти дни. Все это время я боролась съ собою.. У меня столько сомнѣній... Мои дядя и троюродный братъ уѣхали на войну... Кругомъ люди ѣдутъ на войну... Но вѣдь война — это ужасъ! Война это умышленное убійство, — съ отчаяніемъ почти прокричала Вѣра. — И какъ совмѣстить это съ правдой, о которой вы такъ много и такъ сильно писали... Я ищу и хочу знать эту правду. И я слышала, что и народъ Русскій ищетъ и вѣритъ въ правду. Какъ-же пойметъ народъ войну? Какъ, что скажетъ онъ, когда г о н я т ь его на войну...

— Онъ и д е т ь на войну, - - тихо вставилъ въ страстную рѣчь Вѣры Достоевскій.

— Идетъ, — какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, повторила Вѣра. — Идетъ... Но развѣ онъ понимаетъ, зачѣмъ онъ идетъ?... Убивать!... Славяне... Славянскій вопросъ? Доступно это его пониманію? Я понимаю, мой дядя, онъ это знаетъ — онъ это изучалъ.. Но народъ?... Они. мужики, то есть, они, я знаю, и газетъ не читаютъ...

— Да, конечно, - - серьезно и вдумчиво началъ Достоевскій, — про славянъ и славянскій вопросъ народъ нашъ въ массѣ своей ничего не знаетъ. Можетъ быть, одинъ, кто нибудь на много сотенъ тысячъ деревенскій грамотѣй или побывавшій въ городѣ человѣкъ слышалъ, что есть тамъ какіе то сербы, черногорцы, болгары, единовѣрцы наши... Но весь народъ-то нашъ, почти весь, или въ чрезвычайномъ большинствѣ, слышалъ и знаетъ, что есть православные христіане подъ игомъ Магометовымъ, что они страдаютъ и мучаются... Что самая святая для насъ, христіанъ, мѣста — Іерусалимъ, Аѳонъ, принадлежатъ иновѣрцамъ. Вѣдь столько паломниковъ ежегодно со всей святой Руси идетъ поклониться Гробу Господню. Ну и приносятъ оттуда вѣсти о томъ, какъ мучительно тяжело тамъ православнымъ... Вотъ эти то самая муки отъ иновѣрцевъ, эта несправедливость, эта неправда и извѣстна народу... Вотъ почему такъ охотно жертвуютъ, — всѣ и простые и знатные на добровольцевъ.

— Да... Добровольцы... Это другое... Но, вы знаете, что война уже объявлена...

— Конечно, знаю... Но вѣдь, это, сударыня, война еще не слыханная никогда... Да было-ли когда нибудь, чтобы война начиналась не для того, чтобы отнять жизнь и свободу, поработить народъ, — а, напрѣтивъ, за слабыхъ и угнетенныхъ, для того, чтобы имъ дать и жизнь и свободу. Эта неслыханная въ мірѣ цѣль войны для вѣрующихъ въ Христа — утвердила вѣру въ нихъ... а для холодной, матерьялистической Европы явилась большимъ соблазномъ. И Европа намъ не повѣрила. Она возмутилась, назвала нашу войну коварствомъ... И испугалась... И пугаетъ Европу не то, что война можетъ усилить Россію, но то, что Россія способна на такое благородство, на какое Европа не способна. Предпринимать что нибудь не для прямой своей выгоды матерьялистической Европѣ кажется столь непривычнымъ, столь вышедшимъ изъ международныхъ обычаевъ, что поступокъ Россіи принимается Европой, какъ варварство отставшей, звѣрской и непросвѣщенной націи, способной на низость и глупость затѣять въ нашъ вѣкъ что то въ родѣ прежде бывшихъ въ темные вѣка крестовыхъ походовъ. Такъ перевернулись понятія, что Европѣ это кажется безнравственнымъ и угрожающимъ ея будто бы великой цивилизаціи.

— Это говорите вы, Ѳедоръ Михайловичъ, и я васъ понимаю вполнѣ, но какъ пойметъ все это народъ?

— Характерной чертой Русскаго народа является исканіе правды и безпокойство о ней... Съ этого, кажется, мы и начали нашу бесѣду съ вами. И нашъ народъ теперь именно и обезпокоенъ нравственно. Обезпокоенъ судьбою тѣхъ несчастныхъ, кто страдаетъ отъ турокъ.

— Да, — тихо сказала Вѣра... Все это ясно... Но, какъ совмѣстить это съ тѣмъ, что сказано: — «не убій»?.. Тамъ насиліе. На него отвѣтить насиліемъ еще большимъ!.. Вотъ, гдѣ, мнѣ кажется, лежитъ зло войны. Война — это страшный бичъ.

— Не всегда война бичъ!.. Иногда война — спасеніе.

— Какъ-же это можетъ быть?..

— Все зависитъ отъ цѣли войны. Въ нынѣшнемъ слу-

чаѣ — какая великодушная цѣль! Освобожденіе угнетенных!.. Идея войны безкорыстна и свята!

— Ужась!..

— Да, вѣрно — ужась... Но и гроза — ужась. Валить деревья, молніей сжигаетъ дома... Но и очищаетъ воздухъ. Эта война тоже очиститъ воздухъ отъ скопившихся міазмовъ. Она излѣчитъ наши души, прогонитъ позорную трусость и лѣнь. Эта война укрѣпитъ слабыхъ сознаниемъ нашего самопожертвованія. Духъ всего Русскаго народа, а съ нимъ и освобожденнаго славянства подымется и воспаритъ отъ сознанія солидарности и общаго единенія, составляющихъ то, что мы называемъ націей!.. Вѣдь, сударыня, нѣтъ ничего выше сознанія исполненнаго долга!.. А, когда при томъ долгъ въ хорошемъ святомъ дѣлѣ — что выше и лучше этого?!

Не того ожидала Вѣра отъ писателя Достоевскаго, «пророка», «провидца», «читавшаго въ душахъ людей», самого такъ много пострадавшаго. Она встала и сказала, протягивая руку:

— Благодарю васъ... И простите, что обезпокоила васъ и отняла ваше время... Васъ вѣрно часто такъ беспокоятъ... Прощайте.

Достоевскій провожалъ Вѣру. Онъ отложилъ тяжелый тугой крюкъ входной двери. Когда Вѣра уже была на лѣстницѣ, пронизанной золотыми лучами солнца, игравшими перламутровыми пылинками, Достоевскій вышелъ за Вѣрой на площадку и осіянный солнцемъ сказалъ глубоко, сильно и проникновенно:

— Помните слова Христа: — «больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя»... Тутъ — это... Въ полной мѣрѣ-съ... Въ полной-съ!..

Вѣра остановилась. Она одной рукой держалась за перила лѣстницы и повернулась лицомъ къ писателю. Серебромъ горѣли волосы, тонкая бородка шевелилась на груди. Глаза смотрѣли остро и строго... «Пророкъ», — подумала Вѣра.

— Выходить, — съ вызовомъ, гордо вскинувъ голову, сказала Вѣра — жить по Евангелію?..

— Какъ-же иначе-то!... — твердо сказалъ Достоевскій.
— Иного пути нѣтъ-съ!.. На немъ истина!..

Онъ попятился назадъ, скрылся въ тѣнь. Медленно, шурша клеенкой по каменнымъ плитамъ замкнулась дверь. Было слышно, какъ крѣпко щелкнулъ закладываемый крюкъ.

Точно отгораживался писатель отъ сумасбродной дѣвицы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Порфирій ѣхалъ въ дѣйствующую армію. Такъ его и провожали — на войну!.. Графиня Лиля служила въ часовнѣ Христа Спасителя на Петербургской сторонѣ напутственный молебенъ. Даже скептически смотрѣвшій на войну отецъ благословилъ Порфирія **образомъ**, — а пріѣхалъ Порфирій въ Кишиневъ и никакой войны, никакой дѣйствующей арміи не нашелъ.

Быль мартъ. Стоялъ морозъ и была колоть. Небо было синее и солнце по южному яркое, но не грѣющее. Ледяной вѣтеръ шумѣлъ въ высокихъ голыхъ раинахъ улицы - бульвара. Морозъ хваталъ за носъ и за уши. Фаэтонъ то катился по накатанной колеѣ, то погромыхивалъ и покряхтывалъ на замерзшихъ колеяхъ недавно здѣсь бывшей ужасающей грязи. Со двора казармъ Житомирскаго полка неслись крики командъ.

— Къ церемоніальному маршу... по роту, на двухъ взводныхъ дистанціи...

Полкъ готовился не къ войнѣ, но къ параду. Люди, несмотря на морозъ, въ черныхъ мундирахъ и скаткахъ, въ кепи, топтались, покачиваясь «на мѣстѣ». Блистали на солнцѣ трехгранные штыки **тяжелыхъ ружей Крика**, взятыхъ отвѣсно «на плечо». Молодой офицеръ, стоя лицомъ къ ротѣ и отбивая носками шагъ, кричалъ звонкимъ голосомъ:

— Тринадцатая р-р-рота-та... Пр-ря-а-а...

Офицеръ такъ долго тянулъ команду, что Порфирій успѣлъ проѣхать казарму, и уже въ догонку ему донесся мѣрный хрустъ ногъ и веселые звуки марша «Радецкаго».

«Пожалуй и правда», — подумалъ Порфирій, — «туда и обратно»... Медали такія... Шутники Петербургскіе!.. Сербамъ прикажутъ сидѣть смирно, а насъ всѣхъ вернуть обратно. Вотъ и все, въ угоду масонамъ Англіи и Австріи».

Торжественное настроеніе, бывшее въ пути по желѣзной дорогѣ — ѣхаль на войну полковникъ генеральнаго штаба — начинало падать.

Въ гостинницѣ свободныхъ номеровъ не оказалось. Гостинница была занята подѣ штабъ и расторопный писарь со свѣтлыми пуговицами и алымъ воротникомъ на черномъ мундирѣ съ писарскою вѣжливостію просилъ Порфирія «пожаловать» въ штабную комнату, гдѣ помѣщаются всѣ «господа».

Въ штабной Порфирій засталъ обычный кавардакъ военнаго постоя — и много знакомыхъ. Гарновскій заключилъ Порфирія въ объятія, маленький, худощавый, стройный Паренсовъ, пріятель по недавнимъ Варшавскимъ маневрамъ, крѣпко сжалъ руку Порфирія и, глядя въ глаза добрыми сѣрыми глазами, спросилъ:

— А письма отъ жены и дочери привезли?..

— Привезъ, привезъ, Петръ Димитріевичъ, — сказалъ Порфирій.

Высокій капитанъ генеральнаго штаба Лоренцъ — такъ представилъ его Порфирію Гарновскій, собрался было застегнуть разстегнутый мундиръ, да раздумалъ. Большой и толстый незнакомый полковникъ, разводившій на блюдечкѣ карминъ и синюю прусскую отложилъ въ сторону кисточку и внимательно посмотрѣлъ на пріѣзжаго.

— Неужели не встрѣчались?.. Я, кажется, васъ знаю. Ну, конечно, встрѣчались... Вы — Разгильдяевъ, я — Сахановскій... Помните лѣтъ пять тому назадъ мы съ вами колышки вбивали на военномъ полѣ подѣ Краснымъ Селомъ для жалонеровъ и линейныхъ.

— Да, позвольте... Вы тогда были...

— Худой и стройный... Да... да... Видите, какъ развезло... Чистый боровъ, — засмѣялся толстякъ — И ничѣмъ не остановишь. Не знаю, какъ и на лошадь взбираться буду.

Сизыя струи табачнаго дыма носились въ воздухѣ. Кромѣ двухъ гостинничныхъ постелей стояли еще двѣ походныя койки. Посрединѣ комнаты были сдвинуты ломберные сто-

лы и на нихъ разложены карты. По картамъ розовыми и голубыми красками намѣчались какіе-то районы. Тутъ-же стояли граненые стаканы съ чаемъ, лежали трубки, краски, кисти. Въ плохо провѣтренной комнатѣ пахло ночлегомъ, табакомъ, сапогами, — пахло солдатомъ.

Вопросъ о помѣщеніи для Порфірія разрѣшился просто.

— Ставь свою койку сюда, — кричалъ Гарновскій. — Денщика твоего на довольствіе зачислимъ и живи... Паренсовъ завтра уѣзжаетъ въ командировку въ Румынію, занимай его мѣсто.

— Но позвольте, господа, скажите мнѣ.. Все таки?.. — Порфірій однимъ глазомъ заглянулъ на карты. — Гдѣ сосредоточивается Дунайская армія?..

— Секретъ, — сказалъ Гарновскій.

И сейчасъ-же по всѣмъ угламъ комнаты бывшіе здѣсь колонновожатые закричали:

— Секретъ! Секретъ!!! Секретъ!!!

— Ты Левицкаго, Казиміра, знаешь?..

— Съ бородой лопатой, подъ Кронъ-принца Фридриха?!

— Ну, да, Казиміра Васильевича?..

— Мы его «воно» прозвали.

— Ну, видалъ... Въ Главномъ Штабѣ...

— Такъ вотъ — его о чемъ ни спроси — «воно» отвѣчаетъ: — «секретъ»... А онъ генераль квартирмейстеръ арміи и замѣститель Непокойчицкаго, который съ Великимъ Княземъ находится въ Одессѣ.

— Но я вижу вы тутъ расчерчиваете какіе то квартирные районы.

— А, помнишь, когда мы были въ Академіи Зейфертъ насъ заставлялъ штрихи тянуть, модели срисовывать... Чтобы занять насъ... Нервы послѣ экзаменовъ успокоить. Вотъ и здѣсь Казиміръ придумалъ: раздасть намъ расчертить районы расположенія частей корпуса Радецкаго. Мы расчертимъ..

Говорившаго Гарновскаго перебилъ Сахановскій:

— А «воно» придетъ и говоритъ: — «Я, знаете, ночь не спалъ, все передумалъ. Передвиньте-ка квартирный районъ на двадцать верстъ къ востоку въ томъ-же направленіи».

— Но, однако... Гдѣ-же будемъ переправляться черезъ Дунай?..

— Секретъ!..

— Секретъ!..

— Секретъ!.. секретъ!.. секретъ!..

— Да я самъ понимаю, что секретъ, да не отъ насъ-же, кто долженъ эту переправу подготовить.

— Секретъ!.. секретъ!.. секретъ!..

— А вы спросите жидочковъ отъ компаніи Грегера и Горвица — такъ они все вамъ скажутъ. Вся Румынія полна ими, — сказалъ капитанъ Лоренцъ.

— Ну, хорошо... но война то, наконецъ, будетъ, или нѣтъ?.. Вотъ въ Петербургъ говорятъ, что мы обратно поѣдемъ. Тамъ и медаль такую придумали на Станиславской лентѣ съ надписью «туда и обратно».

— Остряки, — сказалъ Сахановскій, — они готовы надо всѣмъ смѣяться.

— Война, конечно, будетъ, — серьезно сказалъ Паренсовъ. — Какъ-же можно отмѣнить войну? Мобилизація произведена. Сколько десятковъ тысячъ казаковъ поднято. Они должны были собраться, коней купить — чистое разореніе. Ихъ жены пошли батрачками служить. Какъ-же вернуть ихъ домой безъ подвига, безъ славы, безъ награды, безъ какой-то тамъ добычи? Засмѣютъ дома. Смута по странѣ пойдетъ. Чего вернулись? Турокъ испугались.. Чего не бывало никогда... Вамъ съ бабами воевать! Государь все это, конечно, учитываетъ... Но вотъ такъ прямо объявить войну — ему что-то или кто-то мѣшаетъ...

— Охъ — уже эта иностранная — весьма странная политика, — проворчалъ Порфирій. — Что-же я тутъ буду дѣлать?..

— А то же самое, что дѣлаемъ и мы. Чертить районы, сегодня одни, завтра другіе.

— Побудешь, милый мой, въ «диспонибельныхъ», какъ и мы.

— Просись у «паши» въ начальники штаба. Дивизія собрана, а штаба еще нѣтъ.

— И какая дивизія, подумай!..

— Дикая!..

— Гулебая!! Только война начнется — пойдетъ въ самую глубь Турціи гулять по тыламъ..

— Какіе полки!.. Одинъ Терско-Горскій конно-иррегулярный чего стоитъ!.. Ингуши и Осетины никогда никакому военному строю не обучавшіеся. Почтище баши-бузуковъ будутъ.

— Эти, брать ,рззть будутъ — ай люли малина!.. Только держись.

— И кто командуетъ-то, — сказалъ Паренсовъ. — Скобелевъ, слыхаль?..

— Какъ, развѣ Скобелевъ пріѣхалъ изъ Ферганской области? Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга я только слышалъ, говорили, что онъ просится въ Дѣйствующую Армію.

— Да не тотъ Скобелевъ, а п а ш а !.. Отецъ того, знаменитаго, что халатниковъ билъ. Генераль - Лейтенантъ Димитрій Ивановичъ. Вотъ сегодня здѣсь ему штабъ обѣдъ устраиваетъ. Увидишь его и просись, не прогадаешь, — сказалъ Гарновскій.

— Ну, что, господа, — сказалъ Паренсовъ, — человекъ прямо съ поѣзда. Затуркали совсѣмъ Порфирія Афиногеновича. Вы вотъ что, устраивайтесь на моемъ мѣстѣ. Вотъ вамъ и койка.

— Гей, люди!.. — здоровымъ басомъ крикнулъ Сахановскій, — тащите, черти, чаю полковнику, вещи его тащите сюда. Устраивайтесь, полковникъ, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!..

II.

Генераль Димитрій Ивановичъ Скобелевъ и точно походилъ на пашу. Мѣткое слово товарищей прилипло къ нему. Высокій, коренастый, тучный, съ крутымъ, яснымъ лбомъ, почти лысый, лишь по вискамъ и на затылкѣ вились сѣдые, темно-сѣрые волосы, съ длинными, густыми бакенбардами, висящими внизъ и съ красивыми пушистыми усами онъ былъ старчески медлителенъ, благостенъ и не безъ легкой насмѣшки надъ собою. Изъ подъ прямыхъ, темныхъ густыхъ бровей ясно, остро, спокойно и добродушно смотрѣли сѣрые глаза. Онъ носилъ черную съ серебряными гозырями черкес-

ку, обшитую вдоль ворота каракулемъ. Свитскіе аксельбанты висѣли изъ подъ серебрянаго погона.

Музыканты встрѣтили генерала маршемъ, офицеры столпились у входа въ столовую. Скобелевъ остановился въ дверяхъ и, широко улыбаясь, поклонился на всѣ стороны.

«Настоящій паша», — подумалъ Порфирій. — «Но какой толстый и старый... Ему за шестьдесятъ, должно-быть... Какъ будетъ онъ по тыламъ ходить и баши-бузуковъ «рѣзать?»

Офицеры окружили Скобелева и повели его къ закусочному столу.

— Ваше превосходительство, какой прикажете?.. Смирновской, полынной, зубровки, или рябиновой?..

— Наливайте, пожалуй, зубровки, только — чуръ, немного. Свое-мое давно пито и выпито. Ничего мнѣ больше не осталось.

— Груздочки хорошіе!..

— Или почки?..

— Баклажаны Румынскіе!..

— Ваше превосходительство, а что, правда это, что вашъ сынъ Михаилъ Димитріевичъ сюда ѣдетъ?..

Генераль точно поперхнулся водкой. Казалось, воспоминаніе о сынѣ ему было непріятно.

— А... Ымммъ.. Весьма возможно, что и ѣдетъ.. Съ него станеть.

Сѣдая, кустистая брови нахмурились, сдвинулись къ переносицѣ. На переносицѣ легла складка. Глаза блеснули.

— У Михаила Димитріевича, сына вашего, — сказалъ высокій полковникъ въ сѣдѣющихъ бакенбардахъ — тоже, какъ у вашего превосходительства есть и георгіевскій крестъ?

— Ымммъ, — мало чего у него нѣтъ, — ворчливо сказалъ Скобелевъ и пошелъ къ столу. — Есть у него и георгіевскій крестъ.

— У Михаила Димитріевича, — началъ было Гарновскій, но Скобелевъ сердито перебилъ его.

— Что вы всѣ пристали ко мнѣ... Михаилъ Димитріевичъ.. У Михаила Димитріевича... Оставьте, пожалуйста... Никакого такого Михаила Димитріевича я не знаю, да и знать, государи мои, не желаю.

Темныя брови разошлись. Складка на переносицѣ исчезла. Въ глазахъ загорѣлись счастливые, довольные огни.

— Для васъ и точно есть тамъ какой-то Михаилъ Димитріевичъ... Свиты Его Величества генераль. Ферганской Области военный губернаторъ... Ну, а для меня — тутъ лицо окончательно расплылось въ широкую улыбку — для меня есть просто — Мишка!.. Мишка, который у меня денегъ безъудержно требуетъ... Вотъ и все, государи мои.

Сидѣвшій рядомъ со Скобелевымъ, армейскій казачій полковникъ съ цифрою «30» на погонахъ, Давыдъ Ивановичъ Орловъ, командиръ Донского полка гулевой дивизіи, сказалъ Скобелеву:

— Расскажи, ваше превосходительство, какъ ты подъ Башь-Кадыкларомъ турецкія пушки бралъ..

— Слушайте, судари, Давыдъ Орловъ дѣло напомнилъ. И кстати. Вы вотъ ко мнѣ съ Михаиломъ Димитріевичемъ лѣзли. Кресть у него георгіевскій... Такъ у Мишки моего кресть за дѣло! Онъ тамъ текинцевъ билъ, города бралъ, цѣлыя области Государю Императору завоевывалъ. А у меня кресть и вовсе ни за что.

— Ну, полноте, что вы, ваше превосходительство, — сказалъ Гарновскій. Мы знаемъ — за взятіе турецкой батареи.

— Вотъ и невѣрно.. Не я взялъ батарею, а казаки ее взяли.

За столомъ притихли. Половые гостиницы и вѣстовые солдаты въ бѣлыхъ рубашкахъ, стараясь тихо ходить, обносили обѣдающихъ жареной индѣйкой. «Скрипъ-скрипъ», — поскрипывали ихъ сапоги и запахъ жареной птицы смѣшивался съ дегтярнымъ запахомъ солдатскихъ сапогъ.

— Такъ-то оно, судари. Былъ я въ минувшую турецкую войну молодымъ флигель-адъютантомъ. Вотъ, какъ и Мишка мой. Командовалъ я въ ту пору своднымъ казачьимъ полкомъ. Во время сраженія подъ Башь-Кадыкларомъ стояли мы, какъ и полагается конницѣ, на флангѣ. Жарища была страшная. Тамъ гдѣ то бой идетъ пѣхотный, насъ это не касается. Слѣзъ я съ лошади, присѣлъ на камень и о чемъ то задумался. Вдругъ, вижу, всполошились мои казаки, скачутъ куда-то мимо меня. Я имъ кричу: — «куда — вы?.. Постой!», а одинъ казачишка попридержалъ коня и

кричитъ мнѣ: — «за постой, баринъ, деньги берутъ»... Сѣлъ я на коня и помчался догонять сорванцовъ. Гляжу, а они лупятъ прямо на турецкую батарею... Ну и я тогда припустилъ пошибче, кричу казакамъ: — «ребята! Дарю вамъ эту батарею», — вѣдь, такъ, кажется, настоящіе то Бонапарты дѣлывали, а урядникъ мнѣ и отвѣчаетъ: — «не безпокойтесь, батюшка Димитрій Ивановичъ, Георгія вамъ зарабатываетъ»... Вотъ, судари мои, какъ дѣла то на войнѣ дѣлаются. Они взяли батарею, а мнѣ дали Георгія...

— Ну, полноте, ваше превосходительство, — сказалъ Гарновскій.

Скобелевъ повернулся къ Орлову и негромко сказалъ:

— Да вотъ, Давыдъ... Мишка!.. Это бѣда такого сына имѣть.. На прошломъ Георгіевскомъ праздникѣ Государь Батюшка и скажи мнѣ: — «ты — сынъи отецъ знаменитыхъ Скобелевыхъ»... А?! Знаю — ненарокомъ сказалъ... Царь Батюшка меня любитъ... Онъ того и въ мысляхъ не имѣлъ. чтобы задѣтъ, или обидѣтъ меня... Ну, а Питерскіе то завистники и подхватили, и понесли. Сынъ и отецъ!.. А?! А самъ-то?... Что-же понимаю — каждому свое.

Когда Скобелевъ уѣзжалъ — было темно. Тускло горѣли рѣдкіе керосиновые фонари. Офицеры вышли провожать гостя. Скобелевъ долго усаживался въ высокую бричку рядомъ съ Орловымъ, укручивался башлыкомъ, бранился съ кучеромъ — тоже Мишкой.

— Ты, Мишка, чортъ, дьяволъ, смотри, осторожнѣй по этимъ колдобинамъ... Не вывали.

Бричка загромычала по замерзшей мостовой и до Порфирія донесся сердитый голосъ стараго Скобелева:

— Шагомъ!.. Чортъ!.. Дьяволъ!.. Тебѣ говорятъ — шагомъ!..

«Да», — подумалъ Порфирій, — «куда ему съ Дикой дивизіей, по турецкимъ тыламъ гулять, баши-бузуковъ рѣзать.. Печь, да завалинка — удѣлъ стариковъ... Состарился паша»...

Порфирій такъ и не собрался съ духомъ проситься къ Скобелеву въ начальники штаба...

III.

Черезъ нѣсколько томительныхъ, скучныхъ дней, проведенныхъ Порфиріемъ то въ расчерчиваніи никому ненужныхъ картъ, то за ломбернымъ столомъ — играли въ винтъ и въ безикъ, а иногда подзуженные толстымъ Сахановскимъ: — «ма-ка-ашку, господа, заложимъ» — кто нибудь держалъ банкъ, играли въ макао, играли скромненько, ставки были небольшія — и горки пестрыхъ ассигнацій перекочевывали изъ одного кармана въ другой, — 19-го марта, неожиданно, прямо съ поѣзда для осмотра войскъ, расположенныхъ въ Бессарабіи и въ Кишиневѣ прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій съ сыномъ и съ начальникомъ штаба генераломъ Непокочицкимъ и расположился въ губернаторскомъ домѣ. И еще прошло три дня какого-то томительнаго тихаго ожиданія, когда, 22-го марта поутру, по приказу Великаго Князя на городской гауптвахтѣ барабанщикъ ударилъ тревогу, вѣстовые казаки поскакали по казармамъ и весь городъ наполнился военнымъ шумомъ спѣшащихъ на сборное мѣсто полковъ.

Сразу все перемѣнилось. Куда дѣвались скука и сплинъ. Точно сквозь сѣрыя тучи непогожаго, дождливаго и сумрачнаго дня проглянуло солнце. Всѣ лица повеселѣли. Сомнѣнія и опасенія, что ничего не выйдетъ — исчезли. Не напрасны были труды, расходы и лишенія. Будетъ, будетъ война!..

Всѣ подтянулись, стали озабоченными и бодрыми. О томъ, что придется идти обратно и рѣчи больше не было. Ждали Государя. «Пріѣдетъ и самъ объявить войну!...».

Императоръ Александръ II прибылъ въ Кишиневъ вечеромъ 11-го апрѣля.

Въ окнахъ домовъ горѣли свѣчи, вдоль троттуаровъ чадно дымили и полыхали желтымъ пламенемъ плошки. Тихо рѣяли между позеленѣвшихъ раинъ флаги. Народъ толпился по улицамъ. Въ городскихъ церквахъ шелъ пасхальный перезвонъ. Восторженное народное «ура» несло за государственной коляской.

На 12-ое апрѣля былъ назначенъ Высочайшій смотръ войскамъ, собраннымъ въ Кишиневѣ на скаковомъ полѣ.

Утро, 12-го, было хмурое и прохладное. Сѣро-фіолетовое небо висѣло надъ городомъ. Солнце не показывалось. Тихая печаль спустилась на землю.

Государь въ мундирѣ съ вензелями своего отца на погонахъ, утромъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на непривычный видъ южнаго степного молдаванскаго города. Широкая улица въ тополяхъ уходила вдаль. У подъѣзда губернаторскаго дома стояли коляски.

Государь посмотрѣлъ на часы.

— Его Высочество готовъ? спросилъ онъ у стоявшаго сзади дежурнаго флигель-адъютанта.

— Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Главнокомандующій ожидаютъ Ваше Императорское Величество внизу.

Государь еще разъ взглянулъ на часы. Медленно, будто колеблясь, взялъ со стола бѣлыя замшевыя перчатки и каску съ серебрянымъ свитскимъ орломъ, тяжело вздохнулъ, поднялъ прекрасные большіе глаза къ небу, перекрестился и пошелъ къ лѣстницѣ, устланной ковромъ.

У Кишиневскаго собора, на высокой паперти Государя ожидалъ въ полномъ облаченіи епископъ Кишиневскій и Хотинскій преосвященный Павелъ.

Во вдругъ наставшей, послѣ криковъ «ура», тишинѣ были слышны бряцаніе шпоръ, стукъ шаговъ и звяканіе сабеля поднимавшейся за Государемъ на паперть свиты. Потомъ и эти звуки затихли и въ тишину прохладнаго весенняго утра вошли слова преосвященнаго:

— Благочестивѣйшій Государь! Одинъ Ты, съ вѣрнымъ Твоимъ народомъ возлюбилъ попираемые пятою Ислама христіанскіе народы не словомъ только, или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

Порфирій стоялъ сзади владыки и думалъ:

«Одинъ Ты... вся Европа молчала... Вся Европа противоборствовала, мѣшала, спокойно и равнодушно взирая на избіенія и муки славянъ. Нашъ Государь не говорилъ, не убѣждалъ, но пошелъ — дѣломъ и истиною».

Порфирій набожно перекрестился.

— Ты грядешь къ намъ для того, — продолжалъ Вла-

дыка, — чтобы повелѣть Твоимъ войскамъ, если не всецѣло сокрушить... («отчего бы и нѣтъ?» — подумалъ Порфирій), то сокрушительно потрясти въ самыхъ основаніяхъ врата адовы, именующія себя Высокою и Блистательною Портою...

«Да, конечно, — думалъ Порфирій, — конечно, война...» Его сердце часто забилося и нѣкоторое время онъ не могъ слышать, что говорилъ владыка Павелъ.

— Подъ оскѣненіемъ небесныхъ и земныхъ благословеній войска Твои, предводимыя своимъ доблестнымъ, безпредѣльно, восторженно любимымъ, тезоименнымъ побѣдѣ Вождемъ, Августѣйшимъ Братомъ Твоимъ, — несло съ высоты паперти, — да порадуешь Тебя своими бранными подвигами и славными побѣдами, какъ доселѣ, конечно, радовали Тебя превосходнымъ воинскимъ духомъ, порядкомъ и благочиніемъ, и въ своемъ побѣдномъ шествіи да прейдутъ и тотъ предѣлъ, до котораго въ началѣ своего царствованія дошелъ славный Вашъ родитель, Императоръ Николай, предписавшій Портѣ миръ въ Адрианополѣ. Отъ блеска подвиговъ и побѣдъ Твоихъ войскъ да померкнетъ луна и да возсіяетъ, какъ солнце, Христовъ Крестъ! Аминь.

«Константинополь», — съ восторгомъ думалъ Порфирій, осторожно и незамѣтно пробираясь за спинами пѣвчихъ къ наемному фаэтону, чтобы поспѣть до Государя пріѣхать на скаковое поле. Вслѣдъ ему несло торжественное красивое пѣніе архіерейскаго хора: «Исполла ети деспота».

Звенѣли дисканты, густо, октавой гудѣли басы.

IV.

Лихой кубанскій казакъ въ развѣвающейся черкескѣ, съ трепещущимъ за спиною алымъ башлыкомъ, пролетѣлъ мимо генерала Драгомирова, не въ силахъ сдержать занесшаго его коня, и на скаку прокричалъ:

— Его Императорское Величество изволютъ ѣх-ха-аты!

— Ж-жал-лонер-ры на свои мѣста! — профессорскимъ баскомъ пропѣлъ Драгомировъ.

Надъ темными рядами солдатъ въ мундирахъ вспыхнули пестрыми бабочками алые, синіе, бѣлые, зеленые и пестрые флажки и разбѣжались по полкамъ, исчезнувъ за ротами.

На разные голоса раздались команды: «Равняйся... Смирно!» и опять: «Равняйся»...

Все казалось, что кто-то выдался впередъ, кто-то осадилъ, кто-то «завалилъ плечо»...

По широкой дорогѣ, обсаженной раинами, вилась пыль. Звонъ бубенцовъ становился слышнѣе. Съ нимъ шло, приближаясь, народное «ура». Точно только этого и ожидала природа. Вдругъ разорвались поднявшіеся къ небу туманы, въ сѣрыхъ тучахъ появился голубой просвѣтъ, солнце брызнуло золотыми лучами, заиграло алмазами на остріяхъ штыковъ, озарило алые, синіе и бѣлые околыши кепи, погоны, пуговицы, стальные бляхи ремней, мѣдные котелки.

Кавалерія сѣла на лошадей. Пестрые двухцвѣтные уланскіе и трехцвѣтные гусарскіе флюгера заиграли на пикахъ.

— Пар-радъ! Смир-р-рно!.. На плечо! По полкамъ шай на крауль!

— Вол-лынскій полкъ, — громко, распѣвно и радостно скомандовалъ командиръ полка полковникъ Родіоновъ. — Шай!

Онъ выждалъ моментъ, когда Государь, выйдя изъ коляски, сѣлъ на лошадь и поднялъ ее въ галопъ, и тогда закончилъ:

— На кр-рауль!

Тяжелыя Крка взметнулись вверхъ и заслонили свѣжими кожаными погонными ремнями бѣлые лица солдатъ. Въ тотъ же мигъ на правомъ флангѣ парада трубачи Конвойнаго эскадрона затрубили Гвардейскій походъ. Съ рѣзкими звуками трубъ слился грохотъ барабановъ и отрывистые звуки горновъ. Волынцы забили армейскій походъ.

Искусный наѣздникъ, Государь мягко сдержалъ лошадь и перевелъ ее на шагъ.

— Здо-гово, Волынцы! — бодро привѣтствовалъ Государь первый полкъ.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество-о-!! — съ удареніемъ на «о» отвѣтили Волынцы, гря-

нуль гимнъ и понеслось раскатистое, дружное, не народное, но солдатское лихое «ура»...

Государь ѣхалъ вдоль фронта. Ни онъ, ни генераль Драгомировъ, ни командиръ полка, ни батальонные, ни ротные, ни фельдфебеля, изъ-за ротъ высматривавшіе Государя, какъ и вообще никто изъ военныхъ не думалъ въ эту минуту, что это парадъ передъ войною, передъ смертью, передъ раненіями, передъ всѣми ужасами войны, но одни совѣмъ бездумно, другіе въ восторженномъ ожиданіи грядущей побѣды, — побѣды несомнѣнной, кричали «ура», сами поражаюсь мощи своего крика.

Минцы взяли на караулъ, за ними Подольцы и Житомирцы, потомъ 7-ой саперный батальонъ. Звуки гимновъ, играемыхъ четырьмя полковыми оркестрами, свивались вмѣстѣ, ихъ глушило все нарастающее, ставшее оглушающимъ «ура» шестнадцати тысячъ солдатской массы.

За саперами стояли въ густыхъ колоннахъ два батальона солдатъ въ черныхъ бушлатахъ съ алыми погонами и въ круглыхъ бараньихъ шапкахъ съ зеленымъ верхомъ. У нихъ были легкія французскія ружья Шаспо. На примкнутыхъ сабляхъ-штыкахъ ярко блистало солнце.

Государь задержалъ лошадь и протянулъ руку заѣхавшему къ нему съ фланга генералу.

— Здг'астуй, Столѣтовъ.... Вижу... Молодцами... — и, обернувшись къ батальонамъ, Государь поздоровался:

— Здог'ово, Болгаг'ы!

И подъ раскатистый отвѣтъ болгарскаго ополченія Государь спросилъ Столѣтова:

— На чей счетъ такъ пг'екг'асно одѣлъ?

— На счетъ нашихъ славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ, Ваше Императорское Величество. Но многіе явились въ собственной форменной одеждѣ.

— Вижу... вижу... Стаг'ые вояки.

Въ рядахъ были видны старики съ сѣдыми усами и бакенбардами, и съ ними рядомъ стояла юная, зеленая молодежь. Дѣды, не разъ сражавшіеся въ повстанческихъ бояхъ съ башибузуками, и вчерашніе гимназисты, ихъ внуки, покинувшіе ученіе, чтобы постоять за Родину. Черные маслянистые глаза болгаръ съ восторгомъ смотрѣли на «Царя

Александра», гремѣло восторженнѣйшее «ура», и ружья колыхались отъ ликоваія.

Государь заѣхалъ за пѣхоту. Серебряныя трубы «за Севастополь» 14-ой артиллерійской бригады поднялись и заиграли «походъ»...

А потомъ за артиллеріей съ ея легкими и батарейными пушками показались рыжіе кони Рижскихъ драгунъ, гнѣдые Чугуевскихъ уланъ и вороные Изюмскихъ гусаръ и пестрые флюгера пикъ. Государь медленно проѣзжалъ вдоль рядовъ 11-й кавалерійской дивизіи и приближался къ фронту конныхъ батарей — 18-й Донской и № 4 казачьей.

Авангардъ Русской арміи представился Государю блестяще.

Государь слѣзъ съ лошади. Полки стояли «смирно», держа ружья у ноги. Отъ скакового павильона къ серединѣ фронта чинно подходило духовенство, имѣя во главѣ епископа Павла. На затихшемъ полѣ рѣзко раздались звуки двухъ трубъ конвойныхъ трубачей, пѣвуче проигравшихъ сигналъ «на молитву». Пѣхотные музыканты повторили сигналъ. Мягко улегся, успокаиваясь, рокотъ барабановъ.

— Полки! На молитву... Шапки долой!

Солдатскіе ряды колыхнулись и замерли. Стало такъ напряженно тихо, что казалось — самое время остановилось въ своемъ полетѣ.

Дежурный генералъ-адъютантъ подошелъ къ владыкѣ Павлу и подалъ запечатанный конвертъ.

Такая тишина стала по всему полю, что слышенъ былъ шорохъ взрѣзаемой бумаги, и когда кто-то въ солдатскихъ рядахъ негромко вздохнулъ, всѣ на него обернулись.

И вотъ — раздалось то, что такъ напряженно ожидалось:

— «Божіею Милостью, Мы, Государь Императоръ Всероссийскій, Царь Польскій...» — ясно и четко читалъ владыка слова Высочайшаго манифеста объ объявленіи Турціи войны.

Какъ только владыка дочиталъ послѣднія слова манифеста, пѣвчіе звонко и радостно запѣли:

— Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ...

Часто закрестились солдаты, этимъ движеніемъ смиряя напряженность момента, достигнувшую такой силы, что дальше уже нельзя было выдержать.

Послѣ троекратнаго «Христось воскресе» пѣвчіе начали тихо, умиленно, а потомъ все громче и дерзостнѣе, съ вызовомъ пѣть:

— Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Когда послѣдній вызовъ къ небу и ко всему міру — «яко съ нами Богъ» затихъ, начался молебенъ. Въ концѣ его протодіаконъ возгласилъ:

— Паки и паки преклоньше колѣна міромъ Господу помолимся.

Государь обернулся къ войскамъ и громко скомандоваль:

— Батальоны! На колѣни!

Солдатская масса съ шорохомъ преклонила колѣни. Виднѣе стали артиллерійскія запряжки и стоящіе подлѣ лошадей на колѣняхъ люди. Надъ обнаженными головами на флангахъ полковъ тихо рѣяли парчевыя и шелковыя знамена. Легкій вѣтеръ набѣжитъ на поле, развернетъ, заиграетъ пестрыми флачками жалонеровъ, флюгерами пикъ, и упадетъ, и они прильнуть къ штыкамъ и древкамъ.

Когда подходили къ кресту, и позади Великаго Князя шелъ генераль Драгомировъ, владыка Павелъ передалъ крестъ священнику, а самъ принялъ отъ служки икону Божіей Матери и, обнявъ ставшаго на колѣно Драгомирова, громко сказалъ:

— Христоролюбивый вождь пребывавшаго въ предѣлахъ нашей области воинства, благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ святою Гербовещкою иконою Взбранной Воеводы, Царицы Небесной, покровительницы града и страны нашей, поручаю всѣхъ могущественному покровительству Ея и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ... Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами...

Произошло нѣкоторое замѣшательство. Духовенство отходило съ поля и разоблачалось, генераль Драгомировъ не зналъ, куда дѣвать икону. Государь садился на коня. Драгомирову подали его сытую гнѣдую лошадь. Но это продолжалось одно мгновеніе — адъютантъ принялъ отъ генерала икону, передалъ ее полевому жандарму, и тотъ благоговѣйно понесъ ее къ Драгомировской коляскѣ, стоявшей за скаковымъ павильономъ.

Генераль сѣлъ на коня и вынулъ саблю изъ ноженъ.
— Ж-жал-лон-неры на линію-ю!

Вотъ онъ, тотъ радостный моментъ для юнаго жалонернаго офицера, когда можетъ онъ лихо проскакать мимо Государя, мимо войскъ и народной толпы и во мгновеніе ока точно провѣситъ прямую линію. Бѣгутъ за нимъ жалонеры съ флячками, стали съ поднятыми ружьями, еще мигъ одинъ — и ружья у ноги — провѣшена ровная линія церемоніальнаго марша.

Полки проходили густыми батальонными колоннами «ружья вольно», артиллерія по-полубатарейно, кавалерія по-эскадронно шагомъ. Государь не подавалъ, какъ обычно, сигналовъ «рысь» или «галопъ». Точно хотѣлъ онъ еще разъ внимательно и тщательно осмотрѣть каждого офицера и солдата. Гремѣли и гремѣли полковые марши, отбивалъ ногу турецкій барабанъ. Одинъ хоръ смѣнялъ другой. Пѣли трубы кавалерійскихъ полковъ свои напѣвные марши и, позванивая стремениами, брызжа пѣной съ мундштуковъ, проходили драгуны, уланы и гусары. Войска не расходились послѣ марша, какъ это всегда бывало послѣ парада, но снова выстроились на полѣ тѣсными колоннами. Отъ Государя были поданы сигналы: «слушайте всѣ» и «сборъ начальниковъ».

Офицеры, сверкая золотомъ погонъ сбѣжались къ Государю. Кавалерійскіе и артиллерійскіе офицеры карьеромъ неслись въ интервалы ротъ и батальоновъ. Визжали, устанавливаясь, нервныя кобылы, чуя жеребцовъ.

Государь тронулъ шенкелями лошадь и медленно подѣхалъ къ офицерамъ. Наступила мгновенная тишина.

— Пегедъ отпавленіемъ вашимъ въ походъ я хочу васъ напутствовать, — сказалъ просто и громко Государь.

Это не рѣчь, заранѣе заготовленная, но слово отца къ

дѣтямъ. Прекрасные глаза Государя устремились на офицеровъ.

— Если пгидется вамъ сгазиться съ вгагомъ, покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддегжите стагую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывавшія въ огнѣ. Я надѣюсь — онѣ не отстанутъ отъ стагыхъ и постагаются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желая вамъ возвгатиться поскогѣе... И со славою! Пгощайте, господа! Поддегжите честь Гусскаго огужія!

Голосъ Государя сталъ громче, теплѣе и напряженнѣе.

— И да хганить васъ Всевышній!

Государь тронулъ свою лошадь прямо на офицеровъ. Въ глубокой, благоговѣйной тишинѣ тѣ разступились, и Государь подѣхалъ къ молчаливо стоявшимъ солдатскимъ рядамъ.

— Пгощайте, ребята! До свиданія!

— Счастливо оставаться...

И вдругъ — «ура!» Такое «ура», какого еще не было на полѣ. Все перемѣшалось. Кепи, каски и шапки полетѣли вверхъ, солдаты съ поднятыми ружьями стали выбѣгать изъ строя и окружили Государя, восторженно крича «ура». Народъ прорвалъ цѣпь полицейскихъ и полевыхъ жандармовъ и бѣжалъ по полю. Мужчины и женщины становились на колѣни, простирали руки къ Государю и кричали:

— Ура!.. За братій!..

— Ура! За свободу славянъ! За вѣру Христову!..

Старый царскій кучеръ Фролъ Сергѣевъ, съ медалями на синемъ кафтанѣ, мудрымъ опытомъ понималъ и чувствовалъ ту грань, до которой можно доводить народный восторгъ. Онъ быстро подаль коляску. На ея подножкѣ стоялъ царскій конюшій въ синемъ чекменѣ и алой фуражкѣ.

— Посторонитесь, господа! Дозвольте проѣхать!

Государь слѣзъ съ лошади и сѣлъ въ коляску. Его лицо было орошено слезами.

V.

Взволнованный и потрясенный всѣмъ видѣннымъ и пережитымъ, Порфирій ѣхалъ въ фаэтонѣ, обгоняя идущія съ поля войска. Онъ на смотре узналъ, что генераль Драгомировъ беретъ его для порученій.

У самага въѣзда въ городъ Порфирию пересѣкла дорожку идущая со смотра Донская батарея. Впереди пѣсельники въ лихо надвинутыхъ на бекрень, на завитые запыленные чубы, киверахъ пѣли дружно и ладно:

— Въ Таганрогѣ со-олучилася бѣда...

Ой да въ Таганрогѣ солучилася бѣда: —

Тамъ убили мо-о-олодого казака...

Коричневая Обуховскія пушки позванивали на зеленыхъ лафетахъ, сѣрую пыль наносило на Порфирія. Пахло конскимъ потомъ, дегтемъ, пенькою новыхъ уносныхъ канатовъ постромокъ.

Порфирій приказалъ извозчику свернуть въ боковую улицу и только тотъ раскатился среди цвѣтущихъ фруктовыхъ садовъ, какъ попалъ между двухъ эскадроновъ Рижскихъ драгунъ и долженъ былъ ѣхать между ними. Сзади звенѣлъ бубенцами и колокольцами разукрашенный лентами и мохрами бунчукъ и запѣвало сладкимъ теноромъ пѣлъ:

— Въ нашемъ эскадронѣ

Все житѣе хорошо...

Хоръ съ бубномъ, съ треугольникомъ, съ присвистомъ подхватилъ дружно и весело:

— Чернявая моя,

Чернобровая моя,

Черноброва, черногаза

Раскудрява голова.

Раскудря - кудря - кудря,

Раскудрява голова...

Дзыннь, дзыннь, дзыннь, — дыргъ, дыргъ, дыргъ, — треугольникъ и бубенъ сливались съ хоромъ.

— Намъ житье хорошо
Командиръ вис-селей...

Подхватилъ хоръ:

Чернявая моя,
Чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова...

Лошади сзади фыркали и храпѣли. Офицеры, весело смѣясь, говорили между собою. Запѣвало заливался:

— Офицеры бравы...
Вахмистры удамы...

Гремѣлъ хоръ:

— Чернявая моя,
Чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова...

Порфирій словчился свернуть въ переулокъ въ обгонъ драгунскаго полка и, уже выѣзжая на главную улицу, былъ остановленъ потокомъ пѣхоты. Гремѣлъ Старо-Егерскій маршъ, били барабаны, пѣсельники пѣли въ ротяхъ.

— Ура!.. На трехъ ударимъ разомъ,
Вѣдь страшень нашъ трехгранный штыкъ,
Ура!.. — раздастся за Кавказомъ,
Въ Европѣ слышенъ тотъ же кликъ...
Ура!.. Ура!..
Въ Европѣ слышенъ тотъ же кликъ...

Могуче, дружно, цѣлою ротою пѣли солдаты. Порфирій ѣхалъ рядомъ съ ними. Нельзя было обогнать. Толпа народа запрудила улицу.

Хриловатый голосъ старательно выговаривалъ слова:

— Когда спасали мы родную
Страну и Царскій Русскій тронъ,
Тогда объ нашу грудь стальную
Разбился самъ Наполеонъ!..

Ура!.. Ура!..

Разбился самъ Наполеонъ!..

«Видать Драгомировскую школу, — думаль Порфирій,
прислушиваясь къ гордымъ словамъ старой пѣсни. — Во
всемъ видать! Пустяковъ не поють»...

— Какъ двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостями,
Ихъ кровью смыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣлѣлись ихъ костями...

«По Суворовски учить! Знаетъ Михаилъ Ивановичъ сол-
датскую душу».

А рядомъ неслоь:

— Вѣдь годъ двѣнадцатый — не сказка,
И видѣлъ Западъ не во снѣ,
Какъ двадцати народовъ каски
Валялися въ Бородинѣ...

«Да — славянофилы и западники, — подъ пѣсню ду-
малъ Порфирій. — Намъ Западъ всегда былъ враждебенъ.
Особенно далекій Западъ — Франція и Англія... А. какъ мы
ихъ любимъ! Съ ихъ — великой французской революціей и
англійскимъ чопорнымъ парламентомъ и джентельменствомъ.
А вотъ, гдѣ наше-то, наше!»

Пѣсельники пѣли:

— И видѣлъ, какъ коня степного
На Сену вельъ понть калмыкъ,
И въ Тюльери у часового
Сіялъ, какъ дома, Русскій штыкъ...

«Экъ его, да ладно какъ», киваль головою въ тактъ пѣсни Порфирій, а пѣсня неслась и подлинно хватала за сердце:

— Какъ сынъ предѣловъ Енисейскихъ,
Или придонской нашъ казакъ,
Въ поляхъ роскошныхъ Елисейскихъ
Походный ставиль свой бивакъ...

Ура! Ура!

Ура! На трехъ ударимъ разомъ!!

VI.

Въ этомъ приподнятомъ, восторженномъ настроеніи, усугубленномъ пѣснями, точно застрявшими въ ушахъ, не хотѣлъ Порфирій идти въ столовую «Столичныхъ номеровъ», гдѣ были бы пустые разговоры, гдѣ пошли бы шутки, гдѣ кто-нибудь — Порфирій зналъ пошлую передѣлку только что слышанной имъ пѣсни, — споетъ ему:

— На одного втроемъ ударимъ разомъ,
Не побѣдивши — пьемъ...

Хотѣлось быть одному, хотѣлось бесѣды съ такою душою, которая вся открылась бы ему и зазвучала согласнымъ съ нимъ возвышеннымъ гимномъ.

Порфирій въ номерѣ, гдѣ сейчасъ никого изъ его сожителей не было и гдѣ по кроватямъ и походнымъ койкамъ валялись каски, шарфы и сабли, снялъ мундиръ, отдалъ его чистить денщику и приказалъ подать себѣ въ комнату завтракъ.

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ походную чернильницу, досталъ бумагу и своимъ твердымъ, красивымъ почеркомъ началъ:

«Милостивая Государыня, глубокоуважаемая и дорогая Графиня Елизавета Николаевна...» Онъ остановился... Шаловливый голосъ, потомъ цѣлый хоръ запѣлъ ему въ уши съ бубномъ, съ бубенцами, тарелками, съ присвисточкой:

— Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова!..

Порфирій порвалъ листокъ, полѣзъ подъ койку, выдвинулъ походный чемоданъ, отстегнулъ ремни и откинулъ мѣдную застежку. Съ самага дна чемодана досталъ онъ сафьяновый конвертъ и оттуда большой «кабинетный» графининъ портретъ.

Графиня Лиля снималась у лучшаго петербургскаго фотографа Бергамаско и, должно быть, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но Порфирію она представилась именно такою, съ какою онъ такъ недавно разстался въ Петербургѣ. Подвитаая черная чолка спускалась на красивый лобъ. Подлѣ ушей штопорами свисали локоны, большіе глаза смотрѣли ласково и любовно. Бальное платье открывало полную высокую грудь. Плѣнительны были прелестныя плечи.

Въ ушахъ все звенѣло малиновымъ звономъ, плѣло сладкимъ нѣжнымъ теноромъ, заливалось красивымъ хоромъ.

— Чернявая моя,
Черноглазая моя!
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова...
Раскудря, кудря, кудря,
Раскудрява голова!..

Порфирій поставилъ карточку, чтобы видѣть ее и снова взялся за перо.

Онъ началъ просто: «Графиня»... Онъ описалъ молебень и смотрѣ войскъ на скаковомъ полѣ.

...«Итакъ, война объявлена», писалъ онъ, «я иду съ Драгомировскими войсками въ авангардѣ Русской Арміи на переправу черезъ Дунай, иду совершать невозможное... Молитесь за меня, графиня. Въ эти торжественные для меня часы пишу Вамъ одинъ въ гостиничномъ номерѣ среди походнаго безпорядка. Весь я, какъ натянутыя струны арфы — прикоснитесь къ нимъ, и зазвучать... Только Вы, графиня, поймете меня, только со струнами прелестной Вашей души — мои струны дадутъ согласный аккордъ. Графиня,

я сознаю, я не молодъ, я вдовецъ, у меня взрослый сынъ — Вы все это знаете, но Вы знаете и то, какъ я Васъ люблю и какъ Вы мнѣ нужны. Я прошу Вашей руки. Какъ только я получу Ваше согласіе — я напишу отцу. Онъ Васъ любить и цѣнить, и я увѣренъ, что онъ будетъ счастливъ называть Васъ своею невѣсткой»...

Порфирій не сомнѣвался въ согласіи. Онъ писалъ, увлеченный своею любовью, все поглядывая на милый портретъ. Вдругъ охватилъ его стыдъ: въ такія торжественныя, великія минуты, когда нужно было все свое, личное, отбросить куда-то и позабыть, и думать о самопожертвованіи, о смерти, о подвигѣ, онъ думалъ и писалъ о личномъ счастьѣ, о побѣдѣ, о георгіевскомъ крестѣ, о славѣ, о долгой счастливой жизни съ веселой, чуткой, жизнерадостной графиней Лилей. Въ ушахъ звучало ея любимое словечко: — «подумаешь?».. «Подумаешь — Порфирій мнѣ предложеніе сдѣлалъ»... А незримый хоръ все пѣлъ въ душѣ веселыми, бодрыми драгунскими голосами:

— Чернявая моя,
Черноглазая моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова!..

Съ карточки Бергамаско улыбалось несказанно милое лицо, и казалось — вотъ-вотъ оживутъ и счастьемъ загорятся блестящіе черные глаза и маленькія губы сложатся въ неотразимо прелестную улыбку.

VII.

Драгомировская дивизія, направляясь черезъ Румынію къ Дунаю, остановилась на дневкѣ у деревни Бею.

Афанасій лежалъ на полѣ подлѣ своей низкой палатки и смотрѣлъ, какъ его денщикъ, солдатъ Ермаковъ, сидя на корточкахъ, налаживалъ «паука». Подлѣ Афанасія, подло-

живъ подъ себя скатку, сидѣлъ молодой стрѣлокъ съ пестрымъ охотничьимъ кантомъ вокругъ малиноваго погона. Загорѣлое, чисто побритое лицо было точно пропитано зноемъ долгаго похода. Черное кепи было сдвинуто на затылокъ. Мундиръ былъ разстегнутъ и ремень со стальною бляхой валялся подлѣ стрѣлка.

Отъ самоварчика «паука» тянуло смолистымъ дымкомъ сухихъ щепокъ, томпаковое туловище самовара побулькивало и легкія струйки пара вырывались въ маленькія отверстия крышки.

— Заразь и вскипить, — сказалъ Ермаковъ, — пожалуйста, ваше благородіе, чай; заваривать будемъ.

Не вставая съ корточекъ, ловкими, гибкими движеніями денщикъ досталъ чай изъ поданнаго ему мѣшочка и высыпалъ въ мельхиоровый чайникъ, ополоснулъ, залилъ кипяткомъ и поставилъ на самоваръ.

— А переправа будетъ, — вдругъ сказалъ онъ, — солдатики сказываютъ — у Зимницы.

— Ты почему знаешь? — сказалъ Афанасій. — это же военный секретъ. Никто, кромѣ Государя Императора и Главнокомандующаго, о томъ не знаетъ и знать не можетъ.

— Точно, ваше благородіе, тайна великая. Оборони Богъ, турки не провѣдали бы. Ну, только солдатики знаютъ... Отъ нихъ не укроется. Мнѣ говорилъ одинъ понтоннаго баталіона — землякъ мой... У Зимницы... И казакъ Терскій, пластунъ, сказывалъ тоже. Тамъ, говорилъ, берегъ — чистая круча и не взобраться никакъ. Виноградъ насаженъ. У турокъ, сказывалъ, ружья аглицкія, многозарядныя и бьютъ поболѣ, чѣмъ на версту, и патроновъ несосвѣтимаая сила. Такъ въ ящикахъ желѣзныхъ подлѣ ихъ ашкеровъ и стоятъ.

— Откуда казакъ все это узналъ? — спросилъ Афанасій.

— Ему болгары-братушки сказывали.

Солдатъ вздохнулъ.

— Ну, однако, возьмемъ!.. Взять надо!..

Онъ разлилъ чай по стаканамъ и, подавая офицеру и стрѣлку, сказалъ:

— Пожалуйста, ваше благородіе. Коли чего надо будетъ

— вы меня кликните. Я тутъ буду возлѣ каптенармусовой палатки.

И съ солдатской деликатностью Ермаковъ ушелъ отъ офицерскихъ палатокъ.

— Видаль-миндаль, — сказалъ стрѣлокъ. — Все, братъ, знаютъ. Все пронюхаютъ. Почище колонновожатыхъ будутъ. У насъ стрѣлки тоже говорили, что у Зимницы.

— Все одно, гдѣ укажутъ, тамъ и переправимся, — сказалъ Афанасій. — Скажи мнѣ, князь, что побудило тебя вдругъ такъ взять и пойти на войну солдатомъ?..

— Офицерскихъ правъ не выслужилъ, пришлось идти въ солдаты.

— Но ты? Мнѣ говорили... Ты трудъ презираешь... А это же трудъ!..

— Еще и какой!

Стрѣлокъ показалъ свои руки, покрытыя мозолями.

— Видаль? А ноги въ кровь... Эту проклятую портянку повязать — это же искусство! И сразу не поймешь такую на видъ немудрую науку. Почище и поважнѣе будетъ всѣхъ этихъ чертячьихъ Спенсеровъ и Карловъ Марксовъ.

— И вотъ ты пошелъ!.. Добровольно!.. Что же, или и тебя захватило, какъ многихъ захватило...

— Видишь, Афанасій... Я и точно хотѣлъ жить такъ, какъ созданъ былъ Богомъ первый человѣкъ. Безъ Адамова грѣха, не мудрствуя лукаво. Ты помнишь — въ Библии...

— Въ Библии?.. Ты за Библию принялся? Съ какихъ это поръ? Это послѣ твоихъ чортовыхъ Марксовъ, Бюхнеровъ и еще тамъ какихъ мудрящихъ нѣмцевъ. Чудеса въ рѣшетѣ!

— Такъ вотъ, по Библии — Богъ создалъ человѣка для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ. Пища сама въ ротъ валится. Животныя служатъ ему. Солнышко грѣетъ. На мягкой травѣ съ этакой милой обнаженной Евушкой сладокъ сонъ. Это и есть райская жизнь — ничего не дѣлать. Ни о чемъ не думать, не имѣть никакой заботы. И надо же было этому балбесу Адаму согрѣшить и навлечь на себя проклетіе! Сталъ онъ задаваться дурацкими вопросами. Отчего солнце свѣтитъ? Что ему, дураку? Свѣтитъ и свѣтитъ — радуй-

ся и грѣйся въ его лучахъ... Нѣтъ, сталъ думать, а какая тамъ земля?.. А имѣеть рай предѣлы и что за ними?.. Вотъ осель, какъ и всѣ ученые ослы!.. Что ему съ этого? А накликалъ на себя бѣду — трудъ...

— Но ты, князь, кажется, сумѣлъ такъ устроиться, что не трудился никакъ.

— Устроиться-то я устроился, а вотъ представь себѣ — стало мнѣ тошно. И пошелъ я потому еще... Ну, да это потомъ... Пришелъ, видишь ли, такой моментъ въ жизни, что либо въ стремя ногой, либо въ пень головой. Ну, пня-то мнѣ не захотѣлось, — вотъ и надѣлъ солдатскую лямку.

— А трудно?..

— Поди, самъ знаешь... Не легко. Не говорю — физически, — ну, тамъ бороду побрить, волосы чтобы подъ гребенку, работы, ученья, походъ — все это ничего... А вотъ морально очень трудно было. Переключка вечеромъ. И молитва!.. Ты понимаешь, я — Болотневъ — ученикъ Крапоткина, я — атеистъ, ничего такого не признающій, а пой молитву... Да у меня еще и голосъ оказался хорошій, слухъ, веди роту за собой... Фельдфебель приказалъ... Пой «Отче нашъ»!.. А то, понимаешь? Вѣдь фельдфебель, хотя и охотникъ я, а можетъ и въ морду заѣхать. Зубы посчитать.

— Н-да, братъ. Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ.

— Что же — и полѣзь... Это что у тебя въ флягѣ? Коньякъ?

— Ромъ.

— Позволишь? Люблю, знаешь, попрежнему люблю, чтобы этакое тепло ключомъ побѣжало по жиламъ. И мысли!.. Мысли всегда это проясняетъ... Мысли становятся глубокія. Тогда за мною только записывай. Не хуже Григорія Сковороды или иного какого мыслителя будутъ тѣ мои мысли.

Князь хлебнулъ горячаго чая съ ромомъ, долилъ рома. хлебнулъ еще, еще долилъ и потянулся.

— Хор-рошо-о!.. — сказалъ онъ и замолчалъ, щуря вѣки въ бѣлесыхъ рѣсницахъ на солнцѣ.

— Ну, дальше?.. Ты мнѣ все еще главнаго-то и не ска-
заль.

— Я тебѣ по совѣсти ничего пока не сказалъ. Да вотъ что.. А ты записывай... Я вотъ думаю, что вотъ такимъ, какъ я, князьямъ, дворянамъ, лодырямъ барскимъ, очень невредно, чтобы иногда фельдфебель мужицкимъ кулакомъ и... въ морду, въ личико барское!.. Дурь вышибить! Для протрезвленія чувствъ. А крѣпокъ твой ромъ! И душистый! Теперь взводному на глаза не попадайся. А то услышитъ... Бѣда!.. Допытывать станеть... Гдѣ досталь? Не повѣритъ, что у офицера-товарища. А я не откупаюсь... Да и нѣтъ у меня чѣмъ откупиться. Я ничего не имѣю... Мнѣ, какъ изъ Кишинева выступали, Елизавета Николаевна три рубля прислала — а это три мѣсяца тому назадъ. Вотъ и живи, какъ въ пѣснѣ солдатской поется: «и на шило, и на мыло, чтобы въ баню сходить было»... Положеньице!.. Видишь, съ жиру мы, князья, бояре бѣсимся... Умны очень становимся. Вотъ и нужна намъ одержка. Иванъ Грозный какой-нибудь или Петръ Великій — охъ, какъ они это понимали! А какъ пошло разслабленіе власти, какъ пошли Императрицы мудрить, да съ Вольтерами-богоотступниками переписываться, съ Дидеротами знаться, какъ появилась вольность дворянства — ну, понимаешь, дисциплина понадобилась... Надо, чтобы кто-нибудь тебя по-настоящему поучилъ. А то сами пошли искать свѣта — кто въ масоны, кто куда, ну, а я — въ стрѣлки... На войну... Навстрѣчу курносой, безглазой... Подъ ея жестокою косу. Да тутъ еще и одно обстоятельство было. Ну, да это потомъ, когда-нибудь...

— Что ты все вертишься около одного мѣста? Потомъ да потомъ... Не договариваешь чего-то. Проигрался, что ли?.. Отъ долговъ бѣжишь?

— Нѣтъ... Я въ карты не играю.

— Гадость какая вышла, что бѣжать пришлось?

— Нѣтъ, и этого не было... То есть, если хочешь, конечно, какъ посмотрѣть?.. Если хочешь, то и гадость. Во всякомъ случаѣ не радость. Видишь, случилось то, о чемъ я никогда и не думалъ, что со мною это можетъ случиться. Я полюбилъ...

— Ты? Чучело!.. Ты, помнится, еще въ корпусѣ лю-

бовъ и женщинъ отрицаль... Философа Канта приводилъ въ примѣръ. Мы тогда, прости, — брезгали тобой.

— Я это давно бросилъ...

— А не секретъ, — съ дурною и злою усмѣшкой сказалъ Афанасій, — кого ты удостоилъ своей любовью?

— Брось, Афанасій, этотъ тонъ... Того князя Болотнева, кѣмъ вы брезгали въ корпусѣ, — нѣтъ. Нѣтъ и того, кого прогналъ отецъ изъ дома, и кто, читая умныя книжки, заблудился между трехъ сосенъ. Есть — с т р ѣ л о к ѣ Болотневъ. Въ близкомъ будущемъ — ефрейторъ. А тамъ, гляди — кавалеръ и... офицеръ! Такимъ, какъ я, кому терять нечего, на войнѣ легко... Главнаго у меня нѣтъ — страха смерти. Мнѣ смерть, по совѣсти, — даже желанна.

— Скажи, пожалуйста... Какимъ Чайльдъ-Гарольдомъ...

Ревнивые огни загорѣлись въ глазахъ Афанасія. Кого могъ полюбить этотъ одинокій, странный и страшный человекъ? Графиню Лилю? Та помогаетъ ему изъ жалости, какъ сестра, какъ мать. Кого-нибудь, кого Афанасій не знаетъ? А если Вѣру?.. Странно... Вѣру? Возможно, что и Вѣру.

— Ты, князь, говори, такъ до конца. Что ты все въ прятки играешь?

— Хорошо. Скажу. Я даже дѣлалъ предложеніе.

— И получилъ отказъ, — со злорадствомъ сказалъ Афанасій.

— Я въ немъ и не сомнѣвался. При моей печальной-то репутации. Только я думалъ, что та дѣвушка тоже оригинальна и не обыденна, не кисейная наша барышня-дворянка, что она пойметъ меня и согласится вмѣстѣ со мною пойти прокладывать новые жизненные пути. Я все говорю тебѣ...

— Почему же ты устаиваешь меня своихъ конфиденцій. Потому ли, что мы съ тобою старые товарищи по корпусу, или тому есть и другія причины?

— Есть и другія причины. Та дѣвушка, кого я полюбилъ, — близкій тебѣ человекъ — твоя кузина Вѣра Николаевна.

— Постой, князь! Ты ври, да не завирайся. Ты полюбилъ Вѣру? Ты?.. Ты Вѣрѣ дѣлалъ предложеніе?

— Ну... Да...

— Да это же совершенно невозможно! Ты!.. И Вѣра!..

Князь! Я тебѣ совершенно серьезно говорю. Завтра, послѣ-завтра можетъ быть бой. Наша 14-ая дивизія идетъ на переправу. Въ такія минуты не шутятъ. Откровенность за откровенность. Такъ я тебѣ говорю... Я! Это я!.. А не ты дѣлалъ предложеніе Вѣры!..

— И?..

— Ты понимаешь!.. Надо, чтобы кончилась война... Я вернусь — героемъ... Я все сдѣлаю для этого, и тогда... Нѣтъ мнѣ отказа не было!. Не могло быть отказа... Такъ вотъ я говорю тебѣ. Я не ревную тебя. Не ревную, но мнѣ, почти жениху, это непріятно, и прошу тебя — оставь это. Я не хочу, чтобы кто-нибудь стоялъ между мною и Вѣрой. Понимаешь?

— Не бойся, Афанасій. Если бы что-нибудь осталось — я не сказалъ бы тебѣ всего этого.

— Почему? Развѣ ты это зналъ?

— Догадывался... Какъ было тебѣ не полюбить Вѣру Николаевну, она такъ рѣзко выдѣляется изъ барышень своего круга.

— Да, братъ... Вѣра — это классъ!

Афанасій молча думалъ свои думы, вспоминалъ загадочную манящую Вѣру съ ея русалочьими глазами и пепельными пушистыми волосами. Князь Болотневъ поднялся со своей скатки, застегнулъ мундиръ, надѣлъ скатку черезъ плечо, надвинулъ кепи на правую бровь и сталъ совсѣмъ молодцомъ-стрѣлкомъ. И не узнать было въ этомъ бравомъ молодомъ солдатѣ расхлюстаннаго, обыкновенно небрежно одѣтаго князя. Поднялся съ земли и Афанасій.

Громадное зеленое поле разстилалось передъ ними. Оно все было покрыто маленькими походными палатками. Узкая балка съ бѣлыми мѣловыми щеками раздѣляла поле на двѣ части. По одну громаднымъ квадратомъ стояли биваки 14-ой Драгомировской дивизіи, по другую — меньшими квадратами стали батальоны 4-й стрѣлковой бригады генерала Цвѣцинскаго.

Биваки гомонили человѣческими голосами. Люди расходились отъ ужина и собирались на переднихъ линейкахъ для переклички. Гдѣ-то печально и напѣвно играла гармоника. Изъ балки вилась рѣдкая, бѣлеса, высокая пыль. Сотня дон-

цовъ, охлюпкой, въ пестрыхъ рубахахъ, въ шароварахъ съ алымъ лампасомъ и съ босыми ногами, поднималась изъ балки съ водопоя. Оттуда неслась негромкая пѣсня. Пѣло два голоса, очень красиво и ладно, но что пѣли — разобрать было нельзя.

На западѣ небо краснѣло, солнце, наливаясь краснымъ пламенемъ, опускалось къ землѣ. Послѣ дневного зноя тянуло прохладой и запахомъ потоптанной молодой травы и пыли.

Оба молодыхъ человѣка долго стояли молча, любуясь широкимъ видомъ громаднаго бивака. Князь Болотневъ первый прервалъ молчаніе.

— Афанасій, — сказалъ онъ и въ голосѣ его послышалась теплота, какой никогда не предполагалъ Афанасій у князя. — Афанасій, я пошелъ въ солдаты... Нелегко мнѣ это далось. Все — и раннее вставаніе по стрѣлковому рожку, и тяжкій трудъ похода... Боль во всемъ тѣлѣ... Ну, да что говорить, и возможности... Фельдфебель... въ морду... Чѣмъ чортъ не шутить?.. Видалъ я и это... Такъ вотъ я три мѣсяца прожилъ съ этими людьми — солдатами. Это тоже своего рода — хожденіе въ народъ. И я понялъ многое... Всѣ ищутъ правду жизни. Мы ея не знаемъ. Они знаютъ... Они жить умѣютъ — мы не умѣемъ. Мы все чего-то ищемъ, а то, что мы ищемъ, съ нами всегда... Когда я пою «Отче нашъ», и рота, слѣдя за моимъ голосомъ, вторить мнѣ въ унисонъ — я чувствую, я ощущаю, что что-то есть. Это еще не вѣра, далеко не вѣра. Мнѣ, атеисту, трудно такъ вотъ сразу и повѣрить, но это уже сомнѣніе въ правотѣ того, что я такъ жадно логилъ у иностранныхъ философовъ. Въ эти вечернія минуты я ощущаю, что у нихъ, у этихъ заумныхъ нѣмцевъ и англичанъ, а болѣе того — евреевъ — ложь, а правда въ этомъ мѣрномъ гудѣніи солдатскихъ голосовъ, идущихъ за мною, въ этихъ взмахакъ коротко остриженныхъ затылковъ, крестящихся исгво людей... Повторяю, я еще не вѣрю, но я со смысломъ пою — «и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго»... Искушеніе было, и большое, но оно было и прошло, совѣтъ и навсегда прошло... Не бойся, Афанасій... Вѣра Николаевна никогда меня не увидитъ и не услышитъ обо

мнѣ. Но... Если станетъ она твоею женою — береги ее! Она трудный человѣкъ. У нея громадныя запросы. У нея много того, что было и во мнѣ, но я попалъ къ солдатамъ и излѣчиваюсь у нихъ. Къ кому-то попадетъ она?.. На нее такъ легко повліять и въ то же время, если она замкнется — она ни за что себя не откроетъ. Въ ней много честности и доблести — хотя бы и мужчинѣ впору, и въ то же время она такъ слаба, такъ можетъ подпасть подъ чужое вліяніе. Береги ее! Ну!.. Мнѣ пора.. Уже строятся на перекличку. Самъ понимаешь — опоздать нельзя... Фельдфебель... И въ морду!.. Неловко это будетъ... Все-таки я — князь!. Да, что я хотѣлъ сказать тебѣ еще?.

И, не прощаясь и не протягивая Афанасію руки, князь Болотневъ быстро пошелъ съ Волынскаго бивака. Онъ уже спускался въ оврагъ, когда Афанасій бѣгомъ догналъ его.

— Что ты мнѣ хотѣлъ сказать? — крикнулъ Афанасій, хватая князя за рукавъ.

— Чтобы ты былъ счастливъ съ нею! — сказалъ Болотневъ, вырвался отъ Афанасія и бѣгомъ, прыгая черезъ мелкіе кусты боярышника и терна и черезъ промоины, побѣжалъ въ балку.

На томъ берегу безпокойно трубили стрѣлковые горны повѣстку къ зарѣ.

VIII.

На просторномъ румынскомъ дворѣ богатаго крестьянина были собраны офицеры полковъ 14-ой дивизіи. Они стояли по полкамъ. Былъ знойный день и время послѣ полудня. Запыленное золото погонъ тускло блестѣло на солнечныхъ лучахъ. Околыши кепи выгорѣли въ походѣ и такъ же запылились и точно выгорѣли лица офицеровъ. Они похудѣли отъ долгаго похода, загорѣли и, хотя были тщательно вымыты и подбриты на подбородкахъ, носили слѣды усталости тяжелаго похода въ знойное лѣто.

Въ четырехугольникѣ, образованномъ полковыми группами офицеровъ, похаживалъ невысокаго роста генераль въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ аксельбантами и акаде-

мическимъ значкомъ, въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ. Мало загорѣвшее лицо его съ небольшими внизъ спускающимися черными, «хохлацкими» усами было спокойно. Похлопывая правой рукой по кулаку согнутой въ локтѣ лѣвой, генераль Драгомировъ говорилъ офицерамъ послѣднее наставленіе передъ боемъ.

«За словомъ въ карманъ не полѣзеть, — думаль Порфирій, стоявшій въ серединѣ четырехугольника съ чинами штаба. — Говорить, какъ пишетъ. Профессоры!.. По-суворовски учить. Молодчина!»

— Такъ вотъ-съ, господа, прошу не забывать, что это прежде всего тайна... Военная тайна... Не мнѣ говорить вамъ, господа, какъ свято и строго должна быть соблюдена эта тайна... Опустите руки, господа.

Руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, приложенныя къ козырькамъ кепи, опустились. Стало менѣе напряженно, вольнѣе. Кто-то переступилъ съ ноги на ногу, кто-то кашлянулъ, кто-то вздохнулъ.

— Сегодня ночью, значить, въ ночь на 15-ое іюня, будетъ наша переправа черезъ Дунай для прикрытія наводки моста черезъ рѣку... Первыми на понтонахъ переправляются три стрѣлковыя роты Волынскаго полка и первые два батальона того же полка. Полковникъ Родіоновъ, сдѣлайте расчетъ и подготовьте вашихъ людей...

Въ рядахъ Волынцевъ произошло движеніе. Кое-кто приложилъ руку къ козырьку и сейчасъ же опустилъ ее. Кто-то придвинулся ближе къ серединѣ квадрата.

«Афанасій поидетъ», — подумаль Порфирій и любовно посмотрѣлъ на сына. Глазами сказалъ: «не осрамись» — и Афанасій взглядомъ и улыбкой отвѣтилъ: «не бойся, папа, не подкачаю».

Драгомировъ послѣ краткой паузы продолжалъ:

— Передать солдатамъ... Научить, вразумить... На суднѣ — полная тишина. И прошу не курить... Если непріятель огонь откроетъ — не отвѣчать. Раненымъ помощи на понтонѣ не подавать. Каждое движеніе можетъ опрокинуть понтонъ. И раненому не поможешь, и другихъ потопишь. Начнется дѣло — тутъ не до сигналовъ и командъ. Слушай и помни, что приказано раньше, то и исполняй. Береги пулю,

не выпускай ее зря. Стрѣляй только навѣрняка. Иди впередъ и коли. Пуля обмишулится — штыкъ не обмишулится. Побьешь турка — не говори: побѣдилъ!.. Надо войну кончить — тогда и скажешь!.. Конецъ вѣнчается дѣло, а это сегодняшнее, завтрашнее — только начало.

«Все подъ Суворова ладить, — думалъ Порфирій, — а запоминается легко».

— Планъ атаки? Вотъ меня спрашивали, какой планъ? Да какой же можетъ быть планъ? Темно. Ночь, — и мѣстность незнакомая. Скажите людямъ — поддержка будетъ — подпирать будемъ непрерывно — смѣны не будетъ. Кто попалъ въ первую линію — такъ и оставайся въ ней, пока не будетъ сдѣлано дѣло.

Драгомировъ помолчалъ немного. Зоркими черными глазами онъ осмотрѣлъ офицеровъ и опять заговорилъ о томъ, что, видимо, волновало его болѣе всего: беречь патроны. Зналъ, что патроновъ мало, что подавать ихъ за рѣку будетъ не легко, зналъ и то, что у его солдатъ Кринка, едва на шестьсотъ шаговъ быющее, а у турокъ Пибоди-Мартини, на полторы версты пристрѣлянное, и патроновъ уйма. Значить — впередъ, и штыкъ. Такъ и училъ.

— Патроны беречь!.. Скажите своимъ молодцамъ — хорошему солдату тридцать патроновъ хватить на самое горячее дѣло. И не унывать!.. Главное — не унывать... Какъ бы тяжело ни было — не унывать! Отчаяніе — смертный грѣхъ, и сказано въ Писаніи: «претерпѣвый до конца — спасется»...

Опять замолчалъ, похлопывалъ рукой по кулаку, по-сматривалъ въ глаза офицеровъ. «Что они, какъ?» Потомъ сказалъ, повысивъ голосъ:

— Такъ вотъ-съ! Это и все! Война начинается. Прикажете по ротамъ, на вечерней молитвѣ послѣ «Отче нашъ» пѣть: «Господи Силь съ нами буди»... Знаете-съ? «Иного бо развѣ Тебѣ Помощника въ скорбѣхъ не имамы»... Помните? Силы небесныя помогутъ вамъ тамъ, гдѣ земныя силы измѣнять... Чего человѣкъ не можетъ — то Богу доступно-съ!..

Порфирій сбоку и сзади смотрѣлъ на Драгомирова и думалъ:

«Что онъ: точно вѣрить, или опять подъ Суворова — безвѣрное войско учить, что желѣзо перегорѣлое точить?»

— Отъ души желаю вамъ, господа, полного успѣха-съ!

Драгомировъ еще повысилъ голосъ, сдѣлавъ паузу, вздохнулъ и рѣшительно добавилъ:

— Да иначе, господа, и быть не можетъ. На насъ возложено Государемъ великое дѣло! Исполнимъ его... с ъ д о с т о и н с т в о м ъ!!

Драгомировъ приложилъ руку къ большому козырьку своей фуражки и сдѣлавъ полупоклонъ.

— Попрошу, по мѣстамъ! Авангарду генерала Юлшина черезъ два часа выступать!

Офицеры съ озабоченнымъ говоромъ выходили со двора. Они стѣснились въ воротахъ, постояли въ тѣни раскидистаго чинара, раскуривая трубки и папиросы, и пошли къ полю, гдѣ бѣлѣли палатки биваковъ. Тамъ было тихо. Солдаты спали крѣпкимъ послѣобѣденнымъ сномъ.

IX.

Смеркалось, когда Волынскій полкъ вошелъ въ румынское селеніе Зимницу. Рота, гдѣ служилъ Афанасій, остановилась въ узкой улицѣ. Въ хатахъ загорались огни. У колодца столпились солдаты. Старикъ-румынъ подавалъ имъ воду.

— Пофтиме, пофтиме *), — говорилъ онъ ласково. Фельдфебельскій окрикъ раздался сзади.

— Чего стали! Пошелъ впередъ!

Двинулись по улицѣ, въ темнотѣ, между высокихъ садовъ, плетневыхъ изгородей, мимо бѣлыхъ домовъ. Нѣтъ, нѣтъ и донесетъ въ улицу запахъ большой рѣки — пахнетъ иломъ, сыростью и свѣжестью широкаго воднаго простора. Никто не спрашиваетъ, что это такое? — всѣ знаютъ: подъ селомъ — Дунай...

*) Прошу покорно.

Вышли изъ улицы и наверху, на какомъ-то полѣ стали выстраивать взводы и безъ командъ, слѣдуя за своими ротными командирами, стали въ густыя батальонныя колонны.

Вполголоса скомандовали:

— Рота, стой! Составь!

Звякнули штыки составляемыхъ въ козлы ружей. Усталые тридцативерстнымъ переходомъ безъ приваловъ солдаты полегли за ружьями, сняли ранцы и скатки.

— Отъ каждаго взвода послать по два человѣка къ котламъ за порціями...

Отъ артельныхъ повозокъ на широкихъ полотнищахъ принесли куски холоднаго варенаго мяса и хлѣбъ и роздали солдатамъ. Люди сняли кепи, перекрестились и жадно ѣли ужинъ. Пахло хлѣбомъ, мясомъ, слышались вздохи, кто-нибудь икнетъ и вздохнетъ.

Снизу, изъ балки, оттуда, гдѣ была рѣка, проѣхалъ казакъ и спросилъ:

— Гдѣ генералъ Юлшинъ?

Никто ему не отвѣтилъ, и казакъ проѣхалъ дальше вверхъ и исчезъ во мракѣ.

Большимъ, краснымъ рогомъ, предвѣщая ведро, появилась въ потемнѣвшемъ небѣ молодая луна. Отъ деревьевъ, отъ составленныхъ въ козлы ружей, отъ людей потянулись тѣни... Въ мутномъ, призрачномъ лунномъ свѣтѣ растворились дали.

— Первый и второй батальоны въ ружье!

Роты молча поднялись, разобрали ружья и стали спускаться къ рѣкѣ. Вдали подъ небеснымъ темнымъ пологомъ черною полосою чуть намѣтился другой, «его» берегъ.

Вдругъ на томъ берегу засвѣтилось много огней. Стали видны рисковистыя купы большихъ деревьевъ, снизу освѣщенные золотистымъ пламенемъ костровъ. Тамъ пѣвуче и стройно заиграла музыка. Военный оркестръ игралъ Мейерберовскаго «Пророка».

По узкой, пыльной дорогѣ, толкаясь среди солдатъ, Афанасій спустился къ рѣкѣ. Передъ нимъ была протока, между румынскимъ берегомъ и длиннымъ островомъ, порос-

шимъ кустами. Въ протокѣ были причалены къ берегу понтоны. Здѣсь была старая австрійская таможня и подлѣ нея пристань. Къ этой пристани одинъ за однимъ подходили понтоны для погрузки. Саперный офицеръ ладонью отдѣлялъ ряды, отсчитывая ихъ на понтонѣ.

— Вторая стрѣлковая?

— Такъ точно, — отвѣтилъ Афанасій.

— Два, четыре, шесть, — проворнѣй, братцы, — отсчитывалъ ряды офицеръ. — Двадцать четыре, шесть, восемь, тридцать, тридцать восемь, сорокъ. Стой!

По намокшимъ, скользкимъ, колеблющимся доскамъ солдаты сходили на понтонѣ. Бряцали приклады о желѣзные борты. На банкахъ подлѣ уключинъ сидѣли уральскіе казаки въ лохматыхъ бараньихъ папахъ.

По берегу, между столпившихся солдатъ, проѣхало нѣсколько всадниковъ. По крупной лошади и по бѣлой фуражкѣ Афанасій призналъ въ одномъ изъ нихъ генерала Драгомирова.

— Генераль Рихтеръ здѣсь? — спросилъ Драгомировъ кого-то у самой воды.

— Я здѣсь, ваше превосходительство, — отвѣтили изъ солдатской толпы, и высокий генералъ въ черномъ шюртукѣ подошелъ къ Драгомирову.

— Первый рейсъ готовъ къ отправленію?

— Есть, готовъ къ отправленію, — отвѣтилъ офицеръ, только что отсчитывавшій солдатъ Афанасія.

На протокѣ, у берега, удерживаемые веслами на мѣстѣ, длинной вереницей стояли понтоны.

— Съ Богомъ, братцы, — сказалъ Драгомировъ и снялъ бѣлую фуражку. — Напоминаю вамъ въ послѣдній разъ: отступленія нѣтъ! Развѣ что въ Дунай! Такъ или иначе — надо идти впередъ! Впереди — побѣда! Позади — погибель, если не отъ пуль — то въ водѣ...

Низко спускавшаяся къ берегу луна коснулась земли и стала быстро исчезать за Дунаемъ. Сразу стало темно, непріятно и жутко. Стоявшіе въ протокѣ понтоны исчезли въ ночномъ мракѣ. Вѣтеръ зашумѣлъ ивами на островѣ. Заплескала вода о желѣзные борта понтона.

— Съ Богомъ, братцы, отваливайте!

— Отваливай!

Съ пристани раздался короткій свистокъ понтоннаго офицера. Казачій урядникъ на понтонѣ, гдѣ былъ Афанасій, негромко сказалъ:

— На воду, паря!

Чуть покачнулся понтонъ. Конныя фигуры и толпы солдатъ поплыли мимо Афанасія. Ближе подошли кусты Чингинева и пошли мимо. Сильнѣе пахнуло иломъ, сѣрнистымъ запахомъ растревоженной глины и сырою травою. У Афанасія сладко закружилась голова. Онъ оперся рукою на плечо близъ стоявшаго солдата и закрылъ глаза.

Х.

Когда Афанасій открылъ глаза — сильный, порывистый вѣтеръ билъ ему въ лицо. Волна плескала по понтону. Порывисто гребли Уральскіе казаки. Кругомъ была кромѣшная тьма. На мгновенье въ ней показались черные понтонны съ людьми и сейчасъ же исчезли, точно мелькнули призраками. Падала вода съ весель. Афанасію казалось, что понтонъ не подавался впередъ, но крутился на мѣстѣ. Въ полной тишинѣ, бывшей на понтонѣ, съ тяжелымъ грохотомъ упало ружье, и солдатъ мягко опустился на дно. Сосѣдъ нагнулся надъ нимъ, хотѣлъ помочь ему, прошепталъ, какъ бы оправдывая товарища:

— Сомлѣлъ, ваше благородіе.

— Не шевелиться тамъ! — сердито, вполголоса окликнулъ понтонный унтеръ-офицеръ, — послѣ поможешь. Отойдеть и такъ.

Снова стала напряженная тишина на понтонѣ. Вѣтеръ свисталъ между штыковъ, пѣлъ заунывную пѣсню, навѣвалъ тоску.

Уральскій урядникъ, съ большой сѣдою бородой прошелъ вдоль борта. Афанасію показалось, что онъ тревожно сказалъ гребцамъ:

— Правымъ, паря, шильнѣй нажимай.. Понешло далеко. Въ темнотѣ отблескивали бѣлые гребешки большой волны. Должно быть, вышли на стрежень рѣки.

Сколько времени прошло такъ, Афанасій не могъ опредѣлить. Ему казалось, что прошло «ужасно» много времени. Не было мыслей въ головѣ. Вѣтеръ рѣзалъ глаза. Была какая-то полуявь, полусонъ, безъ воспоминаній, безъ соображенія, и было только одно томительно-страстное желаніе, чтобы все это скорѣе какъ-то кончилось.

Волна стала мельче. Уральцы гребли ровнѣе и чаще. Понтонеръ съ длиннымъ крюкомъ прошелъ впередъ и совсѣмъ неожиданно, вдругъ, сразу, Афанасій въ кромѣшной тмѣ увидалъ высокія стѣны берега. Быстро наплывалъ на Афанасія берегъ. Мелкіе кусты трепетали на вѣтру черными листьями, гдѣ-то — не опредѣлить — далеко или близко, высоко надъ водой свѣтилось пламя небольшого костра.

Днище понтона коснулось вязкаго дна. Понтонеры шестью удерживали понтонъ на мѣстѣ.

— Пожалуйте, ваше благородіе, прибыли, — сказали понтонный унтеръ-офицеръ Афанасію.

Солдаты, безъ команды, стали прыгать въ воду и выбираться на берегъ. За ними прыгнулъ и Афанасій, ощутилъ вязкое дно — едва не упалъ — крутъ былъ берегъ, и выбрался на сухое.

Солдаты столпились вокругъ Афанасія. Кто-то растерянно прошепталъ:

— Что же теперь будетъ?..

Глухая и тихая ночь была кругомъ. Тьма, тишина. За спиною плескала волнами рѣка. Пустой понтонъ уплывалъ за вторымъ рейсомъ.

По приказу предполагалось, что всѣ понтоны перваго рейса причалятъ къ берегу одновременно и въ одномъ мѣстѣ. Двѣ стрѣлковыя роты поднимутся прямо передъ собою, 1-ая и 2-ая роты Волынцевъ примкнутъ къ нимъ справа, 3-ья и 4-ая слѣва, лицомъ на Тырново. Образуется живой клинъ. Этотъ клинъ врѣжется въ турецкій берегъ. Слѣдующая высадка — 2-й батальонъ — расширить его вправо и влѣво и образуетъ нужный плацъ д'армъ.

Афанасій оказался одинъ со своимъ взводомъ на неизвѣстномъ берегу. Нигдѣ не было никакихъ стрѣлковъ и гдѣ находится Тырново, о томъ Афанасій не имѣлъ никакого представленія. По-настоящему надо — «въ цѣпь»... Но передъ Афанасіемъ была узкая площадка песчаного берега, кусты и совсѣмъ отвѣсная круча. Гдѣ-то наверху, влѣво чуть виднѣлся огонь костра. Солдаты жались къ Афанасію, ожидали отъ него указаній, что дѣлать.

Афанасій помнилъ одно изъ наставленія Драгомирова: «идти впередъ»...

Онъ и пошелъ впередъ, сначала вдоль берега, ища, гдѣ бы ухватиться, чтобы подняться на кручу. Вскорѣ показался ручей, сбѣгавшій по узкой балочкѣ, углублявшейся въ кручу. Афанасій и за нимъ солдаты пошли вдоль ручья, все поднимаясь на гору. По уступамъ стали показываться колья виноградниковъ, пахнуло землею, свѣжимъ винограднымъ листомъ. Какой-то человѣкъ въ черномъ сбѣгалъ навстрѣчу Афанасію.

Афанасій выхватилъ свой тяжелый «Лефоше» изъ кобуры и спросилъ:

— Кто идетъ?

— Свой, свой, — быстро отвѣтилъ человѣкъ и передъ Афанасіемъ оказался казакъ въ черной короткой черкескѣ. Рваныя полы были подоткнуты спереди за тонкій ремешокъ пояса, низкая, смятая баранья шапка едва держалась на макушкѣ бритой головы. Казакъ остановился въ шагѣ отъ Афанасія и сказалъ, тяжело дыша и переводя духъ:

— Съ переправы, ваше благородіе? Пожалуйста сюда за мною. Генераль Іолшинъ уже тутъ наверху... Приказали, чтобы всѣхъ, которые съ переправы, къ нему направлять.

Точно посвѣтлѣла ночь. Томительное чувство безпокойства, страха, одиночества и неизвѣстности вдругъ исчезло. Все стало просто. Генераль Іолшинъ — бригадный — былъ гдѣ-то тутъ, и казакъ шелъ теперь впереди, легко, какъ дикий барсъ, продираясь по кручѣ, тамъ отведетъ вѣтку, чтобы не хлестнула по Афанасію, тамъ молча укажетъ, куда надо ступить, чтобы подняться на обрывистый уступъ.

— А чей это тамъ огонекъ, станица? — спросилъ взводный унтеръ-офицеръ, шедшій сзади Афанасія.

— Его, милый человекъ, — какъ-то ласково и мягко сказалъ пластунъ. — Тутъ какъ разъ его постъ былъ. Мы къ нему прокрались. Съ огня-то ему насъ не видать, а намъ каждого человека видно. Мы его въ разъ кинжалами прикончили. Безо всякаго даже шума.

Все ближе былъ догорающій костеръ. Въ отсвѣтахъ его пламени показалась низкая каменная постройка. Подлѣ нея лежали пять темныхъ тѣлъ. Бѣлыя лица были подняты кверху. Пламя играло на нихъ.

— Ту-урки, — прошепталъ кто-то изъ солдатъ и нерѣшительно потянулся снять кепку.

— Зда-аровый народъ...

— Въ фескахъ...

— Ружье бы обмѣнить, — жадно глядя на составленные подлѣ убитыхъ магазинныя ружья, прошепталъ ефрейторъ Бѣлоноговъ.

— Обмѣнить, — прорычалъ шопотомъ унтеръ-офицеръ Дорофѣевъ. — А патроны? Что, онъ тебѣ поставлять ихъ будетъ съ того свѣта?

Солдаты, пожимаясь и сторонясь отъ мертвыхъ и пристально глядя на нихъ, проходили подлѣ «снятаго» пластунами поста.

Костеръ, догорая, полыхалъ пламенемъ. Шевелились тѣни на лицахъ убитыхъ. Точно подмигивали убитые Волынкамъ: «Что, братъ? И тебѣ то же будетъ»...

Холодомъ смерти вѣяло отъ убитыхъ турокъ.

Перешли черезъ ручей, стала балочка шире, снизу взерхъ стало видно небо, край обрыва, уступы горъ и виноградники.

И вдругъ совсѣмъ неожиданно и, казалось, близко застучали выстрѣлы. Желтые огоньки стали вспыхивать по краю темнаго гребня.

Всѣ остановились. Только казакъ продолжалъ идти дальше.

— Да-алече, — сказалъ онъ. — Вишь, какъ свиститъ. Излетная. Она не укуситъ.

Порывомъ, рывкомъ, упираясь руками въ комья земли, вскочили наверхъ и остановились.

Тутъ была площадка. На площадкѣ, на барабанѣ, сидѣлъ Іолишинъ.

— Волинцы?

— Такъ точно, ваше превосходительство, 1-й взводъ четвертой роты, — отвѣтилъ Афанасій.

— Разгильдяевъ, что ли?

— Такъ точно, ваше превосходительство, — бодро отвѣтилъ Афанасій.

— Разсыпайте цѣпь вдоль ручья. Залегайте по гребню. На выстрѣлы турокъ не отвѣчать. И не достанетъ, и ночь. Будете стрѣлять, когда увидите его передъ собой.

Вдоль уступа протекалъ ручей, окопанный съ краевъ. Волинцы залегли за нимъ. Справа все подходили и подходили какіе-то люди. Видимо, всѣхъ, кто высаживался на берегъ, принимали посланные Іолишинымъ пластуны и направляли сюда. Все шло, можетъ быть, и не такъ, какъ предполагалось, но шло такъ, какъ надо. Все длиннѣе и длиннѣе становилась Русская цѣпь, залегавшая вдоль ручья.

Впереди часто стрѣляли турки.

«Тахъ... тахъ... Тахъ-тахъ-тахъ», — раздавалось въ ночной тишинѣ. Вѣтромъ наносило ѣдкій, сѣрнистый запахъ пороха. Желтые огоньки часто вспыхивали, и временами надъ Афанасіемъ свистали пули — «фью-фью!.. пі-ій». Совсѣмъ такъ, какъ свистали онѣ на стрѣльбищѣ у Софійскаго плаца въ Царскомъ Селѣ, когда Афанасій сидѣлъ съ махальными за стрѣльбищными земляными валами.

Время точно остановилось. Ночь не убывала. Пули свистали безъ вреда.

И вдругъ, гдѣ-то вправо, громаднымъ, полнымъ звукомъ, потрясшимъ воздухъ и заставившимъ всѣхъ вздрогнуть, ударила пушка: «боммъ»... Высоко въ небѣ надъ головами лежавшихъ въ цѣпи солдатъ прошуршала граната, и звукъ исчезъ и замеръ, растаявъ вдали. Сейчасъ же ударила вторая, третья, четвертая пушка. Небесными громами заговорили двѣ турецкія батареи.

— По нашимъ, значитъ, понтонамъ, — прошепталь

унтеръ-офицеръ Филаретовъ. — Храни ихъ Царица Небесная. Открыли, значить, нашу переправу.

Только теперъ замѣтилъ Афанасій, что совсѣмъ ободняло.

XI.

Утро наступало ясное. Ночной вѣтеръ разогналъ собравшіяся было тучи. Солнце еще не взошло, но небо посвѣтлѣло, звѣзды исчезли и все шире и шире открывался горизонтъ.

— Что на рѣкѣ-то только дѣлается! Не приведи Богъ! Страсти Господни, — съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ Филаретовъ.

Афанасій оглянулся въ томъ направленіи, куда показлъ унтеръ-офицеръ и теперь уже не могъ оторвать глазъ отъ того, что онъ увидѣлъ на Дунаѣ.

Внизу, гдѣ 'розовѣли откосы холмовъ, мѣстами покрытые сѣтью виноградниковъ, широкою, бѣлою дорогой текъ Дунай. Солнце всходило. Золотыми искорками весело играли мелкія волны рѣки. Во всю ширину ея плыли понтоны. Сверху было отчетливо видно, какъ неподвижно стояли на нихъ люди въ черныхъ мундирахъ и бѣлыхъ штанахъ, какъ на другихъ двойныхъ понтонахъ были лошади, орудія, перредки, повозки, казачьи пики и солдаты.

Непрерывно, отвѣчая громамъ артиллерійскаго боя, между понтонами фонтанами взлетала вода отъ падающихъ кругомъ гранатъ. Бѣлые дымки шрапнелей вспыхивали надъ понтонами. Румынскій берегъ былъ закутанъ розовѣющими на солнцѣ пороховыми дымами. Русскія батареи отвѣчали туркамъ.

У небольшого песчаного острова Адда два парома съ срудіями нанесло на песчаную мель. Афанасій видѣлъ, какъ, словно муравьи, копошились на нихъ люди, стараясь шестами спихнуть понтоны на глубокое мѣсто. Островъ окутался бѣлымъ дымомъ ружейной пальбы. Турки били по пон-

тонамъ. Лошади на понтонахъ взвивались на дыбы и падали люди. Вдругъ яркое пламя, потомъ бѣлый дымъ взметнулись надъ понтонами и закрыли ихъ отъ Афанасія. Когда дымъ разсѣлся, уже не было ни понтона, ни людей, ни лошадей — низкій прозрачный дымъ стлался надъ водой. Сплывшій на глубину понтонъ былъ потопленъ турецкой гранатой.

— Царствіе имъ небесное! — прошепталъ ефрейторъ Бѣлоноговъ. — Ночью куда ладнѣе было. Это же ужасъ, что такое!

Въ это время въ цѣпи Афанасія безъ команды застрѣляли, и Афанасій оторвался отъ рѣки, точно очнулся отъ тяжелаго сна.

Теперь, когда стало совсѣмъ свѣтло, было видно, что турки стрѣляли главнымъ образомъ изъ двухъэтажной деревянной постройки, гдѣ была мельница. Крытая черепицей постройка эта служила опорнымъ пунктомъ турокъ. Пули теперь уже не свистали безвредно въ воздухъ, но часто и рѣзко шлепали по землѣ подлѣ людей.

«З-зыкъ... З-зыкъ», рѣзко щелкали онѣ и пыль поднималась дымкомъ отъ нихъ. По цѣпи слышались голоса, непривычные, жалобные.

— Ваше благородіе, ногу зашибло, отнести бы куда...

— Смирнова убило...

— Хуть бы перевязаться чѣмъ... Мочи нѣтъ терпѣть — въ самый животъ...

— Ни встать, ни сѣсть не могу, отбило совсѣмъ...

Красивый Смирновъ, какъ лежалъ въ цѣпи, такъ и затихъ, только голову опустилъ къ землѣ. Страшная неподвижность его тѣла поразила Афанасія. Подъ откосомъ корчился отъ боли Неладновъ. Онъ разстегнулъ мундиръ, и густая темная кровь текла у него изъ живота.

Тутъ вдругъ осозналъ Афанасій все значеніе этихъ короткихъ щелчковъ пуль по землѣ. Страхъ подкрался къ нему, и ноги и руки у него похолодѣли. Горизонтъ вдругъ сталъ узкимъ и все получило особое значеніе. Афанасій какъ сквозь туманъ видѣлъ мельницу, но что было за нею, уже не видѣлъ. Точно тамъ уже ничего и не было. Но затѣ,

го, что было въ цѣпи, своихъ раненыхъ и убитыхъ, видѣлъ поразительно ясно и четко, какъ сквозь увеличительное стекло. На небольшомъ кускѣ земли, шаговъ пятьдесятъ въ обѣ стороны отъ него, замкнулся міръ. И теперь Афанасій увидѣлъ, что тутъ были не одни люди его взвода, но тутъ же лежали рослые гвардейцы, должно быть сводной роты Императорскаго Конвоя, были тутъ и люди ихъ Волинскаго третьяго батальона. Какъ и когда появились эти люди, Афанасій не замѣтилъ.

Всѣ эти люди стрѣляли, отвѣчая туркамъ, но, должно быть, было далеко, пули не долетали, и турки оставались все на томъ же мѣстѣ и ихъ цѣпь обозначалась бѣлымъ дымомъ выстрѣловъ и красными фесками.

Въ этомъ маломъ мірѣ, бывшемъ передъ Афанасіемъ, вдругъ появлялись и исчезали непонятнымъ образомъ люди. Было, какъ бываетъ на постояломъ дворѣ, гдѣ вдругъ появляются и исчезнутъ, придутъ и уйдутъ прохожіе и проѣзжіе. Кто они? Куда ѣдутъ? Куда идутъ? Какъ зовутъ ихъ?

Такъ вдругъ увидѣлъ Афанасій маленькую фигуру ихъ полка капитана Фока. Откуда тотъ появился? Почему онъ здѣсь? Зачѣмъ?

Капитанъ Фокъ выпрыгнулъ впередъ цѣпи, поправилъ на головѣ кепи съ алымъ околышемъ и вынулъ саблю изъ ножонъ.

— Цѣпи впередъ! Ура! — визгливо крикнулъ онъ.

Афанасій привычнымъ движеніемъ схватился за свистокъ, свистнулъ и подаль команду:

— Перестать стрѣлять! Вынь патронъ! Цѣпь встать! Впередъ! Бѣгомъ! Ура!

Афанасій побѣждалъ за капитаномъ Фокомъ. Рослые гвардейцы Гренадерскаго полка обгоняли ихъ. Афанасій мелькомъ увидѣлъ высокаго, худощаваго, черномазаго поручика Поливанова, котораго зналъ по Петербургу. Поливановъ бѣжалъ впереди лейбъ-гренадеръ, вдругъ точно споткнулся, упалъ навзничь, сталъ подыматься. Афанасій на бѣгу увидалъ, что нижняя часть лица и шея Поливанова залиты кровью.

— Алексѣй Андреевичъ, вы ранены? — крикнулъ на-

бѣгу Афанасій. Поливановъ ничего не отвѣтилъ и сѣлъ на землю.

Сбѣжали въ балочку и стали подниматься по винограднику. Вотъ и они, турки! Сколько ихъ было, Афанасій не могъ разсмотрѣть. Они были смуглые, ярко блестѣли зубы изъ-подъ усовъ. Алая феска, синія куртки, расшитыя алымъ шнуромъ — все это было тутъ, совсѣмъ близко и вовсе не страшно. Одни турки бѣжали назадъ къ мельницѣ, другіе встали и бросились навстрѣчу нашимъ солдатамъ. Что-то хрюпнуло, кто-то застоналъ. Какъ во снѣ увидалъ Афанасій, какъ Бѣлоноговъ съ размаха всадилъ турку въ животъ штыкъ, и тотъ упалъ, взмахнувъ руками. Унтеръ-офицеръ Филаретовъ прикладомъ ударилъ по черепу турка, послышался странный и страшный звукъ — будто спѣлый арбузъ треснулъ — и турокъ свалился на спину. Какихъ-то ашкеровъ схватили и повели назадъ — и все это шло быстро, быстро, почти мгновенно, на протяженіи одной какой-нибудь минуты.

И сейчасъ же залегли. Безъ команды стали стрѣлять по мельницѣ, а она — вотъ она! — и двухсотъ шаговъ не будетъ до нея.

Все закуталось бѣлымъ пороховымъ дымомъ. Опять стали щелкать пули и раздаваться крики:

— Петрова убрать бы — мучится здорово.

— Ваше благородіе, Филаретова убило...

— Семенюку ногу, кажись, чижало.

Стрѣльба въ цѣпи затихала. Все крѣпче и крѣпче прижимались къ землѣ люди. Если бы можно было одною волею заставить войти въ землю тѣло — съ ушами ушли бы въ нее. Все меньше стрѣляли: и патроновъ было мало, и страшно было поднять голову, чтобы прицѣлиться. Афанасій со страхомъ почувствовалъ, что еще какая-нибудь минута, и все поползетъ назадъ, внизъ въ спасительную балочку, въ кукурузу. Турецкія пули косили колья виноградниковъ, и страшно было ихъ частое, непонятное и нѣмое паденіе.

Горизонтъ зрѣнія Афанасія сталъ еще уже. Порою у него и вовсе темнѣло передъ глазами. Въ это время сзади, изъ спасительной балочки, изъ кукурузы, о которой со

страхомъ искушенія думаль Афанасій, послушался знакомый басокъ генерала Драгомирова. Афанасій не посмѣлъ оглянувшись, чтобы посмотрѣть, откуда взялся начальникъ дивизіи, какъ могъ онъ появиться на этомъ страшномъ, гибломъ мѣстѣ.

Не повышая голоса, но громко Драгомировъ сказалъ кому-то спокойно, и во вдругъ затихшей цѣпи каждое его слово было отчетливо слышно:

— Такъ или иначе, надо взять эту мельницу... Впередъ, ребята!

Драгомировъ сказалъ это сзади и сказалъ просто — «надо взять», и каждый понялъ, что и точно н а д о.

Снова появился передъ цѣпью маленькій Фокъ и махнулъ саблей, и его третья рота рванула съ гулкимъ «ура» за нимъ. Побѣжалъ со своими людьми и Афанасій, побѣжали гвардейцы, и неровнымъ потокомъ, нѣсколькими случайными цѣпами, а сзади и просто толпой, всѣ подбѣжали къ самой мельницѣ. Турки скрылись въ постройкѣ и заложили двери. Теперь они стрѣляли сверху, изъ второго этажа. Не обращая вниманія на огонь турокъ, солдаты старались прикладами выбить двери. Въ солнечномъ утрѣ вдругъ метнулось кверху ясное и прозрачное пламя. Черный дымъ повалилъ отъ мельницы. Наверху не то кричали, не то выли турки. Пламя трещало и гудѣло. Сухая старая постройка вспыхнула, какъ солома. Кто поджегъ мельницу, наши или турки, — Афанасій того не зналъ. Теперь кругомъ ревѣло русское «ура», откуда-то появилось много людей, и всѣ бѣжали впередъ къ новымъ кручамъ, къ новымъ изгибамъ холмовъ. Настрѣчу заструились бѣлыя змѣйки частой турецкой пальбы.

Волинцы добѣжали до отвѣснаго обрыва. Солдаты карабкались на него, помогая другъ другу, втыкая штыки въ землю и взлѣзая по нимъ. Турки стрѣляли почти въ упоръ сверху.

Афанасій услышалъ, какъ отчаяннымъ голосомъ закричалъ штабсъ-капитанъ Бряновъ:

— Двѣнадцатая, голуби! Впередъ! Ура!

Бряновъ обогналъ Афанасія. Лицо его было красное.

кепи сдвинуто на затылокъ. Бряновъ первымъ сталъ взлѣзать на розовый въ солнечныхъ лучахъ утѣсь.

Турки подставили ему щетину штыковъ.

— Шалишь! — прокричалъ Бряновъ. — Наша взяли, братцы, еще маленько впередъ!..

И упалъ, пробитый штыками. Изъ живота, изъ груди, черезъ лохмотья изодраннаго мундира лила кровь. Кусая руку отъ боли, Бряновъ хрипло и надрывно кричалъ солдатамъ:

— Братцы! Впередъ! Впередъ! Братцы! Молодцами двѣнадцатая!

Цѣнадцатая ворвалась на утѣсь. Турки побѣжали...

Запыхавшіеся, измученные, вспотѣвшіе люди залегли по вершинѣ. Турки, отбѣжавъ, устраивались на слѣдующей грядѣ холмовъ. Снова стихла перестрѣлка.

Афанасію казалось, что съ того времени, какъ въ темнотѣ тихой ночи онъ спрыгнулъ съ понтонна въ воду у берега, прошла цѣлая вѣчность. Онъ взглянулъ на часы. Было пять часовъ утра. Солнце только начинало пригрѣвать — день обѣщалъ быть очень жаркимъ.

Теперь, когда тутъ подлѣ него не стрѣляли, снова горизонтъ расширился, и Афанасій увидѣлъ, что весь ихъ полкъ длинной чередой алыхъ околышей и погонъ лежалъ по только что занятому гребню. Между Волынцами часто лежали гвардейцы, а правѣе, сколько было видно, все подходили и подходили темныя кепи и малиновыя погоны, должно быть, и 4-ая стрѣлковая бригада Цвѣтчинскаго перешла черезъ Дунай. Пушки стрѣляли съ обѣихъ сторонъ, но снаряды летѣли минуя волинскія цѣпи. Все то, что было утромъ, казалось просто страшнымъ предъутреннимъ сномъ. Раненый въ шею поручикъ Поливановъ и этотъ милый веселый Фокъ — «кто носить кепушку на бокъ, — то штабсъ-капитанъ Фокъ», вспоминалъ Афанасій полкового «Журавля», и сгорающія, мелькающія въ золотомъ пламени черныя тѣни турокъ, и Филаретовъ, бьющій по черепу и онъ же мертвый, неподвижно лежащій съ бѣлыми пальцами, сжатыми для крестнаго знаменія, и Бряновъ съ его хриплымъ крикомъ: «Двѣнадцатая, впередъ!» — все это уплыло въ какомъ-то туманѣ.

стало казаться не бывшимъ, но лишь показавшимся. И потомъ, когда Афанасій вспоминалъ это утро, все вспоминалось неясно, и какъ-то неувѣренно рассказывалъ онъ про бывшее товарищамъ, точно и не было этого, а только казалось. Все снилось — и вотъ, проснулся — жаркое лѣтнее утро, холмы въ зеленыхъ виноградникахъ, розовато-сѣрыя кручи, пушечная пальба, точно отбѣняющая тотъ праздникъ, что вдругъ поднялся на душѣ отъ горделиваго сознанія: «а вѣдь мы за Дунаемъ!»

Но дремотное затишье это продолжалось очень недолго. Турки оправились, возможно, что къ нимъ подошли резервы. Гулъ артиллерійскаго огня сталъ грознѣе, и вдругъ снова заплѣли, засвистали, зачмокали пули, опять со страшной послѣдовательностью, все приближаясь къ цѣпи Афанасія, стали непостижимо тихо падать срѣзанныя пулями кольца виноградниковъ. Опять то тутъ, то тамъ вздымались струйки пыли отъ падавшихъ пуль.

«З-з-зыкъ, з-з-зыкъ!.. П-й-й, п-й-й!», щелкали, свистали и плѣли пули.

Опять сжался горизонтъ. сухо стало во рту и одно было желаніе врыться въ землю, съ ушами совсѣмъ уйти въ нее. Огонь все усиливался. Отвѣчать не было смысла, Крика не достало бы до турокъ. Приходилось молча лежать подъ разстрѣломъ въ томительномъ ожиданіи, когда пуля хватить го мнѣ...

Въ затишѣ, въ сознаніи, что встать невозможно, тутъ, тамъ стали пятиться назадъ солдаты и скрываться въ обрывѣ.

— Ты куда?

— Я ранетый...

— А ты?

— За патронами, ваше благородіе.

Сосущая тоска поднялась на сердцѣ Афанасія. Стало казаться --- все потеряно.

ХІІ.

Сзали Афанасія, снизу изъ обрыва, кто-то свѣжимъ, спокойнымъ, красивымъ, барскимъ, картавымъ голосомъ сказаль:

— Ну-ка, бг'атцы, кто изъ васъ?.. Пг'отяни мнѣ г'уку, помоги взобгаться. Пачкаться не охота.

Афанасій отползъ къ кручѣ и оглянулся. Внизу, на уступѣ стоялъ молодой свитскій генераль. Появленіе его здѣсь было совсѣмъ необычайно. Тутъ были цѣпи — с о л д а т с к і я цѣпи. Тутъ было самое пекло боя. Люди, въ измазанныхъ грязью, пылью, потомъ и кровью мундирахъ, съ блѣдными лицами, съ лихорадочно-напряженно смотрящими глазами, тутъ было тяжело, страшно и вовсе не весело и не празднично. Не мѣсто тутъ было свитскимъ генераламъ, да еще такимъ, что точно во дворецъ, на балъ пожаловали. А генераль былъ именно веселый и праздничный. Прекрасно сшитый — «Богдановскій», опытнымъ взглядомъ петербуржца, щеголя-гвардейца, опредѣлилъ Афанасій, — длинный темно-зеленый сюртукъ, такой новый, точно сейчасъ отъ портного, прекрасно сидѣлъ на высокомъ, стройномъ генералѣ. Серебряные погоны съ вензелями, свитскіе аксельбанты, новенькая бѣлая фуражка, въ петлицѣ Георгіевскій крестъ на свѣжей ленточкѣ, шарфъ съ кистями, сабля, — все было чистое, почти незапыленное. Красивые рыжеватые бакенбарды были тщательно расчесаны, пушистые усы лежали надъ дѣтскими пухлыми губами, ясно смотрѣли реселые большіе глаза.

Афанасій протянулъ руку генералу, тотъ крѣпко обжалъ ее маленькой рукой, туго затянутой въ перчатку, и легко вскочилъ на гребень. Афанасій почувствовалъ тонкій запахъ одеколона и хорошихъ духовъ.

— Тутъ стрѣляютъ, ваше превосходительство, — сказалъ Афанасій. — Надо лечь.

— Э, милый мой, на войнѣ всегда стрѣляютъ. На то и война.

Генераль спокойно прошелъ къ цѣпи, сталъ между лежащихъ солдатъ, разставилъ ноги въ щегольскихъ высокихъ сапогахъ съ прибитыми къ каблукамъ мельхіоровыми шпора-

ми, не спѣша вынулъ бинокль изъ футляра и сталъ смотрѣть на турокъ. Пуля щелкнула въ землю у самого его каблука — генераль не шелохнулся.

Вся солдатская цѣпь смотрѣла теперь на генерала, не сводя съ него глазъ.

— Да что онъ, нешто заговоренный? — прошепталъ лежавшій рядомъ съ Афанасіемъ младшій унтеръ-офицеръ Дорофѣевъ. — Итъ какъ стоитъ-то! Монаментъ!

— Братцы, вотъ это такъ генераль, — прошепталъ, приподнимаясь на локтѣ бѣлобрысый Малаховъ, и сейчасъ же скорчился отъ боли — пуля пробила ему плечо.

Генераль окончилъ свой осмотръ, отошелъ нѣсколько назадъ и сказалъ кому-то, должно быть слѣдовавшему за нимъ, но не рѣшавшемуся выйти на открытое.

— Штабсъ-ротмистръ Цуриковъ, пригласите ко мнѣ сюда генераловъ Юлшина и Цвѣцинскаго. Скажете: генераль Скобелевъ съ приказаніемъ отъ генерала Драгомирова.

— Скобелевъ!.. Скобелевъ!.. — понеслось по цѣпи. — Вотъ онъ какой Скобелевъ!

— Видать, дѣло понимаетъ.

— Съ такимъ не пропадешь.

— Теперь — шалишь, турки!

— Скобелевъ!

Скобелевъ повернулся снова къ цѣпи и, какъ будто тутъ не свистали пули, не лежали убитые, не стонали и не корчились раненые, прошелъ по цѣпи и спросилъ молодого солдата:

— Первый разъ въ бою?

— Первый, ваше превосходительство. Не доводилось раньше.

— Пифъ-пафочекъ не боишься?

Солдатъ, лежа у ногъ генерала, молча улыбался. Пули свистѣли и рыли землю кругомъ. Неслышно падали скошенныя ими жерди виноградниковъ.

— Ничего, братъ. Та, что свиститъ, пролетѣла уже, не ужалить. Бояться нечего.

— Чего ее бояться-то, — смущенно сказалъ солдатъ. — Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

— Вѣрно, братецъ. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

Солдатъ молчалъ. Его сосѣдь отвѣтилъ за него генералу.

— Это точно, ваше превосходительство.

Скобелевъ вышелъ навстрѣчу подходившимъ къ цѣпямъ генераламъ.

Юлшинъ вышелъ на гребень, подъ пули, спокойно-нахмуренный. Старый кавказскій генералъ, онъ зналъ, что такое огонь: когда надо — тогда надо, а когда не надо, то зачѣмъ? — говорило его суровое, загорѣлое темное лицо.

Эlegantный, въ свѣжемъ стрѣлковомъ мундирѣ Цвѣцинскій былъ наигранно спокоенъ. Онъ непродвольно помахивалъ рукой и смотрѣлъ то на своихъ стрѣлковъ, густыми цѣпами лежавшихъ впереди, то на турокъ, бывшихъ совсѣмъ недалеко.

Свита, начальники штабовъ, ординарцы и штабъ-горнисты остались внизу, въ мертвомъ пространствѣ.

— Вотъ, ваше превосходительство, — звучно и красиво картавя и такъ спокойно, точно это было не на полѣ сраженія за только что перейденнымъ Дунаемъ, а на маневренномъ полѣ подъ Краснымъ Селомъ, или въ кабинетѣ надъ разложенной картой, говорилъ Скобелевъ, — намъ отсюда все хорошо видно и все ясно. Вонъ тамъ — Скобелевъ рукой въ бѣлой перчаткѣ показалъ вправо, — это Систовскія высоты. Вы видите — какая мѣстность. Виноградные сады — между ними глубокіе рвы, каменные стѣнки... Во всѣ стороны выются узкія тропинки. Совсѣмъ траншеи.

Точно уже былъ тамъ Скобелевъ, точно все это самъ видѣлъ и прошелъ. Таково было свойство этого человѣка — посмотрѣлъ въ бинокль и увидѣлъ все до послѣдней мелочи.

— Какъ видите, тамъ полно турокъ! Такъ и копошатся синія куртки ихъ ашкеровъ. Такъ вотъ, — генералъ Драгомировъ приказалъ 2-й бригадѣ генерала Петрушевскаго взять эти высоты. Ваше превосходительство, — повернулся Скобелевъ къ Цвѣцинскому, — съ вашими стрѣлками должны содѣйствовать этому отсюда, атакой во флангъ... Вашимъ, — повернулся Скобелевъ къ Юлшину, — Волинцамъ

и Минцамъ оставаться на занятой вами позиціи и сковать турокъ на ихъ мѣстахъ. Ваше превосходительство, — снова повернулся Скобелевъ къ Цвѣцинскому, — вы ничего не будете имѣть противъ того, если я поведу вашихъ стрѣлковъ?

— Ахъ, пожалуйста, ваше превосходительство, — любезно сказалъ Цвѣцинскій.

Вся группа генераловъ пошла внизъ къ ожидавшей ихъ свитѣ.

ХІІІ.

— Ваше превосходительство, колонны генерала Петрушевскаго поднимаются на Систовскія высоты. Прикажите батальонамъ резерва подойти ближе.

Скобелевъ отдалъ приказаніе генералу Цвѣцинскому, и самъ Цвѣцинскій, и никто въ его свитѣ не удивился этому. То, какъ вель себя здѣсь, на полѣ сраженія, Скобелевъ, какъ ходилъ онъ по цѣпямъ, не обращая вниманія на пули, дало ему это право еще болѣе, чѣмъ его свитскіе аксельбанты. То, что про него говорили раньше: «халатниковъ билъ въ степяхъ — пусть попробуетъ настоящей войны», сразу было оставлено и забыто. «Скобелевъ приказалъ»... «Скобелевъ поведетъ» — въ этихъ словахъ уже было обаяніе имени, была магія побѣды.

Сопровождаемый какимъ-то случайнымъ ординарцемъ, Скобелевъ, не имѣвшій никакого опредѣленнаго мѣста, бывшій, какъ и Порфирій, въ «диспонибельныхъ» при генералѣ Драгомировѣ, — легкой походкой спустился въ балку, бережно, боясь замочить свои сапоги, перешелъ черезъ ручей и сталъ подниматься на уступъ, гдѣ густо цѣпями залегли стрѣлки. Нѣсколько сзади него шли Цвѣцинскій и начальникъ штаба съ ординарцами и штабъ-горнистомъ. Всѣмъ своимъ видомъ Цвѣцинскій показывалъ, что не одобряетъ и не сочувствуетъ этому ненужному риску.

У стрѣлковъ было много жарче, чѣмъ у Волынцевъ. Они крѣпко сцепились въ огневомъ боѣ съ турками и подошли къ наскоро накопаннымъ турками окопамъ шаговъ на двѣсти. Ихъ цѣпи какъ котломъ кипѣли непрерывной

стукотней выстрѣловъ. Пороховой дымъ низко стлался надъ виноградными садами и закрывалъ временами турецкую позицію. Стрѣлки изъ своихъ берданокъ стрѣляли мѣтко, и турецкій очень сильный огонь былъ не такъ губителенъ, какъ у Волынцевъ. Пули больше свистали поверху. Турки боялись высунуться, чтобы прицѣлиться, и стрѣляли вверхъ, не цѣлясь.

Артиллерія помогала туркамъ. Позади стрѣлковъ постоянно раздавались грозные громы разрывовъ гранатъ; клубы порохового дыма, смѣшанные со столбами пыли и земли, взлетали облаками кверху. Тяжелые осколки свистали и рѣяли въ воздухъ. Тогда все приникало къ землѣ въ стрѣлковыхъ окопахъ. Огонь въ эти мгновенія становился слабѣе. Иногда неожиданно граната упала въ самую цѣпь, и тогда точно ахала ужасомъ земля и люди долго лежали, уткнувшись лицомъ въ землю, а потомъ слышались жалобные стоны и недовольные крики: «носилки!»

Скобелевъ стоялъ надъ этой цѣпью и такъ же, какъ Волинцы, такъ и тутъ стрѣлки 16-го батальона, смотрѣли на него съ жаднымъ любопытствомъ и восхищеніемъ.

Цвѣцинскій со свитой остановился внизу за уступомъ, гдѣ было потише и гдѣ ни пули, ни осколки не могли зацѣпить.

— *Cela ne prendra jamais fin* *), — сквозь зубы сказалъ самъ себѣ Скобелевъ и повернулся къ генералу Цвѣцинскому.

— Ваше превосходительство! — крикнулъ онъ.

Цвѣцинскій понялъ Скобелева безъ словъ. Онъ только оглянулся на стоявшаго сзади него штабъ-горниста, и тотъ схватилъ серебряный горнъ. Рѣзкій и сухой звукъ сигнала: «Предвареніе атаки» раздался въ полѣ и на мгновеніе заглушилъ неистовую стукотню ружей.

По всей стрѣлковой линіи залились свистки взводныхъ и стрѣльба сразу стихла.

Стрѣлки лежали на боку и смотрѣли на взводныхъ.

— Въ атаку! — крикнулъ Скобелевъ.

— Въ атаку!.. Въ атаку!.. Цѣпи, встать!

*) Такъ можно безъ конца продолжать.

Впереди виноградные колья и лозы падали точно скошенные невидимою косою, и падение ихъ было такъ часто и непрерывно, что казалось невозможнымъ встать и идти туда. Гранаты и шрапнели рвались надъ винограднымъ полемъ.

Цѣпи продолжали лежать.

Гонимый легкимъ вѣтромъ пороховой дымъ сошелъ въ сторону, и близкими показались алая фески и смуглая лица турокъ. Близкими и вмѣстѣ съ тѣмъ недостижимыми.

Тогда передъ цѣпами появилась фигура высокаго статнаго генерала въ темномъ сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ. Легко, быстро и свободно, презирая выстрѣлы по нему, шелъ этотъ генералъ по виноградникамъ. Онъ вынулъ изъ ноженъ саблю и громко, красивымъ баритономъ крикнулъ:

— Стѣлки, впе'едь!..

Мгновенно цѣпи вскочили. Держа ружья на перевѣсъ, съ могучимъ, страшнымъ «ура» стрѣлки бросились черезъ виноградники, обгоняя генерала. Къ нимъ сейчасъ же примкнула музыка духового оркестра: батальонные резервы съ развернутыми знаменами быстрымъ «стрѣлковымъ» шагомъ настигали Скобелева, все еще шедшаго позади цѣпей. Все смѣшалось въ стремительномъ порывѣ впередъ.

Турки не приняли штыкового боя и бѣжали.

XIV.

Было два часа дня. Волынцы продвинулись впередъ. Турки отходили передъ ними. Все выше и выше по уступамъ горъ поднимались Волынцы и, наконецъ, достигли вершинъ. Передъ ними широко развернулась вся Систовская долина.

Тамъ кипѣлъ теперь страшный бой. Пушки били непрерывно, и уже въ самой частотѣ и непрерывности ихъ огня чувствовалась растерянность пораженія.

— А, видать, наша беретъ, — сказалъ сосѣдъ Афанасія и сѣлъ на землю.

— А что тамъ, братцы, дѣлается, страсть!..

Турки уже болѣе не стрѣляли по Волынцамъ, и въ цѣ-

пяхъ зашевелились. Кто сѣлъ, кто даже и всталъ и напряженно смотрѣлъ и прислушивался къ тому, что дѣлалось подъ Систовомъ.

— Глянь, а гляньте, что дѣлается? Стрѣлки пошли... Слышите, музыка.

Легкимъ вѣтромъ доносило пѣвучій, красивый стрѣлковый наступный маршъ.

— А идутъ-то! Идутъ! Какъ на ученьи!..

— «Ура» слышно, значить, пошли уже по-настоящему..

«Ура» все гремѣло и гремѣло не переставая, перекачиваясь все дальше и дальше. Потомъ раздались залпы: опредѣлилась наша побѣда. Еще и еще прилетѣла граната и лопнула въ лощинѣ, гдѣ свѣтлой полосой тянулось широкое шоссе, и все стало стихать.

— Ваше благородіе, — обратился къ Афанасію солдатъ, — гляньте, наши казаки въ самый Систовъ входятъ. Знать, ушли оттеля турки.

Радостное, ни съ чѣмъ не сравнимое чувство побѣды теплымъ токомъ залило сердце Афанасія и сразу вмѣстѣ съ нимъ явилось и нестерпимое желаніе ѣсть и спать. Онъ тутъ вспомнилъ, что и точно не спалъ всю ночь, ничего со вчерашняго вечера не ѣлъ и не пилъ, и вотъ уже солнце новаго дня перевалило далеко за полдень и невыносимо печетъ, нагоняя дремоту. Афанасій растянулся на землѣ, нагнулъ кепку на брови и сейчасъ же забылся въ крѣпкомъ и покойномъ снѣ.

Спалъ онъ недолго. Сквозь сонъ онъ услышалъ, какъ совсѣмъ подлѣ него кричали:

— Подпоручика Разгильдяева къ полка командеру!

Афанасій всталъ, протеръ глаза, обтеръ платкомъ разомлѣвшее отъ сна и солнечнаго зноя лицо, вскочилъ на ноги, поправилъ кепи, стряхнулъ отъ земли мундиръ и шаровары и оглядѣлся. Шагахъ въ ста отъ него стоялъ полковникъ Родіоновъ и сзади него жалонеры полка съ пестрыми ротными и батальонными значками.

Афанасій окончательно стряхнулъ съ себя сонъ и, придерживая рукою саблю, побѣжалъ къ полковому командиру.

— Подпоручикъ Разгильдяевъ, забирайте жалонеровъ и и ступайте въ Сисегово, — сказалъ ему Родіоновъ. — Тамъ

разыщите штабъ дивизіи и узнайте, что дѣлать полку, куда ему теперь идти? Если укажутъ ночлегъ — провѣсьте бивакъ жалонерами.

— Слушаюсь, — бодро отвѣтилъ Афанасій.

Усталость точно слетѣла съ него. Онъ скомандоваль жалонерамъ и быстрымъ шагомъ пошелъ внизъ къ шоссе.

Какъ только Афанасій по Тырновскому шоссе сталъ приближаться къ Систову, ему стало ясно: — побѣда! Невозможное стало возможнымъ. Русскія войска окончательно перешли черезъ Дунай...

У входа въ Систово была такая толчея людей, что Афанасію пришлось протискиваться черезъ нее.

У колодца болгарки непрерывно черпали воду. Скрипѣло по-мирному деревянное колесо колодца, мокрое ведро подхватывали десятки рукъ, и запекшіяся, воспаленныя, запыленныя губы жадно приникали къ студеной водѣ. Румяныя, чернобровыя лица болгарокъ подъ пестрыми платками улыбались, сверкали бѣлые зубы.

Донцы въ бѣлыхъ фуражкахъ съ назатыльниками, въ разстегнутыхъ мундирахъ поили у колоды запотѣлыхъ, съ прилипшею пылью на бокахъ и крупахъ приморенныхъ лошадей. Пики были прислонены къ плетню, на остріяхъ ихъ пестрѣли букеты цвѣтовъ.

Людской гомонъ шумѣлъ по улицамъ.

Вдругъ загрохотали барабаны и грянула музыка. Болгарки въ праздничныхъ платьяхъ, въ монисто изъ монетъ, поднимали маленькихъ дѣтей надъ головами, чтобы тѣ могли разглядѣть «Русовъ»-освободителей. У садовыхъ плетней женщины и старики вынесли бадьи съ водой и жбаны съ виномъ, корзины съ большими ломтями бѣлаго пшеничнаго и желтаго кукурузнаго хлѣба и кусками наскоро жареной баранины. Дѣвушки и дѣти кидали солдатамъ букетики и вѣночки, стараясь накинуть ихъ на штыкъ.

Старо-Егерскій маршъ гремѣлъ эхомъ отдаваясь по улицѣ. Житомирцы въ колоннѣ по отдѣленіямъ, круто подбравъ штыки, входили въ Систово. Знамя подъ золотымъ копьемъ колыhalось надъ штыками. Болгары снимали шапки съ головъ. Все громче звучали голоса привѣтствій:

— Да живеј Царь Александръ!

— Добре дошли!

Внезапно, радостно и празднично грянулъ хоръ пѣсельниковъ:

— Шуми Марица окравенна,
Плачи вдовица люто ранена.
Напредъ да ходимъ, войници миль,
Дунавъ да бродимъ съ сички сили..
Маршъ, маршъ, съ генерала нашъ!..
Разъ, два, три! Маршъ, войници!

Женскіе голоса болгарокъ звонко вторили побѣдному гимну:

Маршъ, маршъ, съ генерала нашъ!..
Разъ, два, три! Маршъ, войници!

— Ура-а-аа!.. — загремѣло въ толпѣ жителей.

— Живіе!.. Живіе-е-еее!!

Афанасія съ его жалонерами сначала притиснули къ садовымъ плетнямъ, потомъ подхватили общимъ солдатскимъ потокомъ и понесли къ городской площади. Вокругъ мощно гремѣлъ хоръ:

— Юнака донски намъ е водитель,
Съ препорецъ левски — вождь победитель.
Вижде, деспоти, генерала нашъ,
Чуйте, запойми Николаевъ маршъ!
Маршъ, маршъ! Съ генерала нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ, войници!

Вдругъ остановились, сорвали ружья «къ ногъ», сжались въ колоннѣ. Хоръ смолкъ, солдаты снимали кепи, вытирали вспотѣлые лбы, шумно сморкались.

Афанасій протолкался черезъ колонну на площадь. У церкви съ бѣлыми жестяными куполами стояло духовенство въ высокихъ шапкахъ и въ золотыхъ ризахъ. Крестный ходъ съ иконами и хоругвями вышелъ навстрѣчу войскамъ. Сѣдовласый и сѣдобородый, смуглый болгаринъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ — систовскій старшина, — говорилъ рѣчь генералу Петрушевскому, пѣшкомъ стоявшему противъ него. Дѣвочка въ расшитой пестрыми нитками рубаш-

кѣ и пестрой юбкѣ поднесла генералу громадный букетъ лилій и розъ.

— Да что вы, право, — смущенно говорилъ Петрушевскій. — Да я же не главный здѣсь начальникъ. Это же надо генералу Драгомирову.

— Генерала Драгомирова тоже е, — сказалъ старшина.

Священникъ выдвинулся съ крестомъ, глухо, въ унисонъ, запѣли пѣвчіе. Въ открытыя двери храма за священникомъ и крестнымъ ходомъ входилъ Петрушевскій съ букетомъ въ рукахъ...

Раздалась команда. Ружья взяли «вольно» и тронулись дальше. По площади раздавались крики:

— Живіе Царь Александръ!

— Ура!

Загрохотали барабаны. Стоголосый хоръ запѣлъ:

Маршъ, маршъ, съ генерала нашъ!

Разъ, два три! Маршъ, войници!

Афанасія съ войсковымъ потокомъ проносило черезъ площадь. Тутъ онъ увидѣлъ своего отца и направился къ нему.

XV.

— Афанасій! Живъ? Здоровъ? Нигдѣ не зацѣпило? Но голодены, конечно? А? Каково? Орлами перелетѣли черезъ Дунай!

Порфирій обнялъ Афанасія и, обернувшись къ стоявшимъ на крыльцѣ штабнымъ офицерамъ, сказалъ:

— Мой сынъ!.. Съ первымъ рейсомъ переправился черезъ Дунай... Молодчага!

Въ разстегнутомъ у шеи, насквозь пропотѣломъ сюртукѣ съ болтающимися аксельбантами, сразу дочерна загорѣлый, запыленный, съ измятыми грязными бакенбардами, — столько разъ онъ были въ пыли, а потомъ мокли въ водѣ, когда Порфирій пилъ, — Порфирій сіялъ счастьемъ побѣды.

— Ты и представить себѣ не можешь, Афанасій, что

твоему отцу пришлось продѣлать! Не мальчикъ!.. Не прапорщикъ! По этимъ чортовымъ горамъ, колдобинамъ, виноградникамъ, вездѣ — пѣшкомъ!.. Подумай, твой отецъ — пѣшкомъ! Нашихъ лошадей когда-то еще переправять... Завтра, и то дай Богъ! Ты зачѣмъ здѣсь?

— Меня послалъ командиръ полка узнать, гдѣ стать полку.

— Генерала Драгомирова еще нѣтъ здѣсь. Ну, да это мы сейчасъ тебѣ узнаемъ. Идемъ со мной.

Въ большой, просторной хатѣ толпились офицеры — колонновожатые. На столѣ, накрытомъ холщевыми полотенцами, были наставлены тарелки съ курицей, порѣзанной кусками, съ бараниной, саломъ и хлѣбомъ, стояли тяжелые деревенскіе стеклянные стаканы съ розоватымъ, мутнымъ виномъ, похожимъ на уксусъ.

Нѣмецкій генераль Вердеръ, военный агентъ, высокій, тощій, въ длинномъ сюртукѣ, стянутомъ въ талѣ, въ черной кожаной каскѣ съ прусскимъ орломъ, въ моноклѣ, держа одной рукой полковника Гарновскаго подъ локоть, а въ другой стаканчикъ съ виномъ, говорилъ по-французски, отчетливо и рѣзко выговаривая слова:

— *Je crains que la facilité avec laquelle vous avez effectué le passage du Danube ne vous entraine dans des operations risquées et ne vous apporte des revers* *).

Порфирія какъ бичомъ стегнуло, онъ и про сына забылъ. Онъ вмѣшался въ разговоръ :

— *Excellenz!* — сказалъ онъ, — *wir müssen jetzt — vorwaerts. vorwaeris, vorwaerts !* **)

Вердеръ, — онъ былъ выше ростомъ Порфирія, — разставивъ ноги, снисходительно, сверху внизъ посмотрѣлъ черезъ монокль на Порфирія.

— *Ach, so !* сказалъ онъ. — *Meinen Sie ?* ***)

*) Я боюсь, какъ бы легкость, съ которой вы совершили переправу черезъ Дунай, не увлекла васъ на рискованныя операціи и не принесла вамъ разочарованій.

**) Ваше Превосходительство, мы теперь должны — впередъ, впередъ, впередъ!..

***) Ахъ, такъ? Вы думаете такъ!..

— Aber natürlich *)

— Es ist kaum glaubhaft, dass Sie als Stabs-offizier so sprechen **).

— Vorwaerts ! bis Konstantinopol ! — восторженно прокричалъ Порфирій.

— Ach, so ! Na, ja ! ***)

Вердеръ засмѣялся и выпилъ вино.

— Viel Glück !.. ****).

Порфирій торопливо схватилъ со стола стаканъ съ виномъ и залпомъ осушилъ его.

— За успѣхъ Русскаго оружія! — крикнулъ онъ и пошелъ отъ Вердера устраивать дѣло Афанасія.

Въ открытыя окна неслись солдатскія пѣсни, звуки музыки, барабанный бой и топотъ тысячи ногъ. Подольцы проходили за Систово, чтобы стать тамъ биваками и выставить сторожевое охраненіе.

Когда Афанасій, получивъ нужныя указанія, вернулся къ полку, онъ нашелъ его свернутымъ въ резервную колсину. Ружья были составлены въ козлы. Усталые, измученные, голодные солдаты лежали за ружьями и спали крѣпкимъ сномъ.

Солнце спускалось за горы. Серебрянымъ блескомъ въ лощинѣ горѣли купола систовскихъ церквей. Тамъ звучала музыка. Должно быть туда входили только что переправившіяся части 9-й пѣхотной дивизіи.

Молодая луна, свѣтлая, безсильная и прозрачная, чуть проявилась на потемнѣвшемъ небѣ. По шоссе трещали колеса. Длиннымъ транспортомъ тянулись бѣлые лазаретные фургоны и между ними тяжелыя болгарскія арбы. Свозили раненыхъ и убитыхъ.

Теплая ночь спускалась надъ Дунаемъ. Тамъ теперь смѣло и непритаенно стучали топоры. Понтонеры и саперы строили мосты.

*) Ну, конечно

**) Вы офицеръ Генеральнаго штаба — и вы такъ говорите. Невѣроятно.

***) Ахъ, такъ... Н-ну, да...

****) Желаю счастья.

Гдѣ-то недалеко отъ Вольницевъ загорѣлся небольшой костеръ, стали видны въ немъ потреноженные лошади, казачьи пики. Два голоса оттуда согласно и стройно пѣли:

— На рѣчушкѣ было Дунаю... Дунаю!..
Перевозъ Дунюшка держала... держала!..
Въ рошѣ калина, въ темной не видно,
Соловьишки не поютъ...

Было что-то грустное и въ то же время томительно-сла-
достное въ ихъ словно тающихъ въ вечернемъ воздухѣ го-
лосахъ...

XVI.

Въ эти мѣсяцы войны и Русскихъ побѣдъ Софія Львов-
на Перовская случайно, на югѣ, познакомилась съ молодымъ
соціалистомъ Андреемъ Ивановичемъ Желябовымъ. Она слы-
шала, какъ тотъ говорилъ на собраніяхъ кружковъ; разго-
ворилась съ нимъ и увлеклась имъ. Они оба тогда искали,
оба шли какъ бы въ потемкахъ, спорили и ссорились съ
другими революціонерами — «подпольщиками», оба не имѣ-
ли никакой опредѣленной программы. Романъ Чернышев-
скаго «Что дѣлать?» не могъ быть программой.

Самолюбивая и властная, — въ ней всегда гдѣ-то внут-
ри, потаенно сидѣло, что она «генеральская дочь», что она
П е р о в с к а я, очень чувственная, но до сего времени
прекрасно владѣвшая собою, Перовская съ перваго взгляда
почувствовала, что н а ш л а ч е л о в ѣ к а.

Такой былъ цѣльный Андрей Ивановичъ! Такой, и фи-
зически, и душевно прекрасный. Онъ отвѣчалъ ея идеаламъ,
какъ бы созданъ изъ неопредѣленныхъ мечтаній о на-
стоящемъ мужчинѣ. Софія Львовна шла въ народъ, чтобы
служить народу — Желябовъ самъ былъ изъ народа. Сынъ
крѣпостнаго крестьянина, рабомъ рожденнаго, и самъ былъ
родившійся рабомъ. Онъ былъ м у ж и к ѣ! А когда смот-
рѣла на него Перовская, — высокаго, стройнаго, въ длин-

номъ черномъ сюртукѣ, — она думала — «какой же онъ мужикъ?» Густые, темные волосы были расчесаны на проборъ, и одна черная прядь все упрямо падала на лобъ. Мягкіе усы, небольшая борода, тонкія черты иконописнаго лица и волевые острые глаза. У Желябова были маленькія, совсѣмъ не рабочія руки — а какъ онъ работалъ въ полѣ! Въ Желябовѣ Перовская нашла то самое, чего никакъ не могла воспитать въ себѣ. Она работала въ деревнѣ, какъ фельдшерица, прививала оспу, ходила по тюрьмамъ, она совершала отчаянные «подвиги», была судима, ссылаема, — но она всегда оставалась барышней, генеральской дочерью. И крестьяне, и на судѣ, къ ней такъ и относились. И это оскорбляло ее.

Желябовъ, какъ хамелеонъ, мѣнялся въ зависимости отъ той среды, куда онъ попадалъ. Онъ репетиторствовалъ у южнаго помѣщика Яхненко и былъ въ обстановкѣ богатаго и хорошо поставленнаго дома такимъ пріятнымъ и образованнымъ человѣкомъ, что увлекъ дочь Яхненко — Ольгу Семеновну, и тамъ забыли о происхожденіи Желябова и охотно приняли его въ свою среду и выдали за него замужъ Ольгу. Жена Желябова была музыкальна, она играла на рояли, и Желябовъ съ нею пѣлъ романсы и готовился стать помѣщикомъ... Но пріѣхалъ на свой отцовскій надѣлъ и сталъ такъ работать и такъ жить, точно никогда не разставался съ избою и сохою. Все въ немъ измѣнилось — говоръ, манеры. Крестьяне приняли его, какъ своего, и Желябовъ легко и просто велъ пропагандную работу среди нихъ. Два года онъ провелъ въ деревнѣ, но понадобилось попасть въ офицерскую среду Артиллерійскаго кружка въ Одессѣ, и никто не сказалъ бы, что этотъ прекрасно говорящій и образованный молодой человѣкъ — простой крестьянинъ.

Перовская, сама властная, сама желавшая всѣхъ подчинять себѣ, въ полной мѣрѣ подчинилась Желябову. Ей стало казаться, что Андрей Ивановичъ знаетъ то, что ей надо. Онъ умѣлъ всегда доказать, почему то или другое нужно, а если его не понимали, онъ просто говорилъ: «такъ надо», и ему всѣ вѣрили — вѣрила ему и Перовская.

Сухановъ разсказалъ Софѣ Львовнѣ о Вѣрѣ Ишим-

ской, такой же барышнѣ, какой была и сама Перовская, и Софья Львовна спросила Желябова:

— Какъ вы думаете, Андрей Ивановичъ, не привлечъ ли въ нашъ кружокъ и такую барышню? Она хорошей семьи. Я слышала про нее — она очень честная, она насъ никогда не выдастъ... И она такъ же страдаетъ за народъ, какъ страдаю я, какъ страдаемъ мы всѣ...

Веселые огни заиграли въ глазахъ Желябова.

— Что же, Софія Львовна, — сказалъ онъ. — Намъ всякіе люди нужны и люди вашего круга намъ, пожалуй, особенно нужны. Они своимъ вліяніемъ прикрываютъ насъ. Они оправдываютъ нашу работу. Намъ нужно, чтобы не одно крестьянство шло съ нами, но чтобы съ нами шло и дворянство. Это ухудшаетъ положеніе режима. Что же? попробуйте Ишимскую, по душамъ поговорите съ нею, а тамъ — посмотримъ. У насъ, надо правду сказать, — женщины работаютъ лучше и смѣлѣе мужчинъ...

Опять Желябовъ посмотрѣлъ на Перовскую и та вспыхнула отъ восторга.

Въ первый же свой пріѣздъ въ Петербургъ Перовская поручила Суханову передать Вѣрѣ, что она ждетъ ее.

XVII.

Знойнымъ лѣтнимъ утромъ, пѣшкомъ, въ старенькой мантильѣ, пробиралась Вѣра въ Измайловскія роты. Она шла къ «нелегальной», къ какой-то новой, еще незнаемой Сонѣ Перовской, которая носила уже не свое имя, которая была подъ арестомъ, бѣжала отъ полиціи, шла къ «революціонеркѣ»! И Вѣрѣ все казалось инымъ, сама она себѣ казалась другой, до подвига было еще далеко, но что-то было новое и это новое заставляло ее все видѣть въ иномъ свѣтѣ.

На Загородномъ проспектѣ, у бульвара, шедшаго вдоль Семеновскихъ казармъ, сохли тополя. Акаціи свѣсили длинные стручья. На твердомъ, убитомъ кирпичемъ бульварѣ играли дѣти. Няньки сидѣли съ солдатами на низкихъ ска-

мейкахъ безъ спинокъ и лущили сѣмячки. Въ душномъ воздухѣ пахло каменноугольнымъ дымомъ съ Царскосельской дороги. Отъ Введенскаго канала несло гнилой водой и рыбой.

За Обуховской больницей пошли сады, деревянные заборы, маленькіе деревянные дома. Стало глуше. Пыльны были широкія, не сплошь замощенныя улицы, меньше попадалось прохожихъ. Мѣстами шла стройка новыхъ кирпичныхъ домовъ, были поставлены «лѣса», заборы, каменщики поднимались по пологому настилу, несли на спинахъ кирпичи. Пахло известью, свѣжей замазкой, кирпичной пылью.

Перовская жила во второмъ этажѣ большого, сѣраго деревяннаго дома. На лѣстницѣ, покрашенной желтой охрой, съ деревянными перилами, у квартирныхъ дверей стояли высокія кадки съ водой. Посерединѣ площадки были двери обшихъ неопрятныхъ уборныхъ. Пахло пригорѣлымъ лукомъ, кошками, жильемъ — не розами пахло.

Ничего этого Вѣра не замѣчала и не ощущала. Она шла къ «революціонеркѣ», шла къ той, кто ходилъ въ народъ, и это все такъ и должно было быть.

Вѣра позвонила въ дребезжащій колокольчикъ на проволочѣ и когда дверь открылась, тихимъ голосомъ спросила Марину Семеновну Сухорукову.

— Я самая и есть, — весело отвѣтила молодая простоволосая дѣвушка съ остриженными косами и небольшими сѣрыми глазами. — А вы — Вѣра Николаевна Ишимская? Прошу пожаловать.

Отъ прежней молоденькой, хорошенькой дѣвушки, какую помнила Вѣра по баламъ, — немного осталось. Мелкія черты лица огрубѣли, скулы выдались, маленькіе, узко поставленные глаза смотрѣли на Вѣру напряженно. Стриженные волосы очень измѣнили и опростили лицо. За годы революціонной работы сильно измѣнилась Перовская. Она была опрятно, но и очень просто одѣта. Горничныя въ домѣ Разгильдяева одѣвались много лучше. Свѣтлая съ черными цвѣточками ситцевая блузка была выбрана въ юбку и подпоясана широкимъ чернымъ кушакомъ съ простою пряжкой.

-- Пожалуйте, пойдѣте ко мнѣ. Мнѣ Николай Евгение-

вичъ много говорилъ про васъ, да вѣдь мы и раньше встрѣчались, — улыбаясь, сказала Перовская.

Улыбка скрасила ея некрасивое усталое лицо.

Въ спальнѣ Сони, куда онѣ прошли, было чисто и аккуратно прибрано. Двѣ желѣзныя кровати стояли вдоль стѣнъ, ситцевая занавѣска висѣла на окнѣ. На висячей этажеркѣ лежали книги. На столѣ валялись газеты.

Въ комнатахъ былъ тотъ жилой запахъ, присущій лѣтомъ деревяннымъ, густо населеннымъ домамъ безъ водопровода. «Мѣщанскій» запахъ, — опредѣлила его Вѣра, но и запахъ подходилъ къ той «нелегальной», къ кому Вѣра пришла.

— Ну, что же, побесѣдуемъ, — сказала Перовская, приглашая Вѣру сѣсть на простой соломенный стулъ. — Всѣ мы съ этого начинаемъ. Обнюхаемся, какъ говорить Андрей Ивановичъ. Вотъ такъ — познакомишься, поговоришь съ «хорошимъ» человѣкомъ, и яснѣе и веселѣе станешь жить... Откроются горизонты. Книга того не даетъ, что даетъ живая бесѣда. Слово лучше учить. А потомъ и пойдешь за этимъ человѣкомъ. До конца повѣришь ему.

Вѣра смущенно смотрѣла на двѣ одинаково постланныя, накрытыя простыми сѣрыми одѣялами кровати.

— Вы не одна живете, Софья Львовна? — понижая голосъ, спросила Вѣра.

— Сейчасъ одна... Это для Андрея Ивановича, когда онъ сюда пріѣзжаетъ.

Вѣра смутилась и покраснѣла. Перовская замѣтила ея смущеніе.

— Когда работаешь вмѣстѣ и во всемъ единомышленъ, такъ естественно, что живешь вмѣстѣ общей жизнью. Въ этомъ прелесть свободы.

— Вы... вышли замужъ?

— Нѣтъ. Андрей женатъ. Онъ добивается развода, но не для себя, а для жены. Но жена не даетъ ему развода. Да это намъ и не нужно. Мы люди свободные, у насъ нѣтъ предразсудковъ.

— Но, какъ же? Бракъ?..

Перовская сухо засмѣялась.

— Ни я, ни Андрей въ Бога не вѣримъ. Для насъ — Бога просто нѣтъ. Значить, нѣтъ и таинствъ, нѣтъ ни церкви, нѣтъ и поповъ.

Перовская замолчала, Вѣра тихо сидѣла и ждала, что скажетъ дальше эта смѣлая, необыкновенная дѣвушка.

— Такъ вотъ, Вѣра Николаевна, — начала говорить Перовская. — Скажите, что же больше всего волнуетъ васъ? Какіе «проклятые» вопросы встали передъ вами и мучаютъ васъ, что привело васъ изъ вашей золотой клѣтки на страдный и бѣдный путь революціонера?

— Ахъ, милая Софья Львовна, — такъ о многомъ, многомъ мнѣ нужно разспросить васъ! Такъ все для меня вдругъ какъ-то осложнилось. Ну, вотъ, хотя бы сейчасъ... Война... Русскія войска перешли черезъ Дунай. Вездѣ повѣшены флаги, идетъ народное ликованіе...

— Народное ли? — тихимъ голосомъ вставила Перовская.

— Горятъ газовыя звѣзды и императорскіе вензеля. Пушки палятъ съ крѣпости. На спичечныхъ коробкахъ портреты героевъ. Имена Скобелева, Драгомирова не сходятъ съ устъ. Лубочныя картины... Иллюстраціи Брожа...

Вѣра говорила все это быстро, сразу, задохнулась, смутилась и замолчала.

— Я слушаю васъ, Вѣра Николаевна. Что же дальше? Иллюстраціи Брожа...

— И корреспонденціи Суворина въ «Новомъ Времени», Крестовскаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», Немировича-Данченко, — а болѣе того письма моихъ дяди и кузена — вездѣ восторгъ побѣды, преклоненіе передъ героями войны и особенно передъ Скобелевымъ. Я теряюсь. Скобелевъ!.. Скобелевъ!.. Я спросила дѣдушку. Въ немъ есть старческая мудрость. Я его уважаю. И вотъ, что онъ мнѣ вчера сказалъ: «Россію клянутъ за самодержавіе. Въ Россіи, молъ, — касты... Все заполонило дворянство, простому человѣку хода не даютъ... Да герои-то наши откуда? Изъ народа... Скобелевъ! Сынъ генераль-адъютанта и внукъ солдата! Солдата!! Это — не даютъ хода? А? Сестра его, къ слову сказать, писаная красавица — княгиня Богарне —

въ свойствѣ съ герцогами Лейхтенбергскими, въ родствѣ съ Императоромъ Австрійскимъ и Наполеономъ!.. Внучка солдата!.. Сдаточнаго, крѣпостного раба!.. Да, благословлять надо такое рабство, такое самодержавіе... — вотъ что сказалъ мнѣ вчера дѣдушка и что я дословно до самой интонаціи его голоса запомнила. И меня это такъ смутило. Вдругъ показалось мнѣ, что весь прошлый годъ мучительныхъ думъ, колебаній, сомнѣній, исканій — понапрасну, что жизнь проста и не сложна, что не нужно задумываться, но нужно жить вотъ этою старою мудростью...

— Плыть по теченію, — перебила Вѣра Перовская. — Мы учимъ плыть противъ теченія.

— А я думала, — не слушая Перовской, продолжала Вѣра, — надо вернуться къ исходной точкѣ... Къ Казанской!.. Къ Государю, къ Царской Россіи! Съ ними побѣды, слава, великое и честное дѣло освобожденія славянъ... Съ ними — подлинная свобода!

— И я, Вѣра Николаевна, пережила такія же колебанія, такія же сомнѣнія... Но это потому, что мы не видимъ иной стороны медали. Освобожденіе славянъ?.. Свобода отъ Царя?.. Все это приснилось вамъ. Это дѣдушкина сказка... Скобелевъ — наемная царская собака, крестьянскій выродокъ, пошедшій служить царямъ за вензеля, аксельбанты, за сытый кусокъ хлѣба... Побѣды.... Слава... Свобода... Что вы, Вѣра Николаевна! Въ арміи и кругомъ нея идутъ неимовѣрныя хищенія... Интенданты и подрядчики наживаются на крови Русскаго солдата. Отпускаютъ сапоги съ картонными подошвами, а себѣ строятъ каменные дома. Корреспонденты объ этомъ не пишутъ, художники этого не зарисовываютъ... Вашъ дѣдушка вамъ этого не расскажетъ... Командиры необразованные дураки, не понимающіе военнаго дѣла...

— Софья Львовна. Перешли Дунай!.. Побѣды!..

— Пойдите, подождите... Скобелевъ... Авантюристъ. Ему — побѣды. Ему слава. На прошлой недѣлѣ я ѣхала въ Петербургъ. Мимо меня тянулись длинные поѣзда красныхъ товарныхъ вагоновъ, наполненныхъ изможденными, искалѣченными солдатами. Окровавленные повязки, блѣдныя лица. Безрукіе, безногіе... Такое горе, какое описать невозможно! И тутъ же рядомъ — синіе и малиновые вагоны, бархатныя

обивки, шампанское, полуобнаженные женщины, штабные офицеры и интенданты, смѣхъ, шутки, веселье... разгуль... Вотъ что такое война, о которой вамъ не напишутъ никакіе корреспонденты. Война — это неурядица, неразбериха, безтолочь, безпокойная суматоха.

— Но Дунай, Софія Львовна, Дунай!..

— Да, перейденъ. Что изъ того? Въ обществѣ — недовольство. Флаги вѣшаетъ полиція, а не народъ. Дворники зажигаютъ плошки, а по рукамъ ходить стихотвореніе крѣпостника Некрасова, который умѣетъ подладиться къ общественному настроенію. Вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ слушайте:

— «Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены.
Мнѣ жаль не самого героя,
Увы! Утѣшится жена,
И друга, лучший другъ забудеть,
Но, гдѣ-то есть душа одна:
Та — вѣкъ, до смерти помнить будетъ
То — слезы бѣдныхъ матерей.
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ попкинувшихъ вѣтвей».

Перовская съ чувствомъ прочла стихи. Синевато-сѣрые глаза ея поблѣднѣли и стали прозрачными, въ нихъ появилось то напряженно-тупое выраженіе, какое видѣла Вѣра тогда у молящихся подлѣ иконы Казанской Божьей Матери. Только у тѣхъ сквозь нелену напряженности свѣтились вѣра и любовь — здѣсь была страшная, лютая ненависть.

— Въ дворянствѣ земскомъ, слышите, Вѣра Николаевна, въ д в о р я н с т в ѣ поднимается оппозиціонный духъ, готовятъ адреса Государю съ требованіемъ конституціи. Въ Кіевѣ уже образованъ «конституціонный кружокъ». Мы переживаемъ времена декабристовъ. Чтобы спа-

сти Россію, намъ не воевать за славянъ нужно, но перейти къ политической работѣ....

— Да, я понимаю васъ. Вотъ этого я и хотѣла... Работать... Вести политическую работу...

— Слушайте, Вѣра Николаевна, я не хотѣла этого вамъ говорить. Скобелевъ... Что Скобелевъ? Герой — это товарищъ Андрей! Это подлинный герой!

Перовская замолчала. Въ комнатѣ было тихо. Рядомъ, на кухнѣ, громко тикали часы. Душно было въ спальнѣ. Сквозь запыленные окна съ двойными, не снятыми за лѣто рамами, былъ виденъ немощеный дворъ, высокій деревянный заборъ, за нимъ строящийся домъ, лабиринтъ высокихъ деревянныхъ лѣсовъ. По нимъ ходили люди и ровно, методично, наводя тоску на душу, стучалъ по камню желѣзный молотокъ.

Такъ промолчали онѣ обѣ долго.

Медленно и размѣренно, тихимъ голосомъ начала Перовская:

— Мы видимъ роскошь, красоту, величіе, славу Россіи. Все это создали Императоры. Въ дѣтствѣ гувернантка водила меня по Петербургу. Императорскій Эрмитажъ съ его удивительными картинами, съ его мраморной лѣстницей, гдѣ отъ ея величины, ширины и вышины голова кружится... Императорскіе дворцы; одѣтая въ гранитъ Нева! Мнѣ говорили, что нигдѣ ничего подобнаго нѣтъ. Соборы и митрополить въ каретѣ шестерикомъ — лошади сѣрыя въ бѣлыхъ попонахъ... Въ Москвѣ мнѣ показывали Успенскій соборъ, соборъ Василия Блаженнаго — Цари создали все это... Куда ни пойдешь — красота, роскошь! Грановитая Палата, Кремль! Цари строили... А тамъ — Кіевъ, мать городовъ Русскихъ. Харьковъ, Нижній Новгородъ, монастыри, обители — все устроено, создано и украшено Русскимъ геніемъ. У насъ лучшіе въ мірѣ опера и балетъ. А какая литература! Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь... А я, Вѣра Николаевна, потихоньку читала Добролюбова и Писарева, восхищалась Бѣлинскимъ, прочла «Что дѣлать?» Чернышевскаго и... ушла изъ дома... пошла въ народъ... И вотъ тогда я увидала... Глаза открылись у меня... Роскошь городовъ, парковъ, помѣщичьихъ усадебъ, вся наша, такъ называемая

к у л ь т у р а, которой мы такъ гордимся, стала мнѣ противна. Вѣра Николаевна, въ Курской губерніи, какъ во времена Гостомысла, — курныя избы!.. Грязь, вонь, дымъ ѣстъ глаза. Въ избѣ съ людьми — телята, куры, и тутъ же въ этой грязи копошатся вшивыя, въ паршахъ дѣти!.. Десять вѣковъ стоитъ Россія, — а крестьяне, какъ были нищими, дикими и грязными десять вѣковъ тому назадъ, такъ такими же и остались.

— Ихъ теперь освободили.

— Освободили, — съ глубокимъ презрѣніемъ сказала Перовская. — А что перемѣнилось? Та же нищета, грязь, тараканы, клопы, вши и бѣдность. Люди, питающіеся чернымъ хлѣбомъ и водой, иногда кашей, только по праздникамъ мясомъ, люди неграмотные, не знающіе ничего — развѣ это народъ? Это — нація!? Провозгласили «земля и воля». Это хорошо, это шагъ впередъ. Но мы пересматриваемъ это рѣшеніе. Намъ нужна не конституція и уже не республика намъ нужна. Нѣтъ, мы не повторимъ ошибокъ декабристовъ. Нужно дать волю народу. Не знаю, какъ это выльется у насъ. Намъ мѣшаетъ война. Побѣды намъ мѣшаютъ. Скобелевы!.. «Народные» герои! Надо ждать. Мы хотимъ, чтобы была народная воля! Воля народа!

— Софья Львовна, вы сами сказали: темный, невѣжественный, грязный, дикій народъ. Такой, какъ былъ при Гостомыслѣ. Не думаете вы, Софья Львовна, что такой народъ не сможетъ, не сумѣетъ использовать своей воли? А не приведетъ это къ анархіи, къ пугачевщинѣ?

— Мы поднимали и этотъ вопросъ. И вотъ, что сказалъ Андрей: «Мы государственники — не анархисты. Знаю, насъ будутъ обвинять въ анархизмѣ. Вздоръ! Ерунда! Мы не дѣти, мы знаемъ — правительство всегда будетъ, государственность неизбѣжно должна будетъ существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы. Наша задача работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Мы насилія не признаемъ, политики мы не касаемся. Мы учимъ, мы просвѣщаемъ народъ. Мы хотимъ дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, но, когда насъ сажаютъ въ тюрьмы, простите — выкорчевывать придется»... Такъ сказалъ Андрей!

— Много васъ?

— Не все ли это равно, Вѣра Николаевна? Государь одинъ, и все зло исходитъ отъ одного человѣка. Много насъ или мало, это не имѣетъ никакого значенія, важно лишь то, что мы существуемъ, что мы работаемъ, что мы проповѣдуемъ. У Христа было двѣнадцать апостоловъ, да одинъ еще и измѣнилъ, и не миръ принесъ Христосъ, но мечъ, и вотъ уже скоро девятнадцать вѣковъ трясется весь міръ отъ ученія Христа. Возможно — мы всѣ погибнемъ. Но дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже жизни.

— Я понимаю васъ, Софія Львовна, какъ понимаю я васъ, — говорила Вѣра. Она точно выросла въ эти часы задушевной бесѣды. Ей, «кисейной барышнѣ», съ которой никто никогда, кромѣ, развѣ Суханова, серьезно не говорилъ, съ кѣмъ были только смѣшки или пустые разговоры о цвѣтахъ, о картинахъ, очень рѣдко о книгахъ, кого «занимали» на балахъ во время танцевъ, вдругъ съ нею говорили о будущемъ устройствѣ Россіи, о народоправствѣ, о волѣ народа. И какъ звучало все это «мы государственники, не анархисты».. Вѣра забывала время. Ей хотѣлось слушать и слушать, войти во все это. Вотъ онъ, гдѣ подвигъ, о которомъ она мечтала едва не съ дѣтскихъ лѣтъ. Вотъ ея «Жанна д'Аркъ», ея «Екатерина»! И Вѣра повторила за Перовской:

— Да, дѣло должно быть дороже жизни.

И снова была долгая тишина, тиканіе часовъ на кухнѣ, временами трескъ въ нихъ, и все тотъ же надоедливый стукъ молота по камню. Въ окнѣ билась и жужжала большая черная мясная муха. Вѣра сильнѣе ощущала спертый воздухъ квартиры, мѣщанскій запахъ пригорѣлаго лука, непротѣренныхъ комнатъ и вони человѣческаго жилья, она чувствовала себя въ совсѣмъ иномъ мірѣ, бѣдномъ, неопрятномъ, но странно влекущемъ. Подвигъ не могъ быть усыпанъ ро-
зами.

Близко къ Вѣрѣ было загорѣлое лицо Перовской съ яркимъ румянцемъ и тонкими чертами. Свѣтлые глаза застекленѣли и снова въ нихъ стала страстная молитвенная напряженность. Перовская заговорила плавно, точно при-

слушиваясь къ какой-то звучащей въ ея сердцѣ таинственной музыкѣ, иногда распѣвно протягивая слова:

— Народная воля!.. Чего же можетъ желать себѣ народъ, какъ не общаго блага? Когда вездѣ и надъ всѣмъ будетъ воля народа, когда народъ самъ будетъ распоряжаться всѣми средствами такой прекрасной, необъятной, богатой страны, — все перемѣнится въ ней! Опустѣютъ холодные каменные дворцы вельможъ, потонетъ въ болотѣ, растворится въ туманахъ Петровскимъ проклятіемъ созданный Петербургъ, — и вся Россія покроется прекрасными каменными городами-садами. Каменные дома будутъ въ деревняхъ, прекрасно освѣщенные. Вездѣ керосиновые лампы, вездѣ фонари... Хорошія дороги, прекрасныя школы, гдѣ вмѣсто Закона Божьяго будутъ преподавать мораль и философію. Богатство земли будетъ распредѣлено поровну между всѣми, падутъ сословныя перегородки, всѣ станутъ на общее дѣло, и поселянинъ получитъ заслуженный отдыхъ. Это будетъ! Все равно, Вѣра Николаевна, будемъ мы или нѣтъ — это будетъ! Наши дѣти увидятъ это благоденствіе и благополучіе. Исчезнутъ суды, розги и шпицрутены, не будетъ полиціи, не будетъ войска, ибо войнъ не станетъ вести благополучный народъ. Самый климатъ Россіи перемѣнится.

— Климатъ?

— Да! Климатъ! Развѣ нельзя обсадить рѣки лѣсами, устроить древесныя стѣны на востокъ, чтобы преградить дуненіе сибирскихъ вѣтровъ, развѣ нельзя управлять природой, не Богу, но человѣку, просвѣщенному наукой? Для такого человѣка — все возможно. Мы будемъ, Вѣра Николаевна, летать, какъ птицы! Измѣнятся пути сообщенія, не станетъ границъ, народы протянутъ другъ другу руки — и наступитъ общій миръ, общій благословенный наукой трудъ. Вотъ, что будетъ, вотъ, что станетъ, когда будетъ не Государева воля, не Монаршая милость, объявляемая съ высоты Престола манифестами, но народная воля — социализмъ!.. Это мы и идемъ проповѣдывать народу, и вы пойдете съ нами, а не со Скобелевыми...

Взволнованная своею рѣчью Перовская встала и пошла на кухню.

Вѣра съ ужасомъ увидѣла на своихъ маленькихъ плоскихъ часахъ, висѣвшихъ на тонкомъ черномъ шелковомъ шнурѣ, что уже половина перваго. Какъ быстро прошло время! Она только, только успѣетъ проѣхать къ завтраку на Фурштадтскую.

— Софья Львовна, — поднимаясь со стула, сказала Вѣра.

— Что, милая?

— Миѣ надо идти... Генераль будетъ сердиться, если я опоздаю.

— А пусть себѣ сердится.

Перовская стояла надъ плитою, гдѣ пылали щепки, и ставила на огонь кофейникъ.

— Напьетесь кофе со мною и тогда пойдете.

— Нельзя, Софья Львовна.

— Вѣра Николаевна, если хотите идти съ нами, строить счастье Русскаго народа, проповѣдывать социализмъ — вамъ надо научиться обходиться какъ-нибудь безъ генераловъ. И тутъ путь одинъ и неизбѣжный — ложь.

— Ложь? — воскликнула Вѣра.

— Да... Надо прежде всего научиться лгать.

— Софья Львовна — я не ослышалась? Лгать?

— Это неизбѣжно. Надо все скрывать до времени и для того — лгать. Вѣдь не скажете же вы своему благонамѣренному дѣду, генераль-адъютанту Его Величества, что вы были у нелегальной, у Перовской, у Марины Семеновны Сухоруковой, которую разыскиваетъ полиція? Вѣдь не выдате вы меня съ головой?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ и говорить нечего, идемте пить кофе, оно сейчасъ и готово.

Вѣра осталась у Перовской, она пила кофе, слушала восторженные рассказы Перовской про Андрея, о его физической силѣ и мужествѣ.

— Вы знаете, Вѣра Николаевна, кто не боится смерти — тотъ почти всемогущъ. И Андрей смерти никакъ не боится. Какъ-то въ деревнѣ, на мать Андрея бросился быкъ. Андрей, который былъ неподалеку, выломилъ жердь изъ

изгороди и сталъ между матерью и быкомъ. Быкъ налетѣлъ на колъ, сломилъ его, Андрей устоялъ, ударъ пришелся мимо, мать Андрея была спасена, и все просто, безъ позы. Это не торреадоръ, но это выше самаго знаменитаго торреадора. Это мужество, Вѣра Николаевна... И это, повѣрьте, выше вашего Скобелева! А какъ красивъ Андрей! Румянецъ во всю щеку, темные, глубокіе глаза съ вѣчно горящимъ въ нихъ пламенемъ. Они пронизываютъ насквозь. У него красиваго рисунка губы и темная бородка. Шелкъ!.. А какъ онъ говорить!

— Вы влюблены въ него?

— Оставьте это, Вѣра Николаевна. Отвѣчу вамъ словами Рахметова изъ «Что дѣлать?»... Я должна подавить въ себѣ любовь... Любовь связывала бы мнѣ руки... Скуденъ личными радостями нашъ путь. Мало насъ. Но нами расцвѣтаетъ жизнь всѣхъ. Безъ насъ она заглохнетъ, прокиснетъ, мы даемъ людямъ дышать... Такіе люди, какъ Андрей! Да онъ куда выше Чернышевскаго Рахметова. Это цвѣтъ лучшихъ людей. Это двигатель двигателей... Соль земли...

— Вы познакомите меня съ нимъ?

— Когда-нибудь, Вѣра Николаевна,

Вѣра опоздала къ генеральскому завтраку и на строгій вопросъ Афиногена Ильича, гдѣ она была, что случилось съ нею Вѣра отвѣтила, скромно потупляя глаза:

— Я была въ Казанскомъ соборѣ, дѣдушка. Тамъ служили молебенъ. Я молилась передъ иконой Пречистой Матери о побѣдѣ Русскаго воинства. Я забыла о времени. Увлеклась молитвой.

Вѣра никогда не лгала. Ей повѣрили. Первая ложъ прошла гладко и легко. Она не оставила слѣда въ душѣ Вѣры. Она чувствовала себя призванной на служеніе Русскому народу, призванной къ строительству счастливой и свободной жизни, и при такой работѣ, что такое совѣсть? Одинъ изъ человѣческихъ предрасудковъ. Совѣсть — ея частное, и какое мелкое частное — передъ общимъ великимъ дѣломъ освобожденія Русскаго народа.

XVIII.

По вечерамъ, въ кабинетъ у генерала, читали газеты и письма. Графиня Лиля, на правахъ будущей невѣстки Афиногена Ильича — бывавшая у Разгильдяева каждый день — читала англійскія газеты и переводила ихъ. Дальній родственникъ генерала, семеновскій офицеръ, штабсъ-капитанъ Ловягинъ, окончившій Академію Колонновожатыхъ, два раза въ недѣлю пріѣзжалъ на эти вечера и на большой картѣ военныхъ дѣйствій разставлялъ булавки съ цвѣтными флажками, согласно съ тѣмъ, что вычитывала въ газетахъ графиня Лиля.

Къ осени разыгралась у генерала подагра, и онъ не разставался съ палкой. Такъ и теперь онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ въ тѣни кабинета. Графиня Лиля, отдѣленная отъ генерала большимъ круглымъ столомъ разбирала толстую пачку писемъ Порфирія. На столѣ горѣла керосиновая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Она освѣщала оживленное Лилино лицо и руки Вѣры, сидѣвшей, откинувшись въ кресло, и положившей руки на грудѣ газетъ. У стѣны на особомъ столѣ два канделябра освѣщали большую карту, повѣшенную на стѣнѣ. У карты стоялъ Ловягинъ.

— Порфирій пишетъ, — сказала повышая голосъ, графиня Лиля. — 16-го іюня — это его старое письмо-дневникъ, присланное мнѣ съ оказіей. — Государь Императоръ на военномъ катерѣ съ гребцами гвардейскаго экипажа, съ ихъ командиромъ и лейтенантомъ Полтавцевымъ на рулѣ переплылъ Дунай и смотрѣлъ на турецкомъ берегу 14-ю и 35-ю дивизіи. Онъ лично надѣлъ на шею Драгомирова крестъ Св. Георгія 3-й степени и вручилъ ордена Св. Георгія 4-й степени генераль-майорамъ Іолшину и Петрушевскому и командиру Волинскаго полка Родіонову. Кресты третьей степени пожалованы Начальнику Штаба Дѣйствующей арміи генераль-адъютанту Непокойчицкому, генераль-лейтенанту Радецкому, генералу Рихтеру и 4-й степени Великому Князю Николаю Николаевичу Младшему.

Графиня Лиля подняла прекрасные глаза отъ писемъ и сказала, вздыхая:

— Какъ это все хорошо — все наши герои!

— Это было въ корреспонденціяхъ Крестовскаго. Я своевременно докладывалъ о томъ вашему высокопревосходительству, — сказала Ловягинь.

— Это пишетъ Порфирій, — значительно сказала графиня Лиля, давая понять, что это имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ газетныя корреспонденціи. — Порфирій пишетъ: уже два моста наведены черезъ Дунай. Наука, — пишетъ Порфирій, — сказала: это невозможно. Русскій гѣній совершилъ невозможное. 25-го іюня передовой отрядъ генерала Гурко отправился въ Тырново... Порфирій получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Онъ организовалъ переправу... *Si jeune et si décoré !* *) Государь посѣщалъ лазаретныя шатры съ ранеными. Въ каждой палатѣ Его Величество благодарилъ за службу. Порфирій былъ въ Свитѣ Государя. Его Величество говорилъ: «Показали себя молодцами, сдержали то, что обѣщали мнѣ въ Кишиневѣ»... Раненые и умирающіе кричали со своихъ носилокъ: «Радые стараться, Ваше Императорское Величество!..». Какой подъемъ былъ, Лиля, въ этихъ палатахъ, полныхъ страданія, ужаса и смерти!

— Дѣдушка, развѣ, когда солдаты по уставному кричать: «Ностараемся, Ваше Императорское Величество», — они даютъ обѣщаніе? — сказала Вѣра.

Никто ничего не сказалъ. Генераль строго посмотрѣлъ на Вѣру, графиня Лиля заторопилась «спасать положеніе».

— Порфирій въ своемъ дневникѣ пишетъ: «25-го іюня генераль Гурко занялъ Тырново и пошелъ на Сельви. Его отрядъ идетъ за Балканы. Балканскіе проходы заняты нами. Намъ остается идти впередъ, впередъ, впередъ!!!» Съ тремя восклицательными знаками, Афиногенъ Ильичъ! Это самое восторженное мѣсто у Порфирія.

— А Плевна?! — вдругъ выкрикнулъ, вставая, тяжело опираясь на палку, Афиногенъ Ильичъ. — Плевна? Ловягинь, покажи, гдѣ Плевна?

Ловягинь не могъ сразу отыскать Плевну. Афиногенъ Ильичъ, хромя на больную ногу, подошелъ къ картѣ и ткнулъ палкой по ней.

*) Такъ молодъ и такъ украшенъ!

— Вотъ Плевна, — сердито сказалъ онъ.

— Маленькая деревушка или городокъ, ваше высокопревосходительство, — успокоительно сказалъ Ловягинъ. Генераль сердито застучалъ палкой по картѣ.

— Чему учать? — крикнулъ онъ. — Академики! Плевна! Ты понимаешь, что такое Плевна?!

— Ваше высокопревосходительство, наши войска были въ Плевнѣ, — обиженно сказалъ Ловягинъ.

— Знаю... Не учи! Не вовсе еще выжилъ изъ ума, не зпалъ въ дѣтство, не утратилъ памяти. Когда это?.. Графиня, напомните... Когда это Фроловъ писалъ намъ, что 30-го Донского казачьяго полка есаулъ Афанасьевъ съ сотней былъ въ Плевнѣ?

— 25-го іюня, Афиногенъ Ильичъ, — блестя прекрасными глазами, какъ драгоценными алмазами, сказала графиня, щеголявшая своей памятью на всѣ событія войны.

— Да, 25-го іюня... Точно! И въ Плевнѣ тогда никого не было. А 5-го іюля Лейбъ-казаки съ ротмистромъ Жеребковымъ уже только послѣ боя взяли Ловчу, и тогда въ Плевнѣ были войска. Маленькая деревушка, — передразнилъ Афиногенъ Ильичъ Ловягина, — да громадный стратегическій пунктъ. Они идутъ впередъ, впередъ, впередъ!.. Да что они тамъ, съ ума всѣ посходили? Почему Непокойчицкій или Казиміръ Левицкій не пожаловали въ Плевну? На карту посмотрѣли бы, проклятые академики!.. Все поляки тамъ!.. Имъ Русскій позоръ, Русская кровь ничто...

— Но, Афиногенъ Ильичъ, Порфирій тоже ничего не пишетъ про Плену, а онъ видѣлся и съ Жеребковымъ, и съ Фроловымъ, послѣ блестящаго дѣла лейбъ-казаковъ подъ Ловчей.

— Порфирій! Много мой Порфирій понимаетъ въ военномъ дѣлѣ.

Генераль яростно захлопалъ палкой по картѣ. Ловягинъ со страхомъ смотрѣлъ, вотъ-вотъ пробьетъ карту насквозь.

— Гдѣ Османъ-паша? Съ цѣлой арміей! Они батальонами Константинополь брать хотятъ... Войскъ нѣтъ, а впередъ, впередъ, впередъ!! Какіе, подумаешь, Суворовы нашились! Заб-были наполеоновское правило...

И съ тою блестящею отчетливостью, съ какою говорили по-французски свѣтскіе люди Николаевского времени, Афиногенъ Ильичъ сказалъ:

— *Les gros bataillons ont toujours raison* *) — Войска подвезти надо... Дополнительную мобилизацію сдѣлать. На Плевну эту самую три, пять корпусовъ поставить... Заслониться отъ нея надо. Это поважнѣе Рущука будетъ. Гляди, гдѣ шоссе-то идутъ. Какъ ахнеть Османъ-то паша прямо на Систово на мосты, почище петровскаго Прута будетъ катастрофа. Два моста навели, и рады. Двадцать мостовъ надо тамъ. Академики! Вы увидите, графиня, помянуть они эту самую маленькую деревушку. А Османъ-паша уже въ тылу нашихъ...

Афиногенъ Ильичъ, постепенно успокаиваясь, вернулся въ свое кресло.

— Ну, читайте дальше, графиня, что тамъ еще мой пишеть.

— Пишетъ Порфирій, какъ тяжело было ему быть второй разъ въ Ловчѣ. Болгары, первый разъ такъ сердечно и радостно принимавшіе ихъ, — во второй разъ волками смотрѣли, и одинъ старикъ сказалъ: «Помните, Русы, вода съ береговъ сбѣгаетъ, а песокъ остается»...

— Хорошо сказалъ, — пробурчалъ Афиногенъ Ильичъ и, постукивая палкой и исподлобья смотря на Ловягина, добавилъ: — можно только тогда идти впередъ, когда увѣренъ, что назадъ не пойдешь. Стратеги! Войска-то ничего — схлынуть, а каково жителямъ, что какъ песокъ останутся! Плевна... Прутъ... Позоръ... Проклятыя имена все... Плевна!

XIX.

Эти жаркіе дни второй половины іюля Скобелевъ провель подъ Плевной въ большомъ болгарскомъ селеніи Боготѣ. Русская армія остановилась въ своемъ движеніи на Балканы и точно замерла въ ожиданіи чего-то крупнаго.

*) Обиліе войскъ всегда себя оправдаетъ.

Государь жить при арміи, дѣля съ нею всѣ походныя невзгоды.

Скобелевъ продолжалъ быть не у дѣла, все въ «диспонибельныхъ», какъ Порфирій и другіе офицеры, пріѣхавшіе въ армію не съ частями, а одиночками.

Но не въ примѣръ другимъ одиночкамъ, у Скобелева, привыкшаго къ походной жизни въ азіатскихъ пустыняхъ, все было организовано. Былъ у него поварь, былъ и большой погребецъ съ приборами на нѣсколько человѣкъ, чтобы принять и угостить тѣхъ, кто будетъ къ нему назначенъ, было нѣсколько прекрасныхъ — и все сѣрыхъ — лошадей, и при нихъ киргизъ Нурбай въ неизмѣнномъ желтомъ халатѣ, халившій лошадей, какъ нянька ходившій за своимъ тюрой и не разъ препиравшійся съ нимъ изъ-за излишней скачки и бравированія опасностями.

— Тебя зацѣпить — твоя дѣло, коня зацѣпить — Нурбай подавай другого. Гавару тебѣ — не ѣзди, куда не надо.

Эти жаркіе дни Скобелевъ ѣздилъ, куда не надо. Сядетъ до разсвѣта на коня, въ свѣжемъ кителѣ, тщательно умытый, надушенный, веселый, радостный, бодрый, съ нимъ Нурбай, одинъ-два ординарца или казака терско-кубанской бригады, временно бывшей въ его распоряженіи, кто-нибудь изъ штабныхъ, присланныхъ къ нему за приказаніями или за свѣдѣніями, выѣдетъ въ поля, въ холмы, балки, пуститъ лошадь свободнымъ галопомъ и скачетъ, скачетъ, куда глаза глядятъ. На лицѣ радость движенія, конскаго скока, въ большихъ, выпуклыхъ, прекрасныхъ глазахъ напряженная мысль.

Порфирій попалъ въ эти дни къ Скобелеву, чего онъ такъ добивался, и долженъ былъ скакать съ нимъ по болгарскимъ полямъ и деревнямъ. Скобелевъ встрѣтитъ болгарина, разспроситъ — и Порфирій диву дается, какъ знаетъ всѣ деревни, названія всѣхъ урочищъ Скобелевъ, точно родился здѣсь. Прискачетъ Скобелевъ на батарею подъ Плевной, гдѣ сонно копошатся артиллеристы, гдѣ всѣ застыли, приморившись въ жаркомъ солнечномъ полуднѣ, Скобелевъ соскочитъ съ коня, броситъ поводья Нурбайкѣ и, разминая ноги, пойдетъ къ самымъ пушкамъ.

— Устали, Порфирій Афиногеновичъ? Присядемъ, что-ли?

Сядеть калачикомъ подлѣ пушки, вынетъ изъ кобуры бинокль, посмотритъ въ сторону турокъ и начнетъ ласково:

— И безъ бинокля видно. Глаза у васъ хорошіе, Порфирій Афиногеновичъ. Видите, Разгильдяевъ, вотъ это наша батарея, а тамъ еще и еще... А вонъ тамъ, на гребнѣ-то, уже турецкая будетъ. Да что я?.. Ея вамъ и не видно. Она не стрѣляетъ... А ну-ка, есауль, разбудите-ка ее... Откройте огонь гранатами. Авось надумаетъ отвѣтить — вотъ полковникъ и увидитъ, гдѣ она находится.

Прислуга бѣжитъ къ орудіямъ. Порфирій оглушенъ громомъ орудійныхъ выстрѣловъ. И вотъ уже блеснули вдали желтыя вспышки: отвѣтныхъ выстрѣловъ, выкатились за зелеными холмами клубы бѣлаго дыма и уже свистятъ осколки, лопаются шрапнель, приникли къ землѣ люди, спрятались въ ложементы, донеслись отвѣтные громы и сзади слышенъ крикъ: «Носилки!»

Кого-то ранило.

Скобелевъ стоитъ между пушекъ. Онъ спокоенъ, сосредоточенъ. Онъ поглядываетъ на Порфирія, а тотъ сидитъ калачикомъ, сгарається улыбаться, дѣлаетъ видъ, что все это пустяки, баловство... даже пріятно.

— Что, есауль, на тѣхъ же мѣстахъ? — спроситъ Скобелевъ.

— На тѣхъ же, ваше превосходительство, — отвѣтитъ хмурый есауль, — только давеча восемь отвѣчало, а нынче только семь. Я полагаю, не подбили ли одно...

— Что же... Отлично...

Скобелевъ похаживаетъ между пушекъ, ждетъ когда затихнетъ турецкая канонада. И все поглядываетъ на Порфирія.

Стихли громы, улеглись пороховые дымы. Жаркій полдень. Сонные казаки. И вдали двое носилокъ, удаляющихся отъ батареи къ перевязочному пункту.

— Что же, Разгильдяевъ, пойдемте теперь въ цѣпи, на аванпосты, къ Владикавказскому полку?

Они идутъ вдвоемъ къ желтымъ окопамъ, гдѣ, притаившись, лежатъ спѣшенные казаки.

— Что это, станица, турки сегодня не стрѣляютъ?

— Не стрѣляютъ, ваше превосходительство. Надо быть — приморились, или спать.

— А вы разбудите ихъ. Ну-ка, сотникъ, рѣдкій огонь.

И вотъ уже закурилась дымами «его», турецкая позиція. Завизжали, зачмокали пули. Все притаилось, спряталось за накопанными земляными валиками. «В-жж, вж-жи... цокъ, цокъ, цокъ»... — шелкали и свистали пули. Порфирій въ землю готовъ былъ врыться, такъ ему это все было неприятно. Все кругомъ лежало, сотникъ совсѣмъ скрылся въ своемъ окопчикѣ и даже голову руками укрывъ. Скобелевъ стоялъ, какъ мишень, и внимательно смотрѣлъ на турецкую позицію. Онъ крѣпко стиснулъ зубы, такъ что скулы напряглись. Чуть развѣвались на знойномъ вѣтру рыжеватые бакенбарды. Пули падали подлѣ ногъ Скобелева. Порфирій стоялъ въ пяти шагахъ въ сторонѣ отъ Скобелева на виду у него, подрагивать ногой, дѣлanno, напряженно улыбался, старался не согнуться, не поклониться пулѣ, когда просвиститъ или ударить совсѣмъ подлѣ.

— А ихъ больше стало, — спокойно сказалъ Скобелевъ.

— Въ четыре раза больше. — отвѣтилъ изъ окопчика сотникъ. — И все роетъ, все роетъ. Тамъ, за Зелеными горами, за ручьемъ между виноградниковъ чего-чего не нарыть.

Перестрѣлка смолкаетъ. Еще и еще просвистали пули и снова тихо. Полдень... Зной... Истوما...

Кулькомъ, недвижимое лежитъ неподалеку тѣло убитого казака. Кто-то вполголоса говорить, безъ досады, безъ упрёка, съ неизбывною тоской:

— Эхъ, братцы, кого-то не досчитаются нынче дома.

Скобелевъ идетъ рядомъ съ Порфиріемъ. Они идутъ напрямикъ, полями, спускаясь въ лошину, гдѣ ихъ ожидаютъ съ лошадьми Нурбайка.

Неожиданно Скобелевъ беретъ Порфирія подъ руку и говоритъ:

— Давайте, будемъ на «ты».

Оба снимаютъ фуражки, трижды цѣлуются, точно христосуются. Потомъ идутъ дальше.

Легка походка Порфирія. Точно онъ получилъ какой-то цѣнный подарокъ. Радостные колокола звонятъ въ ушахъ.

— Какъ ты не боишься, Михайлъ Димитріевичъ? — говоритъ Порфирій и самъ не слышитъ своего голоса.

— Ты думаешь? Повѣрь мнѣ, Порфирій Афиногеновичъ, нѣтъ такого человѣка, который не боялся бы. Но нужно умѣть владѣть собою и не показывать вида, что боишься. Въ этомъ и есть храбрость. Въ этомъ счастье побѣды надъ собою передъ лицомъ смерти.

Нурбай подаетъ Скобелеву лошадь. Онъ держитъ поводъ и стремя и влюбленными глазами смотритъ на своего господина.

Скобелевъ скачетъ съ Порфиріемъ къ Боготу. Порфирій скачетъ рядомъ со Скобелевымъ. Онъ чувствуетъ, что онъ влюбленъ въ Скобелева такъ же, какъ Нурбайка, какъ влюблены всѣ, кто видѣлъ въ бою и соприкасался со Скобелевымъ.

XX.

Старый Разгильдяевъ ошибался, когда такъ рьяно и сердито стучалъ по картѣ, указывая на Плевну. Въ штабѣ Главнокомандующаго Плевну учили и принялись за нее усердно.

6-го іюля, 1-ая бригада 5-ой пѣхотной дивизіи была направлена на деревни Вербицу и Палацъ, гдѣ должна была соединиться со стоявшимъ у Турскаго Трестеника Костромскимъ полкомъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ атаковать турокъ у Плевны.

Бригада шла безъ мѣръ охраненія, безъ кавалеріи. Обозы шли при частяхъ. По ошибкѣ колонновожатаго — онъ говорилъ, что карта была невѣрна — бригада неожиданно вышла на Плевну и, не считая силъ непріятеля и безъ предварительной развѣдки, атаковала плевненскія траншеи. Тамъ оказалось — двадцать тысячъ Османа-паши, сидѣвшія въ прекрасныхъ укрѣпленіяхъ. Бригада, неся потери, овладѣла траншеями и дошла до предмѣстій Плевны. Командиръ

бригады были ранены, потери были огромны. Къ туркамъ подошли подкрѣпленія, пришлось отступить... Это была первая Плевна...

Плевну оцѣнили въ ставкѣ, поняли опасность положенія и на 18-ое іюля барону Криденеру съ 4-мъ, 9-мъ и 11-мъ корпусами было приказано «взять Плевну».

Въ центрѣ турецкой Плевненской позиціи, на Гривицкій редутъ былъ направленъ князь Шаховской, на лѣвомъ флангѣ, на Зеленя горы, съ горстью пѣхоты — батальономъ Курскаго полка — и съ казачьей бригадой шелъ Скобелевъ. Къ вечеру, послѣ упорнаго боя, всюду лично водя войска въ атаку, онъ занялъ Зеленя горы и отдѣльные люди ворвались въ Плевну.

У князя Шаховскаго войска прошли Тученицкій оврагъ, попали подъ перекрестный огонь изъ турецкихъ укрѣпленій, попали, какъ говорили офицеры этихъ частей, не въ бой, а на убой, атака захлестнулась, и къ вечеру части откатились назадъ.

Ни у князя Шаховскаго, ни у Криденера не было Скобелевскаго порыва къ побѣдѣ, чтобы съ малыми силами бить турокъ.

Это была вторая Плевна.

Плевна тормозила столь удачно начатое движеніе на Балканы, и было рѣшено въ третій разъ брать Плевну.

Сознавая силу Плевненскихъ укрѣпленій и величину арміи Османа-паши, было подтянуто все, что можно было собрать, съ 27-го августа осадная и полевая артиллерія громили Плевну, и 27-го августа началась третья Плевна. И опять, какъ и при второй Плевнѣ, съ полнымъ сознаніемъ важности и необходимости побѣды шелъ только Скобелевъ — онъ и дошелъ со своими малыми частями опять до предмѣстья Плевны — все остальное остановилось, едва продвинувшись впередъ. Потребовались подкрѣпленія. Это была румынская армія Князя Карла — она должна была взять Плевну 30-го августа.

Причины плевненскихъ неудачъ происходили отъ того, что не было достаточныхъ силъ, чтобы развивать операціи по всему Турецкому фронту. Но мало кто, и въ арміи-то,

не говоря про общество, зналъ, почему же брали Плевну, сознавая, что силъ мало и что съ имѣющимися силами ее взять нельзя?!

Главнокомандующему нужно было на дѣлѣ доказать, что силъ мало, что нужна присылка основательныхъ подкрѣпленій. Доказывать это приходилось кровью, потерями, сраженіями и... пораженіями. Ибо слова были неубѣдительны.

Когда рѣшался вопросъ о томъ, объявлять или нѣтъ Турціи войну, — Государь колебался. Онъ сознавалъ всю трудность и опасность войны, но ему было жаль славянъ. Общественное мнѣніе давило на него. Тогда Государь вызвалъ старыхъ фельдмаршаловъ графа Берга, князя Барятинскаго и Коцебу, Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича, военного министра и министра финансовъ и устроилъ нѣчто въ родѣ военнаго совѣщанія. Былъ заданъ вопросъ: какой силы должна быть армія для того, чтобы побѣдить Турцію? Всѣ три фельдмаршала доложили, что для того, чтобы одолѣть современную Турцію, принимая во вниманіе ея географическое положеніе, устройство театра военныхъ дѣйствій, пути сообщенія и учитывая ту несомнѣнную помощь, которую Турція получитъ отъ Англіи, — необходимо имѣть отъ 400 до 500 тысячъ войска.

Оба министра заявили, что состояніе финансовъ Россіи и ея воинскихъ кадровъ таково, что Россія не можетъ выставить болѣе 120 тысячъ солдатъ.

Наступило тяжелое молчаніе. Государю нужно было или отказаться отъ войны («сербамъ сидѣть смирно, а Черняеву вернуться назадъ»), или, какъ Самодержцу, повелѣть наперѣчь всѣ силы, сдѣлать невозможное, собрать полумиліонную армію и исполнить его волю.

Государь молча смотрѣлъ на своего брата, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Тогда Великій Князь сказалъ:

— Если Ваше Императорское Величество прикажете, согласенъ принять постъ Главнокомандующаго, имѣя сто двадцать тысячъ штыковъ!

Государь всталъ и обнялъ своего Брата. Засѣданіе было окончено — война рѣшена, стали расходиться.

На подъѣздѣ графъ Милютинъ подошелъ къ Великому Князю и сказалъ:

— Какъ, ваше императорское высочество, вы рѣшаетесь на такое дѣло со столь малыми силами?

— Знаю, — отвѣтилъ Великій Князь, — что не хорошо дѣлаю, да если бы ты видѣлъ выраженіе глазъ Государя, когда онъ смотрѣлъ на меня! Въ этихъ неотразимо прекрасныхъ глазахъ Государя было прямо написано: «в ы р у ч а й!» Ты знаешь, какъ я его люблю... Пойдемъ такъ... а послѣ самъ прибавишь...

Послѣ второй Плевны и была потребована эта прибавка, но для того, чтобы она прошла, понадобилась вся кровь и муки третьей Плевны. Только послѣ нихъ Россія до конца исполнила свой долгъ и выполнила волю своего Государя-Самодержца...

XXI.

Наканунѣ третьей Плевны Порфирій, назначенный къ Скобелеву, поѣхалъ къ стрѣлкамъ: въ виду убили офицеровъ въ бригадѣ генерала Добровольскаго, къ ней былъ прикомандированъ отъ Волынскаго полка Афанасій, и Порфирій хотѣлъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ повидать сына.

— Что, Афанасій, и ты Скобелевцемъ сталъ? — сказалъ Порфирій, любуясь еще болѣе похорошѣвшимъ и возмужавшимъ сыномъ.

— Кто, папа, хогь разъ повидаетъ Скобелева, тотъ ему никогда не измѣнитъ.

— Знаю, милый, самъ на себѣ это испыталъ... Молодчина ты у меня... И у тебя уже и «кляква» на саблѣ и чинъ поручика.

За переправу черезъ Дунай, папа, — значительно сказалъ Афанасій и добавилъ: — ты ей напишешь?.. Я не смѣю...

— А ты осмѣлѣй. Передъ Скобелевцемъ и Вѣра не устоитъ. Вернешься и, повѣрь, все по хорошему будетъ.

Они помолчали.

— Ну, мнѣ пора. Темнѣетъ. И какой дождь! Надо еще къ твоему бригадиру заглянуть, а, вишь, какъ погода-то испортилась! Ты напиши самъ...

— Да, если вернусь изъ боя, — тихо и какъ-то не-свойственно Афанасію печально, сказалъ молодой поручикъ.

Порфирій внимательно посмотрѣлъ на сына.

— Ты что?

— Я ничего, папа. Самъ знаешь, пѣхота при штурмѣ горить, какъ солома въ огнѣ.

— Ну, ну. А что Скобелевъ говорить?

Лицо Афанасія просіяло.

— Никто, какъ Богъ! Двумъ смертямъ не бывать — а одной не миновать!

— Вотъ то-то и оно-то!

И, не прощаясь съ сыномъ, Порфирій пошелъ съ бивака.

— Прощай, папа! — донеслось къ нему отъ палатокъ стрѣлковъ.

— Вѣрѣ напишу, — отвѣтилъ Порфирій, хотѣлъ вернуться и обнять сына, да раздумалъ.

«Что тревожить понапрасну, — подумалъ Порфирій. — И такъ мальчикъ не въ себѣ»...

XXII.

Стоявшіе всѣ эти дни духота и зной, когда сильно носило вонь гніющихъ труповъ отъ турецкой позиціи, въ понедѣльникъ, 29-го августа, стали еще сильнѣе. Съ полудня раскаленная земля закурилась туманами, небо сразу потемнѣло, солнце скрылось во вдругъ откуда-то появившихся тучахъ и полилъ дождь. Не короткій, лѣтній ливень съ грозой, но нудный, ровный, холодный осенній дождь, долгій и упорный. Глинистая почва сразу намокла и стала скользкой, по глубокимъ колеямъ потянулись коричневые лужи и пузырями вспыхивали по нимъ частыя дождевыя капли. Съ дождемъ и съ тучами сразу надвинулась хмурая, ненастная безотрадная осенняя ночь.

Непогода и ночь захватили Порфирія въ дорогѣ. Едва онъ выбрался съ бивака 9-го стрѣлковаго батальона, какъ настала такая тьма, что Порфирій совсѣмъ растерялся. Ноги вязли и расползались по глинистой дорогѣ. Вѣтеръ распахивалъ бурку, дождь забирался за воротъ и холодными струями бѣжалъ по тѣлу.

Впереди и совсѣмъ недалеко загорѣлось желтое пламя костра, сквозь сырость потянуло угарнымъ, смолистымъ дымкомъ, и показалось, что съ нимъ и тепло нанесло. Порфирій пошелъ на огонь.

Подъ навѣсомъ изъ сучьевъ и распяленныхъ на нихъ рогожъ, попонъ и шинелей солдаты раздули костеръ и повѣсили надъ нимъ большой томпаковый чайникъ. Въ отсвѣтѣ пламени стала видна коновязь, гдѣ мокли подъ попонами лошади, и тутъ же стояла большая коляска съ поднятымъ верхомъ и пристегнутымъ наглухо кожанымъ фартукомъ. Внутри коляски горѣлъ фонарь. Въ щели между фартукомъ и верхомъ просвѣчивалъ неяркій свѣтъ.

— Генерала Добровольскаго коляска? -- спросилъ Порфирій у солдатъ.

— Такъ точно, генерала Добровольскаго, — бойко отвѣтилъ красивый черноусый стрѣлокъ, вглядываясь въ Порфирія и, признавъ въ немъ офицера, ловко поднялся отъ костра.

— Матюшинъ, это кто тамъ? Не съ диспозиціей ли?

— Это я, ваше превосходительство, полковникъ Разгильдяевъ.

— Что это вы, батенька, въ такой дождь! Небось, промокли совсѣмъ...

— Да, есть малость.

— Заходите погрѣться, чайку вмѣстѣ напьемся. Я одинъ. Паренсова услалъ къ Имеретинскому.

Пологъ коляски отстегнулся, и Порфирій съ удовольствіемъ влѣзъ въ нее. Тамъ было тепло и послѣ ненастья непогожаго вечера показалось уютно. Внутри коляски на проволокѣ висѣлъ фонарь со свѣчей. Въ его свѣтѣ Порфирій, самъ любившій походный комфортъ, съ удовольствіемъ разсматривалъ, какъ въ коляскѣ было хорошо и ладно

устроено. Передняя часть коляски откидывалась, образуя двѣ мягкія постели. Подъ сидѣньями были устроены выдвижные ящики и сундучки, на бока верха нашиты карманы.

Добровольскій въ наглухо застегнутомъ стрѣлковомъ сюртукѣ сидѣлъ на заднемъ сидѣньѣ. Передъ нимъ былъ разставленъ раскрытый дорожный погребецъ, обитый бѣлою жестью «съ морозами», подлѣ него былъ приготовленъ подносъ со стаканами, тарелками и закуской.

— Какъ кстати вы пожаловали, — сказалъ Добровольскій, усаживая Порфирія противъ себя. — Я всѣхъ своихъ услалъ. Начальника штаба и адъютанта послалъ за приказаніями. Говорятъ, завтра — штурмъ Плевны, а мы еще ничего не знаемъ. Да и какой можетъ быть теперь штурмъ? Вы вотъ пѣшкомъ шли, такъ видали, что дѣлается. Какія могутъ быть по эдакой грязницѣ атаки, перебѣжки. Да просто не влѣзтъ на эти страшныя горы.

Порфирій молча вглядывался въ лицо Добровольскаго. Странное оно было, или казалось въ этомъ освѣщеніи. Совсѣмъ особенная смертельная блѣдность была на немъ, и оранжевый свѣтъ свѣчи не мѣнялъ его, какъ свѣчи, горящія у изголовья покойника, не разсвѣиваютъ мертвенной блѣдности его лица. Выраженіе глазъ было жуткое. Точно эти темныя живые глаза на мертвомъ лицѣ провидѣли нѣчто ужасное.

— Я, Порфирій Афиногеновичъ, прямо считаю завтрашній штурмъ невозможнымъ. Я надѣюсь... Я увѣренъ, что Государю Императору все это доложить, и Его Величество именно въ виду своего тезоименитства его отмѣнить.

Порфирій сомнѣвался въ этомъ. Онъ зналъ, что деликатѣйшій Государь никогда не вмѣшивался въ оперативныя распоряженія Штаба Арміи. Чтобы перемѣнить разговоръ и отвлечь Добровольскаго отъ мрачныхъ мыслей, Порфирій сталъ расхваливать устройство коляски.

— Какъ только у васъ все это хорошо придумано. И спать отлично, и сидѣть, точно маленькій домъ... И все подъ руками.

— Пожалуйста, не хвалите, — желчно сказалъ Добровольскій. — Это мой гробъ!

— Полноте, ваше превосходительство! Всѣхъ насъ, Божіею милостью, переживете.

— Нѣтъ! — настойчиво и еще сильнѣе раздражаясь, сказалъ Добровольскій. — Я это точно знаю. Меня въ ней и повезуть...

Порфирій растерялся. Мертвое лицо Добровольскаго страшило. Порфирій замолчалъ. Добровольскій пронизывалъ его печальными глазами. Такъ прошло болѣе минуты. На счастье, пологъ отвернулся, солдатъ протянулъ въ коляску дымящійся чайникъ и ласково сказалъ:

— Пожалуйста, ваше превосходительство, горяченькаго чаю. Самое во время.

Добровольскій сталъ наливать чай по стаканамъ. Въ палаткѣ было тихо. Мѣрно, ровно и усыпительно сыпалъ по кожаному верху холодный дождь, и вода, стекая съ верха, журчала по лужамъ.

XXIII.

Была глухая ночь, когда Паренсовъ привезъ князю Имеретинскому диспозицію на 30-го августа.

Прилегшій, было, не раздѣваясь, на походной постели въ хатѣ, князь поднялся и накинулъ на плечи черную черкеску съ Георгіевскимъ крестомъ на свѣжей ленточкѣ.

— Ну, что? Привезъ? Завтра? — спросилъ онъ и отъ горѣвшей на крестьянскомъ столѣ свѣчи зажегъ вторую.

— Садись... Читай.

— «Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленій Плевненскаго лагеря», — началъ читать Паренсовъ. — «Для чего: 1. Съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8-ми часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю»...

— Постой. Какъ же это такъ? Ты прочелъ: «продолжать огонь до 8-ми часовъ утра», — значитъ, въ 8 часовъ огонь прекращенъ. Какъ же дальше сказано — «въ 9 часовъ

одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по неприятелю»... Тутъ что-нибудь да не такъ...

— Такъ написано въ диспозиціи, — смутившись, сказалъ Паренсовъ.

— Ну, читай дальше.

— «Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа пополудни. Съ часа до 2½ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ 2½ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствию которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска. Въ 3 часа пополудни начать движеніе для атаки»...

— Это уже даже не по-нѣмецки выходить, а что-то польски, — съ тонкой ироніей кавказскаго человѣка сказалъ Имеретинскій. — Въ три часа начать... Въ 7 часовъ уже сумерки, а тамъ и ночь... Какъ же по этой-то грязи мы за четыре часа дойдемъ до Плевны и возьмемъ весь лабиринтъ ея укрѣпленій? Ну, что же дальше?

— «Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе»...

— Да вѣдь тамъ, милѣйшій Петръ Димитріевичъ, не одно укрѣпленіе, а цѣлая сѣть укрѣпленій, названная Опанецкіе редуты, и рядомъ почти неприступные Гривицкіе редуты! Ну, да это уже меня не касается. Что мнѣ-то указано дѣлать?

— Тебя, ваше сіятельство, собственно говоря, нѣтъ.

— То-есть? — хмурясь и вставая съ койки, сказалъ князь. — Гдѣ же моя 2-ая пѣхотная дивизія, стрѣлковая бригада генерала Добровольскаго, тоже подчиненная мнѣ, и 16-ая пѣхотная дивизія?

— Подъ литерою «е» значитъ: «Отряду генерала Скобелева въ составѣ бригады 16-ой пѣхотной дивизіи, стрѣлковой бригады генерала Добровольскаго и полка 2-ой пѣхотной дивизіи атаковать укрѣпленный лагерь, прикрывающій Плевну со стороны Ловчинскаго шоссе»...

— Постой... Какъ?.. Скобелеву?.. Та-а-акъ! Я говорилъ... Добился, значить, своего. Недаромъ онъ эти дни все ѣздилъ то на позицію, подѣ самыхъ турокъ, то въ Ставку. Но все-таки?.. Вѣдь Скобелевъ подчиненъ мнѣ... Ну, его

взяли, Богъ съ нимъ совсѣмъ, но я-то хотя съ чѣмъ-нибудь да остался? Гдѣ же я?

— Подъ литерою «ж» значится: «Въ резервѣ колонны генерала Скобелева съ обязанностью поддерживать его атаку и прикрывать лѣвый флангъ его колонны слѣдуютъ остальные полки 2-й пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями подъ начальствомъ Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора князя Имеретинскаго.».

— Та-а-акъ! — съ тяжелымъ вздохомъ сказалъ князь и подошелъ къ двери. — Значить, теперь уже м е н я подчинили Скобелеву! Не гожусь, значить!

Онъ пріоткрылъ дверь и крикнулъ на дворъ:

— Модестъ! Прикажи запрягать и давай мнѣ одѣваться.

— Князь, воскликнулъ Паренсовъ, — да что случилось? Куда ты ѣдешь? Зачѣмъ?

— Какъ куда? Въ главную квартиру. Что же, любезный, или ты думаешь, что я здѣсь останусь? Да развѣ ты, знающій все наше положеніе, не понимаешь, что Скобелевъ сразу у меня все отниметъ. Онъ это умѣетъ... А я съ чѣмъ останусь?

Князь торопливо надѣвалъ въ рукава черкеску и перепоясывался поясомъ съ кинжаломъ и шашкой.

— Князь! Я умоляю тебя остаться!

— Остаться? О, да! Я вижу, и ты уже сталъ Скобелевцемъ! Остаться?.. Восемь дней тому назадъ мнѣ за Ловчу дали Георгія — значить, не такъ уже я плохъ!.. А теперь отставляютъ отъ командованія отрядомъ и даже мою дивизію отнимаютъ у меня... И ты еще спрашиваешь, зачѣмъ я ѣду?..

— Князь! А долгъ солдата повиноваться при всѣхъ обстоятельствахъ.

— Долгъ? Ты мнѣ указываешь мой долгъ?.. Долгъ солдата... Нѣтъ, уже прости меня — я уѣду...

— Князь, подумай! Какъ можно уѣзжать съ поля сраженія, покидать свои войска за нѣсколько часовъ до штурма?

Низко опустивъ красивую сѣдѣющую голову, князь молча шагаль по комнатѣ. Паренсовъ подошелъ къ нему,

обнялъ его за плечи и сказалъ глубокимъ проникновеннымъ голосомъ:

— Князь, голубчикъ, останься! Ну, хочешь... Я на колѣни стану и буду умолять тебя исполнить твой долгъ! Подумай о Государѣ!

Имеретинскій отстранилъ Паренсова и снова сталъ ходить взадъ и впередъ. Такъ въ напряженномъ молчаніи прошло нѣсколько минутъ. Одна свѣча догорѣла и погасла. Въ хатѣ стало темнѣе и, казалось, въ ночной тишинѣ слышнѣе былъ мѣрный, ровный шумъ дождя.

— Хорошо, — останавливаясь противъ Паренсова, тихимъ голосомъ сказалъ Имеретинскій. — Изволь! Я останусь. Но, помни, завтра же съ утра Скобелевъ отберетъ отъ насъ все, и мы останемся съ тобой вдвоемъ... Садись, пиши приказъ!

XXIV.

Скобелевъ всталъ до свѣта, вышелъ во дворъ хаты и долго смотрѣлъ, какъ Нурбайка и вѣстовой, терскій казакъ, чистили въ полутьмѣ подъ навѣсомъ сарая его лошадей. Мягко шурхала щетка, скребница отбивала о камень, въ мутномъ свѣтѣ походнаго фонаря со свѣчою серебромъ отблескивали крупы сѣрыхъ коней.

— Со свѣтомъ поѣдлаете, — сказалъ Скобелевъ и по скользкой дощечкѣ, положенной черезъ грязь и лужи двора, прошелъ въ хату. Тамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, одѣвались его ординарцы. Озабоченный Куропаткинъ, начальникъ штаба Скобелева, въ накинутомъ на плечи сюртукѣ съ аксельбантами торопливо писалъ приказаніе.

— Вотъ что, Алексѣй Николаевичъ, — сказалъ Куропаткину Скобелевъ. — Въ приказѣ написано: «Наступленіе начать въ три часа дня»... Это не годится. По такой грязи скоро не пойдешь, да и люди вымотаются. Пиши: «Людей не позже одиннадцати часовъ накормить горячимъ обѣдомъ съ мясомъ. Движеніе начать въ полдень. Я буду

при авангардѣ Владимірскаго полка». Какъ разсвѣтеть, такъ и поѣдемъ. Кажется, и дождь перестаетъ.

Пришедшій со двора ординарецъ Скобелева осетинъ Харановъ сказалъ:

— Дождь, ваше превосходительство, точно пересталъ, но туманъ! Такого и тогда не было!

Съ первыми проблесками дня дождь прекратился. Земля клубилась сѣдымъ паромъ. На двадцать шаговъ не было видно человѣка.

«Туманъ Инкермана, — подумалъ только что вернувшійся отъ Добровольскаго Порфирій, вспоминая утро 27-го августа. — Нѣтъ, сейчасъ еще хуже».

Тогда туманъ, все густѣя, поднимался и потому растаялъ въ знойномъ воздухѣ и изъ-за него проглянуло солнце. Теперь небо было сплошь затянуто черными тучами, и туманъ бродилъ подъ ними сѣдыми пеленами. По-осеннему пахло сыростью и дождемъ. На дворѣ по сосѣдству рѣдко и хрипло — на осень, — на ненастье, точно жалуясь или бранясь, лаяла собака.

Дороги такъ распустились, что ноги вязли въ грязи по щиколотку. Въ улицѣ, гдѣ грязь была покрыта опавшими листьями, ноги скользили.

Уже гремѣла по всему фронту артиллерія, но кто и куда стрѣлялъ — нельзя было опредѣлить. За туманомъ не было видно ни вспышекъ выстрѣловъ, ни разрывовъ шрапнелей и гранатъ, ни порохового дыма. Точно далекіе небесные громы, предвѣстники грядущей грозы катались надъ землею.

Скобелевъ въ свѣжемъ кителѣ, въ легкомъ генеральскомъ пальто съ алыми лацканами на распахку, въ бѣлой свѣжей фуражкѣ, на сѣромъ конѣ просторнымъ шагомъ выѣхалъ по растоптанной людьми грязной дорогѣ въ поле.

По сторонамъ дороги, за составленными въ козлы ружьями, стояли темными колоннами солдаты. Должно быть, подвезли ротные котлы: пахло щами, чернымъ хлѣбомъ, махоркой, пахло пѣхотнымъ солдатомъ. Въ туманѣ были видны лишь ближайшіе ряды, да вспыхивали огоньки солдатскихъ трубокъ. Въ колоннахъ было тяжелое молчаніе. По сѣрой лошади, по значку, по свитѣ кое-гдѣ признавали Скобелева. Порфирій слышалъ, какъ кто-нибудь скажетъ:

— Скобелевъ!.. Скобелевъ!.. Нашъ генераль проѣхаль!
Кое-кто станеть смирно за ружьями. Офицеръ приложить руку къ козырьку фуражки... Все это мелькнеть въ туманѣ, какъ видѣніе, и растаетъ.

— Стрѣлки, что ли? — крикнулъ въ колонну Куропаткинъ.

— Никакъ нѣтъ... Володимірскій полкъ... Стрѣлки сздаѣ остались...

«Призраки, — подумаль Порфирій, — мелкнули и исчезли, какъ и всѣ мы въ жизни мелькнемъ и исчезнемъ. Что ожидаетъ насъ всѣхъ сегодня, меня, Афанасія, Скобелева, Харанова? Вонъ, какъ гремитъ артиллерія... Граната разорвалась гдѣ-то неподалеку, разрыва не видно, а какъ жутко просвистали осколки совсѣмъ близко. Туманъ... Ничего не видно... Куда мы ѣдемъ?.. Туманъ Инкермана!.. Брррр!»

Остановились, слѣзли съ лошадей, подтягивали подпруги. Какъ исполинскій сѣрый призракъ, стоялъ у дороги громадный карагачъ. Вода съ него капала. Подъ деревомъ собрались пѣхотные солдаты. Кто-то, должно быть пришедшій съ развѣдки, рассказываль:

— Нарыто у него!.. Чисто кроты какіе! И ходы, и переходы, и все турами оплетенными обставлено. Наша артиллерія почемъ зря бьетъ. Не дохватываетъ до его. А онъ тамъ какъ въ дому сидитъ, что въ крѣпости за стѣнами. Ему и не страшно вовсе!

— А тебѣ, поди, страшно было?

— А ты самъ попробуй? Страшно... Ну, однако, не очень...

— И все, ребята, ничего, кабы только не погода. Ужъ очень — грязь. Грузко стало. Ни тебѣ окопаться, ни лечь — такъ и ползеть.

— Кручи большія, не взберешься...

Говорившіе сквозь туманъ разглядѣли Скобелева. За-молчали. Кто-то тихо сказалъ:

— Никакъ Скобелевъ?

Стали «смирно».

Скобелевъ сѣлъ на лошадь.

— Что, ребята, пообѣдали? — спросиль онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Лопаты получили?

— Получили.

— Не такъ, чтобы много... Не на каждаго.

— Чего говоришь, что не нато! Получили, ваше превосходительство.

— Турка не боитесь?

— Съ вами, ваше превосходительство, самого чорта, и того не боимся.

Скобелевъ тронулъ лошадь. Зачмокали по грязи копыта лошадей его свиты. Грязевыя брызги полетѣли впередъ.

Мелкій, холодный и упорный дождь снова посыпалъ съ неба.

Впереди падали гранаты. Сквозь сѣрую пелену тумана и дождя было видно, какъ вдругъ исполинскими кустами вздымались клубы разрыва и медленно таяли въ воздухѣ. Свистали и выли осколки.

Владимірцы рассыпались въ цѣпи и ползли на холмъ, какъ улитки. Все чаще и слышнѣе становилась трескотня ружей. Скобелевъ поднялся на гору и остановился на шоссе. По одну сторону шоссе наступалъ Владимірскій полкъ, по другую стрѣлки.

Турецкихъ редутовъ не было видно — они скрывались въ сумеркахъ дождливаго дня. Они давали о себѣ знать пушечными громами и непрерывной стукотней ружей. Точно вода кипѣла тамъ въ громадномъ котлѣ.

Пули свистали надъ Скобелевымъ. Сзади съ легкимъ шуршаніемъ проносились снаряды нашихъ батарей и лопались гдѣ-то вдали невидимыми разрывами и взрывами.

Подъ сотникомъ Александромъ Верещагинымъ, Скобелевскимъ ординарцемъ, убило лошадь, казакъ вѣстовой соскочилъ со своего коня и повелъ его Верещагину, но тутъ упалъ и самъ Верещагинъ раненый. Его понесли внизъ, подъ гору. Только что люди съ нимъ скрылись на шоссе, какъ прискакалъ казакъ и доложилъ Скобелеву, что посланнаго впередъ, къ стрѣлкамъ, ординарца Сергѣя Верещагина — «заразъ насмерть свалило... Сильно тѣснятъ турки стрѣлковъ. Наши начали подаваться назадъ...»

— Какъ странно: сейчасъ Александра ранило, и въ то

же время его брата убило. Судьба! Отъ судьбы не уйдешь. Что же, пойдѣмте, господа, — сказалъ Скобелевъ и сталъ спускаться въ оврагъ, а потомъ подниматься на зеленую гору къ стрѣлковымъ цѣпямъ.

Берданки стрѣляли непрерывно. Сквозь стукотню выстрѣловъ, сквозь недалекіе громы турецкой батареи, стоявшей на гребнѣ, были слышны крики:

— Носилки!

— Санитаровъ!

— Дохтура! Ротнаго ранило!

Навстрѣчу Скобелеву шли одиночные люди. Они дѣловито, скользя по грязи, спускались съ холма и шли назадъ.

— Вы зачѣмъ? — спросилъ Скобелевъ.

— За патронами, ваше превосходительство... Патроновъ у насъ больше нѣтъ.

И по тому, какъ смѣло и увѣренно отвѣтили они, Скобелевъ видѣлъ, что и точно люди шли за патронами.

Сзади, обгоняя Скобелева, прошли къ цѣпямъ люди. Измазанные сплошь красноватою глинистою грязью, съ кепи на затылкѣ, они несли въ рубашкахъ и мѣшкахъ коробки съ патронами. Еще издали было слышно, какъ одинъ изъ нихъ молодымъ возмущеннымъ голосомъ громко говорилъ:

— Я ему говорю — давай патроны... А онъ мнѣ Крыночные сыплеть. Да что ты, милый человѣкъ, говорю ему, не видишь, кому сыплешь? Не видишь — стрѣлки мы. Намъ давай — берданочные...

— Такъ вотъ, Второвъ Крыночные принесть у цѣпу, а ему поручикъ патронами-то въ самую морду! Потѣха!

— За дѣло! Не бери зря...

Они увидали Скобелева и замолчали.

— Ну, какъ стрѣлки? — крикнулъ имъ Харановъ. — Не подкачаете?

— Держались крѣпко, однако, подмога нужна.

Скобелевъ вынулъ изъ-за борта золотые часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Алексѣй Николаевичъ, — сказалъ онъ, — пишите приказаніе. Ординарцы, приготовьтесь.

Куропаткинъ слѣзъ съ лошади, разставилъ бурку шатромъ надъ собою, сталъ на колѣни въ грязь и досталъ полевую книжку. По буркѣ шелкалъ дождь, блестящія капли стекали съ чернаго бурочнаго ворса. Чаше и чаше посвистывали турецкія пули.

— Генераламъ Тебякину и Добровольскому, — диктовалъ Скобелевъ, — командирамъ Владимірскаго, Суздальскаго и Ревельскаго полковъ, 9-го и 10-го стрѣлковыхъ батальоновъ.

«И моему Афанасію, значить», подумалъ Порфирій и почувствовалъ, какъ холодный потъ прошибъ его сверху до низу.

— Готово?

— Сейчасъ, ваше превосходительство. Не поспѣешь за вами, — грубовато отвѣтилъ Куропаткинъ.

— Пишите всѣмъ одинаково: «Начинайте штурмъ. Генералъ Скобелевъ... 3 часа пополудни, 30-го августа».

Куропаткинъ вызывалъ ординарцевъ и передавалъ имъ маленькіе конверты.

— Поручикъ Лисовскій — генералу Тебякину! Кто отъ стрѣлковъ?

— Поручикъ Маркъ, господинъ капитанъ.

— Командирамъ 9-го и 10-го батальоновъ... Хорунжій Дукмасовъ! Хорунжій Харановъ!

Офицеры скрывались въ дождевой мглѣ.

Дождь усилился и уже лилъ непрерывно.

Въ три часа дня, точно для того, чтобы Русскимъ войскамъ виднѣе была цѣль атаки, чуть приподнялся туманъ.

За бѣлесою дождевой полосой показались за третьимъ гребнемъ Зеленыхъ горъ турецкіе редуты, опоясанные сплошной линіей бѣлыхъ дымковъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Въ логу, совсѣмъ близко отъ редутовъ, сипло и печально раздался сигналъ на горнѣ: «Предвареніе къ атакѣ». Онъ повторился дальше и дальше за шоссе, тамъ, гдѣ уже не были видны лежащія цѣпи, и замеръ. Прошло нѣсколько мгновеній, показавшихся Скобелеву безконечно долгими.

Вдругъ весело, вправо, у Владимірцевъ грянула музыка и загрочотали барабаны.

Длинными темными цѣпами поднялись Владимірцы и Суздальцы и пошли впередъ. Видно было, какъ солдаты скользили на мокрой глинтѣ и падали.

Раздалось сначала несмѣлое, потомъ все болѣе и болѣе громкое «ура». Оно покатилося, понеслось и вдругъ стихло. Умолкла и музыка, барабаны перестали бить.

Налетѣвшій порывъ вѣтра на мгновение согналъ туманъ и пороховой дымъ съ холма. Показались редуты Кованлекъ и Исса-Ага и передъ ними чистый, гладкій, точно выбритый, глинистый скатъ, мокрый и скользкій.

Этотъ скатъ былъ сплошь покрытъ ползущими по нему, какъ червяки, людьми. И видно было, какъ кто-нибудь выскочить впередъ — вѣроятно, съ крикомъ «ура», неслышнымъ за стрѣльбой, — и упадетъ тутъ же...

Цѣпь ползетъ все тише и нерѣшительнѣе...

Остановилась... Замерла...

— Ординарецъ!

Лицо Скобелева спокойно, полно рѣшимости.

— Ревельскому полку!

— Ваше превосходительство, — чуть слышно говоритъ сзади Скобелеву Куропаткинъ, — это послѣдній нашъ резервъ!

— Знаю-съ... Ревельскому полку поддержать атаку!

Старикъ полковникъ Писанко взялъ руку подъ козырекъ, принялъ отъ ординарца, хорунжаго Харанова, приказаніе... Подаль команду полку.

Переднія роты раздалися въ темныя цѣпи, за ними потянулись линіями ротныя поддержки. Въ резервъ грянула музыка. Ветхое знамя развернулось надъ резервомъ.

Ревельскія цѣпи влились въ цѣпи Владимірцевъ и Суздальцевъ.

И уже не цѣпи, но темная солдатская масса ползла, скользила, падала, карабкалась впередъ навстрѣчу гулу пушекъ, непрерывной ружейной трескотнѣ. Прошли впередъ, еще... еще... Остановились, опоясались бѣлой полосой ружейнаго огня и поползли назадъ.

— Алексѣй Николаевичъ, у Имеретинскаго есть Ли-

бавцы, у Добровольскаго остались 11-й и 12-й батальоны. Прикажите всѣхъ двинуть на поддержку атаки!

Ординарцы поскакали передавать приказаніе...

Время идетъ.. Время остановилось... Холодный дождливый день меркнетъ. Въ мгlistомъ туманѣ видно, какъ изъ Плевны идутъ густыя колонны турокъ. Онѣ вливаются въ промежутокъ между редутами Исса-Ага и Плевной.

Либавцы и стрѣлки косятъ ихъ огнемъ — но онѣ идутъ впередъ и вотъ слились съ передовыми цѣпями.

Въ третій разъ грянула музыка. Либавцы пошли на штурмъ. Все подалось съ ними впередъ, опять раздалось «ура», и видно было, какъ начался рукопашный штыковой бой.

И вдругъ поползли назадъ. Сначала тихо, одиночными людьми, нерѣшительно, потомъ группами.. Сейчасъ будетъ бѣгство!..

.....

Скобелевъ въ сопровожденіи Куропаткина, немногочисленной свиты — разосланные съ приказаніями ординарцы не вернулись, — и съ казакомъ со значкомъ медленно спускается съ кручи. Лошадь скользитъ по мокрой глинистой землѣ. Она разставила заднія ноги, тормозитъ ими себя. На серединѣ скага Скобелевъ останавливается. Его лицо очень блѣдно и мрачно. Волевой огонь то загорается, то потухаетъ въ пристально глядящихъ впередъ глазахъ. Съ намокшихъ рыжихъ бакенбардъ на потемнѣвшее полотно кителя каплетъ вода. Дождь зарядилъ косой и упорный.

Сквозь пелену дождя — въ сѣромъ сумракѣ, — совсѣмъ близко, и восьмисотъ шаговъ не будетъ, за оврагомъ по склону холма еще идетъ бой. Турки стрѣляютъ въ упоръ. Въ пеленѣ выстрѣловъ, между высокихъ дымовъ взрывающихся гранатъ видно, какъ темная масса перемѣшавшихся между собой полковъ ползетъ неудержимо назадъ.

Время измѣряется долями секундъ...

Скобелевъ оборачиваетъ блѣдное лицо на Куропаткина. Онъ испытующе, пронзительно смотритъ на того.

— Алексѣй Николаевичъ, — тихо говоритъ онъ. Его голосъ слышитъ одинъ Куропаткинъ. — Не пора ли мнѣ? С а м о м у?

Куропаткинъ молчитъ. Его лицо угрюмо. Въ узкихъ волчьихъ глазахъ вспыхиваетъ злой волевой огонь. «Пора!»

Лицо Скобелева краснѣетъ, загораются минуту тому назадъ потухшіе, печальные глаза. Рѣшительно подобравъ поводья, Скобелевъ даетъ шпоры коню и тотъ клубкомъ катится внизъ, утопая по бабку въ грязи, перескакиваетъ на днѣ оврага какой-то бурлящій, глинистый потокъ и во мгновение ока взмываетъ наверхъ въ самую гущу залегшихъ недвижно, въ нерѣшимости отчаянія цѣпей.

— В п е р е д ъ , р е б я т а !

Въ дыму и сумракѣ печальнаго дня Скобелева видятъ единицы. Но по всей цѣпи, по тремъ ея полкамъ и по стрѣлковой бригадѣ шорохомъ, электрическимъ токомъ проносятся:

— Скобелевъ! Скобелевъ!!

Все встаетъ, гремитъ побѣдное «ура»...

Сквозь участвовавшійся трескъ совсѣмъ близкихъ выстрѣловъ, сквозь грохотъ орудійной пальбы, визгъ и шлепаніе пуль и осколковъ — кажется, вездѣ слышно бодрое Скобелевское: «впередъ, ребята!»

Грязь въ полголенища — ея не чувствуютъ. Глина скользка, течетъ подъ ногами. Люди обрываются, падаютъ, встаютъ снова, и грязные, измазанные землею, бѣгутъ впередъ, гдѣ на мгновение увидали Скобелева, его «бѣлаго коня», его бѣлую фуражку.

«Ура» заливало всю полосу гребня, гремѣло слишкомъ на двѣ версты неумолимое ликующее и побѣдное. Солдатамъ казалось, что неудержимая сила несетъ ихъ наверхъ, на кручи турецкихъ брустверовъ, черезъ канавы ложементовъ и окоповъ.

Турки отхлынули изъ переднихъ укрѣплений и бѣжали въ промежутки между редутами.

Скобелевъ, ухватившись за гриву коня, взобрался по крутому скользкому скату гласиса, скатился съ лошадыю въ ровъ, въ воду, тамъ лошадь упала, Скобелевъ выбрался изъ-подъ нея и однимъ изъ первыхъ ворвался въ редутъ.

Первымъ вскочилъ въ укрѣпленіе штабсъ-ротмистръ Ре-

вельскаго полка Добржинскій. Редутъ былъ полонъ турками. О сдачѣ, о плѣнѣ никто не думалъ. Дрались штыками, валяли турокъ прикладами. Тѣла въ синихъ курткахъ и тѣла въ черныхъ мундирахъ и бѣлыхъ измазанныхъ грязью штанахъ покрывали всю внутренность укрѣпленія. Въ немъ, хрипя, схватились грудь съ грудью — кругомъ, правѣе и лѣвѣе редута, гремѣло ликующее, побѣдное «ура».

Кованлекъ былъ занятъ съ налета — на него велъ Скобелевъ! Съ нимъ шла несокрушимая побѣда. У редута Исса-Ага атака остановилась. Не было того, кто кинулся-бы на гласисъ, окруженный Скобелевскимъ побѣднымъ ореоломъ. Тамъ залегли подъ самымъ гласисомъ и стали копать въ мокрой землѣ и отходить назадъ. Побѣдное «ура» смолкло.

Отъ Кованлека часть турокъ бросилась къ Плевнѣ. Отдѣльные смѣльчаки побѣждали за ними, безъ офицеровъ, никѣмъ не руководимые. Въ садахъ Плевненскаго предмѣстья раздались Русскіе выстрѣлы.

И еще сильнѣе зарядилъ дождь.

Шелъ шестой часъ. Черныя тучи точно упали на землю, сырая мгла окутала редутъ Кованлекъ. Небольшая группа схваченныхъ турокъ, уже обезоруженныхъ, стояла между солдатъ и ошалѣлыми глазами смотрѣла на толпившихся въ укрѣпленіи людей. Офицеры собирали свои части. Въ углу, у самой горжи, горнистъ настойчиво игралъ сигналъ, сзывая первый батальонъ.

— «Данъ сигналъ для гренадеръ» — все повторялъ онъ, и звенѣли звуки его горна, эхомъ отдаваясь о крутости брустверовъ.

— А какому полку сигналъ? — удивленно говорилъ солдатъ въ изорванномъ, грязномъ мундирѣ. — Экъ его! Который разъ...

— «Данъ сигналъ для гренадеръ», — опять прозвучало по укрѣпленію.

Ошалѣвшіе люди толпились въ беспорядкѣ.

Вдругъ у сѣвернаго фаса слышались выстрѣлы. Часть людей бросилась туда и, залегши за укрѣпленіемъ, приготовилась стрѣлять. Густыя цѣпи карабкались сзади на холмы и не разобрать было, что это за цѣпи, свои или «его».

Впереди увидали высокаго челоѣка въ бѣломъ и съ русою бородой.

Человѣкъ этотъ шелъ впереди цѣпей и махалъ рукой.

— Скобелевъ!.. Да это наши! — сказалъ кто-то.

Фельдфебель подошелъ къ офицеру.

— Ваше благородіе, да это же турки! Какой тутъ Скобелевъ, ить Скобелевъ-то былъ въ пальтѣ! И фуражка не скобелевская совсѣмъ...

По фронту раздавались крики:

— Не стрѣлять! Свои! Это наши!

Таинственныя цѣпи поднимались на горжу укрѣпленія. Стало ясно видно, что это были турки.

— Огонь — крикнулъ офицеръ. Пальба ротою! Шестая рота! Пли!..

Сорванный залпъ слился съ общимъ трескомъ ружей. Человѣкъ въ бѣломъ упалъ. Турки отхлынули назадъ...

XXV.

Тишина?..

Нѣтъ, тишины не было. Это только послѣ напряженнѣйшаго боя казалось, что тихо. Съ Кришинскихъ высотъ — слѣва и сзади били пушки, и каждая граната, попадавшая въ гущу людей, толпившихся въ Кованлекѣ, вырывала десятки жертвъ.

Темнота?..

Ночь еще не наступила, и люди были видны. Въ Кованлекѣ распоряжался Куропаткинъ. Онъ отсчиталъ двѣсти челоѣкъ разныхъ полковъ и, выведя ихъ изъ редута, укладывалъ ихъ на землю и показывалъ, какъ рыть окопы и откуда ожидать турокъ. Присланный Скобелевымъ Порфирій помогалъ ему.

Они стояли въ вечернемъ сумракѣ, когда подлѣ нихъ совсѣмъ неожиданно появился генералъ Добровольскій. Высокій, прямой, какой-то очень уже не къ мѣсту «официальный», со смертельно блѣднымъ лицомъ, тяжело дышавшій, онъ быстрыми шагами подошелъ къ Куропаткину, нагнувшемуся къ солдату и лопатой прочерчивавшему въ жидкой землѣ линію, по которой надо было рыть окопъ. и ударилъ его

рукою, затянутой въ бѣлую перчатку, по плечу. Куропаткинъ выпрямился.

— Ваше превосходительство?

— Вы м е н я видите? — сердито спросилъ Добровольскій.

— Вижу, ваше превосходительство, — съ недоумѣніемъ сказалъ Куропаткинъ.

— Видите з д ѣ с ѣ? — еще сердитѣе спросилъ Добровольскій.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Значить — я не трусь!

Куропаткинъ молчалъ. Въ этой обстановкѣ самый вопросъ показался неумѣстнымъ.

— Такъ передайте это в а ш е м у Скобелеву! Я принимаю здѣсь командованіе!

И съ высоко поднятой головой Добровольскій направился къ укрѣпленію. Порфирій нагналъ его.

— Ваше превосходительство, что все это значитъ? Зачѣмъ вы здѣсь?

Генераль Добровольскій поднялся въ редутъ и устало опустился на берму. Нижняя губа у него дрожала. Казалось, онъ сейчасъ зарыдаетъ... Онъ заговорилъ, дрожа внутренней дрожью, взволнованно и прерывисто:

— Вы понимаете! Я — командиръ бригады! Наконецъ, я старше Скобелева... Много старше... Отъ меня отобрали мои батальоны. Бросили, швырнули въ бой помимо меня. Я остался одинъ. Вдругъ наѣзжаетъ на меня Скобелевъ. Совсѣмъ какъ пьяный... Кричитъ на меня: «Что вы тутъ дѣлаете?» Я развелъ руками. Отъ меня только что увели послѣдніе 11-й и 12-й батальоны. Я говорю: «Нахожусь при бригадѣ». — «А гдѣ ваша бригада?» — «Пошла на штурмъ». Скобелевъ мнѣ, старшему, кричитъ: «И ваше мѣсто тамъ»... Мнѣ, старшему, указываетъ мое мѣсто! Это-ж-же пон-нять нужно!..

— Ваше превосходительство. Надо понять, что только что пережилъ Скобелевъ. Я увѣренъ, что онъ извинится передъ вами.

— Очень мнѣ это нужно... Извинится... Надо понимать дисциплину прежде всего.

Добровольскій взглядѣлся въ Порфирія. Точно успокаиваясь, онъ только теперь узналъ, съ кѣмъ говорить. Онъ всталъ, крѣпко сжалъ руку Порфирія повыше локтя и сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ. Теплыя сердечныя ноты слышались въ его голосѣ:

— Порфирій... Порфирій... — онъ, видимо, не могъ вспомнить отчества Порфирія. — Разгильдяевъ. Полковникъ Разгильдяевъ, это вашъ?.. Прикомандированъ на прошлой недѣлѣ къ 9-му полку?

— Да, это мой сынъ...

— А?.. Да-а... Вашъ сынъ... Вашъ сынъ, знаете, убить!

— Гдѣ?.. Гдѣ, ваше превосходительство?

— Не знаю точно. Мнѣ адъютантъ говорилъ... Гдѣ Ревельскій полкъ. У маіора Горталова.

Добровольскій тяжелымъ взглядомъ странно жгучихъ на мертвомъ лицѣ глазъ пристально смотрѣлъ на Порфирія. Онъ казался Порфирію призракомъ.

— Простите за тяжелую вѣсть. Долгомъ почиталъ сказать... А то и тѣла потомъ не отыщете... Впрочемъ, это все равно... Всѣ тамъ будемъ.

И открытый во весь ростъ Добровольскій пошелъ на ту горжу укрѣпленія, гдѣ вдругъ началась частая перестрѣлка. Со стороны редута Баглыкъ-Сарты наступали турки.

Порфирій, какъ пришибленный, сѣлъ на берму на то мѣсто, гдѣ только что сидѣлъ Добровольскій.

«Афанасій убить»... Что тутъ было страннаго или невозможнаго? Тысячи смертей прошли сегодня мимо Порфирія за этотъ страшный день. Редутъ былъ полонъ трупами. Сколько упало на глазахъ Порфирія. Но смерти Афанасія ни понять, ни воспринять не могъ.

«Афанасій убить»... Давно ли?.. Только вчера они сидѣлись, когда начинался дождь и надвигались на землю вечернія сумерки. «Прощай, папа!..», точно еще звучалъ въ ушахъ Порфирія голосъ сына. «Пѣхота горитъ, какъ солома въ огнѣ... Напиши ей...» и потомъ, при имени Скобелева, безпечная, радостная улыбка... Здоровый, румяный, красивый, сильный, все думающій о Вѣрѣ — Афанасій убить!.. Нѣтъ, это было невозможно... Никакъ не входило это въ потрясенное боемъ сознаніе Порфирія.

Четыре стрѣлка шли мимо Порфирія и несли за плечи и за ноги длинное тѣло, накрытое закорузой на дождѣ солдатской шинелью. Порфирій сразу догадался, чье это тѣло несли.

— Убить? — спросилъ онъ.

— Еще, кажись, живъ. А голько видать, кончается. Несемъ въ коляску.

Точно увидѣлъ Порфирій: свѣча въ фонарѣ. Коляска съ постелями, сундучками, погребцами, карманами, съ выдвижными ящичками. Мертвенная, совсѣмъ необычайная блѣдность на лицѣ Добровольскаго и слова: «Это мой гробъ. Въ немъ и повезутъ меня».

И тогда вдругъ сразу воспринялъ весь ужасъ, всю непоправимость того, что онъ услышалъ. Да, ему тоже нуженъ гробъ для сына... Для Афанасія!.. Надо только его отыскать, унести... чтобы похоронить... Весь ужасъ смерти Афанасія всталъ передъ Порфиріемъ.

Кругомъ стояла темная ночь. Дождь лилъ попрежнему. Не смолкала турецкая стрѣльба. Свистали пули. Рвались въ темнотѣ гранаты, страшнымъ свѣтомъ взрывовъ освѣщали землю. Когда Порфирій вышелъ изъ редута, онъ слышалъ, какъ усталымъ голосомъ говорилъ Куропаткинъ:

— Глубже копайте, ребята.

И солдатъ отвѣтилъ:

— Не беретъ, ваше благородіе. Уплываетъ...

Фельдфебельскій, успокоительный, разрѣшающій всѣ сомнѣнія голосъ раздался возлѣ Порфирія:

— Мы, ваше благородіе, покойничками обложимъ и землею приладимъ, оно тогда держать будетъ.

Порфирій поежился подъ промокшимъ плащомъ и ускорилъ шаги.

XXVI.

— Ты самъ-то девятого батальона будешь?

— Девятого, ваше благородіе. Я и мѣсто знаю, гдѣ они упали. Вотъ здѣсь, на этомъ, на самомъ мѣстѣ... Только видать, снесли куда.

— Куда же ихъ сносили?

— Больше все на Горталовскую траншею носили. Тамъ изъ нихъ бруствера складываютъ... Земля-то не держитъ, ползетъ, такъ изъ покойниковъ кладутъ укрѣпленія, землю присыпаютъ. Какъ же иначе? Онъ вѣдь палитъ, не переставая, укрыться за чѣмъ-нибудь надо.

Бравый, ловкій стрѣлковый унтеръ-офицеръ идетъ впереди Порфирія, несетъ жестяной походный фонарь со свѣчею. Блестятъ, отражая свѣтъ, темныя лужи, — воды ли, крови ли, Порфирій не разбираетъ. Повсюду валяются ружья, скатанныя шинели, окровавленные тряпки, котелки, ящики изъ-подъ турецкихъ, картонки отъ берданочныхъ патроновъ. Порфирій часто спотыкается объ эти предметы.

— Ваше высокоблагородіе, вы полегче, а то и упасть недолго. За мною держитесь.

У высокой, въ ростъ человѣка темной стѣны копошатся люди. Слышно, какъ чавкаютъ рты, пахнетъ хлѣбомъ и варенымъ мясомъ. Часто вздыхаютъ. Ъдятъ молча и сосредоточенно, какъ ѣдятъ голодные и измученные люди.

Фонарь бросаетъ желтоватый свѣтъ на группу сидящихъ. За ними — стѣна изъ труповъ. Свои и турки положены одинъ на другого, присыпаны грязью. Мелькнетъ край бѣлаго лица съ закрытыми глазами, синяя куртка турецкаго ашкера и на немъ черныя, коротко стриженный затылокъ и мундиръ съ малиновыми стрѣлковыми погонами. Все залѣплено красноватою глиною, черною землею. Сладко и прѣсно пахнетъ свѣжею кровью.

И голоса. Такіе будничные, такіе не «къ мѣсту»:

— А я тебѣ говорю, что баранина. Скусь у ей другой. И я видалъ, какъ вчера артельщики барановъ пригнали.

— Скусная. Разварена только очень.

Чавкаютъ рты. Икаютъ, тяжело вздыхая. Подлѣ, съ бруствера изъ труповъ что-то капаетъ. Вода ли дождевая, кровь ли, кто разберетъ?

Плечистый офицеръ съ русой, больше по скуламъ, чѣмъ по щекамъ бородой и мягкими усами, въ мокромъ, длинномъ кителѣ и шинели въ накидку, въ измазанномъ, точно изжеванномъ бѣломъ кепи, при саблѣ подходитъ къ Порфирію.

— Маіоръ Горталовъ, — представляется онъ. — Вы что же тутъ ищете?

— Вотъ сына, ваше высокоблагородіе, они ищутъ, — сынъ у нихъ тутъ убитый, — за Порфірія отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ.

— Сына? Всѣхъ убитыхъ здѣсь сносили сюда на брустверъ. Онъ какого полка?

— Волинскаго, прикомандированъ былъ къ девятому стрѣлковому батальону.

Одинъ изъ чавкавшихъ около бруствера солдатъ приподнялся и сказалъ:

— Это, ваше высокоблагородіе, вотъ тутъ, должно, положили. Офицера съ золотымъ погономъ. Поручика. Вотъ полѣвѣе будетъ, подъ самымъ низомъ.

Желтое пятно неяркаго свѣта отъ фонаря упадаетъ на такой знакомый золотой погонъ. Алая дорожка, двѣ звѣздочки, вышитыя канителью, третья сверху металлическая набивная и цифра «14».

— Не этотъ ли?

Унтеръ-офицеръ безцеремонно колупаетъ землю рукою, отрывая лежащій трупъ. Показался темно-зеленый, щегольской, у Доронина въ Петербургѣ сшитый мундиръ, изорванный, залитый чѣмъ-то чернымъ, замазанный глиною. Чуть блеснулъ скромный армейскій галунъ воротника. Дальше — нельзя смотрѣть. вмѣсто милаго, славнаго лица, всегда бодро улыбающагося, со стальными большими глазами, неотразимо милыми — темная дыра, какое-то кровавое мѣсиво костей, почернѣвшей отъ крови кожи, еще чего-то бѣловатаго, жуткаго своей бѣлизной. И во всемъ этомъ копошатся большія черныя мухи. Спутанные, грязные, въ крови волосы свисаютъ внизъ.

— Должно, прикладомъ пришибли, — тихо говоритъ стрѣлокъ и ближе присвѣчиваетъ фонаремъ.

Нѣтъ... Это не можетъ быть Афанасій!

— На сынѣ моемъ крестъ золотой былъ, — тихо, дрожащимъ голосомъ говоритъ Порфірій. — И кожаная ладанка съ землею.

Стрѣлокъ свободно отъ фонаря рукою раздвигаетъ лохмотья мундира. Бѣлая грудь въ грязи. Молодая, нѣжная... Рубашка... И — ладанка.

— Такъ, чтобы крестъ? Креста нѣтъ... Должно, кто снялъ... Позарился... Оно бываетъ... Ребята разные бываютъ. Все одно пропадать. Грѣхи! А ладанка, вотъ она и ладанка.

Унтеръ-офицеръ ставитъ фонарь на землю и старается снять съ шеи ладанку. Онъ тормозитъ то страшное, кровавое мѣсиво, которое было прекраснымъ лицомъ Афанасія. Тяжелыя капли падаютъ на землю. Слышнѣе терпкій запахъ крови, вязнетъ отъ него въ зубахъ, сохнетъ небо. Порфирій отворачивается и закрываетъ глаза.

— Вотъ.. она. Не признаете?

Конечно, — это его, Афанасія, ладанка. Порфирій осторожно беретъ грязный кожаный мѣшечекъ и нерѣшительно говорить.

— Какъ будто?.. Не его.

Сзади подходит маіоръ Горталовъ.

— Ну, что? Нашли? — говорить онъ.

Порфирій молчитъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчаетъ за него:

— Нашли, да такъ заложенъ, не вытащишь. Весь брестверъ разваливать придется.

— Вы, полковникъ, не беспокойтесь... Мѣсто примѣтимъ. Завтра, Богъ дастъ, турокъ совсѣмъ отгонимъ, тогда и разберемъ всѣхъ убитыхъ: кого — куда... Да, можетъ быть, вы и ошиблись. Это бываетъ. Скажутъ — убить. Даже покалѣченного покажутъ, а онъ на другой день самъ и объявится, живой и здоровый, даже и не раненый. Идите себѣ спокойно. Я присмотрю за этимъ мѣстомъ. Мои люди сейчасъ за патронами пойдутъ, они васъ и проводятъ. Ночью-то такъ легко ошибиться.

Порфирій идетъ за солдатами. Темная, непогожая ночь кругомъ. Огненными метеорами рвутся въ воздухъ шрапнели, лопаются гранаты, на мгновеніе освѣщая путь, и потомъ еще страшнѣе и темнѣе ночь. Въ логу посвистываютъ откуда-то сбоку пули.

— Вы вотъ здѣсь, гдѣ помельче будетъ, ваше высоко-

благородіе, — говоритъ солдатъ, показывая, гдѣ перейти ручей.

«Погоны съ набитой третьей звѣздочкой и цифрой «14»... Мундиръ... Какъ даже и въ крови не признать Доронинскаго англійскаго добротнаго сукна? И ладанка? А вотъ креста все-таки не было? Нѣтъ, не можетъ того быть, чтобы этотъ у ж а с ъ, чтобы э т о былъ Афанасій!!»

Порфирій спускается съ кручи, скользитъ, едва не падаетъ, карабкается наверхъ.

— Пожалуйте, я вамъ помогу, — говоритъ солдатъ и поддерживаетъ Порфирія подъ локоть.

Они идутъ, и безконечнымъ кажется ихъ путь въ этой темной сумрачной ночи.

— Сына у нихъ убило... На Горталовской траншеѣ, — тихо говоритъ одинъ солдатъ другому.

«Скажутъ: убить... Даже покарѣннаго покажутъ, а онъ на другой день и объявится — живой и здоровый»...

Надежда не хочетъ оставить Порфирія.

Ладанка лежитъ въ карманѣ штановъ. Холодитъ ногу. Его ладанка... Афанасія!..

XXVII.

Государь съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, принцемъ Карломъ Румынскимъ, начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ, генераломъ Левицкимъ, чинами штаба, ординарцами, сопровождаемый эскадрономъ лейбъ-казаковъ, къ тремъ часамъ дня пріѣхалъ на «Царскій валикъ» — холмъ противъ Гривицкихъ редутовъ. Тамъ были поставлены походные, полотняные стулья. Государь сѣлъ на одинъ изъ нихъ наблюдать за боемъ. Онъ былъ въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ и въ пальто.

Холодный дождь сыпалъ и сыпалъ съ неба. Потоки воды текли съ холма. Впереди, не переставая, какъ громъ во время грозы, гремѣли пушки, то разгоралась, то смолкала ружейная стрѣльба. Но ни простымъ глазомъ, ни въ бинокль не было видно, что дѣлается впереди.

Туманъ, низкія, черныя тучи, косыя полосы дождя скрывали мѣсто боя. Не видно было ни пороховыхъ дымовъ, ни разрывовъ снарядовъ.

Иногда на нѣсколько минутъ стихнетъ дождь. Чуть посвѣтлѣютъ дали. Покажутся бѣлые пороховые дымы, темныя полосы войскъ, колонны резервовъ. Всѣ поднимутъ бинокли къ глазамъ, смотрятъ напряженно, до боли въ глазахъ, стараются разобратъ, что тамъ происходитъ.

— Ну, какъ, — нерѣшительно спросить Государь, — у Зотова?

Онъ отлично видитъ, что все стоитъ на тѣхъ же мѣстахъ, но такъ хочется услышать объ успѣхъ...

— Да, какъ будто раньше наши цѣпи были на этомъ холмѣ, а теперь во-онъ куда подались, — скажетъ Великій Князь Главнокомандующій.

Сзади раздается мрачный басъ Левицкаго:

— Все на тѣхъ же мѣстахъ, Ваше Высочество. Это только такъ кажется. Подались бы впередъ — батареи перемѣнили бы позицію, а то, смотрите, гдѣ были, тамъ и остались.

Опять туманъ, дождь, сѣрыя космы тучъ скрываютъ дали.

— Отъ князя Имеретинскаго ординарецъ!

— Ну, что скажешь, молодецъ?

— Ваше Императорское Величество, его сіятельство князь Имеретинскій приказалъ доложить, что генералъ Скобелевъ потребовалъ всѣ его резервы впередъ. У князя больше нѣтъ войскъ.

И сдержанный басокъ Левицкаго:

— Скобелевъ это умѣетъ!

— Значить, нужно такъ, — говорить Великій Князь. — А гдѣ Скобелевъ?

— Пошелъ на Зеленые горы.

Бинокли направляются влѣво. Тамъ тотъ же туманъ, тучи, полосы дождя.

Томительно медленно тянется время. Государевъ ординарецъ, конвоецъ Абадзіевъ пытается шутить, но никто не принимаетъ его шутокъ.

Опять посвѣтлѣло. Раздались дали. Тамъ, гдѣ котломъ кипить ружейная стрѣльба, стали видны дымы.

Великій Князь Николай Николаевичъ смотритъ туда въ бинокль.

— Ваше Величество, — говоритъ онъ, — Скобелевъ на Зеленыхъ горахъ!

— Слава Богу! Слава Богу! — говоритъ Государь.

За холмомъ слышно шлепаніе конскихъ ногъ по грязной дорогѣ, побряхтываніе кузова коляски. Экипажъ пріѣхалъ за Государемъ.

Государь все сидитъ на низкомъ стуликѣ, въ мокромъ пальто.

Изъ сумерекъ скачетъ ординарецъ, Донской офицеръ. Онъ на скаку спѣшивается, бросаетъ измученную лошадь и быстрыми шагами подходитъ къ Государю:

— Ваше Императорское Величество, отъ генерала Скобелева! Редутъ Кованлекъ только что взять Ревельскимъ и Либавскимъ полками. Наши врываются въ Плевну. Скобелевъ проситъ подкрѣплений.

Государь вопросительно смотритъ на Великаго Князя. Левицкій говоритъ за Главнокомандующаго:

— Ваше Величество, резервовъ больше на лѣвомъ флангѣ нѣтъ.

— Передай Скобелеву, — говоритъ Великій Князь, — пусть держится тамъ, гдѣ сталь.

Шелъ пятый часъ, и въ этотъ непогожій печальный день начинало уже темнѣть. Со стороны Радищевского редута (Омаръ-бей — Табія) послышались крики «ура», стрѣльба стала тамъ какъ будто тише и потомъ вдругъ возобновилась съ небывалою силою. Оттуда, обтекая Царскій валикъ, потянулись раненые. Они шли безконечными вереницами, то по-одиночкѣ, то цѣлыми толпами. Въ туманѣ и полосахъ набѣгавшаго дождя они исчезали, растворялись, словно призраки войны. Обгоняя ихъ, скакалъ офицеръ-ординарецъ. Казакъ едва поспѣвалъ за нимъ.

— А, вотъ! — Съ донесеніемъ отъ Зотова, — сказалъ Государь и повернулся къ подходившему къ Великому Князю, соскочившему съ коня молодому красивому Кавалергардскому офицеру въ рыжихъ усахъ. Великій Князь, стоявшій

подлѣ Государя, показаль глазами ординарцу, чтобы тотъ докладываль Государю.

— Ваше Императорское Величество, отъ генерала Зотова, Кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистръ Вонлярлярскій съ донесеніемъ.

— Доложи!

— Генераль Зотовъ приказаль доложить: въ четвертомъ часу дня Казанскій и Шуйскій полки пошли на выручку Углицкаго и Ярославскаго полковъ, бросившихся на штурмъ Радищевскаго редута...

Офицеръ замолчалъ, смутившись.

— Ну?

— Этотъ нашъ третій штурмъ былъ отбитъ. Генераль Зотовъ приказаль доложить: становится темно. Четвертый разъ онъ штурмовать... не можетъ...

По лицу Кавалергарда было видно, какъ тяжело было ему передавать Государю эти неутѣшительныя вѣсти.

Едва Вонлярлярскій отошелъ отъ Государя, какъ прискакаль ординарецъ отъ барона Криденера и румынъ. Атака Гривицкаго редута была отбита, баронъ Криденеръ опасался, что турки сами перейдутъ въ наступленіе и что онъ тогда не удержитъ фронта.

Посланный къ Криденеру офицеръ вернулся и доложилъ, что онъ будто бы видѣль турецкую кавалерію, выходящую за наши войска.

Среди свиты произошло движеніе. Всѣ засуетились, заботливо похлопали. Тревожный шопотъ пошелъ между чиновъ свиты. Кто-то шепнулъ Великому Князю:

— Надо просить Государя уѣхать... Нельзя такъ рисковать...

Лейбъ-казачій эскадронъ сѣлъ на коней.

Стало темно. Снова пошелъ мелкій, холодный осенній дождь. Государь попрежнему сидѣль на своемъ походномъ стулѣ. Онъ видимо сильно страдалъ, слушая донесенія о тяжелыхъ штурмахъ, отбитыхъ турками.

Великій Князь Николай Николаевичъ подошелъ къ Государю и сказалъ:

— Ваше Императорское Величество, вамъ долѣе оставаться здѣсь нельзя. Я умоляю васъ вернуться въ Пора-

димъ. Самъ я останусь здѣсь, пока не получу точныхъ свѣдѣній о результатахъ боя.

— Ты думаешь?..

Государь тяжело поднялся съ полотнянаго стула и сопровождаемый дежурнымъ генераль-адъютантомъ пошелъ къ коляскѣ. Великій Князь подошелъ къ нему.

Государь остановился подлѣ коляски.

— Быть можетъ, братъ, — сказалъ онъ, — не надо было начинать штурмъ въ такую непогоду? Какія страшныя потери! Мое сердце содрогается отъ боли... И все понапрасну.

— Ваше Императорское Величество, принцъ Карлъ и генераль Зотовъ настаивали на штурмѣ сегодня.

Государь приложилъ два пальца къ широкому козырьку мокрой фуражки, сѣлъ въ коляску и откинулся вглубь сидѣнья. Четверикъ лошадей съ туго подвязанными хвостами дружно принялъ. Коляска съ поднятымъ верхомъ покачивалась и покряхтывала, пока шагомъ выбиралась съ Царскаго валика на шоссе.

По шоссе коляска катила спорою рысью.

— Эй, посторонись маленько! — кричалъ государевъ кучеръ Фролъ, съ удивительнымъ искусствомъ обгоняя какія-то арбы, телѣги, лазаретные фургоны, толпы идущихъ подъ дождемъ солдатъ. Сквозь пѣсню колесъ по шоссеяному щебню доносились до Государя мучительныя стоны и крики.

Государь сидѣлъ въ глубинѣ коляски, откинувшись назадъ. Его лихорадило.

XXVIII.

31-го августа, съ утра турки перешли въ наступленіе, чтобы выбить Скобелева изъ занятыхъ Русскими накануне редутовъ.

Скобелевъ могъ удержаться на своей позиціи только въ томъ случаѣ, если бы правѣе его былъ успѣхъ. Но правѣе шелъ вялый, постепенно затихающій бой. Потерявъ по-

ловину своего отряда, Скобелевъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вывезти раненыхъ, а ихъ было около семи тысячъ.

Онъ утромъ объѣхалъ части, ободрилъ ихъ и приказалъ держаться на мѣстахъ.

На Горталовскихъ траншеяхъ Скобелевъ задержался дольше всего. Онъ долго смотрѣлъ въ широкое, простое, честное лицо русобородаго маюра и, наконецъ, сказалъ ему:

— Горталовъ, я на васъ надѣюсь. Мнѣ, вѣроятно, отходить придется. Такъ вы послѣднимъ! Можетъ быть, вамъ умереть придется въ редутъ, ваша смерть спасетъ другихъ, спасетъ отрядъ.

— Ваше превосходительство, вы можете быть спокойны: Горталовъ живой редута не оставитъ.

— Спасибо. Я вѣрю вамъ.

Пять разъ ходили турки въ атаку на занятые Скобелевымъ укрѣпленія и пять разъ были отбиты съ громадными потерями. Подъ вечеръ хмураго дня Скобелевъ поѣхалъ ко второму гребню Зеленыхъ горъ. Вдоль всего шоссе лежали раненые. Они провожали Скобелева печальными глазами.

— Отчего не вывезены? — обратился Скобелевъ къ фельдшеру.

— Повозокъ не хватаетъ, ваше превосходительство. Скобелевъ остановилъ лошадь.

— Алексѣй Николаевичъ, — сказалъ онъ, пишите князю Имеретинскому: «Ваше сіятельство отвѣтите передъ Богомъ за души тѣхъ несчастныхъ, которые у ногъ моихъ взываютъ о помощи, которой я не могу дать».

Порфирій тихо сказалъ Куропаткину:

— Я знаю, что князь всѣ повозки отправилъ намъ. У князя ничего нѣтъ. Ему будетъ очень тяжело читать эту записку.

Куропаткинъ молча пожалъ плечами и отдалъ записку ординарцу:

— На! Вези! Князю Имеретинскому. Понимаешь?

Скобелевъ остался на второмъ гребнѣ. Онъ печально смотрѣлъ въ туманную даль. Изъ этой дали появился конный ординарецъ:

— Ваше превосходительство, Эстляндцы отходятъ...

— Вижу... Всѣ отходятъ... Значить — нельзя больше держаться. Есть невозможное и для моихъ войскъ.... Когда кругомъ такая тишина...

Цѣпи точно закоптѣлыхъ, загрязненныхъ землею, измученныхъ, изстрадавшихся солдатъ хмуρο шагали мимо Скобелева. Сбоку, оглушая Скобелева и его свиту, 24-орудійная батарея била залпами, сдерживая напиравшихъ на отступающія части турокъ.

Сзади, очевидно не ожидая найти Скобелева въ такой близости отъ непріятеля, подѣхалъ къ генералу ординарецъ отъ Зотова.

— Ваше превосходительство, отъ генерала Зотова.

— Давайте, что у васъ, — протягивая руку въ бѣлой перчаткѣ къ ординарцу, сказалъ Скобелевъ и взялъ пакетъ. Онъ прочелъ вполголоса Куропаткину содержаніе пакета.

«Генералу Скобелеву. Великій Князь Главнокомандующій желаетъ, чтобы вы продержались на вашихъ мѣстахъ хотя бы только сутки. Генераль-лейтенантъ Зотовъ. 31-го августа, 4 часа пополудни».

Ординарецъ стоялъ въ ожиданіи отвѣта. Впереди сотня Донцовъ и сотня Владикавказскаго полка съ гикомъ поскакали на зарвавшихся въ преслѣдованіи турокъ. Черезъ пожелтѣвшій и покраснѣвшій виноградникъ съ шорохомъ, позванивая котелками, проходили бесконечными группами солдаты.

— Что, Мосцовой отошелъ? — крикнулъ въ ихъ толпу Скобелевъ.

Бравый фельдфебель, шедшій за ротнаго, остановился, вытянулся и доложилъ:

— По второму вашему приказанію вышелъ изъ редута и, разметавъ штыками турокъ, идетъ лѣвъѣ насъ.

— А Горталовъ?

— Людей отправилъ... Самъ остался... Ребята сказывали, говорилъ имъ: далъ слово вашему превосходительству живымъ редута не сдавать.

Солдатъ въ изодранной прокоптѣлой шинели остановился противъ Скобелева и доложилъ, взявъ ружье «къ ногѣ»:

— Я есть съ Горталовскаго редута! Маіоръ нашъ одинъ

рубился супротивъ цѣльной евойной роты. На штыки подняли турки нашего маіора. Вотъ чего мнѣ довелось пови-
дать.

Солдаты смахнулъ слезу съ глазъ, взялъ ружье «воль-
но» и пошелъ вдоль шоссе.

— Ваше превосходительство, что прикажете отвѣтить
генералу Зотову? — спросилъ ординарецъ.

— Вы видѣли? Слышали?

Скобелевъ написалъ на запискѣ Зотова: «Получена въ
полномъ отступленіи», и передалъ записку обратно орди-
нарцу.

— Поѣдемъ, Порфирій Афиногеновичъ, — сказалъ Ско-
белевъ, обращаясь къ Порфирію. — О сынъ не думай. Са-
мая у него честная могила... Солдатская, безкrestная, без-
ымянная...

Порфирій хотѣлъ отвѣтить, хотѣлъ сказать что-то, но
въ этотъ мигъ точно кто-то тяжелой, крѣпкой палкой уда-
рилъ его по груди. Какъ будто Скобелевъ перевернулся
вмѣстѣ съ лошадью и странно послышался сквозь шумъ и
гулъ вдругъ ставшій въ ушахъ, его спокойный голосъ:

— Что? Раненъ? Ну, поздравляю! Ничего... Ничего...
Да снимите полковника съ лошади. Помогите ему!

Казаки подхватили Порфирія и понесли его внизъ съ
холма.

Скобелевъ отходилъ на первый гребень. Яростно гре-
мѣли пушки, батарея, отстрѣливаясь, повзводно отходила
съ позиціи. Между Скобелевымъ и турками были только
одни казаки.

XXIX.

Стояла осень. Въ Петербургѣ погода была измѣнчива.
То по блѣдно-голубому небу неслись бѣлыя, какъ прозрач-
ная кисея, облака, гонимыя рѣзкимъ западнымъ вѣтромъ,
Нева вздувалась, горбами стояли разводные плашкоутные
мосты и звеня неслись на нихъ запряженные тремя лошада-
ми конныя кареты, въ садахъ качались тонкія и стройныя

рябины, въ золотомъ листу обнажались березы, и лиственницы у Исаакіевского собора стояли безобразно голыя. То вдругъ станетъ тепло и тихо, сѣдой туманъ накроетъ городъ и не видно другого берега Невы, и сама рѣка клубится сѣдыми дымами. А потомъ пойдетъ мелкій, мелкій, насквозь пронизывающій, настоящій петербургскій дождь, въ домахъ станетъ такъ темно, что съ утра приходится зажигать свѣчи и керосиновыя лампы. Печаль нависнетъ надъ городомъ.

Въ эти печальные осенніе дни гвардія уходила на войну.

Вѣра видѣла, какъ въ колоннѣ по отдѣленіямъ, въ мундирахъ и по-походному — въ фуражкахъ, съ тяжелыми ранцами за плечами, туго подобравъ винтовки, безконечною лентою шли по городу Семеновцы. Ихъ оркестръ гремѣлъ на деревянномъ Лиговскомъ мосту у Николаевского вокзала, а хвостъ колонны, гдѣ бѣлѣли полотняные верхи лазаретныхъ линейекъ, только выходилъ съ Владимірскаго проспекта. Движеніе было остановлено. Толпы народа провожали полкъ.

— На войну идутъ, родимые!.. Вернутся, нѣтъ-ли..

Ушелъ съ Преображенскимъ полкомъ гигантъ красавецъ князь Оболенскій, увелъ съ Выборгской стороны Московскій полкъ статный Гриппенбергъ, съ Васильевского острова ушли Финляндцы съ лихимъ молодцомъ Лавровымъ.

— Умирать пошли!.. Своихъ выручать!

— Слыхать... Турки несосвѣтимуую силу собрали. Англичанка имъ все, все доставляетъ!..

Провожали безъ энтузіазма первыхъ дней войны. Что то нехорошее, тяжелое, недовѣрчивое носилось въ воздухахъ. Уходили послѣ молебновъ, съ иконами, шли бодрымъ шагомъ, смѣло, подъ звуки маршей, подъ барабанные бои — и тѣ, кто оставался ощущалъ холодную пустоту оставленныхъ казармъ, покинутость столицы.

— Гвардія въ походъ пошла!.. Какъ въ двѣнадцатомъ году! Что-же силенъ что ли такъ уже турокъ сталъ?..

30-го августа, какъ полагалось въ «табельный» день, день Тезоименитства Государя Императора, по распоряженію полиціи городъ былъ убранъ флагами. Бѣло-сине-красныя и бѣло-желто-черныя полотнища развѣвались на ули-

цахъ, на подъѣздахъ домовъ, на крышахъ. Въ газовые фонари были ввернуты звѣзды, у городской думы горѣли вензеля Государя и Государыни.

Изъ газетъ знали: тяжелые бои идутъ подъ Плевной. «Наши» берутъ Плевну. Ожидали большой побѣды.

Но прошло 31-е, потомъ наступило 1-е и 2-е сентября, появились сдержанныя телеграммы объ отбитыхъ штурмахъ, пошли корреспонденціи о мужествѣ нашихъ войскъ и о силѣ турецкихъ укрѣпленій. Плевна не была взята. Потомъ поползли, какъ водится, темные слухи о громадныхъ потеряхъ, «которыя скрываютъ», о «паникѣ», о томъ, что будто турки чуть было къ самому Систову не прорвались, что Государь ускакалъ съ поля сраженія... Потомъ все притаилось и смолкло: ждали — гвардія себя покажетъ.

Этою осенью Вѣра, пользуясь тѣмъ, что Перовская продолжала жить въ Петербургѣ, довольно часто бывала у новой подруги. Съ неистовою, лютою злобой и ненавистью говорила Перовская о Государѣ, о генералахъ и офицерахъ. Она тряслась отъ негодованія.

— Царь поѣщаетъ госпитали, плачетъ надъ ранеными и умирающими солдатами, — говорила Перовская. — Понятно — воспитанникъ чувствительнаго Жуковского! И тотъ же царь посылаетъ солдатъ грудью брать турецкую крѣпость Плевну. Штурмъ откладываютъ на 30-е, чтобы въ именины поднести царю Плевну. Ему строятъ въ полѣ, какъ въ театрѣ ложу и онъ сидитъ тамъ окруженный свитою. Шампанское, цвѣты, фрукты — и въ бинокль видно, какъ тысячами гибнутъ Русскіе люди!.. Я ненавижу такого Государя!.. Студенты поютъ... Вы слышали?

...«Именинный пирогъ изъ начинки людской

Братъ подносить Державному Брату..

А на сѣверѣ тамъ — вѣтеръ стонетъ, реветъ,

И разноситъ мужицкую хату...»

Перовская была возбуждена. Должно быть, не спала ночи. Вѣки были красныя и опухшія. Въ глазахъ горѣлъ злобный огонь.

— Вѣра Николаевна, вы должны, должны стать человекомъ... Вы должны идти съ нами! Насъ называютъ нигилистами. Неправда!.. Мы не нигилисты... Что мы отреклись отъ причудливыхъ манеръ прошлаго вѣка, остригли волосы и стали учиться познавать природу — такъ это нигилизмъ?.. Нѣтъ, нигилисты — не мы, а они... Это имъ плевать на все. Царь, помазанникъ Божій, примѣръ для всей Россіи, бросилъ больную Императрицу и охотится за дѣвушками по институтамъ. А тамъ!.. Какое холопство, любая — мечтаетъ лечь на царскую постель!.. И этотъ царь гонитъ людей на войну!.. Я ненавижу его. Слушайте, Вѣра Николаевна, я надѣюсь, что скоро мы всѣ соберемся на сѣздъ. Гдѣ? еще не знаю, гдѣ нибудь въ провинціи, гдѣ насъ не знаютъ, не на виду, гдѣ нѣтъ полиціи. Тамъ будутъ хорошіе люди. Вѣра Николаевна устройтесь такъ, чтобы пріѣхать на этотъ сѣздъ, послушайте настоящихъ людей. Посмотрите и сравните — вашъ міръ и нашъ...

Вѣра уходила отъ Перовской подавленная и смущенная. Передъ нею безконечною змѣею, бѣлѣя околышами фуражекъ, шелъ по Загородному проспекту Измайловскій полкъ. Онъ шелъ на войну. И ѣдко подъ ритмъ тяжелыхъ шаговъ и барабаннаго боя звучали въ ушахъ Вѣры только-что слышанные стихи: —

...«Именинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подносить Державному Брату...».

Съ ужасомъ смотрѣла Вѣра на солдатъ. Людская начинка!.. Людская начинка!..

Грохотъ барабановъ, свистъ флейтъ ее раздражали. Ей хотѣлось бѣжать, закрывъ глаза, бѣжать отъ ужаса войны, отъ ужаса солдатчины. Но дома ее ожидали Ладурнеровскія и Виллевальдовскія картины и гравюры: — солдаты, солдаты и солдаты!..

XXX

Въ концѣ ноября, когда въ Петербургѣ было тихо подъ снѣжнымъ покровомъ зимы, когда беззвучно скользили сани — вдругъ городъ расцвѣтился пестрыми флагами, съ крѣпости палили пушки: — пришло извѣстіе: — Плевна взята! Османъ паша сдался со всею своею арміей!

Сквозь радость побѣды по Петербургу шла печаль о многихъ потеряхъ гвардіи подъ Плевной. Гвардія показала себя...

Переднія страницы «Новаго Времени» и «Голоса» чернѣли объявленіями объ убитыхъ Лейбъ Егеряхъ, Московцахъ и другихъ...

Освобожденная отъ осады Плевны армія пошла на Балканы.

И опять все затихло.

Въ газетахъ часто стала повторяться пріѣвшаяся фраза: — «на Шипкѣ все спокойно»...

Османъ паша сдался и плѣнникомъ переѣхалъ въ Россію. Сулейманъ паша крѣпко караулилъ проходы черезъ Балканскія горы.

Русскія войска замерзали на Балканахъ.

Возвратившись съ катка въ Таврическомъ саду, Вѣра въ прихожей увидѣла безпорядокъ. Чемоданы, походный выюкъ, изящный, заграничный сакъ-вояжъ графини Лили лежали на полу, на вѣшалкѣ висѣлъ тяжелый «Романовскій» полушубокъ съ полковничьими погонами Порфирія, мѣховое манто графини и фуражка.

Порфирія ожидали къ Рождеству изъ Крыма, гдѣ онъ оправлялся послѣ раненія и гдѣ за нимъ ухаживала на правахъ невѣсты графиня. Значить, вернулись раньше.

Пріѣхавшіе сидѣли въ кабинетѣ Афиногена Ильича. Порфирій посѣдѣлъ, похудѣлъ и помолодѣлъ. Сѣдина шла къ нему. Счастье свѣтилось въ его глазахъ. Графиня Лили только что изъ вагона, — а какъ была она свѣжа!! И чолка на лбу завита и локоны штопоромъ подлѣ ушей. Ни одного сѣдого волоса... Она была въ своемъ счастьѣ прелестна и не спускала влюбленныхъ глазъ со своего героя и съ его георгіевского креста.

Вѣра поцѣловала дядю въ лобъ и расцѣловалась съ графиней .

Порфирій уже успѣлъ сразиться съ отцомъ по вопросамъ стратегіи.

— Прости меня, папа, — говорилъ онъ, — но послѣ всего того, что я видѣлъ на войнѣ, я считаю, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. И Русская армія перейдетъ черезъ Балканы. Воля Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго непреклонна. Сулейманъ паша будетъ разбитъ. А какой духъ въ войскахъ! Нужно все это видѣть! Передъ тѣмъ, какъ ѣхать сюда я проѣхалъ въ Ставку Великаго Князя. Морозъ... Снѣгъ... У Великаго Князя — киргизская юрта съ желѣзной печкой. Подлѣ, въ обыкновенной холщевой палаткѣ, на соломѣ лежатъ очередные ординарцы. Никто не ропшетъ. Всѣ гордятся тѣмъ, что такъ-же страдаютъ отъ холода, какъ и солдаты. Армія едина!.. Землянки, палатки, весь неуютъ зимняго похода для всѣхъ одинаковъ. И эти люди, говоришь ты, папа, не перейдутъ Балканы?! Скобелевъ, Гурко, Радецкій не одолѣютъ Сулеймана? Да что ты, папа!

— А я тебѣ говорю, что зимой не перейдутъ. Лѣтомъ, можетъ быть. А зимой ни природа, ни турки не пустятъ...

— Турки?.. Если намъ тяжело — имъ еще во много разъ тяжелѣе. Съ нами побѣда, — у нихъ пораженіе... И какъ началось то!.. Съ самага Кишинева.

-- Однако, подъ Плевной попотѣть пришлось.

-- Да, пришлось. Вѣрно, и это даже хорошо — легкая побѣда — не побѣда, не слава. Во всѣхъ полкахъ поютъ теперь пѣсню, сочиненную Ротмистромъ Кулебякинымъ, еще въ Кишиневѣ, когда Государь передалъ свой Конвой Великому Князю Главнокомандующему. Вдохновенная пѣсня! Она въ полной мѣрѣ выражаетъ наши общія чувства.

— Что-же это за пѣсня?

- Прочтите, Порфирій, непременно прочтите, вотъ и Вѣра пусть послушаетъ, — восторженно сказала графиня Лиля.

— Съ Богомъ, терцы, не робѣя, —

началъ Порфирій и добавилъ: — въ полкахъ поютъ — «братцы», вмѣсто «терцы».

— Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина врага!..

Тамъ, далеко, за Балканы,
Русскій много разъ шагаль,
Покоря вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры, славу добывать:
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять!

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда:
Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
«Берегите», — сказалъ Брата, —
«Будьте каждый молодцомъ»..

«Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить
То идите въ дѣло смѣло
Дѣдовъ славы не срамитъ!...»

Съ Богомъ, братцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья...
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина - врага...

Изъ своего дальняго угла Вѣра увидѣла, какъ у стараго Афиногена Ильича слезы навернулись на глаза. Графиня Лиля смотрѣла на Порфирія съ такою нескрываемою и напряженною любовью, что Вѣрѣ стало стыдно за нее. Нѣсколько минутъ всѣ молчали, потомъ тихимъ голосомъ сказалъ Афиногенъ Ильичъ: —

— Ну вотъ и слава Богу, что такъ все обошлось. Сына отдалъ за честь и славу Россіи, свою и не малую кровь про-

лиль... Благодарю Господа Бога, что вынесъ тебя изъ войны хотя и подраненнымъ, но здоровымъ... Что думаешь теперь дѣлать? Когда свадьба?

— Свадьба въ январѣ, — сказала, сіяя прекрасными глазами, графиня Лиля.

— Меня прикомандировываютъ къ Академіи Колонновожатыхъ.

— А! Ну, и отлично! А тѣ?... Что же? Безъ крови и жертвъ и точно война славы и чести не имѣла-бы... Ну, а Балканы зимою перейти — невозможно!.. Это говорятъ военные и большіе авторитеты. Никому невозможно!.. Ни Гурко, ни Скобелеву! Просто никому! Даже и Суворову невозможно, — а его у васъ нѣтъ... Невозможно!!

XXXI

— Берись!.. Разъ, два, три, берись!

Трескъ... Какое-то звяканье, шорохъ, шумъ, и опять тишина могилы. Сыплеть снѣгъ. Все бѣло кругомъ. Лѣсъ, круча, камни... Появившіеся было въ небѣ оранжевые просвѣты словно дымомъ затянуло снѣговыми тучами. По-прежнему воетъ вьюга, старый дубъ шелеститъ оставшимися ржавыми листьями и стонетъ подъ вѣтромъ.

И опять, и теперь уже совсѣмъ близко, въ морозномъ, рѣдкомъ горномъ воздухѣ четко слышны человѣческіе голоса.

— Берись!..

-- Откровеннѣй, братцы! Тащи откровеннѣй!

--- Не лукавь, Василій Митричъ!

И — «дубинушка»...

Хриплый, простуженный, сорванный голосъ начинается:

— Эй — дубинушка ухнемъ!

Хоръ, человѣкъ двадцать, подхватываетъ:

— Да — зеле-е-ная самая пойдетъ... Идетъ!.. Идетъ!..

Идетъ!...

-- Откровеннѣй, братцы! Берись! Разъ, два, три — берись!

Шорохъ, трескъ — и тишина... Растаяли голоса, смолкли. Точно и не было ихъ совсѣмъ. Вѣтеръ свистить въ лѣсу. Залѣпляеть выюга обмерзлые стволы осинъ крупнымъ снѣгомъ. Стынетъ сердце.

Князь Болотневъ приподнялъ голову и усиленъ воли прогналъ начавшій одолѣвать его сонъ. Часть тому назадъ, — вонъ за тѣмъ, снѣжнымъ бугромъ заснули, чтобы никогда уже не проснуться и сопровождавшіе князя стрѣлки — охотники — Шуруповъ и Кошлаковъ и съ ними проводникъ болгаринъ. Князь былъ посланъ отъ генерала Гурко отыскать колонну генерала Философова. По картѣ казалось просто — спуститься съ перевала, пройти сквозъ лѣсъ — и вотъ она дорога на деревни Куклень и Станимахи, гдѣ должна проходить колонна 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Такъ и болгаринъ говорилъ. А какъ пошли по колѣно, по грудь въ снѣгу, какъ начались овраги, буераки, крутые подъёмы, какъ обступилъ кругомъ черный лѣсъ — стало ясно — не пройдешь напрямикъ — и назадъ не вернешься. Ночь кое-какъ переночевали, а, когда съ утра пошли голодные, прозябшіе — стали выбиваться изъ силъ, обмерзлые люди свалились и заснули вѣчнымъ сномъ.

Инстинктъ самосохраненія толкалъ впередъ князя Болотнева. Онъ сталъ изъ послѣднихъ силъ карабкаться на гребень и вдругъ услышалъ голоса: —

Сонъ?.. Галлюцинація слуха?.. Въ глазахъ туманъ, въ ушахъ гулъ и слабое сознаніе: — нужно сдѣлать еще усиліе и подняться, во что бы то ни стало, подняться еще немного. Нужно посмотрѣть, что тамъ, за гребнемъ?

Поднялся.

Совсѣмъ близко, шагахъ въ пятидесяти, по скату горы вьется узкая дорога и по ней чернѣютъ, бѣлѣютъ, сѣрѣютъ занесенные снѣгомъ люди. Солдаты съ лямками на плечахъ впряглись въ орудіе, другіе ухватились руками за колеса, натужились, напружились, и тяжелая «батарейная» пушка съ коричневымъ, въ бѣломъ инеѣ, тѣломъ вкатилась на гору. Офицеръ въ легкой сѣрой шинелишкѣ, съ лицомъ, укрученнымъ башлыкомъ, распоряжался.

— Вторая смѣна выходи, — крикнулъ онъ, повернувшись и увидалъ спускавшагося съ кручи Болотнева.

— Кто вы? Откуда? — крикнулъ онъ и, понявъ состояніе Болотнева, закричалъ: —

— Эй, послать скорѣе фельдшера пятой роты сюда. Идемте, поручикъ... Совсѣмъ ознобились? Такъ и вовсе замерзнуть не долго.

Въ изгибѣ дороги горѣлъ въ затишкѣ у песчаного обрыва костеръ. Отъ огня песчаная круча обтаяла и было подлѣ нея тепло, даже жарко, какъ у печки. Здѣсь сидѣло нѣсколько офицеровъ и солдатъ отдыхавшей смѣны. У кого-то нашлась во флягѣ водка. Услужливый солдатъ-гвардеецъ одолжилъ Болотневу кусокъ черного сухаря. Оттерши губы — онѣ не повиновались князю — Болотневъ разсказалъ — кто онъ и зачѣмъ посланъ.

— Это и есть колонна генерала Философова, — сказалъ офицеръ, угощавшій князя водкой. — Вы въ лейбъ гвардіи Литовскомъ полку. Благодарите Бога, что такъ удачно вышли. Отогрѣвайтесь у насъ. Съ нами и пойдете.

Въ теплѣ костра отходили иззябшіе члены. Нестерпимо болѣли ознобленные пальцы, клонило ко сну и то, что было вокругъ казалось страннымъ чудодѣйнымъ сномъ.

Въ сторонѣ стояли отпряженные, обамуниченные артиллерійскія лошади. По дорогѣ вытянулись передки и орудія. Рослая прислуга гвардейской артиллерійской бригады и солдаты Литовцы по очереди на лямкахъ и въ ручную тащили орудіе за орудіемъ по обледенѣлому подъему на гору.

Снѣгъ пересталъ сыпать. Стало потише. Солдатъ принесъ охапку сучьевъ и подбросилъ въ огонь. Пламя приутихло, зашипѣло, бѣлый ѣдкій дымъ повалилъ въ лицо Болотневу, потомъ пламя побѣлило, заиграло желтыми языками. Теплый, синеватый воздухъ заструился передъ глазами князя. Все стало казаться черезъ него необыкновеннымъ, точно придуманнымъ, стало слагаться въ сложное, необычайное сновидѣніе.

Откуда-то сверху закричали:

— Посторонись!

— Обождите маленько! Дайте проѣхать...

Съ горы, на осклизавшей лошади, ѣхалъ казакъ въ помятомъ, порыжѣломъ кителѣ, укрупченномъ башлыкомъ и

какою то красною шерстяною тряпкой. Казакъ былъ въ ватной рваной теплушкѣ неопредѣленнаго цвѣта, съ ловко прилаженной на поясной портупѣй шашкой, съ винтовкой въ кожаномъ чехлѣ за плечами. Онъ держалъ въ рукѣ большой черный узелъ. За нимъ верхомъ на казачьей лошади ѣхалъ пожилой священникъ въ мѣховой шапкѣ и шубѣ на лисьѣмъ мѣху.

Казакъ остановилъ лошадь, какъ разъ противъ Болотнева и сказалъ: —

— Слѣзайте, батюшка. Тута оно и будетъ. Самое это мѣсто. Вотъ она, и мѣтка моя.

Казакъ показалъ на молодую осину, росшую съ края обрыва. На ней ножомъ былъ вырѣзанъ восьмиконечный крестъ. Слѣдъ ножа былъ совсѣмъ свѣжій, бѣлый, не успѣвшій покраснѣть.

Офицеры и съ ними Болотневъ подошли къ краю пропасти. Черныя скалы отвѣсно ниспадали внизъ. Далеко, въ глубинѣ, курила и мела метель. Все было бѣло и пустынно.

Священникъ слѣзъ съ лошади. Казакъ привязалъ свою и священникову лошадей къ дереву, развязалъ узелъ и подалъ священнику бархатную скуфейку, епитрахиль, крестъ и кадило и, подбросивъ изъ костра уголька въ кадило, раздулъ его. Потомъ раскрутилъ свой башлыкъ и тряпку и снялъ киверъ. Зачугунѣлое отъ мороза, темное лицо подъ копною упрямыхъ русыхъ волосъ стало сурово и торжественно.

— Пахомъ? — оборачиваясь къ казаку, спросилъ священникъ.

— Пахомъ, батюшка... Пахомъ его звали. Нижне-Чирской станицы казакъ Пахомъ Киселевъ.

Священникъ кадилъ надъ пропастью. Онъ пѣлъ жидкимъ теноромъ, казакъ, задравъ кверху голову, вторилъ ему, упиваясь своимъ голосомъ.

— Аллилуія, аллилуія, аллилуія, — звучало надъ пропастью подлѣ потрескивающаго костра похоронное пѣніе.

— Житейское море, воздвигаемое зря, — начиналъ священникъ и казакъ жалобнымъ, точно воющимъ голосомъ подхватывалъ: —

-- Напастей бурю.

Оба голоса сливались вмѣстѣ умиротворенно: —

— Къ тихому пристанищу, къ Тебѣ прибѣгохъ.

Офицеры и солдаты Литовцы стояли кругомъ, снявъ фуражки.

Все это было такъ необыкновенно, странно и удивительно.

— Вѣчная память!.. Вѣчная память, — заливался казакъ съ упоеніемъ и теперь ему вторилъ священникъ и крестилъ пропасть крестомъ.

Священникъ взялъ комъ снѣга и, глядя внизъ въ жуткую бездну пропасти, бросилъ его со словами: —

— Земля-бо еси и въ землю отыдеши.

За священникомъ бросилъ комъ снѣга казакъ и потомъ стали бросать офицеры и солдаты. Всѣ набожно крестились, еще ничего не понимая.

— У-ухъ, — сказалъ кто-то изъ офицеровъ, глядя, какъ долго летѣлъ, все уменьшаясь, комъ снѣга.

— Глубко какъ, — сказалъ солдатъ.

Казакъ принялъ отъ священника кадило, скуфью и епитрахиль и увязывалъ все это въ узелъ. Къ казаку подошли офицеры.

— Что тутъ такое случилось, станичникъ?

— Дыкъ какъ же, — сказалъ казакъ, привязывая узелъ къ сѣдельной лукѣ. — Сегодня ночью это было. Ъхали, значить, мы отъ генерала съ пакетомъ. А у его, у Киселева то ись, конь все осклизается и осклизается. Я ему говорю: — «ты, братъ, не зѣвай, придерживай покороче поводъ». Гляжу, а его конь значить падаетъ у пропасть. Я кричу: — «брось коня, — утянетъ онъ тебя», а онъ — «жалко, говорить, — коня то — доморощенный конь-отъ» и на моихъ, на глазахъ и опрокинулся съ конемъ въ бездну. Я стою, ажъ обмеръ даже. Ухнуло внизу, какъ изъ пушки вдарило. Я слушаю, чего дальше-то будетъ? И не крикнулъ даже. И тутъ вразъ и метель закурила. Ну, я вотъ помѣтку сдѣлалъ на деревѣ, чтобы отслужить объ упокоеніи раба Божія... Чтобы, значить, все по хорошему, родителямъ сказать, что не неотпѣтый лежитъ онъ у пропасти. Спасибо, батюшка, поѣдемте что-ли. Путь отъ далека.

Священникъ взобрался на лошадь и оба поѣхали наверхъ и скрылись въ лѣсу, за поворотомъ дороги.

Были? Не были? И были, какъ не были. Такъ и потомъ князь Болотневъ, вспоминая все это, не зналъ — точно все это было или только приснилось въ морозномъ снѣ у костра.

XXXII

На ночь было приказано стать, гдѣ стояли, вдоль Старо-Софійской дороги. Далеко внизъ, извиваясь по краямъ дороги, засвѣтились костры. Кое гдѣ раскинули палатки. Старый полковой докторъ Величко переходилъ отъ костра къ костру, осматривалъ и оттиралъ ознобленныхъ.

Князя Болотнева пристроили къ 5-ой ротѣ штабсъ-капитана Федорова. И только офицеры устроились, усѣлись вокругъ костра, какъ въ отсвѣтъ его появилась высокая фигура командующаго вторымъ батальономъ капитана Нарбута.

— Вы вотъ что, господа, прошу не очень то тутъ разлеживаться. Ознобленныхъ много, Потрудитесь по очереди каждые полчаса обходить роты и не позволять, чтобы солдаты засыпали. Народъ приморился, а морозъ жестокъ. Докторъ Величко сказалъ, — уже за восемнадцать градусовъ перевалило. Долго-ли до грѣха. Заснетъ и умереть. И сами не спать.

— Трудновато, господинъ капитанъ, — сказалъ Федоровъ.

— Будемъ, Иванъ Федоровичъ, мечтать, — вздыхая, сказалъ бѣлокурый, безусый молодой офицеръ, съ такими нѣжными чертами лица, такой хорошенькій, съ такимъ глубокимъ груднымъ женскимъ голосомъ, что его можно было принять за переодѣтую дѣвушку. — Мечтать о каминѣ, о горящихъ письмахъ, искрахъ прожитой любви, пережитого счастья, о знойномъ югѣ, объ Александрійскихъ Египетскихъ ночахъ и смуглыхъ красавицахъ, полныхъ Африканской страсти.

— Поэты!.. Мечтать о прожитой любви!.. Въ твои то годы, Алеша!.. Сочини намъ лучше стихи, а мы ихъ на пѣсню положимъ и будемъ пѣть въ нашей пятой ротѣ.

Алеша покраснѣлъ и застыдился. Капитанъ Нарбутъ пошелъ дальше по ротамъ. Изъ темной ночи въ свѣтъ костра появился красивый ефрейторъ. Онъ принесъ дымящійся паромъ котелокъ и, подавая его офицерамъ, сказалъ: —

— Ваше благородіе, извольте, кому желательно, сбитеньку солдатскаго, горячаго.

Застучали о котелокъ жестяныя кружки и мельхіоровые стаканчики.

— Славно!.. Спасибо, Игнатовъ. Въ самый разъ угодилъ.

— Радъ стараться. Допьете, я еще вамъ подамъ.

— Ну такъ, какъ же, Алеша, стихи?

— Зачѣмъ мнѣ сочинять, когда давно и безъ меня сочинили стихи, такъ подходящіе къ тому, что теперь совершается.

— А ну? Говори...

— Читайте, Алеша.

— Мы идемъ на Константинополь, господа. Мы возьмемъ Константинополь! А двадцать два года тому назадъ сочинили на Дону про это такіе стихи:

Алеша распѣвно, стыдясь и смущаясь, сталъ говорить. Солдаты придвинулись къ костру и слушали, какъ читалъ стихи Алеша.

— Стойте крѣпко за святую
Церковь, общую намъ мать.
Богъ вамъ дастъ луну чужью
Съ храмовъ Божіихъ сорвать.
На мѣстахъ, гдѣ чтутъ пророка,
Скласть Христовы алтари
И тогда къ звѣздѣ Востока
Придутъ съ Запада цари.
Надъ землею всей прольется,
Мира кроткая заря.
И до неба вознесется
Слава Русскаго Царя!

— Вотъ, — совѣмъ по дѣтски заключилъ смущенный Алеша.

Офицеры примолкли. Изъ темноты, отъ песчаного при-
стѣна раздался простуженный, грубый солдатскій голосъ.
Кто то съ глубокимъ чувствомъ сказалъ:

— И до неба вознесется
Слава Русскаго Царя!

и тяжело вздохнулъ.

Ротный Федоровъ узналъ голосъ.

— Ты чего Черноскуль? — сказалъ онъ.

— Я ничего, выше высокоблагородіе. Очень складно
и душевно ихъ благородіе сказать изволили. Какъ у церк-
ви, молитвенно очень.

— Вотъ я и думаю, — сказалъ Алеша и Болотневъ
увидаль, что крупныя слезы блестѣли въ Алешиныхъ гла-
захъ, отражая огонь костра. — Вотъ я и думаю — мы уже
на Балканахъ. Еще одно усиліе — и вотъ онъ — южный
склонъ. Долина Тунджи и Марицы! Долина розъ!.. А тамъ
Филиппополь, Адрианопись и... Константинополь! Завѣтныя
мечты Екатерины Великой сбудутся. Славяне стануть на-
всегда свободны... На мѣсто Олегова щита на вратахъ Ца-
реграда будетъ повѣшенъ Александромъ православный
крестъ. Какая это будетъ — красота! И это мы, Лейбъ
Гвардіи Литовскій полкъ!.. Тутъ и про морозъ забудешь.
Вотъ — какое у насъ было прекрасное прошлое! Мы созда-
димъ великое будущее!

— А ты слыхалъ, Алеша, — жестко сказалъ черно-
усый поручикъ съ темнымъ запыленнымъ лицомъ, — о прош-
ломъ думаютъ дураки, о будущемъ мечтаютъ сумасшедшіе,
умные живутъ настоящимъ.

Лежавшій по другую сторону костра на буркѣ князь
Болотневъ вскочилъ.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — чьи эти слова?.. Это
ваши слова?

— А вы развѣ сами не знаете? — сказалъ поручикъ.

— Это сказалъ или дуракъ или самъ сумасшедшій, —
взвизгивая, закричалъ Болотневъ и подошелъ къ офице-
рамъ.

— Однако, это сказалъ ни тотъ и ни другой, это сказалъ — Наполеонъ!

— Наполеонъ? Ну что изъ того? Развѣ не ошибался Наполеонъ? Да и кто не ошибался? Наполеонъ писалъ свои воспоминанія, а кто вспоминаетъ и, значить, думаетъ о прошломъ — тотъ значить — дуракъ! Значить онъ самъ дуракъ! Когда онъ замышлялъ походъ на Россію, взятіе Москвы — онъ думалъ о будущемъ... Сумасшедшій!.. Да, понимаете ли вы, — кричалъ Болотневъ, топчась у костра, — у насъ н ѣ т ѣ настоящаго! Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. И нѣтъ!! У насъ есть, вѣрнѣе — б ы л о — телько прошлое и б у д е т ѣ будущее! Вотъ я сдѣлалъ шагъ отъ костра, — Болотневъ и точно отошелъ на шагъ отъ костра. — И этотъ шагъ, то мѣсто, гдѣ я только что стоялъ — уже въ прошломъ. Оно ушло. Его нѣтъ, и я могу только вспоминать о немъ. Это все равно — мигъ одинъ, одно мгновеніе прошло, или прошли вѣка — они п р о ш л и! Ихъ нѣтъ! И, когда придетъ нашъ конецъ, вся жизнь станетъ прошлымъ — передъ нами откроется новое будущее!! Какъ и сейчасъ каждое мгновеніе передъ нами открывается — б у д у щ е е!..

Лицо Болотнева горѣло, какъ въ лихорадочномъ огнѣ. Глаза сіяли, отражая пламя костра.

— Онъ бредитъ, — сказалъ штабсъ капитанъ Федоровъ. — У него лихорадка.

Болотневъ не слыхалъ его. Онъ продолжалъ и точно будто въ бреду: —

— Вся моя прошлая жизнь — одно воспоминаніе. Скверное, скажу вамъ, господа, воспоминаніе. Ошибка на ошибкѣ — гнилая философія Запада. И я позналъ, что есть только одна философія и выражается она коротко: — «чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь!» Въ этихъ восьми словахъ — вся міровая философія, все оправданіе и смыслъ нашей жизни, въ этомъ — безстрашіе и мужество нашего солдата, въ этомъ счастье и примиреніе съ самою ужасною судьбою, примиреніе съ нищетою, бѣдностью и страданіями этого міра!.. Какъ могли всѣ эти заумные философы, которыхъ я изучалъ и кому я вѣрилъ проглядѣть эти восемь словъ!? Вся моя будущая жизнь потечетъ по иному руслу. Не по Марксовской, Энгельской указ-

кѣ, не по Миллю, Спенсеру, Блюхнеру, Дарвину — и прочимъ болванамъ-философамъ, въ большинствѣ изъ іудеевъ, заблудившихся между трехъ сосенъ, но по евангелію... И служить я буду не народу, но Государю и Родинѣ, и вѣрить буду не въ то, что я произошелъ отъ обезьяны, но что я созданъ по образу и подобию Божію и буду ждать, пламенно ждать воскресенія мертвыхъ!..

Шатаясь, какъ пьяный, Болотневъ подошелъ къ краю пропасти и, остановившись на томъ мѣстѣ, гдѣ священникъ днемъ отпѣвалъ казака, крикнулъ въ бездну: —

— Пахомъ Киселевъ, ты меня слышишь?

Все притаилось кругомъ. Прошло нѣсколько томительныхъ странно жуткихъ мгновений. Чуть потрескивалъ костеръ. И вдругъ изъ темной бездны, издали, глухо, но явно и ответило эхо: —

— Слышу-у-у!!

Всѣ сидѣвшіе у костра вздрогнули и переглянулись. Болотневъ ухватился руками за осину и нагнулся къ пропасти. Онъ крикнулъ страшнымъ голосомъ: —

— Станица! Слышишь?

Снова издалека, но теперь чуть слышно и не такъ ясно донеслось: —

— Слышу!

Болотневъ пошатнулся и свалился-бы въ пропасть, если-бы къ нему не подбѣжали офицеры и не оттащили его отъ края обрыва.

— Алеша, — сказалъ Федоровъ, — сведи его къ доктору Величко... У него, должно-быть, жаръ...

XXXIII

Обледенѣвшіе зубы Болотнева стучали о край манерки со спиртомъ. Докторъ Величко стоялъ надъ княземъ.

— Вотъ такъ... Славно — хорошо, докторъ милый. Пожиламъ тепло побѣжало... И страхи прошли. Теперь унутъ-бы немного, капельку, капельюшечку!

— Уснуть никакъ нельзя, поручикъ. Уснуть — умереть...

— Гамлетъ, докторъ, сказалъ — «умереть — уснуть»...

— А у насъ, поручикъ, наоборотъ — уснуть — умереть. Вонъ видите — лежать... И оттереть не успѣли...

— Что-же, докторъ, — имъ жизнь будущаго вѣка. То-же не плохо... Еще глоточекъ, докторъ... Я, вѣдь, очень любить выпить... Мысли проясняетъ и тепло по жиламъ; такъ это пріятно...

— И выпить не дамъ... Сидите, грѣйтесь у костра. Гоните дрему... Ходите...

— Легко сказать — ходите... Я усталъ, докторъ, дьявольски — усталъ и спать, спать такая охота!.. И мнѣ страшно здѣсь въ лѣсу.

— А вы пойдите и людямъ помогите. Вонъ, видите, пошли снова къ орудіямъ.

И точно — стало свѣтлѣть — еще не было настоящаго разсвѣта, но ночь уже уходила, и предметы въ прозрачномъ горномъ воздухѣ стали виднѣе, на дорогѣ раздались крики: —

— Разъ, два, три, берись!.. Бе-е-ерись!..

— Откровеннѣй, братцы! берись!..

Къ полудню взобрались, наконецъ, на вершину. Снѣгъ сыпалъ и вѣтеръ завывалъ въ лѣсу. На обширной голой лѣсной прогалинѣ отрядъ сталъ въ резервномъ порядкѣ. Равнялись во взводахъ и брали «въ затылокъ», какъ на Мокотовскомъ полѣ, въ Варшавѣ. Обмороженные занесенные снѣгомъ — бѣлыми, снѣжными богатырями стояли Литовцы по колѣно въ снѣгу. Артиллерія запрягла лошадей, орудія взяли на передки.

Дружно, по командѣ, взяли «на караулъ». Командиръ полка, баронъ Арпсгофенъ подѣхалъ къ полку.

— Литовцы!.. Мы на Балканахъ! — сказалъ онъ. — Поздравляю васъ. Спасибо, молодцы, за безпримѣрный въ исторіи подъемъ!

— Рады стар-р-аться ваше превосходительство-о-о, — грянулъ дружный отвѣтъ.

Командиръ полка ѣхалъ вдоль фронта батальоновъ. Темныя, обмороженные, исхудалыя лица съ выдавшимися

скулами, съ голодными, запавшими глазами поворачивались за нимъ.

Трое сутокъ шли безъ горячей пищи... Трое сутокъ — черствый, черный солдатскій сухарь, да вода изъ подъ снѣга. У каждого было что-нибудь озноблено. Въ башлыкахъ, въ оборванныхъ, обожженныхъ пламенемъ костровъ шинеляхъ, измученные подъемомъ на гору, гордо, съ высоко поднятыми головами стояли они. Какая слава была у нихъ въ прошломъ, какіе подвиги готовились совершить они въ будущемъ!..

— Пѣсельники передъ роты..

Бѣгомъ по снѣгу, откашливаясь, выбѣжали солдаты. Взялись на плечи запорошенные снѣгомъ ружья, первая рота качнулась и стала выходить на дорогу.

Сквозь вой метели раздался хриплый, простуженный голосъ запѣвалы: —

— Намъ сказали про Балканы,
Что Балканы высоки!..
Трое сутокъ проходили —
И сказали — пустяки!..

Рота дружно подхватила: ---

— Грemitъ слава трубой,
За Дунаемъ, за рѣкой,
По горамъ твоимъ Балканскимъ,
Раздалась слава про насъ!..

Князь Болотневъ шагаль съ пятой ротой рядомъ съ Алешей. Снѣгъ по колѣно, шли маленькимъ шагомъ, задыхались люди, морозный воздухъ схватываль горло. Запѣвало въ пятой ротѣ звонкимъ теноромъ выводилъ:

— Справа — дьявольскія кручи,
Слѣва — скалы до небесъ...
Передъ носомъ ходять тучи,
За ноги хватаетъ бѣсъ...

Пѣсельники дружно приняли:

— Гремить слава трубой,
Мы дрались, турокъ, съ тобой, —
По горамъ твоимъ Балканскимъ,
Раздалась слава про насъ!..

— Эхъ лихо-то!.. Эхъ — славно го какъ, — въ тактъ пѣснѣ говорилъ князь и присоединялъ свой голосъ къ голосамъ поющихъ солдатъ...

— Люблю!.. Не унываемъ!.. Не унывать ребята!..

У спуска съ горы остановились. Командиры батарей, полковники Альтфатеръ и Ильяшевичъ, стояли, спѣшившись, и старый фельдфебель въ шинели, расшитой золотыми и серебряными шевронами, въ заиндевѣлыхъ, нафабранныхъ черныхъ бакенбардахъ, громадный и могучій, какъ Русскій медвѣдь, сильный и крѣпкій, докладывалъ, разводя руками въ бѣлыхъ перчаткахъ: —

— И въ поводу, ваше высокоблагородіе, не спустишь! Эва, круча и опять-же ледъ! Чисто маслянная какая гора! Лошадей не удержишь, изъ хомутовъ вытѣзуть.

— Придется опять пѣхоту просить, — нерѣшительно сказалъ Ильяшевичъ, — людьми спускать.

— И людямъ, выше высокоблагородіе, тоже никакъ не сдержать, какъ ее подхватить, понесетъ — людей покалѣчить. Сорвется въ пропасть, не приведи Богъ...

Орудія загромодили дорогу. Пѣхота остановилась сзади. Смолкли пѣсни. Ъздовые слѣзли съ лошадей. Морозъ сталъ еще крѣпче. Вьюга стихла; только вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу. На мгновенье проглянуло желтое, негрѣющее солнце.

— Развѣ вотъ чего, — помолчавъ, сказалъ фельдфебель, — ежели ее къ дереву привязать. Срубить какое раскидистое дерево и къ комлѣ привязать за колеса. И, какъ на тормозу спускать...

— А что-же?.. И точно... — согласился Альтфатеръ.

Застучали въ лѣсу топоры. Валили деревья, привязывали ихъ къ орудію сзади, за колеса, на хоботъ садился бомбардиръ-наводчикъ. Пѣхота окружала пушку.

— Ну, братцы, помаленьку, накатывай.

Пушка катилась на спускъ, дерево держало ее, на дерево садились люди.

Литовскій унтеръ-офицеръ подошелъ, покрутилъ головою и сказалъ: —

— Ну чисто — масляная — съ горъ катанье. А еще и Рождества не было.

Съ пушки кричали: —

— Пошла, пошла, матушка!..

— Дер-жи!.. Дяр-р-ржи чор-р-ргъ!!

— По маленьку, братцы, не давай закатываться, пусть по маленьку ползеть!

— Ничего, управятся, сознательный народъ!

Орудіе, за орудіемъ, ящикъ за ящикомъ катились внизъ. За ними въ поводу сводили лошадей.

Спускъ длился долго. Ночь застала полкъ на вершинѣ.

XXXIV

На южномъ склонѣ Балканъ стало полегче. Не то, чтобы было теплѣе, но — казалось — теплѣе. Главное-же подтащили обозы, подошли ротные котлы и съ ними кашевары и артельщики. Солдаты похлебали горячаго варева и стали веселѣе. Похлебаль съ солдатами ихъ ротныхъ щей и князь Болотневъ, но веселѣе не сталъ. Непонятная тоска, точно предчувствіе чего то страшнаго сосала его подъ сердцемъ.

На южномъ склонѣ появились турки. Въ глубокомъ ущельѣ, занесенномъ снѣгомъ, подъ Ташкисеномъ, дрались съ ними по колѣно въ снѣгу. Утомленіе войскъ достигло предѣла.

Подъ вечеръ пятая рота Литовцевъ пошла на аванпосты и наткнулась въ лѣсу на составленныя въ козлы Русскія ружья. За ними, сидѣли и стояли, согнувшись и, прислонившись къ деревьямъ, солдаты. Князь съ Алешей подошли къ нимъ — никто не шелохнулся. Казалось, что это были не люди, но восковыя фигуры; точно попали Алеша съ княземъ въ какой то военный паноптикумъ, или будто люди погрузились въ глубокій летаргическій сонъ и застыли въ немъ

навѣки. И только могучій храпъ и паръ, вившійся надъ ними отъ дыханія, говорилъ о томъ, что это живые люди.

Это оказался батальонъ Санктъ Петербургскаго гренадерскаго полка. Солдаты заснули отъ усталости на томъ мѣстѣ, гдѣ окончили бой. Морозъ, глубокій снѣгъ, движеніе по нему въ бою, сломили ихъ силы. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ охваченные такою же безсильною дремою недвижно стояли часовые турецкихъ аванпостовъ.

Въ горахъ и лѣсахъ наступили Рождественскіе праздники. Подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу у раскинутой церковной палатки служили всенощную и хриплыми голосами пѣли солдаты: —

— Рождество Твое Христе Боже нашъ, возсія мірови Свѣтъ Разума... Въ немъ-бо звѣздамъ служашіе, звѣздою учахуся...

Блестящія, яркія, чужія и точно близкія звѣзды алмазами горѣли сквозь оголенные вѣтви осинъ и дубовъ.

Часто крестились солдаты. Князь стоялъ съ пѣвчими, пѣлъ съ ними, но тоска не оставляла его.

«Что-же? — думалъ онъ, — «убить что-ли буду?.. Но я смерти не боюсь. Это даже интересно — смерть... Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни... какой то новой жизни будущаго вѣка... Отчего-же мнѣ теперь такъ мучительно тяжело?»

3-го января — 3-я гвардейская пѣхотная дивизія была направлена на Филиппополь. Тула собирался отрядъ генерала Гурко.

Былъ сильный морозъ. Широкое, растоптанное войсками шоссе извивалось по крутому спуску. У многихъ побѣлѣли носы и приходилось почти непрерывно оттирать уши, да похлопывать рука объ руку — желѣзные затылки ружей жгли холодомъ сквозь рукавицы — но настроеніе въ полкахъ было бодрое. Шли широкимъ ровнымъ шагомъ и то тутъ, то тамъ взовьется и понесется къ синему морозному небу пѣсня.

Изгибъ дороги — и вотъ онъ — Филиппополь — показался внизу, въ долину. Въ снѣжномъ блескѣ, подъ яркими лучами январскаго солнца былъ онъ неотразимо прекра-

сенъ. Стройные тонкіе минареты бѣлыми иглами возвышались надъ крышами большихъ домовъ, золотые купола мечетей сверкали на солнцѣ, видны были пролеты узкихъ улицъ.

Послѣ тяжелаго зимняго перехода, горныхъ кручъ и лѣсныхъ дебрей мерещились теплые дома, ихъ городской уютъ.

Офицеры вышли передъ роты. Полковой батюшка, протоіерей, отецъ Николай, на немудрящей лошаdkѣ проѣхалъ въ голову второго батальона. Жиденькая сѣдая косичка его была опрятно заплетена и торчала изъ подъ бархатной скуфейки. Сѣдая борода прикрывала исхудалыя щеки. Батюшкѣ шелъ седьмой десятокъ, но онъ ѣхалъ со всѣми, исполняя требы, напутствуя умирающихъ, отпѣвая усопшихъ. Голодь и холодъ дѣлилъ онъ со своими Литовцами.

Первый батальонъ взялъ «ружья вольно» и ходко пошелъ внизъ по шоссе. Дрогнула, приняла ногу пятая рота, пѣсельники запѣли: —

Балканскія вершины,
Увижу-ль я насъ вновь?
Софійскія долины,
Кладбище удалцовъ...

Батюшка ѣхалъ съ батальономъ и все почесывалъ спину. Мучили его старые ревматизмы, въ обледенѣлыхъ стременахъ ныли усталыя ноги. Батюшкинъ конь бодро выступалъ, подлаживаясь подъ ходъ батальона.

Весело разговаривали офицеры.

— Я, господа, — сказалъ штабсъ капитанъ Федоровъ, — первымъ дѣломъ въ баню. Въ Филиппополѣ-то, я думаю, знатныя тур-рецкія бани должны быть. Попариться и помыться и ахъ, какъ это хорошо будетъ!

— Нѣтъ, я спать, спать, спать, — томно сказалъ Алеша. — Въ теплѣ, на мягкомъ.

— Да, если еще и не одному, — поддержалъ Алешу черноусый поручикъ.

Федоровъ посмотрѣлъ на потиравшаго спину отца Николая и сказалъ: —

— Что, батюшка, заѣли? Потерпите немного. Вотъ онъ и Филиппополь, а тамъ такія изумительныя турецкія бани. въ пестрой кафели полокъ, бѣлые мраморныя полы, скамьи изъ пальмоваго дерева. Всѣ хворости вамъ выпаримъ, на двадцать лѣтъ моложе станете!

Молчить, хмурится сѣдобородый батюшка. Морозъ слезу выбиваетъ изъ глазъ на рѣсницы. Передъ нимъ колышутся штыки четвертой роты, сзади запѣвало стройно выводить: —

— Идемъ мы тихо, стройно,
Все горы впереди...
Давайте торопиться
Балканы перейти...

Вдругъ, вправо, изъ лѣса, за широкимъ доломъ блеснуло пламя, бѣлый клубъ вылетѣлъ изъ-за деревьевъ и, шурша и нагнетая воздухъ, все ближе и ближе настигая колонну, налетѣла граната и ударила сбоку въ снѣгъ, не разорвавшись.

— Вотъ, господа, и турецкія бани начались, — хмуро сказалъ отецъ Николай, повернулъ свою лошадь и поѣхалъ назадъ къ лазаретнымъ линейкамъ.

По всей долинѣ, надъ Филиппополемъ загремѣлъ артиллерійскій огонь турецкихъ батарей. Турки рѣшили не сдавать города безъ боя.

XXXV.

Русскіе вошли въ Филиппополь. Полки прошли черезъ городъ съ музыкой и пѣснями, Ни о баняхъ, ни о ночлегѣ на мягкой постели не пришлось и думать. Сулейманъ паша навалился со всею арміею на усталыя войска генерала Гурко. Надо было во что бы то ни стало оттѣснить турокъ отъ Адрианополя.

Подъ вечеръ Литовскому полку было приказано, пройдя Филиппополь, свернуть на деревню Станимахи и атаковать урочище Карагачъ.

Въ сумракѣ быстро угасавшаго зимняго дня замаячили стороною дороги силуеты конницы. Драгунская бригада съ двумя конными орудіями пошла занимать высоты надъ Карагачемъ.

Въ шестомъ часу вечера, въ томъ мутномъ свѣтѣ, какой бываетъ зимою ночью отъ снѣга, когда дали исчезаютъ и видны въ снѣговомъ отблескѣ только ближайшіе предметы, 2-й батальонъ Л. Гв. Литовскаго полка построилъ боевой порядокъ и направился на правый флангъ турецкой позиціи.

— Зачѣмъ вы идете, князь, съ нами въ бой? — сказалъ Алеша шедшему рядомъ съ нимъ Болотневу. — Оставались бы при полковомъ резервѣ. Не надо испытывать Бога. Сказано: — на службу не напрашивайся.

— Мнѣ скучно безъ васъ Алеша... Скучно всѣ эти дни. Ничто меня не веселитъ. Можетъ быть бой меня встряхнетъ...

— Странно, что турки не стрѣляютъ, — сказалъ Алеша. — Жутко идти въ тишину, въ неизвѣстность, зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что тутъ гдѣ-то и недалеко непріятель.

Медленно, по рыхлому снѣгу подвигались Литовскія цѣпи. Снѣгъ былъ по колѣно, а кое-гдѣ, въ низинахъ, люди проваливались и по поясъ. Солдаты спотыкались о невидимые подъ снѣгомъ кукурузные стебли, ушибали о нихъ ноги. То круто спускались въ узкую балку, гдѣ совсѣмъ утопали въ снѣгу, то карабкались по осыпающемуся скату наверхъ.

Кто-то кашлянулъ въ цѣпи, и Алеша нарочно грубымъ голосомъ оборвалъ: —

— Не кашлять тамъ!.. Распустились!

— Я считалъ шаги, — прошепталъ Болотневъ, — тысяча! Мы прошли уже половину разстоянія до непріятеля, а все тихо.

И точно словами своими Болотневъ вызвалъ турецкій огонь. Передъ цѣпью, въ темнотѣ казалось, что близко, близко вдругъ вспыхнули огоньки ружейныхъ выстрѣловъ и... «тахъ... тахъ... тахъ», затрещала, обнаруживая себя, турецкая позиція.

— Цѣпь стой! Ложись! Огонь рѣдкій... Начинай!..

Въ отвѣтъ прямо противъ пятой роты громомъ загре-

мѣла турецкая батарея, дохнула жаркимъ и яркимъ огнемъ, полыхнула снѣговыми вихрями. 12 орудій били противъ пятой роты, лѣвѣе, гдѣ наступалъ 3-й батальонъ гремѣло еще 8. Громъ выстрѣловъ, вой несущихся, казалось, прямо на цѣпь снарядовъ, ихъ оглушительные частые разрывы, все это смутило солдатъ и огонь сталъ безпорядочнымъ.

— «Куда стрѣлять? По комъ стрѣлять?.. Ничего не видно... Что-же наша артиллерія, гдѣ-же она?» — съ то-скою думали Литовцы.

Капитанъ Нарбутъ прошелъ вдоль цѣпей.

— Зря себя обнаруживаемъ, — проворчалъ онъ. — Штабсъ-капитанъ Федоровъ, прекратите эту ненужную стрѣльбу.

И, подойдя вплотную къ ротному командиру, сказалъ тихо: —

— Турки по нашему огню увидятъ, какъ насъ мало.

Цѣпь затихла. Люди притаились въ снѣгу. Въ темнотѣ ночи, въ хаосъ громовой стрѣльбы и частыхъ попаданій пулями и осколками имъ было страшно. Жалобно стонали раненые и просили вынести ихъ.

— Что-жъ такъ, замерзать приходится... Холодно дюжа... Кровь стынетъ...

Князь Болотневъ лежалъ рядомъ съ Алешей.

— Хуже всего, — прошепталъ Алеша, — лежать подъ разстрѣломъ и ничего не дѣлать. Надо идти впередъ, а то, если не пойдемъ впередъ мы, солдаты пойдутъ назадъ и тогда ихъ не остановишь. Видите уже кое-кто поползъ. Въ темнотѣ развѣ разберешь — раненый или такъ просто. Растерялся въ темнотѣ. Солдатъ нашъ великолѣпенъ, да тоже перетягивать нервы нельзя; можно и оборвать.

Сзади раздался приглушенный свистокъ. Въ темнотѣ ночи, въ напряженности ожиданія, что что-то нужно дѣлать, онъ показался громкимъ и тревожнымъ. Въ цѣпи всѣ приподняли головы.

— Цѣпи впередъ!..

Всѣ, какъ одинъ, встали, взяли ружья на перевѣсъ и пошли на встрѣчу пушечнымъ громамъ. Ноги уже не чувяли глубины снѣга, усталость ночного движенія пропала, нѣтъ больше и холодной мглистости ночи. Точно безплот-

ными стали Литовцы, безплотными и невѣсомыми. Какъ души скользили они поверхъ снѣга. Душа овладѣла тѣломъ и понесла его навстрѣчу смерти. Падали раненые и убитые, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Тѣ, кто идетъ сзади — подобрать.

Шли прямо на двѣнадцать огненныхъ жерлъ, непрестанно бившихъ, жаркимъ огнемъ дышавшихъ навстрѣчу батальону.

Еще невидимая въ ночи пушки обнаруживали себя вспышками огня. И то, что звукъ выстрѣла раздавался одновременно со вспышкой и уже наносило на цѣпи ѣдкимъ запахомъ порохового дыма, показывало близость батареи.

Полевая дорога съ буграми и канавами, засыпанными снѣгомъ пересѣкала путь Литовцевъ. Цѣпи залегли по канавамъ и открыли частый огонь по вспышкамъ орудійной канонады.

Сзади все подходили и подходили люди и вливались въ цѣпь. Ротныя поддержки и батальонный резервъ вошли въ первую линію. Цѣпь густѣла. Солдаты лежали плотно, плечомъ къ плечу, локоть къ локтю и въ бѣшеной стрѣльбѣ, въ сознаніи, что они не одиноки, казалось, забыли про опасность.

Турецкая батарея вдругъ сразу смолкла... Прошло мгновеніе ужаснѣйшей, предсмертной тишины, болѣе страшной, чѣмъ огонь, бывшій раньше. И раздался залпъ. Турки ударили картечью.

Болотневу показалось, что земля поднялась передъ передъ нимъ дыбомъ, что пламя опалить его и всѣхъ, кто былъ подлѣ. Тысячи пуль визгнули надъ снѣгомъ. Снѣгъ всталъ вихремъ, земля посыпалась въ лицо, Болотневу стало казаться, что вмѣстѣ со снѣгомъ и землей сметень и весь Литовскій полкъ.

И опять на мгновеніе стала тишина. Въ нее вошелъ звенящій звукъ горна. Отъ 2-го батальона подали сигналъ: «атака»!

Тогда раздалось ужасное, громче пушечныхъ громовъ ура! Всѣ вскочили на ноги и бросились на пышашія пламенемъ жерла пушекъ. Турецкая прислуга орудій встрѣтила

атакующихъ въ сабли. Сзади бѣжали на выручку роты прикрытія.

Тогда насталь мигъ -- Болотневъ явственно ощутилъ его — мигъ мгновенной душевной боли, страшной удручающей тоски. Стало ясно: — все пропало! Все ни къ чему! Впереди гибель. Слишкомъ много турокъ, слишкомъ мало нашихъ. Осталось одно — бѣжать. Болотневъ ожидалъ крика — «спасайся, кто можетъ!», и самъ готовъ былъ дико, по заячьи, завизжать... Но вдругъ съ лѣваго фланга раздался ликующій, радостный, захлебывающійся отъ счастья побѣды голосъ: --

- Считай орудія!!

Это крикнулъ юноша подпоручикъ 8-й роты Суликовский.

Этотъ крикъ ясно обозначилъ побѣду.

Наша взяла!

Растерянности, какъ не бывало! Лиговцы сомкнулись за своими офицерами и бѣшеной атакой въ штыки опрокинули турецкіе габоры резервовъ.

Батареи были взяты.

Еще нѣсколько минутъ были шумъ и возня боя, трескъ проламываемыхъ прикладами череповъ, крики: — «Алла!.. Алла!..» потомъ топотъ бѣгущихъ ногъ, звонъ кидаемаго оружія. Два дружныхъ залпа — и все сомкнулось въ ночной мглѣ и наступила тишина.

Князь Болотневъ вбѣжалъ за Алешей на батарею. Онъ былъ въ какомъ то чаду, въ упоеніи, онъ увидалъ турецкую пушку, окруженную ашкерами въ темныхъ курткахъ, ея лафетъ и кинулся на нее, не вынимая сабли изъ ноженъ, съ поднятыми кулаками. Ашкеръ замахнулся на него саблей, князь ощутилъ жгучую боль у самага колѣна, почувствовалъ жаръ въ головѣ и свалился лицомъ въ снѣгъ.

XXXVI

Когда Болотневъ открылъ глаза — было утро и было тепло, свѣтло и по весеннему радостно въ природѣ. Полу-сознаніе, полубредъ владѣли Болотневымъ. Точно это и не онъ лежалъ на потаявшемъ снѣгу, на соломѣ, а другой похожій на него, а онъ самъ со стороны смотрѣлъ на себя.

Кругомъ было поле. Широкіе лазаретные шатры, бѣлые съ зелеными полосами стояли на немъ. Подлѣ шатровъ была наложена солома, накрытая простынями и на ней лежали люди. Много людей. Совсѣмъ близко отъ Болотнева проходила дорога. На ней таялъ снѣгъ, и темныя полосы мокрой земли блестѣли голубымъ блескомъ на солнцѣ. Отъ земли шель нѣжный, прозрачный паръ.

Болотневъ прислушался къ тому, что творилось внутри него. Точно съ этимъ тихимъ весеннимъ дуновеніемъ тепла исчезла сосущая боль, что была все это время. На душѣ было тихо и спокойно и такъ легко, какъ бываетъ, когда человѣкъ выздоравливаетъ послѣ тяжелой болѣзни и вдругъ ощутить приливъ жизненныхъ силъ и радость бытія. Было отрадно сознаніе, что онъ окончилъ что то важное и окончилъ не плохо и больше объ этомъ не надо думать.

Болотневъ слышалъ веселый, радостный голосъ. Голосъ этотъ не отвѣчалъ обстановкѣ поля, покрытаго страдающими людьми, но онъ нашелъ откликъ въ томъ тихомъ и тоже какъ бы радостномъ покоѣ, который былъ въ душѣ у Болотнева.

Въ сопровожденіи казака подѣхалъ къ шатрамъ конный офицеръ. Онъ спрыгнулъ съ лошади и подошелъ къ раненымъ. Это онъ и говорилъ, не скрывая радости жизни и счастья побѣды.

— Сахновскій, ты? — крикнулъ онъ, нагибаясь надъ сосѣдомъ Болотнева, что, братъ, починили таки тебя? Ну, какъ?

Сознаніе, что онъ самъ живъ и не тронуть, точно излучалось изъ подошедшаго къ раненымъ офицера. Весь онъ былъ пронизанъ солнечнымъ свѣтомъ, сіялъ счастьемъ совершеннаго подвига.

- - Да, кажется, другъ, совсѣмъ у меня плохо...

— Э, милый!.. Ну, что говоришь! Пройдетъ, какъ все проходить. До свадьбы заживетъ. Подумай, родной... Двадцать три орудія! Двадцать три турецкихъ пушечки забралъ нашъ полкъ! Это-же, голуба, уже исторія и безпримѣрная! 15 взялъ нашъ второй батальонъ и 8 третьему досталось. Это, другъ, не жукъ... Я сейчасъ изъ Паша-Махале. Тамъ собрался нашъ полкъ. Начальникъ дивизіи, генералъ Дандевиль подѣхалъ къ намъ. Сіяетъ... По щекамъ --- слезы... Скинулъ фуражку и говоритъ: --- «здравствуйте, молодцы Литовцы... Поздравляю васъ съ побѣдою! Орудія таскаете, какъ дрова!..» Хо-хо-хо! Какъ дрова!.. Вѣдь это ты, милый! Это мы всѣ... Какъ отвѣтили ему наши... Это-же надо слышать!.. Громъ небесный, а не отвѣтъ! Семь дней похода, безъ дневокъ, съ переходами по 25-30 верстъ, орудія на себѣ ташили, въ морозъ, а потомъ въ распутицу, по горамъ, -- не чудо-ли богатыри? Вотъ, что такое нашъ Русскій то солдатъ! Я, братъ, просто безъ ума влюбленъ въ полкъ!..

— И я, милый, тоже... Мнѣ, какъ то и рана теперь не такъ уже тяжка. Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ къ намъ?

— Узнать про раненыхъ, поздравить ихъ съ такою побѣдою, рассказать про все...

— А много нашихъ ранено?

— Да, братъ, такія дѣла дапомъ не дѣлаются. Подпоручикъ Орловскій, царство ему небесное, убитъ.

— Славный былъ мальчикъ.

— Орленокъ! Подпоручики Бурмейстеръ и Ясиновскій очень тяжело ранены... Брунъ, Гедлундъ, штабсъ капитанъ Полторацкій, ты... Убитыхъ нашихъ собрали 63, раненыхъ 153, кое кто и замерзъ. Подсчитали процентъ --- офицеровъ 47%, солдатъ 23% потерь. Офицерское вышло дѣло!.. Шли впереди... А какъ Суликовскій то крикнулъ: --- «считай орудія!» Морозъ по кожѣ... И радость! Ну, конечно, --- будетъ ему за то Георгій, уже пишутъ представленіе. Да еще не нашего полка, знаешь, тотъ стрѣлокъ, что къ нашей пятой ротѣ привязался, какъ полковая собака. Станный такой. Отъ генерала Гурко для связи былъ присланъ. Молодчина, говорятъ, и сабли не вынулъ, съ кулаками на пушку бросился... Алеша рассказывалъ... Ногѣ ему турокъ отрубилъ... Молодчина... Вотъ я и его ищу...

-- Я здѣсь, -- отозвался Болотневъ.

Офицеръ смутился.

-- Ну, какъ вы? -- сказалъ онъ. — Милый, вы простите... Я не зналъ... Я такъ по простецки, по товарищески. Вамъ, можетъ быть, больно это слышать...

— Ничего... Прошло... Ноги то, конечно, нѣтъ... Не вернешь... Не вырастетъ новая... А жаль! Я вотъ лежалъ и думалъ, отчего нога не растетъ, какъ ноготь что ли? А вѣдь — не вырастетъ... А?

— Пройдетъ, дорогой... Привыкнете... Ко всему человѣкъ привыкаетъ... Вы героемъ были князь... Васъ тоже къ кресту представигъ приказано... Для чего только нелегкая понесла васъ съ пятою ротою въ самое пекло? Сидѣли бы при штабѣ... Мнѣ Нарбутъ говорилъ, и Алеша васъ отговаривалъ. Эхъ, милый, ну да прошлаго не воротишь!.. Давай вамъ Богъ! До свиданія, Сахновскій. Скачу назадъ... Идемъ на Адрианополь. Вѣдь это что же? Конецъ войнѣ. Сулеймановы войска въ полномъ разстройствѣ... Бѣгутъ!.. Козьими тропами пробираются къ Черному морю. Казаки Скобелева 1-го съ Митрофаномъ Грековымъ что то поболѣе 30 пушекъ захватили --- вотъ онѣ, какъ пошло!.. Таскаете, какъ дрова!.. Хо-хо-хо!..

Офицеръ повернулся къ князю Болотневу и тотъ увидѣлъ у него на боку большую флягу въ потемнѣвшемъ желтомъ кожаномъ футлярѣ.

— Поручикъ, — слабымъ голосомъ сказалъ Болотневъ. -- Эго что у васъ?.. во флягѣ... водка?..

— Коньякъ, милый... И не плохой. Мнѣ въ штабѣ Дан-девиля дали.

— Угостите меня немножечко...

— Пейте, голуба, сколько хотите.

Болотневъ сдѣлалъ два глотка и сказалъ тихо и печально: —

— У меня нога отрублена. Разъ и навсегда... Не вырастетъ... Такъ можно еще глоточекъ?

— Пейте хотя весь, — сказалъ поручикъ. Въ голосѣ его слышались слезы.

— Спасибо, поручикъ... Ахъ, какъ хорошо!.. Славно —

хорошо. Я люблю это... мысли проясняются... Бѣгутъ мысли, какъ зайцы на облавъ... И хорошо... Спасибо.

Князь протянулъ руку съ флягой, но ослабѣвшіе пальцы не удержали и фляга упала въ снѣгъ.

Князь закрылъ глаза и забылся въ пьяномъ снѣ.

XXXVII

Дни раненыхъ и больныхъ свивались въ длинную и однообразную вереницу. Время шло и не видно было, какъ вдругъ наступила весна, пришло тепло, потомъ стало и жарко и вотъ уже юнь на исходѣ — поспѣли фрукты — урюкъ, черная слива, абрикосы, груши, дыни и появился первый золотистый, янтарный виноградъ. Греки носили фрукты въ корзинахъ къ госпиталю и продавали раненымъ.

У деревни Амбарли былъ расположенъ госпиталь для выздоравливающихъ. Повыше, на горѣ, надъ деревней, стоялъ лагерь Лейбъ Гвардіи Литовскій полкъ.

Въ деревнѣ — узкія, кривыя улочки, часто стоятъ каменные дома. Чадно пахнетъ пригорѣлымъ бараньимъ жиромъ, ладаннымъ дымкомъ, кипарисомъ и розовымъ масломъ. На улицахъ возягся черномазые неопрятныя дѣти, кричитъ привязанный оселъ, и женщина въ темной чадрѣ задумчиво и печально смотритъ большими глазами сквозь прорѣзы чадры на бродящихъ по улицѣ солдатъ.

Надъ деревней, поближе къ лагерю, есть каменный уступъ, какъ бы природный балконъ надъ моремъ. На немъ лежатъ мраморныя глыбы. Сюда, особенно подъ вечеръ, когда повѣетъ прохладой, собираются выздоравливающіе изъ госпиталя. Они садятся на камняхъ и долго, часами смотрятъ вдаль.

Сказочная, невѣроятная, несказанная красота кругомъ. Вотъ оно — синее море! Море — окіянь дѣтскихъ сказокъ. И на немъ — Царьградъ — тоже городъ сказка, знакомый съ дѣтскихъ лѣтъ.

Константинополь внизу, какъ на ладони... Онъ лѣпитъ.

ся по кручамъ перламутровою розсыпью домовъ, золотыхъ куполовъ, иглами минаретовъ, прихотливо прорѣзанный морскими заливами. Море за нимъ, подальше вглубь, такого синяго цвѣта, что просто не вѣрится, что вода прозрачная. Кажется, нальешь въ стаканъ — и она будетъ, какъ мѣднымъ купоросомъ настоенная. Въ извилинѣ залива Золотой Рогъ — вода мутно зеленая — малахитовая. Эта игра прозрачныхъ красокъ, бѣлые гребешки волнъ, то и дѣло вспыхивающіе по морской дали такъ чарующе прекрасны, что нельзя вдосталь налюбоваться на нее.

По заливу и проливу снуютъ каюки, бѣлѣютъ паруса и взблескиваютъ вынимаемые изъ воды мокрыя весла. Невдвигно стоятъ корабли въ паутинѣ снастей, и черный дымъ идетъ изъ высокой трубы парохода...

По другую сторону пролива въ сизой дымкѣ, точно написанныя акварелью съ гуашью розовѣютъ оранжевыя горы Азіатскаго берега. Оливковыя рощи прилѣпились къ нимъ голубовато-зелеными нѣжными пятнами. Дома Стамбула кажутся пестрыми камушками. Вправо синій просторъ Мраморнаго моря и на немъ въ легкой дымкѣ тумана въ бѣлой рамкѣ прибоя видны розовые съ зеленымъ Принцевы острова.

Князь Болотневъ и Алеша сидѣли на длинномъ желтоватомъ кускѣ мрамора. Болотневъ былъ въ больничномъ бѣлѣ и легкомъ офицерскомъ плащѣ, накинутомъ на плечи. Лѣвая нога была у него забинтована большимъ бинтомъ ниже колѣна и торчала круглой культишкой. Отъ бинта шелъ прѣлый, прѣсный запахъ заживающей раны. Алеша только что оправился отъ тифа. Его свѣтлые льняные, волосы, такъ красиво вившіеся на Балканахъ, были коротко острижены и блестѣли золотистымъ блескомъ на исхудавшей розовой шеѣ.

— Князь, если сказать, если осознать, что все это, что мы видимъ теперь передъ собою, вся эта несказанная красота — наша... Нами завоеванная. Русская... Тогда все можно простить и забыть, — говорить Алеша. Его голосъ звучитъ неровно и глухо. Онъ волнуется. — И мертвыхъ и страдающихъ оправдать... И все, что мы пережили на Балканахъ... И ту страшную ночь, когда мы брали пушки... Все

будетъ ясно и все оправдано... Кровь пролита не даромъ... Все это — н а ш е!..

Алеша помолчалъ, вздохнулъ и съ неизбывной тоской сказалъ: —

— Князь, почему мы не вошли побѣдителями въ Константинополь?

— Не знаю, Алеша, не знаю...

— Князь... Какъ мы тогда шли!.. Послѣ Филиппополя... Васъ не было съ нами. Васъ увезли... Январь... Оттепель... Снѣгъ таетъ. Совсѣмъ весна... Лужи блестятъ на солнцѣ и повсюду радость побѣды. Я шелъ съ полкомъ по шоссе... По сторонамъ лежали трупы убитыхъ турокъ и болгаръ... Рѣзня была... Конскіе трупы, обломки повозокъ, домашняя утварь... Ужасъ!.. Весь ужасъ войны былъ передъ нами!.. Но, если вся эта здѣшняя красота — н а ш а — ужасъ войны оправданъ, все прощено и забыто.. Мы уничтожили армию Сулеймана. Семь дней мы шли среди труповъ. На привалѣ негдѣ стать — всюду тѣла... И запахъ!.. Мы ночевали среди разлагающихся труповъ... Днем — жара нестерпимая — жажда охватывала насъ. По канавамъ вдоль шоссе — вода... Подойдешь напиться — тамъ трупы, нечистоты, кровь — вонь... Солдаты пили эту воду — нельзя было ихъ удержать. Я думаю тамъ и начался этотъ ужасный тифъ, что косить теперь нашу армию. 16-го января мы подошли къ Адрианополю. Шелъ дождь. Рѣзкій, холодный вѣтеръ прохватывалъ насъ насквозь. Мы входили въ городъ вечеромъ. Темно... Грязь непролазная, войска растоптали улицы. Кое гдѣ тускло свѣтятся окна. Куда ни приткнемся вездѣ грязь, тѣснота, все забито людьми, бѣжавшими изъ сель. Мы стали за рѣкою Марицею, въ предмѣстьѣ, у громаднаго каменнаго моста очень древней постройки. Была объявлена — дневка. Намъ было приказано заняться исправленіемъ мундирной одежды... Мы поняли — для входа въ Константинополь! 19-го января — уже вечеръ наступалъ — слышимъ за рѣкою гремитъ — ура! Вспыхнетъ въ одномъ кварталѣ, перекинется въ другой, смолкнетъ на нѣсколько мгновеній и снова загремитъ. Потомъ совсѣмъ близко тутъ же за рѣкой оркестръ заигралъ гимнъ. Мы послали узнать, что случилось? Оказалось, что пріѣхали турецкіе уполно-

моченные для переговоровъ о мирѣ, съ ними кавасы привезли золотое перо и чернильницу. Великій Князь Главнокомандующій лично объявилъ о заключеніи перемирія... Князь, почему мы раньше не вошли въ Константинополь?.. Съ побѣдной музыкой, съ барабаннымъ боемъ, съ лихими пѣснями?..

— Не знаю, Алеша. Не знаю...

— 24-го января насъ собрали и передъ полкомъ читали приказъ о заключеніи перемирія. Бурная радость, новые бѣшеные крики ура!.. Люди цѣловались другъ съ другомъ, какъ на Свѣтлый Праздникъ. Но это продолжалось недолго. Вскорѣ наступило раздумье и какая то неопредѣленная тоска. Точно что то было не закончено, не додѣлано... Вспомнились замерзшіе на Балканахъ, вспомнились убитые подъ Карагачемъ, раненые и какъ то... Князь, будто стыдно стало за эту свою радость. Прошло такъ четыре дня въ какой то неопредѣленности, въ этомъ раздумьи о томъ, такъ ли все это хорошо вышло? 28-го января получаемъ приказъ генераль адъютанта Гурко — на завтра — наша 3-я гвардейская пѣхотная дивизія выступаетъ къ Константинополю. Дивизія была построена на большомъ дворѣ громадныхъ турецкихъ казармъ. Мы почистились, какъ только могли. Обновили желтые околыши фуражекъ, перемѣнили канты, нашили на наши старыя, обожженные огнемъ костровъ шинели новыя петлицы. А какъ начистили манерки! — золотомъ горѣли... И... выправка! Такой въ Варшавѣ, на парадахъ не бывало. Пріѣхалъ Шефъ полка Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій. Его Высочество благодарилъ полкъ за Филиппополь. Вызвалъ впередъ офицеровъ. — «Ваше дѣло, 4-го января», — сказалъ намъ Великій Князь, — «подъ Карагачемъ, было чисто офицерское... Безпримѣрное, славное, молодецкое... Государь Императоръ приказалъ васъ благодарить. Примите-же и мое поздравленіе, а такъ-же и мою благодарность»... Были вызваны капитаны Никитинъ и Нарбутъ. Великій Князь обнялъ ихъ и навѣсилъ на нихъ георгіевскіе кресты. Потомъ повернулся къ полку и скомандовалъ: — «на плечо!.. шай на кра-уль!». Показалъ рукой на георгіевскихъ нашихъ кавалеровъ и сказалъ: — «поздравляю васъ, Литовцы, съ георгіевскими ка-

валерами!»... Потомъ мы взяли «къ ногѣ». Командиръ полка спросилъ: — «прикажете вести?»... — «Да, ведите», сказалъ Великій Князь. Мы взяли «ружья вольно», и справа по отдѣленіямъ тронулись изъ казармъ. Нашъ оркестръ грянулъ нашъ Литовскій маршъ. На улицахъ турки смотрѣли на насъ. Мы шли лихо. Всѣ — и турки тоже — знали — идемъ въ Константинополь!.. Въ тотъ день дошли до Хавса, 30-го были въ Алопли... 11-го февраля достигли Силиври... Я шелъ на флангъ пятой роты и подъ маршъ декламировалъ: — «Богъ намъ далъ луну чужую съ храмовъ Божіихъ сорвать... На землѣ, гдѣ чтутъ пророка скласть Христовы алтари... И тогда... къ звѣздѣ... Востока...»

Голова Алеши упала на руки, Алеша зарыдалъ. —

— Ну, полноте, Алеша, — сказалъ, придерживая Алешу за плечи, Болотневъ, — успокойтесь...

— Въ тифу, въ бреду — сквозь тихія всхлипыванія продолжалъ Алеша, — мнѣ все видѣлись страшныя видѣнія... Мои предки наступали на меня, требовали отчета... Весь нашъ родъ былъ военный, офицерскій. Князь — въ 1814-мъ году наша гвардія возвращалась изъ Парижа!.. Нашъ полкъ стоялъ на *rue de Babylone*, на лѣвомъ берегу Сены... При Елизаветѣ наша армія возвращалась изъ Берлина! Наши полки были въ Миланѣ, въ Вѣнѣ! И съ какими солдатами! Намъ сдавали пьяницъ, воровъ, преступниковъ, — розгами, шпичъ-рутенами, казнями мы создавали солдата — чудо-богатыря!.. Теперь съ нами — лучшій цвѣтъ народа Русскаго!.. Наши чудо-богатыри орлами перелетѣли черезъ Дунай и Балканскія горы... Наши дѣды побѣждали величайшихъ полководцевъ міра — Карла XII, Фридриха Великаго, Наполеона — и теперь съ нашимъ прекраснымъ солдатомъ, сломивъ сопротивление Османа и Сулеймана — мы не вошли въ Константинополь!.. П о ч е м у ?..

— Не знаю... Не знаю...

Алеша посмотрѣлъ на Болотнева сухими воспаленными глазами и съ горечью сказалъ: —

— Народъ не проститъ этого Государю... Вы, князь, голько говорите, что не знаете, почему мы не вошли во взятый нами по существу Константинополь. Нѣтъ... Вы знаете, какъ знаю я, какъ знаетъ каждый самый послѣдній сол-

дать нестройной роты... Англія не позволила!.. Дип-пло-мат-ты вмѣшались!.. И Государь сдалъ. Передъ дипломатами. Съ такими солдатами — намъ бояться Англіи? О!.. какую ненависть къ себѣ въ эти дни посѣяла въ Русскихъ сердцахъ Англія... Нѣтъ, не проститъ нашъ народъ Государю этого униженія... Англійскій жидъ — Биконс-фильдъ — жирнымъ пальцемъ остановилъ полетъ нашихъ орловъ къ Босфору и Дарданелламъ... Жидъ!.. Понимаете вы — жидъ!! И больше ничего, какъ жидъ!.. Вы знаете, князь, — вотъ эти часы, когда я сижу здѣсь и смотрю на эту исключительную красоту, разстилающуюся передо мною — это тяжелые часы. Очень тяжелые, жуткіе часы. Если Русскій геній смогъ изъ топи Финскихъ болотъ изъ бѣдныхъ сосновыхъ и березовыхъ Приневскихъ лѣсовъ создать «парадизъ земной» — что создалъ бы онъ здѣсь?... И вотъ — нельзя. Англійскій жидъ не позволяетъ...

По узкой, усыпанной нестрыми камушками крутой тропинкѣ поднимался отъ деревни безрукій солдатъ. Болотневъ показавъ на него глазами Алешѣ и тотъ сказалъ: --

— Вотъ и Куликовъ.

— Здравія желаю, ваше сіятельство. Здравія желаю, ваше благородіе, — сказалъ солдатъ. — Разрѣшите присѣсть? Что новаго, не слыхать-ли чего? Солдатики вотъ сказывали, будто Великій Князь Главнокомандующій на яхтѣ прибывалъ въ Константинополь, былъ у Султана — кофій изволилъ пить. Что-же это — значить — замѣсто войны дружба какая съ нехристями. съ мучителями христіанскаго рода?..

— Садись, Куликовъ, — сказалъ Алеша.

Солдатъ лѣвой рукой неловко досталъ папиросу и вложилъ ее въ ротъ. Алеша помогъ ему закурить.

— Вы, ваше сіятельство, безъ ножки остались, я, видите, безъ правой руки въ чистую увольняюсь, какъ полный невалидъ, не гождь больше для Государевой службы, отъ ихъ благородія одна тѣнь осталась, вотъ оно, какъ обернулась то намъ война!.. Чистыя слезы!.. Домой приду... Куда я безъ руки-то годенъ?.. И пастуху рука нужна. Развѣ въ огородъ замѣсто чучела поставить благодѣтель какой —

воронъ пугать... Въ деревнѣ тоже понимаютъ... Поди спросятъ насъ: — «ну, а Царьградъ? Что-же это ты руку потерялъ, а Царьграда не взялъ?.. Пороха что-ль не хватило?» Чего я имъ на это скажу? Англичанка — скажу — нагадила...

— Откуда ты это взялъ, Куликовъ?

— Я, ваше благородіе, народъ видаю. Въ деревнѣ грекъ одинъ сказывалъ. Онъ въ Одесѣ бывалъ, по Русскому чисто говорить. Я ему говорю: — вотъ Великій Князь у Султана былъ — сговаривался, какимъ манеромъ въ Константинополь войдти. Для того и войска перевели въ Санъ-Стефану. А грекъ мнѣ отвѣчаетъ: — «нельзя этого... Англичанка не позволитъ. Ейный флотъ въ Вардамелахъ стоитъ»... Вотъ она штука то какая выходитъ... Я и то вспомнилъ, отецъ мнѣ рассказывалъ, въ Севастополѣ, когда война была, тоже англичанка намъ пакостила. Сколько горя, сколько слезъ черезъ нее... А нельзя, ваше сіятельство, чтобы всѣмъ народомъ навалиться на нее, да и пришить къ одному мѣсту, чтобы и не трепыхалась?..

- - Не знаю, Куликовъ, не знаю.

— Не знаете, ваше сіятельство... А я вотъ гляжу: — красивъ Константинополь-то... Вотъ какъ красивъ! Имя тоже гордое, красивое... А не нашъ... Что-же, ваше сіятельство, значить, вся эта суета-то, черезъ Балканы шли, люди мерзли, подъ Плевной народа, сказываютъ, положили не приведи Богъ сколько, орудія мы ночью брали — все это, выходитъ, понапрасному. Все, значить, для нея, для англичанки?.. Не ладно это господа придумали. И домой не охота ѣхать. Что я тамъ безъ руки-то дѣлать буду? Домой... Поодѣлись въ полку ребята, пообшились, страсть какъ работали, чтобы въ Константинополь идти. Замѣсто того солдатики сказывали — въ Санъ Стефанъ, Каликратъ, Эрекли саперы пристаня строятъ для посадки на пароходы... Значить и все ни къ чему. Ни ваши, ни наши страданія и муки мученскія. Англичанки испугались...

Куликовъ всталъ, приложился лѣвой рукой къ фуражке, поклонился и сказалъ: —

- Прощенья прошу, если растревожилъ я васъ, ваше

сіятельство... Тошно у меня на душѣ отъ всего этого. Русскій я... И обида мнѣ черезъ ту англичанку большая.

Куликовъ пошелъ внизъ. Поднялся за нимъ и князь.

— Идемте потихоньку, Алеша. Сыро становится. Вамъ не хорошо сыро. Вы вотъ и вовсе поблѣднѣли опять.

— Это, князь, не отъ сырости и правда растревожилъ меня Куликовъ. Гласъ народа -- гласъ Божій... Хорошій солдатъ былъ... Позвольте я вамъ помогу. вамъ трудно спуститься.

— Сами-то, Алеша, вы шатаетесь... Обопрись на васъ, а вы, какъ тростинка хлипкая.

— Ничего, я окрѣпну... Я думаю, князь, народъ тогда Государя любить, когда побѣды, слава, Парижъ, Берлинъ, когда красота и сказка кругомъ царя, величіе духа... Смѣлость... Гордость... дерзновение. Тогда и муки страшныя и голодъ и самыя казни ему простятъ... А вотъ какъ станутъ говорить — англичанки испугался... Не хорошо это, князь, будетъ... Ахъ, какъ не хорошо...

— Не знаю, Алеша, не знаю...

Помогая другъ другу они спустились къ самому морю и стали на берегу, гдѣ на круглую пеструю, блестящую гальку набѣгала синяя волна.

— Алеша, вотъ вы все меня спрашивали, позвольте и мнѣ васъ спросить, — тихо сказалъ Болотневъ. — Вы, Алеша, — святой человѣкъ... Водки не пьете... Женщинъ, поди, не знаете...

Розовый румянецъ побѣжалъ по блѣднымъ щекамъ Алеши и еще красивѣе стало его нѣжное лицо.

— Простите, Алеша, это очень деликатное... Я примѣтилъ, что вы Евангеліе каждый день читаете.

— Это мнѣ моя мама въ походъ дала. А вы развѣ не читаете?

— Въ корпусѣ слушалъ батюшкины уроки, да все позабылъ. Я вѣдь ни во что не вѣрю, Алеша... Я философамъ вѣрилъ... социалистамъ... А не Христу... А вотъ теперь хочу васъ, Христова, спросить объ одномъ. Если человѣкъ общалъ... Не то, чтобы слово далъ, а просто общалъ не видѣться, не писать, не говорить съ дѣвушкой, которую тотъ, кому обѣщано, считалъ своей невѣстой и тотъ кому обѣ-

щано... Я это несвязно говорю, да вы понимаете меня?

— Я понимаю васъ, князь.

— Такъ вотъ, тотъ, кому обѣщано, умеръ... Убить... То можно, или нѣтъ нарушить слово? Какъ по Вашему? По Евангелію?

Въ Евангеліи сказано — по смерти ни жениться, ни разводиться не будутъ. Тамъ совсѣмъ иная жизнь. Значить — можно. Вы что-же, князь, сами хотите жениться?

— А нѣтъ, Алеша, — съ живостью сказалъ Болотневъ. — Что вы! Куда мнѣ? Безъ ноги-то!

— Если человѣкъ взаправду любить, то онъ искалъ-ченнаго еще больше полюбить, — тихо сказалъ Алеша.

— Жалость?.. Нѣтъ, Алеша, мнѣ жалости не нужно. Это очень тяжело, когда человѣка жалѣютъ. Тутъ совсѣмъ другое. Та дѣвушка — особая дѣвушка — и я боюсь, что она погибнетъ. И вотъ я думалъ, что, можетъ быть, если я стану подлѣ нея, буду усовѣщивать ее, говорить съ нею — она одумается... Да... Вотъ и все... Ну, да это пустяки... Можетъ быть, я и ошибаюсь. Сколько разъ въ моей жизни я ошибался.

Сзади нихъ солнце спускалось къ горамъ. Нестерпимымъ пожарнымъ блескомъ загорѣлись, заиграли стекла домовъ Стамбула — будто тамъ, въ домахъ пылалъ огонь. Потомъ огни погасли и прозрачный, лиловый сумракъ, нѣжный и глубокий сталъ покрывать фіолетовыя Азіатскія горы. Надъ головами Алеши и князя барабанщикъ ударилъ повѣстку къ зарѣ.

Тихо плескало темнѣвшее съ каждымъ мгновеніемъ море, шевелило мелкую гальку, катило ее къ берегу, а потомъ съ легкимъ скрежетомъ уносило въ глубину...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I

— Вѣра Николаевна, да вы совѣмъ не такъ кидаете. Смотрите, какъ я. Положите камушекъ на большой палецъ и пустите его, направляя указательнымъ, плоско вдоль воды... Вотъ такъ... Разъ, два, три... четыре... Четыре рикошета!

— Просто удивительно, какъ у васъ это выходитъ.

Вѣра восхищенными глазами смотрѣла, какъ юноша съ кѣмъ ее только что познакомила Перовская кидаль камни въ воду широкаго озера.

Вѣра была въ простенькой, нарочно для случая купленной блузкѣ, въ шерстяной черной юбкѣ, которую она уже и порвать успѣла, продираясь къ берегу черезъ кусты, оцѣпленные плетями колючей ежевики. Она пріѣхала сюда потаенно, съ Перовской, подъ чужой фамиліей, чтобы присутствовать на нелегальномъ съѣздѣ.

Къ нимъ приближался черезъ поросли кустовъ и тростника человѣкъ въ блузѣ, подтянутой ремнемъ, въ штанахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, въ бѣлой парусиновой фуражкѣ и съ пледомъ на плечѣ.

— Тутъ, товарищи, грибы должны быть, — сказалъ онъ молодымъ неустановившимся басомъ и подошелъ къ Вѣрѣ.

Вѣра никого здѣсь не знаетъ. Ей никого не «представляли», ни съ кѣмъ не знакомили. Вѣра только знала, что за нее поручилась Перовская и Вѣру здѣсь приняли товарищески просто.

Точно здѣсь, въ дубовой рошѣ на берегу рѣки и озера, гдѣ подлѣ воды красиво росли раскидистыя большія ветлы, былъ пикникъ, или «маевка», которыхъ Вѣра никогда не знала, но о которыхъ немного слышала, какъ о чемъ то не совсѣмъ приличномъ и во всякомъ случаѣ не позволительномъ для нея — Ишимской...

Тутъ было человѣкъ тридцать молодежи, все больше совсѣмъ безусой, рѣдко у кого была молодая бородка клинушкомъ. Было нѣсколько евреевъ. Молодая, косматая, безобразная еврейка съ узкими раскосыми глазами, коротконогая, увалистая некрасиво усѣлась на корточки и на разостланную на травѣ пеструю скатерть выкладывала обильную, незамысловатую закуску: — черный и ситный хлѣбъ, нарѣзанный большими косыми ломтями, колбасы, куски жаренаго мяса, бутылки пиза и сороковки водки. Молодой простоватый парень со свѣтлыми, въ кружокъ, по мужички, стриженными волосами, помогалъ ей.

Вѣра понимала — это и былъ тотъ н а р о дъ, для котораго она хотѣла работать.

Нѣсколько въ сторонѣ, отдѣльно отъ другихъ, держалась небольшая группа. Перовская показала Вѣрѣ на нее и сказала.

— Это, Вѣра Николаевна, наша гордость... З е м л е в о л ь ц ы - т е р р о р и с т ы! Мѣсяцъ тому назадъ они собирались на свой съѣздъ въ Липецкѣ и вынесли свои постановленія. Здѣсь они будутъ намъ говорить о томъ, что нужно дѣлать. Вонъ, видите, тотъ, въ темно-синей рабочей блузѣ — это Баранниковъ, рядомъ съ нимъ въ русой бородкѣ и съ усами — Квятковский, дальше сидитъ подъ деревомъ — Колодкевичъ, а тотъ угрюмый и серьезный Михайловъ — вотъ волевой человѣкъ! Жаль что немного заикается, когда говорить; тамъ дальше Морозовъ, съ нимъ говорить дѣвушка — Оловянникова-Ошанина, а самый красивый и благообразный между ними это Тихомировъ. Такой чудакъ!.. Представьте, Вѣра Николаевна, онъ мнѣ предложеніе дѣлалъ, жениться на мнѣ хотѣлъ... Это мнѣ то. отрѣшившейся отъ всего, всецѣло предавшейся дѣлу революціи — предложеніе руки и сердца!.. Смѣшно... А тамъ дальше, за кустами, только головы видны — это Фролен-

ко, Ширяевъ и готъ черненькій, что подлѣ нихъ — это Гольденбергъ... А подѣ самымъ дубомъ — товарищъ Андрей... О комъ я вамъ уже говорила... Вотъ всѣ тѣ, кто основалъ движеніе, которое должно дать народу волю и освободить его отъ гнета Царизма! Присмотритесь къ нимъ... Какая все молодежь! Готовая на какія угодно жертвы... Это, какъ я вамъ говорила, — соль земли Русской...

Вѣра внимательно всмотрѣлась въ товарища Андрея... Строгое, мужицкое было у того лицо. Такихъ видала Вѣра приказчиковъ въ Перинной Линіи Гостиннаго Двора въ Петербургѣ, такіе бывали молодые дьякона. Черная борода окаймляла продолговатое лицо, прядь волосъ свисала на лобъ къ правому глазу и Андрей все откидывалъ ее упрямымъ, капризнымъ движеніемъ головы.

— Надо непременно заставить его высказаться, заставить его говорить, — сказала Перовская, — передъ его словомъ никто не устоитъ... Если онъ самъ не скажетъ, опять ничего у насъ не выйдетъ, не придемъ къ единоначію...

Андрей замѣтилъ, что на него смотреть. Самодовольная улыбка появилась въ углахъ рта у темныхъ усовъ, появилась и исчезла. Андрей отошелъ отъ дуба.

— Ну, что такъ, товарищи, въ молчанку играемъ, да возмемся. — весело и затормо сказалъ онъ. — Давайте спивать чего нибудь

Группа террористовъ распалась, смѣшалась съ другими, бывшими на сѣздѣ — «деревенщиками», какъ ихъ презрительно называли террористы за ихъ упорное желаніе работать среди народа по деревнямъ. Перовская покинула Вѣру и подошла къ Андрею. Она казалась маленькой и жалкой подлѣ высокаго и статнаго Андрея.

— Что-же, коллеги, готовы? — окидывая взглядомъ молодежь, сказалъ Андрей и запѣлъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ: —

— Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,
По широкому раздолью...

Перовская вѣрно и красиво вторила ему. Хоръ, управляемый Андреемъ примкнулъ къ нимъ еще не очень строй-

но, еще не спѣлись, не знали другъ друга, кто какъ поетъ, но пѣсню знали всѣ, и всѣ ее и раньше пѣвали въ гимназіяхъ, въ школахъ и въ университетѣ, и пѣсня все налаживалась и налаживалась, звучала громче, сильнѣе, властнѣе, со страстнымъ и сильнымъ, молодымъ надрывомъ.

— На кормѣ сидитъ хозяинъ, — заливались два голоса и хоръ мягко повторялъ за ними: —

— Хозяинъ!.. Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ!..

Когда кончили — сами удивлялись, какъ красиво у нихъ вышло.

Высокіе дубы стояли надъ ними, въ ихъ пролетахъ видны были камыши озера, а еще дальше серебрянымъ изгибомъ блистала рѣка. За рѣкою была степь. Ни души не было видно на ея широкомъ просторѣ.

— Да, товарищи!.. Такой пѣсни никому не создать, не сочинить. Создалъ ее великій Русскій народъ. — сказалъ теплымъ, восторженнымъ голосомъ Тихомировъ.

— Товарищи, давайте еще, — умоляюще сказала Перовская, влюбленными глазами глядя на Андрея. — Андрей Ивановичъ, знаете нашу! «Быстры, какъ волны»...

— Идетъ, — сказалъ Андрей и встряхнулъ волосами. Два голоса дружно и ладно начали: —

— Быстры, какъ волны,

Дни нашей жизни...

Что часъ, то короче

Къ могилѣ нашъ путь...

Хоръ подхватилъ: —

— Налей, налей, товарищъ!

Здравную чашу,

Кто знаетъ, что будетъ,

Что съ нами будетъ впереди?..

— Георгій Валентиновичъ, — визгливо крикнула косматая еврейка, нарушая красоту пѣнія, — нельзя такъ. Это вамъ дадутъ потомъ.

— Помилуйте, Гесечка... Поютъ — «налей, налей», а вы и пивка холоднаго дать не хотите.

— Ну, пивка, пожалуй, что и дамъ.

Два голоса продолжали, дрожа отъ чувства, вкладываемаго въ содержаніе пѣсни: —

— Умрешь — похоронягъ,
Какъ не жить на свѣтѣ,
Сгніешь и не встанешь
Къ веселью друзей..
Налей, налей, товарищъ...

— Чго-же, товарищи, и точно, можетъ быть, нальемъ, а? Приступимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, товарищи. Раньше — дѣло. Раньше выслушаемъ, что постановили на Липенкомъ сѣздѣ.

— Ну, ладно, выслушаемъ...

— Товарищъ Андрей, просимъ слова...

— Товарищъ Андрей, просимъ сказать по полномочію насъ.

— Я не отказываюсь. Я скажу вамъ все, что я лично думаю, что говорилъ и на сѣздѣ и къ чему мы пришли...

— Просимъ!... Просимъ!!

Андрей Желябовъ прислонился къ стволу большой прибрежной ивы. Его лицо было блѣдно, глаза опущены. Привычнымъ движеніемъ онъ откинулъ упрямую черную прядь со лба. Онъ былъ здѣсь самымъ старшимъ. Ему шелъ двадцать девятый годъ, всѣ остальные были въ возрастѣ отъ двадцати до двадцати шести лѣтъ.

Страшно худой Морозовъ съ продолговатымъ плоскимъ лицомъ, съ шелковистой бородой и усами, въ очкахъ, устроился подлѣ Желябова, усѣлся на траву, скрестивъ ноги. Молодой парень, по виду, изъ простыхъ, безусый и толстогубый, простоватый на видъ съ молитвеннымъ восторгомъ смотрѣлъ прямо въ ротъ Желябову. Вѣра сѣла рядомъ съ Перовской на самомъ берегу рѣки нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ.

— Я не отказываюсь. — повторилъ Желябовъ. — Настало время намъ говорить... И сговориться. Мы не можемъ

работать по мелочамъ, растрчивая свои силы... Въ самомъ дѣлѣ, прошу подсчитать наши потери за послѣднее время... Въ маѣ 1878-го года мы убили въ Кіевѣ жандармскаго полковника Гейкинга... Сейчасъ-же въ Одессѣ Царская власть казнить Ковальскаго. Спустя два дня Степнякъ-Кравчинскій въ Петербургѣ на смерть поражаетъ кинжаломъ шефа жандармовъ Мезенцова... Безумная смѣлость!.. Въ Харьковѣ мы убили генераль губернатора Крапоткина. Правительство въ отвѣтъ на это объявило революціонеровъ внѣ закона... Я напому вамъ конецъ правительственнаго сообщенія объ этомъ: — «Правительство считаетъ нынѣ необходимымъ призвать себѣ на помощь силы всѣхъ сословій Русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій...» Намъ, товарищи, объявлена война и наши силы неравны. Съ одной стороны на насъ хотятъ поднять весь Русскій народъ, съ другой стороны, маленькая кучка, кружокъ самоотверженныхъ, преданныхъ святой идеѣ народной воли людей...

Желябовъ сдѣлалъ паузу и презрительно улыбнулся.

— Напрасно!.. Народъ!.. Я хорошо знаю народъ... Дворники и городовые не въ счетъ... Наемныя царскія собаки... Народъ... Никто, ни мы, ни Правительство не можемъ опираться и рассчитывать на народъ. Это было-бы ошибкой... Я повторяю, товарищи, я знаю народъ, я самъ изъ народа, и я тамъ работалъ, какъ работаетъ нашъ народъ... Крестьянинъ такъ замученъ своимъ мужицкимъ трудомъ надъ землею ради хлѣба насущнаго, что учить его чему нибудь — просто бесполезно... Онъ такъ усталъ, что поднять его на возстаніе нельзя... Раньше надо освободить его отъ этого адскаго, каторжнаго, тупящаго мысли труда, а тогда только можно учить его и разговаривать съ нимъ. Въ такомъ-же положеніи и рабочій. Намъ нужно самимъ захватить власть, конечно, только для того, чтобы, захвативъ ее, освободить отъ труда народъ и тогда передать власть въ его руки. И для этого намъ нуженъ... А к т ѣ ! И. можетъ быть, не одинъ даже актъ, но цѣлая серія актовъ. Никакая наша дѣятельность, направленная ко благу наро-

да невозможна вслѣдствіе правительственнаго произвола... Мы должны вести борьбу по способу Вильгельма Телля...

— Цареубійство? — выкрикнулъ кто то сзади Желябова.

Желябовъ отвѣтилъ не сразу. Онъ выдержалъ нѣсколько мгновений, молча строго и сурово глядя въ глаза то тому, то другому изъ окружавшихъ его молодыхъ людей.

— Да, товарищи... Это у насъ давно рѣшено... Вотъ Александръ Михайловъ скажетъ вамъ, какъ и почему мы такъ постановили.

Желябовъ отошелъ въ сторону и на его мѣсто сталъ темнорободый человѣкъ съ угрюмымъ и мрачнымъ лицомъ. Онъ началъ говорить, сильно заикаясь.

— Товарищи, н-наша п-п-партія н-народов-вольцевъ постановила: н-наша цѣль об-безпечить п-права личности. Деспотизмъ царскій полагаетъ, что п-прав-ва личности в-вредны. Такъ н-надо осв-вободить народъ отъ д-деспота. Какъ этого д-достигнуть? — с-смѣлой б-борьбой. Мы н-не можемъ безучастно относиться къ тому, ч-что п-происходитъ к-кругомъ: в-война, стоившая с-сотенъ т-тысячъ н-народныхъ ж-жертвъ, Т-тотлебенскія и Ч-чертковскія р-расправы — инициатива в-всего эт-того исходить отъ Ц-ц-цар-ря. Царь во всемъ эт-томъ в-в-вин-новать — ц-царь и д-долженъ о-отвѣтить. Ц-царь д-долженъ п-по-погибнуть. Сдѣлать это д-должна п-п-партія... Если она можетъ сдѣлать это путемъ возстанія — она должна устроить это возстаніе. Если поднять народа н-нельзя, она должна сдѣлать э-т-то лично. Силь у насъ б-безъ с-сомнѣнія х-хватить. И силы эт-ти будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ р-рѣш-шительнѣе мы станемъ д-дѣйствовать. Н-наша п-партія «з е м л я и в о л я» —но мы с-считаемъ, что с-начала — в-воля, а потомъ уже и з-земля. А чтобы была в-воля, надо убрать ц-ца-р-ря. Надо убрать д-деспота. Вотъ, товарищи, что мы рѣшили.

Глубокая напряженная тишина стала среди собравшихся послѣ словъ Михайлова. Слышно было, какъ прошеле-стѣла подъ набѣжавшимъ вѣтеркомъ прибрежная ива, какъ невдалекѣ, на озерѣ, у разлива рѣки плеснула рыба. Послѣ этихъ двухъ, едва слышныхъ звуковъ тишина стала еще

строже, торжественнѣе, напряженнѣе — тишина могилы... Точно нѣмая смерть вошла къ нимъ. — веселымъ и жизне-радостнымъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Сидѣвшій на травѣ недалеко отъ Вѣры высокій, тощій человѣкъ поднялся и глубокимъ, низкимъ, взволнованнымъ голосомъ спросилъ: —

— Неужели, господа, вы всѣ такъ думаете?

Никто не отвѣтилъ.

— Неужели, господа, народники становятся террористами? Народники согласны съ тѣмъ, что говорили товарищи Желябовъ и Михайловъ?

Всѣ молчали. Та же могильная тишина стояла въ рошѣ.

— Въ такомъ случаѣ, — глухо, печальнымъ голосомъ, сказалъ человѣкъ, мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать. Прощайте.

— Кто это? — тихо спросила Перовскую Вѣра.

— Плехановъ.

Плехановъ помедлилъ немного, точно ожидалъ, что его будутъ просить остаться, что поднимутся споры, что встанутъ на его сторону, будутъ его удерживать, но все та же серьезная, угрюмая тишина была кругомъ.

Плехановъ низко опустилъ голову и пошелъ въ глубину лѣса.

II

Наступилъ вечеръ и въ лѣсу было темно, когда Вѣра съ Перовской ушли съ собранія. Вслѣдъ изъ рощи, гдѣ теперь ярко горѣлъ костеръ, неслась дружная пѣсня. Неутомимый Желябовъ запѣвалъ:

— Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ опасномъ бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою...

Пьяные крики, визгъ еврейки — Геси Гельфманъ, громкій смѣхъ глушили пѣсню.

Вѣра шла подѣ руку съ Перовской. Она опьянѣла. Первый разъ въ жизни она пила водку и пиво, ѣла простую и грубую пищу, первый разъ была близко и запросто съ молодыми людьми.

— Софья Львовна, сказала Вѣра, останавливаясь на опушкѣ роши и глядя на сѣрѣвѣющій въ сумракѣ ночи большой Воронежскій шляхъ, — какъ все это странно!.. Я первый разъ въ такомъ обществѣ.

— Хорошо! — сказала Перовская.

— Еще не знаю. Дайте, Софья Львовна, привыкнуть. Откуда всѣ эти люди взялись? Почему я раньше не встрѣчала такихъ людей? Гдѣ вы ихъ нашли, какъ съ ними познакомились?

Вѣра широкимъ шагомъ пошла по шляху. Молодая луна была надъ нею. Вѣра нервно смѣялась и дрожала внутреннею дрожью.

— Конечно... съ нашей точки зрѣнiя?.. Кисейныхъ баришней, которыхъ вывозятъ родители... Сан-фасонисты очень... Сняли пиджаки... Курили, не спросивъ у дамъ... И пили очень много... И эта Геся!.. Какъ она просто на все смотреть... Чудовищно все то, что она продѣлывала...

— Гельфманъ — чудный, смѣлый человѣкъ, — восторженно сказала Перовская. — У насъ, милая, на это не смотреть... У насъ пола нѣтъ... Нѣтъ кавалеровъ и дамъ — но есть люди... Товарищи...

— Да, вѣрно... И знаете, Софья Львовна, не скажешь, кто изъ нихъ лучше? Всѣ были хороши, веселы, добры... Но, какъ ненавидятъ они Государя!.. Они его когда нибудь видѣли?

— Думаю, наврядъ-ли...

— Какъ же можно тогда? Все таки, сказать вамъ правду, Софья Львовна, я хорошо и отъ дѣдушки и отъ дяди — Государя знаю. И сама не разъ встрѣчала его. Вѣдь я могла-бы быть фрейлиной, Софья Львовна. А вотъ, — Вѣра засмѣялась и приподняла край порванной юбки, — видите, какой санкюлоткой стала. Но все таки не думала... Я думала, все обернется иначе. Плехановъ мнѣ больше по душѣ, Софья Львовна, вы знаете — царственная скромность Государя безгранична... Онъ отговаривается отъ грубой лести.

Ему хотя́тъ къ двадцатипятилѣтію его царствованія поднести титулъ «Освободителя» — онъ разсердился... Хотѣли поставить памятникъ по случаю освобожденія крестьянъ — онъ не позволилъ. Дѣдушка про него говоритъ: — «величайшій и чело́вѣчнѣйшій изъ Царей Русскихъ»... Сколько разъ я видѣла его. Громаднаго роста, прекрасные, добрые глаза и такъ всегда просто себя держитъ. Я шла по Лѣтнему саду съ Сухановымъ, мы разговорились и ничего уже не видѣли. На боковой аллеѣ, что вдоль Лебяжьей канавки не было никого. Мы шли по доскамъ, съ боковъ лежалъ снѣгъ. Вдруг вижу бѣжить навстрѣчу собака. Сухановъ говоритъ — «Государь идетъ». Мы сошли въ снѣгъ, Сухановъ сталъ во фронтъ, я поклонилась, Государь прошелъ въ полушагъ отъ насъ. Онъ отдалъ честь Суханову и поклонился мнѣ. — «Милордъ», позвалъ онъ собаку... И вотъ — е г о убить?! Страшно подумать!

— Вѣра Николаевна, передъ нами строительство новой, лучшей жизни Русскаго народа, да возможно, что и не только Русскаго народа, но и всего чело́вѣчества. Можно ли тутъ говорить, о томъ что красиво, что намъ нравится? Государь намъ мѣшаетъ. Мы должны его устранить. Мы устраняемъ не Александра Николаевича Романова, прекраснаго, можетъ быть, чело́вѣка, у котораго собака «Милордъ», который любезенъ и ласковъ и имѣетъ прекрасные глаза... Но т и р а н а !... Андрей сказалъ — такъ нужно!.. Понимаете — такъ нужно! Мы не чело́вѣкоубійцы, но — цареубійцы!

Ничего больше не сказала Вѣра Перовской. Молча, рука съ рукой дошли онѣ до окраины Воронежа, гдѣ въ скромной и по провинціальному грязноватой гостиницѣ онѣ остановились.

Вѣра уѣхала одна, будто на югъ, въ Крымъ, къ Порфирію и его Лилѣ, и по пути остановилась на три дня въ Воронежѣ, гдѣ ее поджидала Перовская. Вѣра непременно хотѣла быть на съѣздѣ народовольцевъ.

Лежа на жесткой постели, накрывшись одѣяломъ, Вѣра думала: — «строительство новой лучшей жизни Русскаго народа, но почему-же это строительство нужно начинать съ разрушенія, съ убійства?» Сквозь набѣгающій легкій, по-

слѣ дурмана рѣчей и пирушки сонъ, Вѣра какимъ-то внутреннимъ чутьемъ ощущала ложь всѣхъ тѣхъ пышныхъ и красивыхъ словъ, какія она сегодня слушала, но гнала сознание этой лжи. Такъ въ борьбѣ съ самою собою она и забылась крѣпкимъ молодымъ сномъ.

III

Въ Крыму, въ Ялтѣ, на собственной дачѣ графини Лили Вѣра увидѣла счастье, покой, медовый мѣсяцъ, продолжавшійся второй годъ. Молодые Разгильдяевы приняли Вѣру сердечно и радостно. Юная, красивая, часто краснѣющая, уходящая въ себя Вѣра возбуждала Порфирія и усиливала его ласки молодой женѣ. Каждое утро всѣ трое ходили купаться въ морѣ. Порфирій шелъ въ мужское отдѣленіе, Вѣра съ Лилей въ дамское.

Послѣ завтрака Порфирій и Лилия ѣздили верхомъ въ горы. Вѣра оставалась одна. Она шла къ морю, садилась на камни и часами смотрѣла, какъ набѣгали синія волны на берегъ, какъ вдали играли бѣлые «зайчики», вспыхивали пѣной волны и локатывались къ берегу, покойныя и умиротворенныя.

Иногда, идя къ морю, или возвращаясь на дачу, Вѣра встрѣчала Государя. Государь ѣхалъ изъ Ливадіи въ коляскѣ. Конвойный казакъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Съ Государемъ была черноволосая высокая дама и двое дѣтей, сидѣвшихъ на передней скамейкѣ. Вѣра по привычкѣ низко кланялась Государю. Государь съ привѣтливой улыбкой кивалъ Вѣрѣ головой. И тутъ тоже было счастье, тихая радость, медовый мѣсяцъ вдали отъ людей, отъ государственныхъ заботъ.

Дома, на верандѣ, обвитой розами и глициніями, за накрытымъ столомъ кипѣлъ самоваръ. Столъ былъ уставленъ свѣжими булками, печеньями, сливками, масломъ, ягодами и ранними фруктами. Порфирій въ разстегнутомъ, бѣлоснѣжномъ кителѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ,

сидѣлъ въ соломенномъ креслѣ и мечтательно смотрѣлъ вдаль на голубое море, на зеленые сады Ливадіи, на высокія райны у вѣзда въ Ялту. Противъ него въ легкомъ, въ кружевахъ и воланахъ свѣтлолиловомъ капотикѣ -- «распашонкѣ», сидѣла нарядная, завитая Лиля. Отъ купанья въ морѣ, ѣзды, а болѣе того отъ непрерывнаго счастья взаимной любви и раздѣленной страсти лицо ея сіяло, щеки были румяны, глаза блистали въ томной синевѣ вѣкъ. Чолка развилась и падала пушистыми прядями на лобъ. Очень хороша была Лиля въ цвѣтеніи своей поздней осени.

— Сегодня я опять встрѣтила Государя, — сказала Вѣра. — Онъ ѣхалъ все съ тою-же дамой, черноволосою и простоватою и съ дѣтьми.

— Подумаешь, -- быстро заговорила Лиля. — Этого Ангела еще могутъ осуждать. У него, видите, романъ!.. Катя Долгорукая — романъ!? Неужели Государю нельзя имѣть хотя клочекъ счастья? И тутъ нашлись люди, увидавшіе сучокъ въ его глазу! Кавалергарды на придворныхъ балахъ не танцуютъ съ фрейлиной Долгорукой... Избѣгаютъ ее. Любовница Государя!.. Подумаешь, какая — *grüderie* *). Всѣ точно сами святые.

— Это, Лиля, потому, что кавалергардамъ обидно за своего Шефа, Императрицу, сказалъ Порфирій.

— Но, милый мой, Государыня постоянно больна... И Государю за все то, что онъ сдѣлалъ для Россіи и славянъ можно и должно простить его маленькія увлеченія.

Вѣра понимала графиню. У Лили было счастье, а счастье не злобствуетъ. Счастье умѣетъ прощать.

Вѣра ходила въ татарскія деревни — Кореизъ и Алупку. Она видѣла чистые каменные дома, красивыхъ, пестро одѣтыхъ татарокъ, въ монисго изъ монетъ, въ маленькихъ шапочкахъ на тугихъ косахъ. Татары въ бѣлыхъ расшитыхъ рубахахъ, вобранныхъ въ широкіе, въ складкахъ, подтянутые на очкурѣ синіе шаровары, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, съ хлыстиками въ рукахъ масляными глазами слѣдили за свѣтловолосою красивой Вѣрой, прищмыкивали отъ удовольствія и что-то говорили между собою на своемъ гор-

*) Скромность.

танномъ языкѣ. Тутъ тоже было довольство, счастье, вѣчный «медовый мѣсяцъ» подъ Крымскимъ солнцемъ.

Вѣра думала: — «какая пустая жизнь!.. Чисто животное прозябаніе. Купанье, катанье верхомъ, сытые лѣнивые разговоры и... любовь! Какъ можно сравнить эту жизнь съ тѣмъ, что говорилось на Воронежскомъ съѣздѣ».

Желябовъ сказалъ Вѣрѣ: — «разрѣзана нить жизни, какъ мечомъ». И точно — жизненная Вѣрина нить была разрѣзана на двое. Одна половина здѣсь, въ пустомъ прошломъ, гдѣ изящный костюмъ, прогулка съ Лилей, шумящая юбка съ турнюромъ, шляпа съ широкими полями, украшенная искусственными цвѣтами и разговоры о модахъ, о театрѣ, о предстоящемъ «сезонѣ», придворныхъ балахъ, о романахъ Тургенева, Гончарова, Дюма-сына, Мопассана и Зола, о стихахъ, о томъ, что «принято» и что «не принято» — другая половина въ великомъ строителствѣ новой лучшей жизни Русскаго народа, гдѣ Вѣрѣ отведена уже какая то роль.

Теперь у нея двойная жизнь. Тайна и — ложь. Святое соблюденіе тайны. Умѣнье молчать, слушать, наблюдать и... лгать. Ей немного осталось жить. На съѣздѣ Вѣра услышала, что «жизнь революціонера - два, три года. А тамъ смерть, ссылка, каторга»... Это уже былъ героизмъ, а героизмъ всегда съ раннихъ лѣтъ тянулъ Вѣру.

IV

Осенью, въ Петербургѣ, Вѣра ходила по особому вызову на «конспиративныя» свиданія съ Перовской.

На такомъ свиданіи она однажды встрѣтила Желябова. И по тому, что Перовская сразу приступила къ дѣловому разговору Вѣра поняла, что Желябовъ пришелъ для нея.

— Вѣра Николаевна, — сказала Перовская, — вы давно знаете лейтенанта Суханова?

— Да. Съ дѣтства. Раньше онъ часто бывалъ у насъ.

Потомъ почти пересталъ бывать, но мы съ нимъ поддерживаемъ дружескія отношенія.

— Вы знаете и офицерскую среду, въ которой вы выросли и вотъ намъ хотѣлось бы кое о чемъ васъ спросить. Дѣло въ томъ, что Сухановъ общалъ собратъ у себя единомышленныхъ офицеровъ и просилъ Андрея пріѣхать къ нему и все имъ рассказать. Скажите, Вѣра Николаевна, считаете ли вы это возможнымъ?..

Вѣра молчала. Какъ будто она не поняла вопроса.

Тогда Желябовъ началъ говорить тихимъ голосомъ. —

— Вѣра Николаевна, у насъ пришли къ тому заключенію, что настало время привлечь къ нашей работѣ офицеровъ. Съ солдатами говорить не стоить. И трудно это, и сложно и, главное, въ конечномъ счетѣ, солдаты исполняютъ все то, что имъ укажутъ офицеры. При томъ-же офицерская среда близка намъ — народникамъ. Она очень къ тому же годна для всякаго заговора. Въ ней есть чувство товарищества, замкнутость, привычка къ дисциплинѣ, привычка спокойно смотрѣть въ глаза смерти, умѣнье обращаться съ оружіемъ... Я знаю еще, что въ средѣ офицеровъ, особенно молодыхъ, — большое недовольство неудачами послѣдней турецкой кампаніи, Берлинскимъ трактатомъ. Въ этомъ они видятъ измѣну Россіи. Есть недовольство и тѣмъ, что войска привлекаютъ для усмиренія крестьянскихъ возстаній... Я знаю также, что морскіе и артиллерійскіе офицеры читаютъ Фейербаха, Чернышевскаго, Писарева, Добролюбова, что они увлечены поэзіей гражданской скорби Некрасова... Сухановъ, котораго я знаю, предложилъ мнѣ создать свои кружки и для этого нужно, чтобы я пріѣхалъ къ нему и все сказалъ. Какъ на Воронежскомъ съѣздѣ.

— Видите, Вѣра Николаевна, — сказала Перовская, — я пригласила васъ, чтобы спросить васъ, опасно-ли это для Андрея или нѣтъ?.. Если онъ все скажетъ на чистоту, могутъ его тутъ же схватить и выдать полиціи?.. Какъ вы думаете?..

— Сухановъ?.. Нѣтъ!.. Конечно, нѣтъ, — быстро сказала Вѣра и остановилась. Она задумалась о своихъ близкихъ, о семьѣ Разгильдяевыхъ. Дѣдушка Афиногенъ Ильичъ не въ счетъ. Онъ просто не приметъ такихъ людей. Порфиро-

рій, конечно, схватить и выдасть. Онъ не задумается даже и убить на мѣстѣ. Афанасій, убитый подъ Плевной?.. Вѣра точно увидѣла его счастливое, румяное, полное лицо съ пушкомъ надъ верхней губой, его большіе сѣрые глаза въ тѣни длинныхъ рѣсницъ — какъ онъ отнесся бы къ этому?.. Онъ сверхъ-вѣрнопопданный?.. Донесеть?.. Нѣтъ... Возмутится. Можетъ быть, изобьетъ, убьетъ, но не донесетъ никогда. Такова его кадетская закваска. Кадетская и офицерская этика ему этого не позволятъ. И никто изъ молодежи не донесетъ. Она гадливо относится къ предателямъ и доносчикамъ. Тамъ все — Рыцари!

Вѣра серьезно, вдумчиво сказала —

— Если будетъ молодежь?.. Нѣтъ... Не донесутъ. Даже, если среди нея будутъ офицеры, вамъ не сочувствующие, вѣрнопопданные — говорите смѣло — не донесутъ... Въ случаѣ чего — помогутъ... Спрячутъ... Защищать васъ будутъ... Но не выдадутъ... Они воспитаны въ благородствѣ.

Желябовъ поклонился Вѣрѣ.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ онъ. — Такъ я поѣду гуда, Соня. Я все обдумалъ, что имъ сказать. И я полагаю, лучше всего на чистоту.

— Да на чистоту лучше всего, Андрей Ивановичъ, — сказала Вѣра.

Желябовъ сейчасъ-же и ушелъ. Вѣра осталась у Перовской. Смутно и тяжело было у нея на душѣ. Ей казалось, что она сдѣлала нѣчто ужасно подлое. Но, когда продумывала про себя, приходила къ заключенію, что она сказала то, что она должна была сказать. На довѣріе она отвѣтила довѣріемъ.

V

Сходка офицеровъ была назначена у Суханова, въ Кронштадтѣ. Мѣсто тихое и глухое. Крѣпость, тщательно охраняемая отъ посторонняго глаза. Вездѣ часовые, патрули, людей мало, «шпиковъ» нѣтъ. Собралось человѣкъ десять, преимущественно морскихъ офицеровъ. Было три ар-

тиллерииста. Самымъ старымъ среди собравшихся былъ штабсъ-капитанъ Дегаевъ, проходившій курсъ артиллерійской академіи, самыми младшими — желторотые, молоко на губахъ не обсохло — гардемарины — Лавровъ, Булановъ и Вырубовъ. Всѣ были какъ то торжественно настроены.

Когда всѣ приглашенные были въ сборѣ, Сухановъ вышелъ въ сосѣдную комнату и пригласилъ изъ нея двухъ штатскихъ. Оба были вполне прилично одѣты, въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, съ шарфами на шеѣ. Одинъ былъ высокаго роста, съ темной бородой и темными глазами, похожій на зажиточнаго крестьянина или купца, другой былъ невысокій, съ лицомъ заросшимъ густою черною бородой и съ длинными обезьяньими руками.

— Господа, — сказалъ Сухановъ, — позвольте представить вамъ — товарищъ Андрей... Товарищъ Глѣбъ...

Офицеры поклонились. Никто не здоровался за руку. Кое кто послѣ представленія сѣлъ. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали пришедшихъ. Разговоръ не вязался.

— Вы черезъ Ораніенбаумъ ѣхали? — спросилъ лейтенантъ Серебряковъ, присматриваясь къ обоимъ штатскимъ и стараясь угадать, который изъ нихъ членъ исполнительнаго комитета партіи народной воли.

— Да, черезъ Ораніенбаумъ. На «Лучѣ», — отвѣтилъ маленькій — онъ тоже былъ членомъ исполнительнаго комитета — звали его Колодкевичъ.

— Да, такъ проще, пароходы чаще ходятъ.

— Имъ, къ морю непривычнымъ такъ спокойнѣе. Заливъ теперь бушуетъ, какъ океанъ, — сказалъ одинъ изъ гардемариновъ.

— Я на Черномъ морѣ бывалъ, — сказалъ товарищъ Андрей. — Съ матросами на рыбную ловлю ходилъ. Я качи не боюсь.

Пустячный разговоръ то начинался, то загибалъ, какъ пламя только что зажженного, но не разгорѣвшагося костра. Сухановъ прервалъ его, сказавъ: —

— Господа, эта комната имѣетъ двѣ капитальныя стѣны. Двѣ другія ведутъ въ мою квартиру — тамъ никого нѣтъ. Мой вѣстовой татаринъ, ни слова не понимающій по

русски. Нескромныхъ ушей намъ бояться не приходится. Приступимъ къ дѣлу.

Обернувшись къ высокому штатскому онъ добавилъ:
— Ну, Андрей, начинай!

Высокій отошелъ въ уголъ комнаты и тамъ всталъ, опустивъ голову.

Онъ началъ говорить негромко и сначала неуверенно.

— Такъ какъ Николай Евгеньевичъ передалъ мнѣ, что вы, господа, интересуетесь программой и дѣятельностью нашей партіи, борющейся съ правительствомъ — я постараюсь познакомить васъ съ тою и другой, какъ умѣю.

Онъ поднялъ голову и внимательнымъ взглядомъ обвелъ офицеровъ, потомъ неожиданно громко и рѣзко сказалъ: —

— Мы — террористы-революционеры требуемъ слѣдующаго...

Всѣ вздрогнули. Сидѣвшіе въ углу на диванѣ гардемарины встали. Стоявшій у круглой желѣзной печки штабсъ капитанъ Дегаевъ скрестилъ на груди руки и устремилъ проницательный взглядъ темныхъ глазъ на Андрея. Тотъ выдержалъ этотъ взглядъ и продолжалъ: —

— Вы знаете лучше, чѣмъ кто либо изъ нашей интеллигенціи положеніе дѣлъ въ Россіи. Вы пережили позоръ Санъ-Стефано, васъ возмутилъ Берлинскій трактатъ, безсиліе и продажность нашей дипломатіи и та странная двойная роль, которую во всемъ этомъ игралъ Государь.

Дальше Андрей говорилъ, что теперь уже поздно и напрасно думать о конституціи, о чемъ мечтали во времена декабристовъ тѣ, кто не зналъ о сущности заговора — теперь нужно, чтобы самъ народъ взялъ управленіе государствомъ въ свои руки.

— Наша партія — сдержанно, но убѣдительно говорилъ Андрей, — не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло выполнять тѣ, кто называетъ себя либералами. Но либералы безсильны, они не способны дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. Наша партія взяла на себя трудъ сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ станетъ возможна идейная борьба.

Андрей говорилъ о подвигѣ Вильгельма Телля, о Шарлоттѣ Корде, о неизбѣжности и необходимости террора.

— Иного пути, господа, у насъ, стремящихся только къ благу Россіи и забывающихъ о себѣ — нѣтъ! — закончилъ свое слово товарищъ Андрей.

И такъ же, какъ на Воронежскомъ сѣздѣ лѣтомъ, послѣ его рѣчи незримая смерть вошла въ комнату и могильнымъ холодомъ и тишиною овѣяла всѣхъ присутствующихъ. Тишина была такая, что не было слышно дыханія людей.

У молодежи, у гардемариновъ и мичмановъ пылали щечки, глаза горѣли восторгомъ. Сухановъ былъ блѣденъ и на сухощавомъ лицѣ его легли скорбныя складки. Онъ поводилъ глазами по сторонамъ, оглядывая офицеровъ, безъ словъ спрашивая: — «ну, какъ, господа?».

Настроеніе было такое, что скажи въ этотъ часъ Андрей офицерамъ — «такъ идемте, господа, вмѣстѣ съ нами, убьемъ Государя» — всѣ пошли-бы за нимъ.

Только Дегаевъ, все такъ-же стоявшій въ углу, у печки, скрестивъ руки, не перемѣнилъ своей позы. Презрительная улыбка была на его лицѣ. Андрей обмѣнялся съ нимъ взглядомъ, еще и еще и теперь первый опустилъ глаза Андрей подъ ставшими строгими глазами Дегаева.

Товарищъ Андрей поклонился общимъ поклономъ и сопровождаемый Глѣбомъ и Сухановымъ вышелъ изъ комнаты. Пріѣзжіе гости торопились на пароходъ.

— Эт-то!.. Это я понимаю, --- восторженно воскликнулъ лейтенантъ Завалишинъ. --- Это — быка за рога!..

— Нѣтъ, господа, смѣлость то какая! Вѣдь онъ никого изъ насъ не зналъ! Мы офицеры! --- сказалъ другой лейтенантъ Глазго.

— И какъ говорить! воскликнулъ гардемаринъ Булановъ.

— Я понимаю, что такой можетъ чортъ знаетъ на что увлечь.

— Онъ мнѣ напомнилъ времена декабристовъ...

— Лучшія времена Россійской исторіи!

Говорившіе перебывали другъ друга. У всѣхъ сразу явилась охота курить. Задымили папирсы и трубки.

— Меня слеза прошибла, когда онъ говорилъ о несчастіи русскаго народа, о томъ, что монархія неизбежно увлекаетъ Россію въ бездну.

— Да, господа, все у насъ плохо!.. И ахъ, какъ плохо!

— Мы всё это видимъ и молчимъ.

— Слѣпое повиновеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, мы не должны молчать! Мы не будемъ молчать!

— Мы, какъ говорилъ товарищъ Андрей, будемъ создавать вездѣ, гдѣ только можно свои офицерскіе кружки.

— У насъ есть сочувствующіе въ Одессѣ, Севастополѣ и Керчи.

— Мы снесемся съ ними. Создадимъ кружки народо-вольцевъ.

— Какъ декабристы.

— И сколько правды! Сколько горькой, обидной для Русскаго самолюбія правды было въ его пламенной рѣчи.

— Мы такихъ словъ еще никогда не слышали.

Въ разгаръ этихъ переговоровъ, выкриковъ, возбужденныхъ словъ вернулся Сухановъ. Дегаевъ обратился къ нему: —

— Николай Евгеньевичъ, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу рѣчи господина... господина... не посмѣвшаго назваться намъ... товарища Андрея.

— Пожалуйста...

— Просимъ!.. Просимъ!!

— Господа, позвольте мнѣ, какъ старшему между вами и годами и службой... отбывшему всю Турецкую кампанію, сказать вамъ, если хотите, даже предостеречь васъ... Вѣдь все то, что такъ ярко и «пламенно», какъ кто то изъ васъ опредѣлилъ характеръ рѣчи товарища Андрея, говорилъ этотъ субъектъ, Богъ его знаетъ, кто онъ такой? Все это, простите -- л о ж ь! Самая беззащитная, наглая и отвратительная ложь!

— Это доказать надо, строго сказалъ лейтенантъ Серебряковъ.

— Я для того и попросилъ слова у Николая Евгеньевича, чтобы доказать вамъ, вѣрнѣе, чтобы указать вамъ, потому что доказательствъ никакихъ и не нужно. Его ложь

сама по себѣ очевидна. Все ясно. Вся партія построена на томъ, что все въ Россіи скверно, что Императорское правительство ведетъ Россію въ бездну, что въ минувшей войнѣ съ турками у насъ были только одни пораженія, что напрасно пролита кровь Русскаго солдата, что мы покрыли себя позоромъ и такъ далѣе и такъ далѣе... Что надо отобрать власть отъ Государя и передать ее народу, то есть вотъ такимъ самовлюбленнымъ краснобаямъ, какъ этотъ самый товарищъ Андрей, или такимъ дремучимъ обезьянамъ, какъ безмолвный товарищъ Глѣбъ и тогда все зацвѣтетъ само собою, манна посыпется съ неба прямо въ ротъ голодному Русскому мужику и жареные рябчики появятся у каждого на столѣ.

— Итакъ — начнемъ съ неудачъ и пораженій... Военные авторитеты, не только наши, но и германскіе, считали, что перейти черезъ Дунай при современномъ состояніи артиллеріи, да еще и въ половодье, при его ширинѣ и быстротѣ теченія — невозможно... Русскія войска генерала Драгомира у Систова перешли Дунай...

— Все говорятъ о Плевнѣ... О страшной неудачѣ 30-го августа... Студенты поютъ: — «именинный пирогъ изъ начинки людской братъ подносить державному брату»... Рассказываютъ, что Государь, какъ на театральное представленіе смотрѣлъ на бои у Гривицкихъ высотъ... Неправда! Сидѣть цѣлый день на холмѣ, на легкомъ складномъ парусиновомъ стулѣ, подъ дождемъ и на холодномъ вѣтру въ 59 лѣтъ, — мучиться и болѣть душою за своихъ солдатъ — это не театральное представленіе смотрѣть! Это, господа, — п о д в и гъ !

— О-о-о! Дегаевъ, не слишкомъ ли?

— И въ конечномъ счетѣ Плевна не только взята, но и Османъ паша съ тридцати-тысячною арміею слался въ плѣнъ.

— Официальныя донесенія...

— Все это было на моихъ глазахъ, господа... Да, господа, официальныя донесенія, строго взвѣшенные и правдивыя, а не краснобайская ложь товарищей Андреевъ и Глѣбовъ, вылѣзшихъ изъ подполья. Отсидѣться на Шипкѣ въ зимніе горные бураны, какъ то сдѣлалъ генераль Радекскій

и перейти въ зимнюю службу, безъ продовольствія, съ однимъ ранцевымъ запасомъ, Балканскія горы, какъ то сдѣлалъ генераль Гурко — это не неудачи кампаніи, а блестящія побѣды, которымъ удивляется весь міръ!..

— Это сдѣлалъ Русскій солдатъ. то есть народъ...

— Нѣтъ, Николай Евгеньевичъ, это сдѣлалъ не только русскій солдатъ, — это сдѣлало мужество Русскихъ генераловъ и воля Главнокомандующаго. У насъ на протяженіи всей Русской исторіи, послѣ Петровскихъ войнъ и Румянцевскихъ и Суворовскихъ побѣдъ при Екатеринѣ, да Отечественной войны и ея заграничнаго похода — не было болѣе славныхъ побѣдъ... Непрístupный Карсъ, лежащій на такихъ кручахъ, что и безъ боя къ нему невозможно подобратъся — взять штурмомъ войсками Великаго Князя Михаила Николаевича. Цѣли войны достигнуты. Освобождены отъ власти турокъ — Румынія, Румелія, Сербія и Болгарія...

— И туда посланы Русскіе чиновники и нѣмецъ Александръ Баттенбергскій!

— Да, сейчасъ — русскіе чиновники и нѣмецъ, но будетъ время, что тамъ будутъ сербскіе короли и царь Болгарскій! Главное, это, что тамъ нѣтъ турокъ, турецкихъ звѣрствъ и угнетенія христіанъ. Славяне этого никогда не забудутъ. Будетъ день, когда въ Сербіи и Болгаріи будутъ поставлены памятники Царю Освободителю Александру II. Вся богатая, сильная, могущественная Западная Европа отвернулась отъ славянскаго горя, Англія препятствовала освобожденію угнетенныхъ народовъ — Императоръ Александръ и Россія ихъ освободили! И это неудачи?.. И по этому поводу говорить лживыя, кислыя слова о нашихъ пораженіяхъ? Это могутъ дѣлать только лжецы, пороха не нюхавшіе и умѣвшіе во время уклониться отъ отбыванія воинской повинности!

— Вмѣсто того, чтобы освободять славянъ, надо было подумать объ освободеніи Россіи, — рѣзко сказалъ Серебряковъ.

— Позвольте! Я не кончилъ. Отмѣчу только отъ кого освободять? Слава Богу, Россія давно свободная страна. Такъ вотъ эта война — эта, какъ изволилъ сказать товарищъ Андрей, — эта н е у д а ч н а я война вернула Рос-

сія часть Русской Бессарабіи и дала ей Карсъ, Батумъ, и Батумскій округъ съ такими богатствами, что ахнуть можно... Государь никуда не годенъ? Государя надо убрать! Государь не годенъ?.. Позвольте, господа, но это-же новая возмутительная ложь! Этотъ Государь въ 1858-мъ году присоединилъ къ Россіи богатый Амурскій край. Закончилъ покореніе Кавказа и умиротворилъ его, въ 1865-мъ году къ Россіи присоединена Туркменская область, въ 1868-мъ году Самаркандъ и Бухара, въ 1871-мъ году Черное море стало Русскимъ моремъ и Андреевскій флагъ сталъ снова развѣваться на немъ. Въ 1873 году покорена Хива. Кажется, что со временъ Екатерины Великой не было въ Россіи болѣе славнаго царствованія и большихъ приобрѣтеній. Когда товарищи Андреи несутъ свою наглую ложь невѣжественнымъ мужикамъ и рабочимъ и тѣ ихъ слушаютъ и вѣрятъ имъ — это еще какъ то можно понять, но какъ могли увлечься словами, за которыми нѣтъ содержанія, увлечься... ложью — вы — все это обязанные знать!

— Дегаевъ, зачѣмъ тогда вы шли къ намъ?

— Я пришелъ къ вамъ, Николай Евгеньевичъ, потому, что я, какъ многіе изъ моихъ товарищей-академиковъ считаемъ, что Государю надо помочь въ его громадной работѣ по управленію такимъ обширнымъ государствомъ, какимъ стала Россія. Помочь... Выборными съ мѣста лучшими людьми. Я полагалъ, что нужна и точно, какая то тамъ конституція, не для ограниченія самодержавія, но для помощи самодержицу. Я пошелъ къ вамъ, чтобы созидать, но не для того, чтобы разрушать. Тутъ я вижу, что цѣлью партіи считаютъ борьбу и сокрушеніе правительства. И я счелъ своимъ долгомъ предостеречь васъ отъ пагубной для Россіи ошибки.

— Дегаевъ, зачѣмъ вы пришли сюда? — снова повторилъ вопросъ Сухановъ.

— Вы сказали мнѣ: — «приходите ко мнѣ въ пятницу. У меня хорошій человѣкъ будетъ». Я и пришелъ. Какой-же это хорошій человѣкъ?.. Это — лжецъ! Народоправство?.. Да у него на лицѣ написано — народоправство — это я. А смѣните, господа, милостиваго Государя товарищемъ Андреемъ — что отъ васъ самихъ останется? Эти молодчики съ вами церемониться не будутъ. Вы для нихъ со-

словный врагъ. Плевненскія потери игрушкой покажутся передъ избіеніемъ всѣхъ несогласныхъ съ господиномъ Андреемъ... Какая у него программа? Никакой! Одни слова... Звонкія, хлесткія слова!! Свобода!!! Отъ чего, отъ кого свобода? Нѣтъ, господа, не слушайте этихъ лжецовъ. Они придутъ къ власти съ пустыми словами и со скорпіонами въ рукахъ и я вамъ прямо скажу, кто станетъ командовать ими и ихъ учить.

— Кто?

— Кто? говорите, говорите Дегаевъ!

— До конца договаривайте!

— Жидъ!!

— Стыдно, Дегаевъ!

— Жиды развѣ не люди?

— Можетъ быть, и люди, да мнѣ — Русскому человѣку покоряться жиду обидно.

— Вы знаете, можетъ быть, былъ-бы еврей на мѣстѣ Императора Александра — мы и Константинополь взяли-бы запальчиво выкрикнулъ кто-то изъ гардемариновъ...

— Ахъ, да!.. Очень кстати напомнили о Константинополѣ. А на что Россіи былъ нуженъ Константинополь? Онъ ей, какъ пятая нога собакѣ нуженъ. Изъ за него пришлось-бы начинать новую и очень серьезную войну съ Англіей и вотъ, когда Государь разумно пожалѣлъ Русскій народъ и Русскаго солдата — ему и это поставили въ вину. Да, жидъ или товарищъ Андрей не пожалѣетъ. Онъ весь Русскій народъ принесетъ въ жертву своей утопіи. До свиданія, господа. Мнѣ тоже въ Питеръ надо. Завтра рано на лекціи...

— Вы донесете на насъ, Дегаевъ! — жестко крикнулъ лейтенантъ Серебряковъ.

Нервное, худое, истомленное лицо Дегаева передернулось судорогой.

— Нѣтъ, господа... Я того-же воспитанія, какъ и вы. Доносы считаю гадостью. Я пока не донесу. Я съ вами останусь. Буду работать съ вами, потому что я надѣюсь, что мнѣ такимъ образомъ удастся разоблачить ложь, которую вамъ преподносятъ за правду и отвратить васъ отъ ошибочнаго пути.

Ни съ кѣмъ не прощаясь Дегаевъ вышелъ.

— Какъ вы думаете, Николай Евгеньевичъ, — сказала Серебряковъ, — Онъ... За него то можно ручаться?

— Ну что вы, Серебряковъ!.. Дегаевъ — рубаха парень. Заучился въ Академіи... Сталъ нервень. Вы видѣли, какой судорогой подергивается его лицо, когда онъ говорить. Онъ вѣдь офицеръ...

— Да такъ то оно такъ!.. Но сказать, что товарищъ Андрей говорилъ сознательную ложь? Это-же безуміе!

— Не будемъ говорить объ этомъ, — сказала Сухановъ. — Господа, я задержу васъ на нѣкоторое время... Намъ нужно составить теперь же центральную военную группу. Согласны?

— Просимъ васъ, Николай Евгеньевичъ, возглавить ее.

— Благодарю васъ. Еще кого намѣтите въ нее?

— Барона Штромберга!

— Рогачева!

— Мы войдемъ въ связь съ исполнительнымъ комитетомъ партіи народной воли и создадимъ кружки — морской, артиллерійскій и пѣхотный... Я думаю, что мы не должны останавливаться и передъ боевой дѣятельностью?

— Дегаева только не надо, — сказалъ Серебряковъ.

Снова всѣ заговорили сразу. Стали подсчитывать, кого можно пригласить въ эти кружки, кого нѣтъ. Подсчитали годныхъ — таковыхъ оказалось человѣкъ 50-60. Сейчас же подъ горячую руку стали вырабатывать программу военно-революціонной организациі и уставъ центральнаго кружка. По комнатѣ раздавались оживленные, взволнованные молодые голоса: —

— Организовать въ войскахъ силу для активной борьбы съ правительствомъ.

— Парализовать тѣхъ, кто съ нами не согласенъ.

— Выходъ членовъ изъ центральнаго кружка безусловно воспрещается.

— Конечно.

— Само собою разумѣется.

— Намъ надо объѣхать всю Россію.

— Вездѣ искать подходящихъ людей.

— Я знаю — такіе есть въ Одессѣ.

— Въ Николаевѣ...

— Въ Кіевѣ...

— Въ Тифлисѣ...

Событія повторялись. Тѣни декабристовъ рѣяли въ Кронштадтской квартирѣ Суханова. Лейтенанты, гардемарины и прапорщики готовились рѣшать судьбы Россіи.

VI

Перовская отпустила извозчика и пошла пѣшкомъ по грязной, разѣзженной телѣгами, немощеной улицѣ, шедшей вдоль полотна Московско-Курской желѣзной дороги. Она несла обѣими руками небольшой, но, видимо, очень тяжелый чемоданчикъ. Идти поэтому было трудно и неудобно. Она часто останавливалась, присаживалась на чемоданъ и задумывалась. Никто не попадался ей навстрѣчу и это было хорошо. Глухое было мѣсто и нелюдимое. Сѣрые, мокрые, вонючіе по угламъ заборы, тянулись вдоль деревянной панели. Рѣдкіе фонари на деревянныхъ столбахъ, должно быть, никогда не зажигались. Вдоль забора была канава съ темной, ржавой водой. Погода была хмурая, стоялъ октябрь. Холодный вѣтеръ съ дождемъ и мокрымъ снѣгомъ налеталъ порывами, отдувалъ юбку и потомъ прижималъ ее къ ногамъ и охлаждалъ ихъ.

«Всего три версты отъ Москвы» — думала Перовская, — «а какая глушь! Нигдѣ и людей не видно, точно никто тутъ и не живетъ. Отлично выбралъ Андрей мѣсто. Да — все у него продумано. Всюду онъ поспѣетъ, все знаетъ и все умѣетъ»...

Годъ тому назадъ, лѣтомъ 1878-го года, во время Воронежскаго съѣзда, бродя съ Андреемъ по дубовой рошѣ вдоль озера, она горячо съ нимъ спорила. Она отстаивала свои народническіе взгляды, необходимость длительной подготовки народа къ революціи, хожденіе въ народъ, пропаганду, брошюры, прокламаціи. Андрей требовалъ сразу терроръ, «актъ», какъ онъ называлъ — цареубійство. По его

словамъ — послѣ цареубійства все явится само собою: — возстанетъ народъ, истребитъ правительство — и установится народоправство. Перовская горячо протестовала — и Андрей, подходя къ своимъ товарищамъ, участникамъ Липецкаго сѣзда, порывисто и страстно сказалъ: —

— Нѣтъ, съ этой бабой ничего невозможно сдѣлать!

А вотъ теперь эта «баба» не только не протестуетъ противъ террора — но сама идетъ на самое опасное мѣсто съ твердою рѣшимостью покончить съ Государемъ. Въ этомъ простомъ сѣромъ парусиновомъ чемоданѣ съ желѣзной оковкой — мѣдный цилиндръ съ динамитомъ, спираль Румкорфа и провода.

Перовская приближалась къ сѣрому, двухэтажному, деревянному, словно необитаемому, всѣми забытому и никому ненужному грязному дому, какіе только и бываютъ на окраинахъ большихъ городовъ между фабриками, товарными складами, лѣсными дворами, въ глуши и вони грязныхъ предмѣстій. Это былъ одинъ изъ тѣхъ проклятыхъ, неуютныхъ и пустыхъ домовъ, гдѣ устраиваютъ свои притоны воры и грабители, гдѣ орудуютъ фальшиво-монетчики, гдѣ бываютъ тайныя свиданія съ проститутками, гдѣ совершаются самыя страшныя убійства и самоубійства.

За этотъ годъ некрасивое лицо Перовской стало еще некрасивѣе. Большой лобъ съ зачесанными назадъ, коротко остриженными волосами былъ великъ при мелкихъ чертахъ лица. Маленькій короткій подбородокъ, «заячій», или «подуздоватый», какъ выразился-бы собачникъ, дѣлалъ безобразными ея большія блѣдныя губы. Глаза были узко поставлены и подъ рѣдкими бровями смотрѣли упрямо, напряженно и тупо.

«Вотъ черти», — думала Перовская, — «никто не догадается выйти помочь. Товарищи называются... Неужели имъ меня не видно»...

Изъ дома донеслись звуки гармоники, чей-то мрачный голосъ — Перовская сейчасъ узнала голосъ Михайлова — вгорилъ ей. Пѣли о страданіяхъ Русскаго народа.

Нижній этажъ дома былъ наглухо заколоченъ досками. Перовская подошла къ деревянному крыльцу и позвонила въ колокольчикъ на проволочѣ.

Въ форточку второго этажа просунулась лохматая голова Михайлова. Сейчас-же загрохотали по лѣстницѣ тяжелые сапоги. Высокій, тощій человѣкъ въ рубахѣ на выпускъ, сбѣжалъ внизъ, отложилъ тяжелый крюкъ, и Перовская вошла въ темныя сырыя сѣни.

— А, супружница, пожалуйте, -- сказалъ, улыбаясь, отворившій дверь.

— Вотъ что, милый супругъ, — сердито сказала Перовская, — могли бы ктонибудь выйти навстрѣчу, помочь донести чемоданъ. Два пуда въ немъ.

— Признаться, Софья Львовна, никакъ не ожидали, что вы пѣшкомъ. Все думали, что на извозчика разоритесь.

-- Чтобы лишній человѣкъ зналъ о нашемъ домѣ?

— Да... Признаться — не подумалъ. Русскій человѣкъ, извѣстно, заднимъ умомъ крѣпокъ.

Встрѣтившій взялъ у Перовской чемоданъ и приподнял его.

— Д-а-а! Тяжеленекъ! Признаться — не подумалъ объ этомъ обстоятельстве. Прошу прошенія. Вамъ извѣстно, что я теперь не Гартманъ, а Сухоруковымъ прозываюсь?

— Конечно, извѣстно. Андрей мнѣ все объяснилъ.

— Такъ вотъ, — поднимаясь за Перовской по лѣстницѣ, говорилъ Гартманъ, — домъ купленъ у мѣщанина Кононова на наше съ вами имя — супруговъ Сухоруковыхъ. А здѣшніе люди — это какъ бы наши гости.

— Кто прибылъ?

— Всѣ въ сборѣ. Александръ Михайловъ, Арончикъ, Исаевъ, Баранниковъ и нашъ химикъ Ширяевъ. Еще Морозовъ обѣщалъ приходить и помогать въ работѣ.

Перовская остановилась на площадкѣ у двери.

— Чтонибудь уже сдѣлали? — спросила она.

— Признаться — почти что ничего... Доски заготовили, будто для ремонта дома, лопаты, кирки... Боюсь, что галлерей длинновата будетъ. И сырость большая, сами понимаете — осень, дожди...

Гартманъ открылъ дверь и Перовская вошла въ большую комнату, почти безъ мебели. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ встали ей навстрѣчу.

— Ну, все знакомые — сказала Перовская здороваясь.
— Вотъ его не знаю. Это и есть Арончикъ?

— Да, онъ самый. Онъ будетъ помогать Ширяеву въ зарядкѣ мины.

Гартманъ провелъ Перовскую въ дальнюю комнату, гдѣ жарко была натоплена желѣзная круглая печка, пахло угаромъ и гдѣ стояла низкая, продавленная, простая желѣзная кровать, небрежно постланная суконнымъ одѣяломъ, гдѣ былъ простой деревянный столъ и два соломенныхъ стула. Окно было безъ занавѣски. Дождь сыпалъ по стекламъ, теперь еще падали и снѣжинки и, тая, текли прозрачными струями по стекламъ.

— Простите за обстановку — отель перваго разряда... Регина-Паласть! — сказалъ Гартманъ. — Занавѣски нарочно не вѣшали. Напротивъ пустыри, а такъ меньше обращаетъ на себя вниманіе...

— Спасибо, что натопили. Я продрогла на этомъ вѣтру и дождѣ.

— А мы вамъ сейчасъ горячаго чайку съ коньячкомъ и закусить чего нибудь. Арончикъ! — крикнулъ Гартманъ въ сосѣдную комнату, — распорядись, милый, самоваромъ. Женушку согрѣть надо. Располагайтесь, Софья Львовна.

Гартманъ вышелъ изъ комнаты. Перовская сѣла на постель и усталымъ взглядомъ оглянула дешевые, грязные, мѣстами порванные обои, покрывавшіе стѣны.

«Ну», — подумала она — «унынію предаваться нечего. За дѣло! Вижу, что мужчины тутъ безъ меня ничего не приготовили. Тоже — революціонеры!..».

VII.

Работа была нелегкая. Производить подкопъ надо было скрытно. Нельзя было рыть, глубоко уходя подъ землю, — ни времени, ни силъ для этого не было и некуда было дѣвать вынимаемую землю. До полотна желѣзной дороги, куда вели подкопъ было двадцать саженей.

Въ подвальномъ этажѣ прорыли наклонный колодезь на двѣ сажени глубины. Въ этотъ колодезь спускался по очереди одинъ изъ «гостей» или самъ хозяинъ Гартманъ и отрывалъ по компасу галерею. Землю клали на желѣзный листъ, который по мѣрѣ наполненія вытягивали веревкой. Работали отъ семи часовъ утра до девяти часовъ вечера и за это время успѣвали вырыть отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ. Галерея была такъ узка, что работать нужно было, стоя на четверенькахъ и даже лежа, и одежду приходилось снимать и работать только въ двухъ рубахахъ.

Все время шли дожди. Сверху разбухала и грязнилась обращаясь въ болото, улица. По ней возили лошадыми воду въ этотъ и сосѣдніе дома, ѣздили телѣги съ досками и бревнами. Было страшно, что нога лошади или колесо тяжелаго воза провалится въ подкопъ и все будетъ обнаружено. Галерею, по мѣрѣ продвигенія ея вглубь, обшивали досками, но, несмотря на это, въ нее проникала вода, приходилось останавливать работу и ведрами вычерпывать воду изъ галереи.

Перовская сидѣла внизу, въ подвалѣ и смотрѣла, какъ Михайловъ и Исаевъ вытягивали листъ съ землею изъ прокопаннаго колодца. За листомъ показались грязныя ноги, задранная мокрая рубаха, волосатое тѣло. Гартманъ съ загасшей свѣчей въ рукѣ выползъ задомъ изъ колодца.

- - Невозможно, товарищи, --- сказалъ онъ, задыхаясь. Лицо его было зеленовато бѣлое. - - Совсѣмъ, какъ въ могилѣ. Такое ощущеніе, будто заживо погребенъ и царапашься, чтобы вылѣзти изъ могилы. И доски, какъ гробовая крышка. Свѣча гаснетъ. Какіе то міазмы идутъ изъ земли. Воздухъ отравленъ... Сколько времени я проработалъ?

Перовская взглянула на часы.

-- И пяти минутъ не работали, Левъ Николаевичъ, -- сухо сказала она.

-- Не могу больше. Арончикъ, дайте воды. Кто нибудь за меня, -- опускаясь на стулъ, сказалъ Гартманъ.

Всѣ молчали. Въ подвалѣ горѣла одна свѣча. Было темно, сыро и неуютно. Отверстіе подкопа было, какъ отвѣстная могила.

. — Эхъ, вы, мужчины! -- съ презрѣніемъ сказала Перовская — прозываетесь -- сильный полъ!

Нервными, быстрыми движеніями она разстегнула пуговицы, скинула блузку, юбки, панталоны и оставшись въ одной рубашкѣ, чулкахъ и башмакахъ рѣшительно подошла къ Гартману.

— Давай свѣчу, — рѣзко сказала она.

Засвѣтивъ свѣчу, она подошла къ колодцу, придерживала внизу рубашку и быстро поползла внизъ по галлерей.

Гартманъ, Михайловъ и Арончикъ подошли къ отверстию и слѣдили, какъ все дальше и дальше удалялся желтый отсвѣтъ свѣчи и скользила, извиваясь, какъ змѣя, веревка, привязанная къ желѣзному листу. Шорохъ листа и ползущей женщины не сталъ болѣе слышенъ. Свѣтъ исчезъ. Холодомъ, мракомъ, смрадомъ и тишиною могилы тянуло изъ отверстія подкопа.

— На восемнадцатой сажени работаетъ, — тихо сказалъ Гартманъ.

Веревка задвигалась, давая условный знакъ вытягивать землю. Михайловъ и Исаевъ потянули листъ.

— Какая вонючая земля. — сказалъ Исаевъ, относя землю въ уголъ подвала.

— Я и говорю — мѣзмы, — какъ бы оправдываясь, сказалъ Гартманъ. — Дышать нечѣмъ. Свѣча гаснетъ.

Листъ за листомъ вытягивались съ землею и пустые втягивались обратно Перовской.

— Сколько времени она работаетъ? — глухимъ голосомъ спросилъ Гартманъ.

— Уже третій часъ.

— Не можетъ быть...

— Я говорю вамъ, — сказалъ Арончикъ.

— Дьяволъ помогаетъ ей.

Наконецъ, за листомъ показались облѣпленные желтоватой глиной черные чулки, бѣлыя, вымазанныя землею ноги и Перовская торопливо выскочила изъ галлерей въ измокшей насквозь рубашкѣ, съ растрепанными, покрытыми глиной волосами. Ея лицо было красно, глаза выпучены, казалось, сейчасъ ее хватить ударъ.

— Мы на девятнадцатой сажени, — восторженно ска-

зала она, задыхаясь. — Завтра кончимъ!.. Вотъ, товарищи, какъ надо работать!

Схвативъ въ охапку свое платье и, укрываясь имъ, Перовская побѣжала по лѣстницѣ наверхъ въ свою комнату.

Она торжествовала.

VIII.

19-го ноября утромъ Ширяевъ принесъ условную телеграмму изъ Харькова. Телеграфировалъ Желябовъ. Изъ этой телеграммы узнали, что подготовляемый имъ взрывъ у Александровска не удался.

— Какъ я рада, — сказала Перовская. — Значить — это мы! Это намъ будетъ принадлежать честь взрыва... Товарищъ Ширяевъ, идемте закладывать мину и провода. Левъ Николаевичъ, — обратилась она къ Гартману, — узнай, голубчикъ, на станціи, когда примѣрно ожидается Царскій поѣздъ въ Москвѣ?

На Курскомъ вокзалѣ Царскіе поѣзда ожидались въ одиннадцатомъ часу ночи. Сначала долженъ былъ пройти такъ называемый «Свитскій», идущій почти пустымъ для провѣрки пути, за нимъ пойдеть Царскій поѣздъ.

Мина была провѣрена, провода проложены въ комнату Перовской во второй этажъ, гдѣ и установили на столѣ спираль Румкорфа. Соединить провода долженъ былъ «химикъ» Ширяевъ. Перовская взяла на себя самое опасное — она прошла на пути, охраняемые сторожами, устроилась въ кустахъ и потайнымъ фонарикомъ должна была дать знать Ширяеву, когда надо будетъ давать токъ.

Стояла холодная ноябрьская ночь. Все кругомъ было бѣло отъ снѣга. Надъ недалекой Москвой, въ небѣ свѣтилось красное зарево -- отсвѣтъ уличныхъ огней.

Низкій лознякъ безъ листьевъ, поросшій вдоль пути, плохо скрывалъ залегшую въ его хлыстахъ Перовскую. Она лежала, тщательно укрывъ полою кофты, небольшой фонарикъ и поглядывала то на путь, двумя стальными полосами

убѣгавшій къ Москвѣ, то на чуть видное темное окно въ домѣ, откуда за нею слѣдили ея товарищи.

Ночь была темная. Черныя снѣговыя тучи низко нависли надъ землею. Далеко, далеко чуть виднѣлись красные и зеленые огни семафора.

Прошелъ курьерскій обычный поѣздъ. Долго за нимъ гудѣли рельсы. Потомъ все стихло и страшно медленно потянулось время ожиданія.

Совсѣмъ недалеко отъ Перовской прошли два человѣка съ фонарями. Они внимательно осматривали рельсы и стучали молотками по стыкамъ. Потомъ прошелъ солдатскій патруль и Перовская догадалась — сейчасъ долженъ идти Царскій поѣздъ.

Она услышала быстро приближавшійся гулъ и увидала, какъ со страшной скоростью мимо нея промчался поѣздъ изъ трехъ вагоновъ, окутанный бѣлыми парами. Кое гдѣ въ вагонахъ сквозь спущенныя занавѣски былъ виденъ свѣтъ.

«Свитскій» поѣздъ.

Перовская лежала, прикинувъ къ землѣ. Ея сердце часто и сильно билось. И снова, все нарастая, приближался жесткій металлическій гулъ. Мимо Перовской помчались большіе синіе вагоны. Перовская встала во весь ростъ, и, все позабывъ, ни о чемъ не думая, какъ только о томъ, что сейчасъ должно свершиться, высоко подняла фонарь и трижды взмахнула имъ...

Въ тотъ-же мигъ оглушительный гулъ раздался въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея. На нее дохнуло горячимъ воздухомъ, она упала на землю, вскочила и, ничего больше не помня, побѣжала къ мѣсту взрыва.

Два паровоза и багажный вагонъ оторвались отъ состава. Багажный вагонъ и восемь громадныхъ синихъ вагоновъ сошли съ рельсовъ и громоздились другъ на друга. Оттуда слышались стоны и крики о помощи. Тамъ бѣжали и суетились люди съ фонарями.

Удалось!..

Перовская въ припрыжку бѣжала въ домъ. Колокола радостнымъ звономъ звонили въ ея сердцѣ. Взрывъ удался!! удался!! удался!!!

Въ домѣ она уже никого не нашла. Какъ было условлено въ моментъ взрыва всѣ обитатели дома ушли изъ него и скрылись, кто куда.

IX.

Въ декабрѣ народовольцы-террористы собрались въ Петербургѣ на квартирѣ Перовской. Вѣра была приглашена на это собраніе.

На постели Перовской сидѣлъ Желябовъ. Вѣра не видѣла Андрея съ прошлой осени и нашла его сильно измѣнившимся. Андрей исхудалъ и вытянулся, лицо его приняло землистый оттѣнокъ, скулы выдались, борода отросла и въ ея черни засеребрились бѣлыя, сѣдые пряди — въ тридцать лѣтъ! Только глаза въ темной юной опушкѣ длинныхъ рѣсницъ были попрежнему молоды, полны задора и рѣшимости. У окна на стулѣ сидѣлъ Тихоновъ. Красивая, полная Якимова-Баска утѣлась въ углу. Перовская, снявъ блузку, въ рубашкѣ и юбкѣ, засучивъ по плечи рукава мыла руки и торопливо, прерывающимся голосомъ рассказывала: —

— Вотъ мою, мою и все, кажется, никогда не отмою этой грязи могильной... Здравствуйте, Вѣра Николаевна. Простите — руки мокрыя... Всѣхъ здѣсь знаете. Вотъ, послушайте, какія неудачи насъ преслѣдуютъ. Ахъ, не знакомы, — сказала она, замѣтивъ, что Вѣра, поздоровавшись съ Якимовой, Тихоновымъ и Желябовымъ нерѣшительно подходила къ молодой стройной дѣвушкѣ съ пепельными волосами и большими, точно испуганными сѣрыми глазами, сидѣвшей на постели Перовской.

— Это Ольга Любатовичъ, тоже наша... НародоVOLка. Вы спрашиваете, Ольга, страшно было, — повернулась Перовская къ дѣвушкѣ. — Страшно? Да, ничуть! Но удивительно волнительно. Прекрасное, незабываемое впечатлѣніе. Я лежала въ мелкой поросли, вы понимаете, надъ снѣгомъ и полъ аршина кустовъ не было. На мнѣ была ватная кофта.

Про холодъ я совершенно позабыла, даже не помню, какая погода была. Жду... Полою кофтушки прикрыла фонарь и все поглядываю на него, не погасъ-бы.

— Жутко было? — сказала Вѣра.

— Жутко? Да нѣтъ-же, повторяю — радостно. И сердце бьется, бьется... Слышу — гудитъ. На рожкъ, гдѣ-то вправо, сигналъ подали. Въ ночной тишинѣ такъ отчетливо прозвучалъ сигналъ и показался мнѣ печальнымъ, печальнымъ... Мнѣ сказали, увѣрили меня — первый — Свитскій. Мчится, а меня такъ и толкаетъ что-то... Не этотъ-ли?... Въ бѣломъ пару, фонари паровоза, какъ глаза какого-то сказочнаго чудовища, паръ низко стелется, снѣгъ сзади вихрями крутится — прямо Змѣй Горынычъ несется. Сердце стучитъ: — «этотъ, этотъ, этотъ!... Взрывай». Я его успокаиваю, все твержу: — «погоди! погоди»...

Перовская тяжело вздохнула.

— Впрочемъ — все одно, — печально сказала она. — Ничего бы и тутъ не вышло. Все вы, Андрей, въ Исполнительномъ Комитетѣ скупитесь на динамитъ. Мало дали. Ну, что-же взорвали!.. А ничего серьезнаго и не вышло. Ну, вагоны сошли съ рельсовъ. Вѣдь, если-бы я и тотъ взорвала, такъ возможно, что того, кого надо было убить и не убила бы. Одинъ соблазнъ вышелъ бы... И вотъ, когда потомъ узнала, что не тотъ взорвала... У, какъ я тогда его возненавидѣла!

— Кого?

— Царя, Вѣра Николаевна... Какъ могъ онъ догадаться? Говорятъ все время сзади шелъ, а тутъ, какъ на зло, въ Курскѣ приказалъ свой поѣздъ впередъ пустить. Ужасъ! Предчувствие что-ли какое было?.. А у тебя, Андрей что случилось?

— Хуже твоего, Соня. — мрачно сказалъ Желябовъ и замолчалъ.

Сталъ рассказывать Тихоновъ.

— Какъ работали-то, Софья Львовна!... Вотъ вы рассказывали про вашу работу, что и говорить — ужасъ одинъ... Только и у насъ тоже мороки не мало было. Устроились мы подъ именемъ Ярославскаго купца Черемисова у мѣщанъ Бовенко, домъ у нихъ сняли, будто кожаненный

заводъ устраивать думаемъ. Съ нами были Прѣсняковъ и Окладскій... Вотъ этотъ Окладскій!.. Не иначе, какъ онъ намъ всю музыку и испортилъ. Намъ нужно было сдѣлать подкопъ подъ насыпь. А насыпь тамъ у Александровска сажень одиннадцать вышины, значить, какъ ахнемъ, такъ все и полетитъ внизъ къ чертовой матери, весь поѣздъ не иначе, какъ вдребезги. Тутъ ошибки никакъ не могло быть. Работали по ночамъ. Каждую ночь желѣзно-дорожная охрана раза четыре или пять спускалась съ фонарями по насыпи и осматривали водопроводныя трубы. Товарищъ Андрей выговорилъ себѣ право собственными руками просверлить насыпь, а потомъ соединить провода для взрыва. Я и Окладскій охраняли его, наблюдая, чтобы охрана чего нибудь не замѣтила. Очень трудно было заложить мину. Мина тяжелая... Принесемъ ее изъ города, самое -- закладывать, а тутъ-то поѣздъ идетъ, то охрана шатается. Надо опять все назадъ тащить, начинать все сначала, ждать другой ночи. А ночи! — темныя — зги не видать! Дожди, вѣтры, грязь — такая въ полѣ — ноги не вытянешь. И уставали мы потому страшно...

До галлюцинацій доходили, — сказалъ Желябовъ.

Я ночью плохо вижу. У меня что-то вродѣ куриной слѣпоты. Ползу я съ миной — вижу стоитъ кто-то на пути... Смогритъ на меня. Я залегъ, ажъ не дышу. Тихо. Я лежу и готъ стоитъ, не двигается, смотритъ на меня. Думаю, что я какъ поболѣе часа пролежалъ, дурака валялъ... Наконецъ, думаю, что онъ -- боится что-ли меня? Ну, хотя-бы рукою двинулъ, пошевелился бы, нѣтъ стоитъ, какъ статуя... Поползъ я ближе. Гляжу... — столбъ. Это я въ темнотѣ, значить, ошибся не то направленіе взялъ и на дорожный столбъ набрелъ.

Мы такъ часто блуждали въ темнотѣ, — сказалъ Тихоновъ. -- Я такъ то разъ Андрея чуть было не застрѣлилъ. Лилъ сильный дождь съ вѣтромъ и — темень... Иду я, и вижу, кто-то громадный на меня надвигается. Ну, думаю, шалишь, живымъ не дамъ. Выхватилъ револьверъ, приготовился стрѣлять, а тотъ чуть слышно окликаетъ меня: — «Тихоновъ, ты?». Это я въ темнотѣ на Андрея нашелъ. Какъ то ночь уже очень бурная была и мы не пошли на работы.

Устали мы страшно отъ бессонныхъ ночей и легли спать. Вдругъ, слышу, кричитъ кто-то: — «прячь провода! прячь провода!...» Я засвѣтилъ свѣчу — Андрей по полу ползаетъ, галлюцинируетъ. Насилу разбудилъ его.

— Немудрено... Я каждую ночь промокну до послѣдней нитки, лежа въ степной грязи, такъ, бывало, зачоченѣешь, что надо вставать, а ноги не повинуются, не сгибаются.

— Но все таки, товарищи, почему же у васъ ничего не вышло?

— А вотъ, слушайте, Софья Львовна. Значить, наступаетъ 18-е ноября. Телеграммы нѣтъ... А у насъ съ Центральнымъ Комитетомъ условлено, если телеграммы нѣтъ — значить и перемѣны нѣтъ: — Царь выѣхалъ изъ Симферополя. Я съ Андреемъ и Окладскимъ поѣхали на телѣгѣ, запряженной двумя лошадьми. Подѣхали мы къ оврагу, гдѣ были спрятаны провода, Окладскій вынулъ провода изъ подъ земли, изъ подъ камня, сдѣлалъ соединеніе, включилъ батарею и привелъ въ дѣйствіе спираль Румкорфа. Надо вамъ сказать, что всѣ эти дни Окладскій скулилъ: — «ахъ, не хорошо мы затѣяли. Сколько народа безъ всякой вины погибнетъ. Причемъ тутъ машинистъ, кочегары, поѣздная прислуга — все-же это свой братъ, рабочіе. Надо — Царя одного, а другихъ то зачѣмъ-же?..». Товарищъ Андрей даже прикрикнулъ на него. А тутъ, видимъ, Окладскій спокоенъ, дѣловитъ, даже какъ то торжествующе спокоенъ. Веселье. Напѣваетъ что то сквозь зубы. Андрей мнѣ шепнулъ: — «образумился товарищъ Иванъ»... Сидимъ мы въ оврагѣ, монотонно сипитъ машинка Румкорфа, все у насъ исправно. Андрей держитъ въ рукѣ провода наготовѣ. Окладскій сверху наблюдаетъ за путями. Слышимъ — грохочетъ поѣздъ. Окладскій кричитъ Андрею: — «Жарь!». Андрей соединилъ провода... Ничего... Поѣздъ промчался, понимаете, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ промчался, гдѣ была заложена мина, поднялъ за собою песочную пыль и исчезъ вдали. Сѣрое небо... Черная грязь и... ничего... Пусто, отвратительно пусто стало у меня на душѣ.

— Динамитъ что-ли плохой?

— Нѣтъ, Софья Львовна, динамитъ у насъ былъ тотъ

же, что и у васъ, нашей народовольческой динамитной мастерской изъ Баскова переулка, Ширяевской работы, Якимова провѣряла его. Запалы были изъ миннаго класса Артиллерійскаго вѣдомства, Сухановъ доставилъ намъ. Мы ихъ испытывали — безъ осычки работали. А видите-ли — провода кто то, должно быть, лопатой начисто перерѣзалъ. Можетъ быть, случайно дорожный какой мастеръ... А, можетъ быть, и нарочно... Окладскій... Большое у меня, товарищи, на него подозрѣніе. Я буду и въ Исполнительномъ Комитетѣ о немъ предупреждать.

— Да, ни тебѣ, Андрей, ни мнѣ не удалось, печально вздыхая, сказала Перовская.

— Нѣтъ, Андрей Ивановичъ, — съ надрывомъ въ голосъ и со слезами на глазахъ сказала Вѣра, — нигдѣ вамъ не удастся! Мнѣ начинаетъ казаться, что и точно Царь — Помазанникъ Божій и это Богъ хранить его отъ всѣхъ покушеній. Сколько ихъ было — Государь изъ всѣхъ выходилъ пѣлымъ и невредимымъ.

— Ну, знаете, Вѣра Николаевна, — сказали Тихоновъ, ежели такъ разсуждать, такъ надо складывать манатки, смаывать удочки и все наше великое дѣло освобожденія народа бросать.

— Въ Бога мы не вѣримъ, строго сказалъ Желябовъ, — царя мы считаемъ извергомъ и причиною всего зла. Отъ нами задуманнаго дѣла мы ожидаемъ бунта, который истребитъ всѣхъ царскихъ палачей и опричниковъ, сравняетъ богатыхъ съ бѣдными и установитъ народное счастье всеобщаго равенства и свободы.

Разговоръ сразу завялъ. Тактичная, съ тонкимъ чутьемъ Вѣра поняла, что въ ту минуту, когда она такъ искренно сказала то, что подумала и почувствовала — ее стали чуждаться. Она встала и стала прощаться.

— Софья Львовна. — сердечно сказала она. — вы не подумайте, что я разувѣрилась въ нашемъ общемъ дѣлѣ, что я больше не думаю, что только такимъ путемъ мы сможемъ подойти къ строительству счастливой и свободной жизни Русскаго народа. Я сказала это потому, что вотъ --- вездѣ неудачи... Гольденберга съ динамитомъ арестовали, поэтому не удалось покушеніе въ Одессѣ, куда

думали моремъ прїѣдетъ Государь. Не удалось у Андрея Ивановича въ Александровскѣ, не удалось у васъ подѣ Москвой. Не удалось одиночкѣ Соловьеву... Что-же это такое?

— Не бойтесь, Вѣра Николаевна, удастся, — сказала Церовская, — доставая какую то бумагу. — Вотъ почитайте на досугѣ, все узнаете. Это наше рѣшеніе. Только смотрите, не попадитесь...

Вѣра ушла смущенная, со смятеннымъ сердцемъ, провожаемая холоднымъ, недоброжелательнымъ молчаніемъ.

Х.

Въ тотъ-же вечеръ Желябовъ, въ мѣховой шапкѣ, съ пледомъ на плечѣ, въ приличномъ драповомъ пальто, на дилижансѣ «кукушкѣ» проѣхалъ по Гороховой до Адмиралтейской площади, обогнулъ Александровскій садъ, наискось пересѣкъ Сенатскую площадь, по пѣшеходнымъ мосткамъ перешелъ Неву къ Академіи Художествъ и по 4-й линіи прошелъ на Малый проспектъ Васильевского Острова.

Онъ попалъ въ тихія и пустынные мѣста. Глубокій, со всѣмъ почти не наѣзженный санями снѣгъ лежалъ по улицѣ, на бульварѣ онъ былъ по колѣно и низкія скамейки, почти въ уровень со снѣгомъ были точно прикрыты длинными пуховыми подушками.

Ночь была тихая и отъ снѣга было свѣтло. Низкіе деревянные дома стояли съ наглухо закрытыми ставнями. На углу спалъ въ саняхъ, накрывшись полостью, извозчикъ и когда Желябовъ вышелъ на проспектъ, сѣрая кошка перебѣжала ему дорогу.

— «Хорошее мѣсто для свиданій», — подумалъ Желябовъ. — «А свидѣться надо. Съ октября, съ самаго начала работы не видался съ человѣкомъ. Не удалось тамъ — какъ ужъ тутъ должно удастся!».

Навстрѣчу Желябову по проспекту шелъ человѣкъ, и Желябовъ не сомнѣвался, что это и долженъ былъ быть

Степанъ Халтуринъ, ибо кто другой могъ быть здѣсь въ этомъ глухомъ мѣстѣ и въ позднюю вечернюю пору?

— Ты давно тутъ? — спросилъ Желябовъ.

— Да съ полчаса уже есть. Я нарочно пришелъ раньше, чтобы осмотрѣться и облюбовать мѣсто. Пойдемъ къ Малой Невѣ, на Тучкову набережную. Тамъ доски навалены, сторожей нѣтъ. Тамъ и потолкуемъ.

Увязая въ глубокомъ снѣгу они прошли на край проспекта, свернули мимо высокаго забора на Неву и здѣсь, у высокихъ штабелей съ досками, сѣли на бревнахъ.

— Хорошее мѣстечко, только курить не приходится, ну да это дѣло десятое.

— Сдавай отчетъ, Степанъ, — сказалъ коротко Желябовъ.

Съ Халтуринымъ Желябову было легко. Степанъ, какъ и Андрей, былъ изъ крестьянъ. Андрей былъ изъ Таврической губерніи — Степанъ изъ Вятской. Онъ уже работалъ въ партіи нѣсколько лѣтъ и былъ однимъ изъ главныхъ основателей «Сѣверно-Русскаго рабочаго союза». Онъ не былъ такъ образованъ, какъ Желябовъ, но онъ былъ уменъ отъ природы. Онъ не увлекался крестьянской общиной и, когда, однажды, Плехановъ изложилъ Халтурину съ обычнымъ ему пыломъ содержаніе народнической книги объ общинномъ землепользованіи, тотъ съ недоумѣніемъ замѣтилъ: — «неужели это такъ дѣйствительно важно?» — «А что же важно?» — спросилъ Плехановъ. — «Важно?.. Самостоятельная рабочая партія. Всеобщая стачка въ Петербургѣ, чтобы газа не подавать и водопроводъ не работалъ. А съ самаго начала — уничтожить Царя. Онъ всему голова — ее, эту голову и срубить!...» Желябовъ тогда и приблизилъ Халтурина и теперь далъ ему самое ответственное порученіе.

— Отчетъ? Что-же? Отчетъ сдать, — медленно сказалъ Халтуринъ. — Съ моей стороны работа сдѣлана на совѣсть. Остановка съ вашей стороны. Исполнительный комитетъ самъ на голову гадить, срываетъ настоящее дѣло.

— Ну-те?

— Я тебѣ, Андрей Ивановичъ, еще тогда говорилъ — мало одного пуда динамита! Тутъ трехъ пудовъ и то мало.

Вѣдь эдакій случай — въ самое ихъ паучье гнѣздо я забрался. Тутъ надо такъ шарахнуть, чтобы полъ квартала снесло. Чтобы до самого Адмиралтейства все къ чертовой матушкѣ полетѣло.

— Я такъ и докладываль Комитету. Много людей, Степанъ погибнетъ. Нехорошее впечатлѣніе оставить въ народѣ. Намъ вѣдь и съ этимъ считаться приходится.

— Эхъ, Андрей Ивановичъ, Андрей Ивановичъ. Что говоришь и кому? А Царь... Скажи мнѣ, Царь, и его прислужники 30-го августа подъ Плевной, когда пирогъ съ людской начинкой учиняли Царю на именины поднести, что они считали жертвы, ай нѣтъ? Тамъ тыщи людей положили. Скобелевы, Гурки... А ты для такого дѣла жалѣешь?

— Мнѣ сказали — пуда довольно. А то вѣдь и раньше времени обнаружиться можетъ и тогда все погибнетъ.

— Пуда, говоришь, довольно, Андрей Ивановичъ? Ты меня спроси — довольно или нѣтъ?.. Ну, дѣло ваше... Такъ вотъ, слушай. Въ октябрѣ, значить, я поступилъ. Опредѣлили меня подъ именемъ Батышкова слесаремъ въ самый Зимній дворецъ. Поставилъ меня нѣмецъ подрядчикъ. Видать — я ему понравился. Что-же, хотя и молодъ я, а людей по своему ремеслу повидалъ. Господское обхожденіе знаю. Поселили меня въ подвалѣ. Комнату отдѣльную отвели, а для надзора за мною въ томъ-же подвалѣ жилъ старый жандармъ съ дочерью. Ну, самъ понимаешь, старикъ одинокій, то-то, то-другое у него неисправно — слесарь человѣкъ ему нужный. Я ему то-то, то-другое услужу, и такъ мы съ нимъ дружно, да ладно зажили, что онъ и дочку свою сталъ мнѣ сватать. Въ октябрѣ Царя не было. Онъ къ душенькѣ своей въ Крымъ уѣхалъ. Вся дворцовая лакуза распустилась, по дворцу чуть что не безъ штановъ бродить, крадеть что можно и гдѣ только можно — и вино, и хлѣбъ и конфеты и бѣлье, и мнѣ, чтобы отъ нихъ не отстать тоже красть приходилось — ну, да это дѣло десятое... Работы у меня много. Водопроводъ почти вездѣ неисправный, тамъ вода не течетъ, тамъ вода не уходитъ, тутъ замокъ ослабѣлъ — и я по всему, значить, дворцу хожу, все мнѣ показываютъ и обо всемъ болтаютъ. Я и не спрашиваю, такъ мнѣ, новому человѣку, рады все поразсказать

отъ скуки. Вотъ я все и узналъ... Взрывать? Откуда-же я могу взрывать, какъ только изъ своей комнаты? Тамъ приладилъ я у стѣны свой сундукъ, будто съ платьемъ и съ инструментомъ. И натаскалъ я туда съ Баскова динамита. Вотъ смотри, значить...

Халтуринъ пальцемъ на снѣгу сталъ чертить линіи, составляя планъ дворца. Въ мутномъ свѣтѣ ночи Желябовъ съ трудомъ различалъ изображеніе.

— Вотъ, гляди — это будетъ, значить, подвалъ. Тутъ вотъ моя комната. Такъ постель моя стоитъ, надъ нею икона съ лампадкой, честь честью, а мнѣ при лампадкѣ и во все удобно по ночамъ работать. Эта стѣна будетъ капитальная — до самага до верху. Значить, къ ней и ставить — какъ ахнетъ — всѣ этажи потрясетъ. Только мало... Мало, говорю, динамита. Куда-же пудомъ дворецъ цѣлый рушить, только людей насмѣшимъ. Ну вотъ, значить, тутъ я сундукъ и поставилъ. Въ немъ динамитъ. Не хорошо, что пахнетъ. Меня жандармъ уже спрашивалъ: — «чего это, молъ, Степанъ, у тебя такъ неподобно пахнетъ?» — «Дыкъ, какъ-же» — говорю ему — «самъ знашь — понимаешь, лудить паятъ мнѣ приходится, безъ кислоты не обойдешься. Съ нея и запахъ. Опять-же въ ватеръ-клозетахъ работаю, тамъ надо карболкой заливать — вотъ и пропахла вся моя даже одежда»... Промолчалъ. Повѣрилъ, нѣтъ-ли, не знаю — его дѣло. А только надо спѣшить. Надо мною — габвахта главного дворцоваго караула. Ну, пострадають солдатики, такъ черта ли намъ о нихъ думать. Царь, небось, не думалъ, когда на Шипкѣ людей морозилъ, на штурмы посылалъ. Тутъ будетъ габвахтное крыльцо, тутъ дверь, тутъ офицерская комната, на антресоли надъ нею офицеръ казачій изъ разъѣзда ночуетъ и, когда Нева не стамши, Гвардейскаго экипажа офицеръ, командиръ Царскаго катера. Видишь, все досконально узналъ. Повыше, во второмъ, значить, этажѣ — большая столовая, по ней и надо бить...

-- Царь всегда въ ней обѣдаетъ?

-- Въ томъ-то и бѣда моя, Андрей, что почти что никогда. Царь вотъ гдѣ живетъ, — видишь — Халтуринъ показалъ на снѣгу мѣсто въ сторонѣ отъ сдѣланнаго чертежа. — Далеко! Внутренніе покои называются. Тамъ Импе-

ратрица больная, ну и онъ тамъ. Мнѣ лакеи сказывали, что такъ по этикету ихъ полагается. Только лакуза говорила — Царь часто захаживаетъ на фрейлинскую половину. Мнѣ опять таки все пояснили, почему и отчего. Есть — фрелины городскія — тѣ такъ себѣ, тѣ не въ счетъ, ихъ только на балы и выходы приглашаютъ, и есть, при Государынѣ, какъ бы сказать — фрелины казенныя — тѣмъ полагается казенная квартера. Такъ вотъ въ такой кварталѣ — вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ и живетъ фрелина — княжна Долгорукая. Государева душенька, при ней трое дѣтей. сынъ и двѣ дочки — Государевы дѣти и еще дама въ родѣ, какъ губернантка — Шебеко.

— Вотъ тамъ и бить.

— Что я, милый, безъ тебя этого не знаю. Поди-ка доберись. Пудъ динамита поставь тамъ, чтобы никто не видалъ... Когда Государя не было — я вездѣ былъ, все высмотрѣлъ, по уборнымъ лазилъ, подъ кровати смотрѣлъ — нельзя-ли куда поставить — нельзя!.. И нельзя!.. А теперь тамъ вездѣ полно народа. Караулы, охрана, лакузы у каждой, даже, двери. Я уже думалъ — провода, какъ провести — будто-бы отъ звонковъ... Ни-какъ нельзя. Только это мѣсто и есть. Другого нѣтъ. Ну, да самъ знаешь-понимаешь, какъ солдаты поютъ «горе не бѣда» — и тутъ будетъ ладно. Только динамита давай больше и дай мнѣ дня за два знать, когда у Государя будетъ званный обѣдъ, когда вся Царская фамилія у него соберется — тогда обѣдъ сервированъ будетъ въ большой столовой — я машинку поставлю, да и до свиданья, только меня и видѣли.

— Что-жъ, узнать?.. Узнать — это можно. У насъ есть такіе подходящіе люди, — сказалъ Желябовъ и подумалъ о Вѣрѣ. — Я Сонѣ скажу, а какъ тебѣ-то дать знать?

— Да хотя мнѣ отлучаться и не просто, особенно по вечерамъ — ну да можно, скажу ко всенощной хожу. Такъ вотъ каждую субботу на этомъ самомъ мѣстѣ между полъ седьмого и полъ восьмого. Только скорѣе бы надо!

— Скорѣе... Это ужъ не отъ меня теперь зависеть. Ну, идемъ... А то еще не нанюхаль бы насъ тутъ ктонибудь...

— Э, милый, тутъ никого никогда нѣтъ. Когда потеплѣе было — бродяги иногда ночуютъ на сѣнныхъ баржахъ.

а теперь, въ морозъ, кому охота. У тебя я, чаю, ноги то застыли, пока я свой докладъ дѣлалъ.

— Да, есть малость.

Халтуринъ ногою смелъ сдѣланный имъ на снѣгу чертежъ и оба бодрымъ шагомъ, чтобы согрѣться пошли вмѣстѣ до Средняго проспекта, тамъ Халтуринъ пошелъ по 4-й линіи, а Желябовъ дошелъ до 8-й и кружными путями, заметая слѣды, сталъ выбираться къ себѣ въ Измайловскія роты.

XI.

Вѣра читала и перечитывала ту прокламацію, которую еще въ началѣ зимы дала ей Перовская. На листѣ почтовой бумаги, вѣроятно, раньше размоченной, и потому нѣсколько рыхлой, было напечатано: — «Отъ Исполнительнаго комитета»... Сухія, строгія, прямые и точно жестокія были буквы заголовка. Дальше мелкимъ сбитымъ шрифтомъ грязновато было напечатано: —

...«19-го ноября сего года, подъ Москвою, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, по постановленію Исполнительнаго Комитета, произведено было покушеніе на жизнь Александра II посредствомъ взрыва Царскаго поѣзда. Попытка не удалась. Причины ошибки и неудачи мы не находимъ удобнымъ публиковать въ настоящее время.

«Мы увѣрены, что наши агенты и вся наша партія не будутъ обезкуражены неудачей и почерпнутъ изъ настоящаго случая только новую опытность, урокъ осмотрительности а, вмѣстѣ съ тѣмъ новую увѣренность въ свои силы и въ возможность успѣшной борьбы.

«Обращаясь ко всѣмъ честнымъ Русскимъ гражданамъ, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы, мы еще разъ выставляемъ на видъ, что Александръ II является олицетвореніемъ деспотизма лицемѣрнаго, трусливо-кровожаднаго и все растлѣвающего. Царствованіе Александра II съ начала до конца — ложь, гдѣ пресловутое освобожденіе крестьянъ

кончается Маковскимъ циркуляромъ, а разныя правды, милости и свободы — военной диктатурой и вистѣлицами. Съ начала до конца оно посвящено упроченію враждебныхъ народу классовъ, уничтоженію всего, чѣмъ жить и хочетъ жить народъ. Никогда воля народа не попиралась болѣе пренебрежительно. Всѣми мѣрами, всѣми силами это царствованіе поддерживало каждого, кто грабитъ и угнетаетъ народъ, и въ тоже время повсюду, въ Россіи систематически искореняется все честное, преданное народу. Нѣтъ деревушки, которая не насчитывала нѣсколькихъ мучениковъ, сосланныхъ въ Сибирь, за отстаиваніе мірскихъ интересовъ, за протестъ противъ администраціи и кулачества. Въ Интеллигенціи десятки тысячъ челоѣкъ нескончаемой вереницей тянутся въ ссылку, въ Сибирь, на каторгу, исключительно за служеніе народу, за духъ свободы, за болѣе высокій уровень гражданскаго развитія. Этотъ гибельный процессъ истребленія всѣхъ независимыхъ гражданскихъ элементовъ упрощается, наконецъ, до вистѣлицы. Александръ II — главный представитель узурпаціи народнаго самодержавія, главный столпъ реакціи, главный виновникъ судебныхъ убійствъ. 14 казней тяготѣютъ на его совѣсти, сотни замученныхъ и тысячи страдальцевъ вопіютъ объ отомщеніи. Онъ заслуживаетъ смертной казни за всю кровь, имъ пролитую, за всѣ муки имъ созданныя.

«Онъ заслуживаетъ смертной казни. Но не съ нимъ однимъ мы имѣемъ дѣло. Наша цѣль -- народная воля народное благо. Наша задача: -- освободить народъ и сдѣлать его верховнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Если-бы Александръ II созналъ, какое страшное зло онъ причиняетъ Россіи, какъ несправедливо и преступно созданное имъ угнетеніе и, отказавшись отъ власти, передалъ ее всенародному Учредительному Собранію, избранному свободно посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, снабженному инструкціями избирателей — тогда только мы оставили-бы въ покоѣ Александра II и простили-бы ему всѣ его преступленія»...

Зимнія сумерки тихо входили въ комнату Вѣры. Сгустились по угламъ тѣни. Противъ Вѣры въ золотой рамѣ висѣлъ большой литографированный портретъ Императора Александра II. Вѣра смотрѣла на него и думала: - - «все

ложь! Грубая, ничѣмъ неприкрытая ложь! Государь — «деспоть, трусливо кровожадный и все растлѣвающий»...

Въ легкой дымкѣ сумерекъ передъ Вѣрой было прекрасное лицо Государя. Его большіе, грустные глаза задумчиво смотрѣли съ портрета на Вѣру. Отсвѣтъ зимняго дня сквозь замороженный стекла ложился на Государево лицо, двигались тѣни и лицо казалось живымъ.

— «Деспоть?».. Вѣра, постоянно присутствовавшая при разговорахъ у дѣдушки, знала всю жизнь Государя.

Деспоть?.. Самодержецъ?.. Вѣра знала, что, отправляя въ ноябрѣ 1876-го года на войну своего брата, Николая Николаевича Старшаго, Государь поставилъ цѣлью войны — Константинополь... Какъ хотѣлъ онъ прославить Россію этимъ великимъ завоеваніемъ — полнымъ освобожденіемъ Балканскихъ народовъ отъ турецкаго владычества.

Константинополь! Но война еще не началась, какъ Государя окружили масонскія вліянія, какъ дипломатія стала давить на Государя и заставила его — д е с п о т а и с а м о д е р ж ц а написать письмо англійской королевѣ Викторіи и обѣщать ей, что Русскія войска не войдутъ въ Константинополь. Масоны грозили, что, если этого не будетъ сдѣлано — Англія и Австрія объявятъ войну Россіи и повторятся событія Севастопольской кампаніи...

Главнокомандующему и Брату сказано одно — даль Королевѣ слово исполнить другое... Легко было это Государю?.. Гдѣ же личное, гдѣ же деспотизмъ и самодержавіе? — Напротивъ, именно Государь жертвовалъ своимъ самолюбіемъ ради пользы народа.

Начались рѣшительныя побѣды. Сдался Османъ паша. Армія Сулеймана была отрѣзана отъ Адріанополя. Укрѣпленный природой и иностранными инженерами, Адріанополь былъ занятъ коннымъ отрядомъ Струкова. Намыкъ-паша, почтенный турокъ, старикъ, парламентаръ, со слезами сказалъ: — «Турція пропала!»... Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій спѣшилъ къ Константинополю. Между Адрианополемъ и Петербургомъ шелъ непрерывный обмѣнъ телеграммъ.

У дѣдушки Афиногена Ильича старый конвонецъ, свитскій генералъ Ханъ Чингисъ-ханъ рассказывалъ: — англій-

скій флотъ появился у Принцевыхъ острововъ, Румыны стали нахальничать и отводить свои войска къ Австрійской границѣ — своя рубашка ближе — боялись Австріи, на Дунаѣ одинъ изъ двухъ мостовъ былъ сорванъ бурей, тифъ косилъ нашу армію.

— Несмотря на все это — говорилъ съ Кавказскимъ акцентомъ Чингисъ-ханъ — Михаилъ Скобелевъ занимаетъ Чаталджу. Турокъ трепещетъ. Мы черкески себѣ новыя шьемъ — съ Николаемъ Николаевичемъ въ Константинополь входить будемъ... Турки хотятъ подписать, наши условия мира — англичанка ихъ настраиваетъ. Нах-ха-лы! Николай Николаевичъ выводитъ армію «въ ружье». Сичасъ идемъ на Константинополь! Турки и хвосты поджали... Что ты думаешь?.. Телеграмма отъ Государя: — «не входите въ Константинополь».. Великій Князь - - Братъ Государя.. Какъ можетъ онъ не исполнить приказа Государя? Былъ бы Скобелевъ на его мѣстѣ, вошли бы туда. Тотъ пошелъ бы на это — казни меня, а Константинополь твой!... Но понимаешь, Великій Князь не можетъ такъ поступить вопреки воли Государя... Телеграмма!...

Вчера, въ кабинетѣ Афиногена Ильича горячо и страстно говорили объ этомъ. Порфирій говорилъ, что эти темныя англійскія масонскія силы вмѣшались въ дѣло войны. Онъ поссорили Государя съ Великимъ Княземъ и внушили Государю недовѣріе къ Брату.

— Ты знаешь, папа, мы стали въ угоду кому то умалять заслуги наши и наши побѣды. О войнѣ перестали писать и говорить.

— Подумаешь, какія интриги, сказала съ грустью Лиля.

— Москва готовила триумфальную встрѣчу Великому Князю Главнокомандующему. Великому Князю приказали ѣхать, минуя Москву. А когда Великій Князь пріѣхалъ въ Петербургъ, Государь обласкалъ его, пожаловалъ званіемъ фельдмаршала и повелѣлъ поѣхать «отдохнуть» въ Парижъ. Почетная ссылка!

Печальными глазами Вѣра смотрѣла, какъ погасалъ свѣтъ на Государевомъ портретѣ.

«Самодержецъ?.. Деспотъ?.. Нѣтъ — бѣдный, бѣдный

Государь. Какая бездна интригъ, вліяній, темныхъ силъ окружаетъ его въ громадной его дѣятельности. Члены «исполнительнаго комитета» и не подозрѣваютъ, какъ это совсѣмъ не просто быть самодержцемъ и деспотомъ...».

«Трусливо кровожадный»... Вѣра знала, что Государь ничего не боялся. При всѣхъ покушеніяхъ на него онъ оставался спокойнымъ и хладнокровнымъ.

Царствованіе Государя Императора Александра II ложь?.. Нѣтъ ложь — прокламація исполнительнаго комитета! За Государемъ — огмѣна тѣлесныхъ наказаній, а не Маковский циркуляръ... За Государемъ — гласное судопроизводство... Казни? Вѣру Засуличъ — оправдали... Вѣра Фигнеръ на свободѣ... Перовская... Я! Я!! Я!!! «Нѣтъ деревушки, которая не насчитывала бы нѣсколькихъ мучениковъ»... Ложь! Вѣра знаетъ много деревень и не слыхала ни объ одномъ мученикѣ, если не считать воровъ и конокрадовъ. Они пишутъ о десяткахъ тысячъ казенныхъ и сами потомъ пишутъ, что казнено всего 14 человекъ... А сколько гибнетъ при вашихъ... при н а ш и х ъ покушеніяхъ совсѣмъ неповинныхъ людей! Ложь! Ложь!! Не даромъ Перовская при первомъ урокъ революціонной дѣятельности сказала, что нужно научиться — лгать...

Вѣра шла строить великое будущее Русскаго народа. Она говорила о работѣ въ народѣ, дѣятельности по роману Чернышевскаго «Что дѣлать»... Но когда-же, какъ все это обернулось въ приговоръ къ смертной казни!.. к а з н и !!! К А З Н И !!! Государю..

Какъ-же проглядѣла все это Вѣра?.. Какъ не поняла она того, что замышляется вокругъ нея? А взрывы? Развѣ не догадалась, что взрывы, о которыхъ, какъ о героизмѣ говорилось — это казни!.. К а з н ь !.. и они — палачи!..

Вѣра подняла голову. Безконечная печаль была въ ея глазахъ... Эти люди — народовольцы и народоволки — маіаки... Сумасшедшіе... Ихъ цѣль — убійство. Они говорятъ объ этомъ такъ просто. Для нихъ въ царѣ — нѣтъ человека. Актъ!.. Они убиваютъ изверга, тирана, Для нихъ Государь — «объектъ» дѣйствія, который не чувствуетъ, не страдаетъ, не живетъ...

Какъ же она то, Вѣра, связалась съ этими сумасшедшими?

На Воронежскомъ съѣздѣ они показались ей милыми, простыми людьми... Вѣру подкупило ихъ полное довѣріе къ ней...

Они пѣли широкія Русскія пѣсни, они были такими Русскими. И Вѣрѣ тогда показалось, что она попала въ особенный очаровательный своей простотой міръ, гдѣ свобода, равенство и братство. Гдѣ нѣтъ условностей ихъ «буржуазнаго», «мѣщанскаго» міра. А оказалось... Оказалось, что она попала въ стаю кровожадныхъ волковъ, травившую Государя...

Подъ Новый этотъ годъ, когда Афиногенъ Ильичъ уѣхалъ на «выходъ» въ Зимній дворецъ, Вѣра переодѣлась въ скромное платье и поѣхала въ Басковъ переулокъ на заговорщицкую квартиру. Ей это казалось тогда подвигомъ и такъ все тамъ было интересно.

Тамъ собрались всѣ подпольщики... Тѣ, кто готовили Государю казнь... Палачи.

Тамъ было непринужденно весело. Жидовка Геся Гельфманъ, какъ и на съѣздѣ, готовила бутерь-броды, раскладывала на блюдѣ пирожныя, хлопотала съ угощеньемъ. И, то, что Геся была безобразна, что всѣ ее называли просто «Гesia» казалось Вѣрѣ трогательнымъ...

Андрей разошелся во всю. Въ вышитой бѣлой рубахѣ, подъ распахнутымъ пиджакомъ онъ казался особенно красивымъ. Онъ оправился отъ потрясеній взрыва, сталъ сытѣе и былъ непринужденно веселъ. Хозяиномъ ходилъ онъ по квартирѣ, заложивъ руки въ карманы, каждому хотѣлъ сказать что нибудь милое, доброе, ласковое. Онъ подошелъ къ Гельфманъ и остановился надъ подносомъ, уставленнымъ тарелками, на которыя Гельфманъ накладывала розовые кружки вареной колбасы, селедку, кильки, кусочки сыра и хлѣбъ.

— Славная вы наша хлопотунья, милая Геся, — сказалъ онъ. — Какъ все у васъ красиво разложено... И пахнетъ! И лучкомъ и чесночкомъ! А у меня, знаете, аппетитъ, какъ у голоднаго крокодила. Ей-ей! Я могу съѣсть домъ.

Гesia влюбленными томными глазами смотрѣла на Андрея и лицо ея хорошѣло.

— Не улещивайте, Андрей. Раньше срока ничего не получите. Не подбирайтесь и подъ пирожныя. Все равно — не дамъ.

Революціонеры рассказывали свои приключенія. Сколько разъ эти люди едва не попадались въ руки полиціи, и уходили — то благодаря находчивости, или потому, что товарищи успѣвали во время предупредить объ опасности.

Послѣ ужина, на кругломъ столѣ посерединѣ комнаты поставили суповую миску, утвердили въ ней сахарную голову, положили лимона, корицы, ванили, налили вина, потомъ потушили свѣчи, облили голову ромомъ и зажгли.

Синее пламя бродило по сахару и набрасывало трепетный свѣтъ на лица окружавшихъ чашу мужчинъ. Морозовъ, за нимъ Андрей и Колодкевичъ вынули изъ ноженъ, спрятанные въ карманахъ кинжалы и положили ихъ на чашу. Перовская подливала ромъ.

И вдругъ, разомъ, Андрей только рукою повелъ, грянули пѣсню: —

— Ой не дивуйтесь, добріі люде,
Що на Вкраїні повстало...

Умѣряя голоса загудѣли таинственно: —

— Там за Дашевим, під Сорокою
Множество ляхів пропало...

У Вѣры мураши побѣжали по тѣлу. Запахъ рома пьянилъ, пѣніе волновало, и сладостно было сознаніе, что она съ ними, дѣлающими какое то таинственное страшное дѣло, идущее ко благу народа. Она — ихъ!..

За каждымъ изъ нихъ гонялась полиція, каждого ожидали холодныя тюремныя стѣны каземата, ссылка, каторга, можетъ быть — висѣлица.

Все шумѣе и пьянѣе становилась бесѣда. Чокались липкими стаканами съ ароматной жженкой, пили — «за свѣтлое будущее!».

— Не мы — такъ другіе!

— За счастье народа!

— Въ прошломъ году не удалось — — удастся въ нынѣшнемъ!

— Съ новымъ годомъ!

— Съ удачей!

Пѣли марсельезу. Задорный мотивъ ея уносилъ Вѣру изъ дѣйствительности, гналъ куда то въ безпредѣльность.

— Эти послѣднія капли пусть будутъ послѣдними каплями чаши неволи!

Кто-то по-польски запѣлъ революціонную пѣсню, но ее никто не зналъ и запѣвшаго не поддержали.

Когда допили послѣднія капли «чаши неволи» столъ отставили въ сторону, Ольга Любатовичъ сѣла за пьянино и съ шумомъ и притопываніемъ, шутками и припѣвая отплясали кадрили. Вѣра танцевала съ Сухановымъ, противъ нея были Андрей съ Перовской. Потомъ плясали польку и вальсъ.

Никогда Вѣра такъ искренно не смѣялась и не веселилась, какъ на этой товарищеской вечеринкѣ подъ новый 1880-й годъ.

Андрей скинулъ пиджакъ и задорно запѣлъ:

— Ахъ вы Сашки-канашки мои
Размѣняйте вы бумажки мои,
А бумажки все новенькія —
Двадцати пяти рублевенькія...

и громохая каблуками пустился въ присядку.

Въ мутномъ разсвѣтѣ зимняго утра Вѣра возвращалась домой. Не вмѣщалось въ ея головѣ, что эти безпечные, веселые люди — убійцы, что они палачи, что они готовили смерть Государю. Это просто была какая то необычайно заманчивая, увлекательная игра.

Вѣра прокралась въ свою комнату, боясь разбудить дѣвушку или лакея и легла спать.

Тогда — казалось весело. Теперь, въ сотый разъ перечитывая прокламацію, — поняла — сумасшедшіе... Изверги... палачи... б ѣ с ы !

Ужась охватилъ ее. Она сидѣла въ темной комнатѣ и думала: — «что же можетъ она геперь дѣлать?.. Какъ выйти изъ этой пропасти, куда такъ легкомысленно она попала?..

«Донести? Все рассказать, во всемъ покаяться дѣдушкѣ Афиногену Ильичу, или Порфирію?.. Она никакою клятвою не связана. Она не вступала въ партію, не давала слова молчать, не присягала. Но она была связана большимъ, чѣмъ все это — ихъ полнымъ довѣріемъ.

При ней читали уставъ исполнительнаго комитета партіи народной воли: —

«Въ Исполнительный Комитетъ можетъ вступить только тотъ, кто согласится отдать въ его распоряженіе всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и объ условіяхъ выхода изъ него не можетъ быть и рѣчи»...

Вѣра не вступала въ Исполнительный Комитетъ и не давала никакого согласія. Она сидѣла тогда, прижавшись къ Перовской, и дрожала внутреннею тихою дрожью. Она тогда поняла — ей выхода нѣтъ!

Теперь она знала многое. Она знала, что арестованный съ динамитомъ осенью прошлаго года Гольденбергъ всѣхъ выдалъ и полиція разыскиваетъ названныхъ имъ лицъ. Вѣра знала, что Окладскій, котораго подозрѣваютъ въ томъ, что онъ перерѣзалъ провода у Александровска измѣнилъ партіи и служить въ Охранной полиціи. Они это дѣлали легко и просто. За ними не стояло воспитаніе прошлаго, предки, сознаніе своего благородства. Вѣра этого никогда не сдѣлаетъ. Она И ш и м с к а я и за довѣріе не заплатитъ предательствомъ.

Уйти?..

Вѣра чувствовала, что не только уйти не сможетъ, но исполнить все то, что ей оттуда прикажутъ. Съ несказаннымъ послѣднимъ ужасомъ, какой только бываетъ въ кошмарномъ снѣ Вѣра чувствовала, что между ними и ею протянуты невидимыя тонкія нити, и что эти нити прочнѣе стальныхъ канатовъ держатъ ее при нихъ и что ей отъ нихъ никогда не уйти.

Вѣра опустила прекрасную голову на руки и беззвучно плакала горькими слезами отчаянія.

Ночь тихо вошла въ комнату. Сквозь тюлевья гардины стали видны шесть стеколъ высокаго окна, разубранныхъ морозомъ. Неизъяснимая печаль была въ этомъ ночномъ свѣтѣ, входившемъ въ крошечный мракъ комнаты, гдѣ уже ничего нельзя было разсмотрѣть.

ХІІ.

Сухановъ разыскалъ Вѣру на Таврическомъ каткѣ.

При свѣтѣ морознаго зимняго дня Вѣра увидѣла, какъ постарѣлъ и осунулся Сухановъ за этотъ годъ революціонной работы. Вѣра знала, что онъ весь отдался помощи народовольцамъ, что онъ поставлялъ Ширяеву въ его динамитную мастерскую запальныя шашки и капсюли съ гремучей ртутью, что онъ являлся техническимъ помощникомъ Ширяева. Онъ былъ обреченъ и онъ зналъ это. Въ его глазахъ Вѣра примѣтила страшный огонь безумія. Бѣсъ владѣлъ имъ.

— Вѣра Николаевна, какъ я радъ, что нашелъ васъ, — торопливо сказалъ Сухановъ. — Софья Львовна проситъ васъ непременно придти къ ней завтра утромъ.

Сказалъ и сейчасъ-же ушелъ съ катка, точно боялся быть узнаннымъ и схваченнымъ тамъ.

Вѣра пошла къ Перовской.

Перовская была необычайно нервна и возбуждена. Она внимательно посмотрѣла прямо въ глаза Вѣрѣ и сказала: —

— Что это, Вѣра Николаевна, вы къ намъ давно не заходите?

— Такъ... Какъ то не пришлось. Мнѣ это время все нездоровится, Соня... А ты не помнишь, мы съ тобой на «ты» выпили подъ новый годъ...

— Ахъ, да. Точно... Ты, Вѣра, что? — строго глядя Вѣрѣ въ глаза, сказала Перовская.

— Я? Ничего, — сказала Вѣра. — Сухановъ сказалъ мнѣ, чтобы я къ тебѣ зашла.

— Вотъ что, Вѣра... Окажи мнѣ маленькую услугу. Узнай у твоего генерала, когда у Царя будетъ званый обѣдъ и обѣдать будутъ въ большой столовой надъ гауптвахтой? Ты общаешься мнѣ это сдѣлать?

Вѣра хотѣла отказаться, хотѣла в с е сказать. Но Перовская такъ строго и внимательно посмотрѣла на Вѣру, что та промолчала...

Въ этотъ вечеръ Вѣра заговорила съ дѣдушкой о томъ, что ожидается до Великаго Поста при Дворѣ.

Бѣсы владѣли Вѣрой. Она уже не отдавала себѣ отчета, что она дѣлаетъ, она чувствовала себя во власти этой женщины съ прямымъ, не ломающимся взглядомъ узко поставленныхъ маленькихъ глазъ.

На другое утро она бѣжала, гонимая какою то странно силой къ Перовской, чтобы сказать ей, что 5-го февраля ожидается пріѣздъ ко Двору Принца Александра Гессенскаго и что въ этотъ день въ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера въ большой столовой Зимняго Дворца въ Высочайшемъ присутствіи состоится парадный обѣдъ.

— Вотъ и спасибо, Вѣрочка, — сказала Перовская, — очень меня ты этимъ утѣшила.

Она сейчасъ-же простилась съ Вѣрой и сказала, что ей очень нужно спѣшить по дѣлу.

5-го февраля Желябовъ со стороны Александровскаго сада и Перовская отъ арки Главнаго Штаба съ 6-ти часовъ вечера наблюдали за Зимнимъ Дворцомъ.

XIII.

Императрица Марія Александровна давно хворала и не выходила изъ своихъ покоевъ. Зимой 1880-го года болѣзнь усилилась и врачи стали опасаться за ея жизнь. Принцъ Александръ Гессенскій пріѣхалъ изъ Дармштадта навѣстить Императрицу и на 5-е февраля былъ назначенъ для него па-

радный обѣдъ. Въ виду тяжелаго состоянія здоровья Императрицы на обѣдъ должны были быть только самые близкіе родственники Государя, военный министръ Милютинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль Лорисъ Меликовъ. и другъ Императора Александра II прусскій генераль адъютантъ фонъ Швейницъ. Зная симпатіи стараго генерала Разгильдяева къ нѣмцамъ Государь назначилъ Афиногена Ильича въ этотъ день на дежурство.

Въ 12 часовъ дня, въ присутствіи Афиногена Ильича, произошла смѣна дворцовыхъ карауловъ. Былъ сильный морозъ — 20 градусовъ — музыка не играла и рота наружнаго караула вступила на гауптвахтную площадку съ барабаннымъ боемъ.

Наружный караулъ заняла 7-я рота Лейбъ Гвардіи Финляндскаго полка, во внутреннемъ караулѣ сталъ взводъ отъ 5-й роты того-же полка.

Афиногенъ Ильичъ подтвердилъ дежурному по карауламъ, чтобы часовыхъ смѣняли каждый часъ, посмотрѣлъ смѣну часовыхъ у дворцовыхъ воротъ и вернулся во дворецъ на дежурство. Государь не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ и отмѣнилъ обычную свою прогулку по Лѣтнему саду.

Черезъ замороженные окна дворца была видна Нева, робкое блистаніе снѣга подъ низкимъ, краснымъ, точно холоднымъ солнцемъ, бѣгъ саней по переѣздамъ. Къ пяти часамъ стало смеркаться. Въ залахъ спустили холщевыя шторы, въ маломъ залѣ задернули портьеры и зажгли газовую люстру въ хрустальныхъ подвѣскахъ.

Приглашенные къ Высочайшему столу собирались въ маломъ залѣ подлѣ столовой. Въ открытыя двери былъ виденъ большой столъ, хрусталь, золотая посуда и лакеи въ расшитыхъ позументомъ съ черными государственными гербами старинныхъ кафтанехъ алаго сукна, въ бѣлыхъ панталонахъ и щиблетахъ.

Государь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ съ красавицей супругой Маріей Θεодоровной, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Братъ Государя, лица Свиты и дежурство ожидали Государя и принца Гессенскаго. По этикету Принцъ Гессенскій долженъ былъ прибыть раньше Госуда-

ря, но было уже безъ трехъ минутъ половина седьмого, а принца все не было.

Ровно въ половину седьмого — еще не замолкъ оди-ночный мелодичный ударъ бронзовыхъ часовъ на каминѣ — двери распахнулись и быстрыми шагами въ залъ вошелъ Го-сударь. Онъ былъ въ свитскомъ мундирѣ съ вензелями сво-его отца Николая I и въ длинныхъ краповыхъ чакчирахъ. Быстрымъ взглядомъ прекрасныхъ глазъ Государь окинулъ всѣхъ собравшихся въ залъ и своимъ невнятнымъ карта-вымъ голосомъ сказалъ: —

— А его высочество, пг'инцъ Александръ?

Афиногенъ Ильичъ почтительно доложилъ: —

— Ваше Императорское Величество, его высочество принцъ Гессенскій еще не прибылъ.

— А... Что-жъ, подождемъ... *Un quart d'heure de grâse*, — нахмуривая брови, сказалъ Государь.

Самъ никогда не опаздывавшій Государь не любилъ, чтобы другіе опаздывали и заставляли его ждать.

— Какой морозъ! У меня въ кабинетѣ, у камина ноги стыли... Разгильдяевъ, кому это часъ тому назадъ звони-ли на гауптвахтѣ?

— Ваше Императорское Величество, это командиръ полка, полковникъ Теннеръ, пріѣзжалъ провѣрять карауль. Вызывали караульнаго унтеръ-офицера.

— Въ такой могозъ! Что ему провѣгать? Когда стоятъ Финляндцы можно быть спокойнымъ. Отличнѣйшій полкъ. Ты говогиль, чтобы смѣняли часовыхъ ежечасно?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество.

— Если нужно — то и черезъ полчаса... Вѣдь это сов-сѣмъ, какъ на Шипкѣ. И вѣтеръ съ Невы.

Часовая стрѣлка подходила къ тридцати пяти минутамъ. Прошло всего пять минутъ, но казалось, что прошло очень много времени. Цѣлая вѣчность. Наконецъ, появился и Принцъ.

— Простите, Ваше Величество, — по нѣмецки началъ онъ, — мои часы.

— Полно милый, Государь взялъ Принца подъ ру-

*) Четверть часа изъ милости.

ку и вопросительно взглянул на стоявшего въ дверяхъ столовой толстаго метръ-д-отеля. Тотъ понялъ взглядъ и торжественно провозгласилъ:

— Ваше Императорское Величество, обѣденное кушанье подано...

Государь пошелъ къ дверямъ столовой...

Государю показалось, что ему дѣлается дурно и онъ схватился рукою за сердце. На его глазахъ громадная стѣна, отдѣлявшая залъ отъ столовой съ зеркалами и картинами вдругъ пошатнулась и стала валиться. Изъ оконъ со звономъ посыпались на полъ стекла, люстра мгновенно потухла и въ тотъ же мигъ страшный гулъ взрыва оглушилъ Государя. Передъ нимъ изъ столовой метнулось яркое ослѣпляющее пламя, столовая исчезла, послышался грохотъ падающихъ камней, балокъ, лязгъ желѣза, звонъ стекла, крики и стоны, потомъ на мгновеніе все смолкло и снизу изъ образовавшейся передъ самымъ Государемъ бездны, уходившей въ хаосъ, наваленныхъ деревянныхъ балокъ и камней стали снова слышны крики и стоны и четко внизу, откуда клубами входилъ въ залъ морозный паръ раздалось два удара колокола и кто то, очевидно «часовой у фронта» громко и рѣшительно крикнулъ: —

— Караулъ вонъ!

Государь стоялъ надъ бездной. Презрительная улыбка была на его прекрасномъ лицѣ.

— Куда забгались..., -- сказалъ Государь. --- А? Разгильдяевъ, поди узнай, что въ каг'аулѣ. Тамъ что-то ужасное.

— Ваше Величество, пожалуйста отсюда. Полъ можетъ обвалиться. Вы простудитесь.

Государь стоялъ въ морозныхъ парахъ. Онъ повернулся и снова сказалъ Разгильдяеву: —

— Поди, узнай, что у моихъ Финляндцевъ?

На платформѣ главной гауптвахты Разгильдяевъ нашелъ построенный караулъ. Раненые Финляндцы выходили и выползали изъ разрушеннаго помѣщенія и становились на свои мѣста.

— Что Государь? — спросил караульный начальник штабсъ-капитанъ Іелита-фонъ-Вольскій.

— Господь хранить Царскую Семью. Никто не пострадалъ. Войди они въ столовую минутой раньше — никого не осталось бы въ живыхъ. Государь приказалъ узнать, что у васъ?

— Сейчасъ окончили провѣрку. Убито одиннадцать, ранено пятьдесятъ три. Какъ видите больше половины караула нѣтъ. Караульный унтеръ офицеръ, фельдфебель Дмитріевъ такъ растерзанъ взрывомъ, что мы узнали его только по фельдфебельскимъ нашивкамъ. Знаменщикъ тяжело раненъ.

Въ ворота, въ сумракъ слабо освѣщеннаго дворцоваго двора, входила рота Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка, вызванная по тревогѣ на смѣну Финляндцамъ.

Морозный паръ стоялъ отъ дыханія надъ прибывшей ротой. Караулы смѣнились. Надо было смѣнять часовыхъ.

Къ Іелита-фонъ-Вольскому подошелъ начальникъ Преображенскаго караула.

— Какъ намъ быть, капитанъ? Ваши не сдають постовъ. Говорятъ — безъ разводящаго, или караульнаго унтеръ офицера сдать не можемъ.

— Они совершенно правы... Оба разводящіе убиты. Караульный унтеръ офицеръ тоже убитъ... Остается мнѣ идти и самому смѣнить посты.

Штабсъ-капитанъ Іелита-фонъ-Вольскій вынулъ соблю изъ ноженъ, сталъ рядомъ съ ефрейторомъ Преображенскаго полка, разводящимъ новаго караула и пошелъ смѣнять посты кругомъ дворца. Закоченѣвшіе часовые, увидѣвъ, что все исполняется согласно съ уставомъ сдавали посты. Когда возвращались на дворъ — тамъ уже были лазаретныя линейки и пожарныя дроги, раненыхъ и убитыхъ сносили къ нимъ. Часовой у знамени, рядовой Абакумовъ, не сдалъ своего поста Преображенскому часовому, а знаменщикъ, старшій унтеръ офицеръ Теличкинъ, весь въ крови, тяжело раненый, держалъ знамя и отказался передать его Преображенскому унтеръ-офицеру.

Пришелъ дежурный по карауламъ полковникъ Строевъ.

— Почему не сдаешь знамени? Тебѣ же трудно... Онъ

донесеть знамя до дворца Августѣйшаго Шефа Великаго Князя Константина Николаевича, — сказалъ онъ.

— Ваше Высокоблагородіе, отвѣчалъ Теличкинъ, — не гоже, чтобы знамя наше несть знаменщикъ чужого полка.

Строевъ посмотрѣлъ на знаменщика. Слезы показались на его глазахъ. Лицо знаменщика было смертельно блѣдно, покрыто синяками и кровоподтеками. Онъ едва держался на ногахъ.

— Да ты самъ то донесешь ли? — спросилъ Строевъ.

— Должонъ донести, — твердо отвѣтилъ Теличкинъ и донесу.

Когда ослабѣвая, теряя сознаніе Теличкинъ ставилъ знамя во дворецъ на мѣсто, къ нему вышелъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Онъ долго смотрѣлъ на знаменщика и, наконецъ, сказалъ умиляясь: —

— Неимовѣрные молодцы!

XIV.

На другой день, 6-го февраля, въ Зимнемъ дворцѣ, въ дворцовой церкви служили благодарственный молебенъ и послѣ былъ Высочайшій выходъ.

Въ Георгіевскомъ залѣ, группами по полкамъ стояли офицеры Гвардіи и Петербургскаго гарнизона. Тихій, взволнованный говоръ шелъ среди нихъ. Всѣ были потрясены случившимся, казалось невѣроятнымъ, что крамола зашла въ самый дворецъ.

Государь, спокойный и сосредоточенный, вышелъ въ залъ изъ церкви и направился прямо къ группѣ офицеровъ Финляндскаго полка. Онъ остановился противъ нея и нѣсколько мгновений смотрѣлъ затуманенными слезами глазами на офицеровъ.

— Полковникъ Строевъ, штабсъ капитанъ Іелита-фонъ-Вольскій, — вызвалъ Государь, — пожалуйста ко мнѣ. Поздравляю васъ моими адъютантами.

Обернувшись къ полковой группѣ офицеровъ. Государь сказалъ: —

— Благодагу васъ, Финляндцы!.. Вы, какъ и всегда, честно исполнили вашъ долгъ. Сегдечно жалѣю объ остальныхъ невинно погибшихъ жегтвахъ. Я не забуду оставшихся въ живыхъ и пострадавшихъ и обезпечу семейства несчастныхъ жегтвъ.

Послѣ «выхода» Государь со всѣми великими князьями поѣхалъ на Васильевскій островъ въ Финляндскій полкъ. Онъ прошелъ въ полковой лазаретъ и обласкалъ каждого изъ раненыхъ, послѣ прошелъ въ полковую церковь.

Неотразимо печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный видъ имѣла церковь въ эти часы. Передъ иконостасомъ высился страшный рядъ одиннадцати гробовъ, украшенныхъ вѣнками. Пахло смолистою хвоею набросанныхъ подлѣ еловыхъ вѣтвей. Государь твердыми шагами подошелъ къ убитымъ, перекрестился, долго всматривался въ спокойныя, восковыя лица солдатъ, накрытыя бѣлою кисеею и преклонилъ передъ ними колѣни.

Когда Государь поднялся — лицо его было мокро отъ слезъ.

— Какъ жаль мнѣ, — сказалъ Государь, — что эти несчастные погибли изъ-за меня.

Священникъ началъ панихиду. Государь отстоялъ ее впереди офицеровъ, подлѣ гробовъ и истово молился.

7-го февраля, несмотря на сильный морозъ, Государь поѣхалъ на Смоленское кладбище на похороны.

Подлѣ кладбищенской церкви были выстроены роты и эскадроны отъ всѣхъ гвардейскихъ частей. Плакучія ивы и березы были покрыты серебряной кисеей иней. По нимъ съ карканьемъ перелетали вороны и сбивали иней на землю. Все кладбище было черно отъ множества народа, пришедшаго помолиться за невинно пострадавшихъ Финляндцевъ. Въ морозномъ воздухѣ было тихо. Ярко блистало не грѣющее февральское солнце.

1) гробовъ съ прибитыми къ крышкамъ гвардейскими тесаками и кепи съ черными султанами были сплошь завалены вѣнками и цвѣтами. Торжественно было отпѣваніе солдатъ. Когда понесли гробы къ открытымъ могиламъ Государь зарыдалъ.

— Кажется, — сказалъ онъ, — что мы еще тамъ... на войнѣ, въ окопахъ подъ Плевной.

Гробы на полотенцахъ опускали въ могилы. Пушечные громы и залпы ружей полыхали надъ Смоленскимъ полемъ. Государь долго стоялъ надъ могилами и потомъ пошелъ, опустивъ голову къ санямъ и первый разъ сопровождаемый конвоемъ поѣхалъ въ Зимній дворецъ.

Бывшіе на похоронахъ долго не расходились. Прусскій Генераль фонъ Швейдницъ подошелъ къ командиру Финляндскаго полка полковнику Тернеру и сказалъ:

— Я имѣю вамъ сообщить. Я получилъ изъ Берлина телеграмму. По полученіи отъ меня подробнаго описанія взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и того, какъ велъ себя при этомъ караулъ вѣреннаго вамъ полка, императоръ Вильгельмъ I отдалъ по арміи приказъ, въ которомъ указалъ караульную службу нести такъ, какъ несъ ее Русскій Гвардейскій Финляндскій полкъ при взрывѣ дворца, 5-го февраля 1880-го года. Я думаю вамъ будетъ пріятно это услышать.

Въ толпѣ, расходившейся съ похоронъ, шло два прилично одѣтыхъ человѣка. Оба были въ мѣховыхъ шапкахъ, драповыхъ пальто и съ лицами, укрупненными отъ мороза шерстяными шарфами.

— Эхъ, Андрей Ивановичъ, — говорилъ тотъ, кто былъ поменьше другому высокому и статному, — вѣдь сколько разъ я докладывалъ, просилъ... Нѣтъ, не вѣрили мнѣ... А по иному бы все это повернулось. Другія похороны были-бы. Познатнѣе, побогаче...

— Ничего, Степанъ, дождемся и тѣхъ — богатыхъ!... Я уже придумалъ. Проще надо и рѣшительнѣе. Прямо къ цѣли...

— Такъ то оно такъ... Андрей Ивановичъ, только торопиться надо съ этимъ. Видали, какой восторгъ!... Какое было ура!.. Сто тысячъ рублей накидали для семей убитыхъ... А кабы да по моему — иначе все повернулось-бы:

— Придетъ, Степанъ, и наше время.

— Да, скоро-ли?..

— Скоро...

XV.

Желябовъ сознавалъ — надо было торопиться. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ далъ неожиданные результаты и нанесъ гяжкій ударъ партіи «народной воли».

До этого взрыва Государь, деликатный и безпечный, равнодушный ко всему, что касалось его личной охраны и глубоко, мистически вѣрующій въ Божественный Промыселъ, на этотъ разъ вышелъ изъ себя. Дѣло касалось не его одного. Одиннадцать гробовъ съ убитыми при взрывѣ Финляндцами, лазаретъ, полный ранеными, потрясли его. Какая же халатность, какая безпечность были кругомъ него, если преступники могли забраться въ самый дворецъ, угрожая его семьѣ, его гостямъ и всѣмъ приближеннымъ къ нему?

Указомъ 12 - го февраля была учреждена «Верховная распорядительная комиссія» подъ предсѣдательствомъ графа Лорисъ Меликова. Ей были даны диктаторскія полномочія въ дѣлахъ, касавшихся охраненія Государственного порядка и общественнаго спокойствія.

Лорисъ Меликовъ 6-го марта объявилъ, что онъ «не будетъ допускать ни малѣйшаго послабленія и не остановится ни передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество»..

Черезъ недѣлю Млодецкій стрѣлялъ въ Лорисъ Меликова, промахнулся, былъ схваченъ, судимъ полевымъ судомъ и казненъ черезъ двадцать четыре часа.

Лорисъ Меликовъ обратился за поддержкой къ обществу. Онъ писалъ: — «на поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти и возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества».

Нелюбимые чиновники были удалены. Убрали насадителя классическаго образованія и схоластики, мертвящей молодые мозги министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого и на его мѣсто назначили Сабурова. Былъ ослабленъ внутренній порядокъ въ учебныхъ заведеніяхъ, студенты

были одѣты въ форму. Административно высланные были возвращены. Земскія ходатайства удовлетворены.

— У насъ теперь, — оживленно, блестя глазами говорила Лиля — ее всѣ по прежнему называли «графиней Лилей» — диктатура сердца. И. какъ хорошо, что всѣ эти мелочныя заботы сняты съ Государя.

Ей вторилъ счастливый Порфирій:

— На Кавказѣ, — говорилъ онъ, смѣясь, — одна Кура — одинъ Терекъ, а въ Россіи олынъ Лорисъ — одынъ Меликъ!..

Афиногенъ Ильичъ задумчиво смотрѣлъ на своихъ «молдыхъ» — уже порядочно посѣдѣвшихъ.

— Шутки, Порфирій..., сказала Лиля. Въ Петербургѣ все шутки.

— Дошутятся когданибудь до чегонибудь отвратительнаго, — сказалъ Афиногенъ Ильичъ, и какъ то остро и пронзительно посмотрѣлъ на Вѣру.

Вѣра сидѣла на обычномъ своемъ мѣстѣ за круглымъ чайнымъ столомъ и молча слушала. За это время она похудѣла. Въ большихъ глазахъ ея были тревога и мука. Тяжелая внутренняя работа шла въ ней.

Порфирій продолжалъ:

— Мнѣ говорили, что съ осени III отдѣленіе Департамента полиціи будетъ упразднено, по всѣмъ губерніямъ посылаются сенаторскія ревизіи. Лорисъ Меликовъ предполагаетъ призвать общество къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій. Въ Государственный Совѣтъ призовутъ нѣсколько представителей отъ общественныхъ учреждений. Это, папа, уже крупныя реформы. Въ конечномъ счетѣ — это конституціей пахнетъ!

— Для Россіи, — медленно сказалъ Афиногенъ Ильичъ, — немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада. Эти формы не только чужды Русскому народу, но онѣ могутъ поколебать его вѣру и сдѣлать смуту, послѣдствія которой трудно предвидѣть. Россія, Порфирій находится на ужасномъ распуты. Безъ Самодержца она не можетъ жить, а...

Афиногенъ Ильичъ опустилъ голову, потомъ поднялъ ее и строго и зорко смотрѣлъ на стоявшій въ простѣнкѣ

между окнами мраморный бюстъ Императора Николая I.

Всѣ молчали, невольно глядя на бюстъ.

— Послѣдній Самодержецъ въ Бозѣ почилъ, — тихо сказала Афиногенъ Ильичъ. — Трудно Государю... У него большое и любвеобильное сердце, а Государю нельзя всѣхъ любить... 25 лѣтъ царствовать, шестьдесятъ два года носить за плечами, не имѣть въ своей семьѣ утѣшенія и поддержки — нелегкое дѣло!.. Дай Богъ Государю спокойно дожить до благодного конца своего царствованія. Слишкомъ много въ немъ было блеска, слишкомъ многое Государь совершилъ и — усталъ... Ты понимаешь, Порфирій, — Государь — усталъ!.. Это ужасно, когда Государь устанетъ... И какъ его травятъ.. Тутъ и за Лориса ухватишься... «На Кавказѣ одна Кура — одинъ Терекъ»!.. Жестокіе, Порфирій, у насъ нравы и чѣмъ больше человѣкъ сдѣлаетъ добра, тѣмъ сильнѣе обрушивается на него людская злоба. Лорису спасибо за то, что онъ полицію подтянулъ. Наконецъ, стала она работать...

И опять Афиногенъ Ильичъ остро и внимательно посмотрѣлъ сѣрыми блестящими глазами на Вѣру. Та вся съежилась подъ этимъ взглядомъ и опустила голову.

XVI.

Андрей Желябовъ дѣлалъ въ исполнительномъ комитетѣ партіи докладъ. Докладъ былъ неутѣшительный.

— Въ Саперномъ переулкѣ, — говорилъ негромкимъ голосомъ Желябовъ, — охранники съ боемъ захватили нашу типографію. Млодецкій казненъ, въ Кіевѣ полевые суды и казни. Мы должны были закрыть типографію на Подольской улицѣ и динамитную мастерскую на Подъяческой. Хорошо еще, что успѣли кое что спасти. Полиція заняла эти квартиры. Но самое ужасное это то, что мы окружены предателями. Квятковскій и Прѣсняковъ повѣшены, Степанъ Ширяевъ, Зунделевичъ и Бухъ заточены въ казематы... Арестованъ Александръ Михайловъ, взяты Григорій Ширяевъ и

Фридманъ... Какъ видите намъ нужно торопиться — иначе у насъ никого не останется для работы. Гольденбергъ выдалъ меня, Перовскую, Якимову-Баску — и насъ уже ищутъ... Мы должны, товарищи, покончить, наконецъ, съ Царемъ. Ведя свою работу по мелочамъ, какъ то мы дѣлали раньше, «народная воля» проживаетъ свой капиталъ. Лучшие люди отдаются террору. Ихъ мы готовили многіе годы — и ихъ уже нѣтъ. Что будетъ послѣ убійства царя? На большія политическія перемѣны, я, товарищи, не рассчитываю, но намъ легче станеть работать, правительство растеряется и наша организація захватитъ всѣ слои общества. Но для этого нужно, чтобы хотя часть насъ, старыхъ народовольцевъ, уцѣлѣла... Такъ вотъ я предлагаю: Оловянникова пусть ѣдетъ въ Москву. Москва — наша послѣдняя надежда. Если въ нужную минуту Москва насъ не выручитъ — будетъ плохо... Совсѣмъ, товарищи плохо...

Какъ только Желябовъ кончилъ, всѣ разомъ заговорили.

Сухановъ указалъ, что наступающій 1881-й годъ необычайно благопріятенъ для «акта», а послѣ него и возстанія.

— На Волгѣ — голодъ, моровая язва на скотѣ.. Среди студенчества и интеллигенціи поговариваютъ о баррикадахъ, — заключилъ онъ свою нервную рѣчь.

— Товарищи, — сказала Оловянникова, — кто же будетъ драться на баррикадахъ, когда царь будетъ убитъ? Мы недавно въ комитетѣ подсчитывали наши силы. Съ сочувствующими насъ наберется пятьсотъ человѣкъ. Вы сами, товарищи, знаете, что такое сочувствующіе?.. Развѣ пойдутъ они на какой бы то ни было рискъ?.. Идти въ бой съ такими силами по моему просто безразсудно...

Желябовъ строго посмотрѣлъ на Оловянникову.

— Все одно, Наталья Николаевна, — сказалъ онъ, — упустить и этотъ годъ мы не можемъ.

— Мы должны убить царя!.. Убить во что бы то ни стало, — восторженно крикнула Перовская. — Подумайте только, какъ можно это теперь просто и легко сдѣлать.. Мой наблюдательный отрядъ все выяснилъ и убить царя вовсе не трудно. Если насъ, людей непримѣтныхъ, умѣющихъ скрываться, постоянно мѣняющихъ паспорта и квар-

тиры, полиція все таки ловить --- какъ намъ не поймать Государя, вся жизнь котораго, точно размѣренная по часамъ и по минутамъ, идетъ у всѣхъ на виду. Во второмъ часу дня царь выѣзжаетъ въ Лѣтній Садъ и тамъ гуляетъ...

--- Шпики и охрана, --- сказалъ кто то.

--- Согласно, что тутъ неудобно. Разстояніе короткое и трудно тутъ, гдѣ сравнительно мало народа, быть непримѣченными. Но вотъ -- по воскресеньямъ царь ѣздитъ на разводъ въ Михайловскій манежъ... Я все сама прослѣдила. Обычно онъ возвращается или по Малой Садовой, или по Инженерной улицѣ, выѣзжаетъ на Екатерининскій каналъ. И тутъ и тамъ такъ удобно устроить засаду. На поворотѣ отъ Михайловскаго театра на каналъ царскій кучеръ всегда задерживаетъ лошадей, тамъ скользко на раскатѣ. Вотъ тутъ такъ удобно метать бомбы. На Малой Садовой Андрей Ивановичъ присмотрѣлъ домъ, гдѣ очень просто устроить подкопъ подъ улицу. Это домъ графа Менгдена. Тамъ есть свободное помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ, которое сдается въ наемъ. Мы рѣшили устроить тамъ молочную торговлю. Юрій Николаевичъ Богдановичъ и Анна Васильевна Якимовна-Баска тамъ поселятся подъ именемъ четы Кобозевыхъ... Работать будутъ по ночамъ. Колоткевичъ, Сухановъ, Баранниковъ, Исаевъ, Саблинъ, Лангансъ, Фроленко, Меркуловъ и самъ Андрей Ивановичъ посмѣнно будутъ работать... Какъ видите — есть еще у насъ порохъ въ пороховницахъ... Не оскудѣла сила казачья... И уже теперь динамита жалѣть не будемъ!.. Не будемъ!..

— Принципіально — сказалъ Желябовъ, -- я ничего не могу возразить противъ того, что говоритъ товарищ Перовская, — и работать на подкопъ буду... Но... Какъ то, товарищи, разувѣрился я въ силѣ этихъ подкоповъ и взрывовъ... Уже на что все было хорошо въ Зимнемъ Дворцѣ устроено — а ничего не вышло... Только вредъ для партіи... Мнѣ больше по душѣ метательные снаряды, которые намъ придумалъ Николай Ивановичъ и силу которыхъ намъ показаль на дняхъ въ Парголовѣ.

Тотъ, кого Желябовъ называлъ Николаемъ Ивановичемъ -- былъ Кибальчичъ. Это былъ угрюмый, чернобородый человекъ, все время засѣданія мрачно сидѣвшій въ углу и не

проронившій ни одного слова. Теперь онъ поднялся и сказалъ ровнымъ, безстрастнымъ, нѣсколько глухимъ голосомъ:

— Видите, господа, я скажу вамъ прямо... Я совсѣмъ не народоволецъ... Мнѣ до народа нѣтъ дѣла. Я — изобрѣтатель. У меня теперь — чертежи; я даже сдѣлалъ вычисленія математическія и рѣшилъ, что все это не фантазія, а можно... Выстроить такой корабль, чтобы летать на немъ по воздуху. Управляемый корабль... Не аэростатъ, а вотъ именно корабль... Ну, только думаю, что при царѣ — не выйдетъ... Не позволятъ... Тутъ нужна свобода... Меня за сумасшедшаго считаютъ... Ну вотъ еще придумалъ я и снаряды... И мнѣ просто интересно попробовать эти снаряды на людяхъ... Дерево въ щепы — это не важно, мнѣ нужно посмотреть человѣка подъ снарядамъ... И форму для вашей цѣли я придумалъ — лучше не надо — плоская, какъ конфетная коробка... И завернуть можно такъ въ бѣлую бумагу... Такъ вотъ я вамъ охотно, ну и самъ могу тоже... Когда идея, мысли — тогда ничего не страшно... Я вамъ — динамитъ дамъ... Запальныя приспособленія... Нѣтъ, лучше чѣмъ динамитъ... У меня свой гремучій студень, куда лучше заграничнаго. Я вамъ все сдѣлаю — вы скажите только — когда?.. У меня придумано — огонь по стопину — моментально... Тамъ скляночка, какъ бросите, — разобьется — и кислота — моментально и взрывъ и мнѣ интересно, какъ по человѣку? Для науки... Такъ вотъ, господа, дѣйствуйте — я для науки готовъ.

Желябовъ холодно посмотрѣлъ на него.

— Я все беру на себя, — сказалъ онъ. — Все... Въ боевую группу метальщиковъ я предлагаю товарищей Рысакова, Тимофея Михайлова, студента Гриневецкаго, сына псаломщика Емельянова, Перовскую и, конечно, — первымъ я. Если моя бомба не взорветъ...

— Этого никогда не можетъ быть, — мрачно вставилъ Кибальчичъ. — Моя будетъ бомба...

— Если бомба не взорветъ — я заколю царя кинжаломъ.

Опять зашумѣли, заговорили, заспорили.

— Рысакова, Емельянова не надо, — сказала Оловяникова. — Мальчики, по девятнадцати лѣтъ всего... Помни-

те завѣщаніе Александра Михайлова — не посылать слишкомъ молодыхъ людей въ борьбу на смерть. Тѣ, кто пойдетъ въ метальщики — всѣ обреченные.

— Все одно — жестко сказалъ Желябовъ — другихъ нѣтъ... Итакъ мы отдаемъ на борьбу Богданова, Якимову, Фигнеръ, Фроленко, Суханова, Перовскую. Намъ надо беречь старые кадры. Что касается Рысакова — онъ парень, хотя и молодой, а толковый. Мои порученія, и очень опасныя, всегда исполнялъ точно и безпрекословно. Тоже и Емельяновъ. Старымъ у нихъ отвагѣ поучиться надо... Да и другихъ — нѣтъ. А молоды?... Такъ молодость поможетъ имъ ловко метать снаряды, сильно и безъ промаха и потомъ такъ припутать, что никакая полиція ихъ не догонитъ.

Послѣ недолгихъ споровъ согласились, что указывать мѣста будетъ Перовская, первымъ метальщикомъ станетъ Желябовъ, за нимъ Гриневицкій, Рысакова поставятъ третьимъ метальщикомъ.

Расходились по одиночкѣ, взволнованные, возбужденные. Уходя пожимали другъ другу руки и говорили:

Прощайте, встрѣтимся, нѣтъ-ли видно будетъ...

За работу, товарищи, и сейчасъ-же!..

А то смотрите, говорятъ, царь собирается дать конституцію.

- Ну, да, держи карманъ шире!.. Куцую!..

- Хотя и куцую, а конституцію... Народъ развѣ разберетъ?..

Осенняя мгла лежала надъ городомъ. На пустынной улицѣ не было никого. Сыпалъ мелкій Петербургскій дождь. Послѣдними ушли Желябовъ съ Перовской.

Я увѣрена, — сказала Перовская, — что теперь удастся.

- Должно, Соня, удастся. Иначе Вѣра Николаевна окажется права...

- Ну-да!.. Вотъ сказалъ!.. Бога нѣтъ. Въ это надо вѣрить, что Бога нѣтъ, крѣпко вѣрить. А Вѣру Николаевну я въ это дѣло рѣшила не посвящать.

— Что такъ?.. Или замѣтила что?..

- Да... Странная она стала... Много думать стала.

Да, въ нашемъ дѣлѣ — думать!

Желябовъ покрутитъ головой.

— А не выдастъ?..

-- Нѣтъ. Это — никогда... Скорѣе съ собою покончить... Бѣлая крѣпкая кость.. Дворянскіе старые завѣты... И изъ военной семьи притомъ.

Желябовъ обнялъ Перовскую за станъ и они пошли, мѣрно шагая, касаясь другъ друга бедрами къ себѣ въ Измайловскія роты.

-- А что, если сорвется, Андрей, такъ и пойдемъ?... На вистълицу?..

Желябовъ крѣпче прижалъ къ себѣ маленькую Перовскую и сказалъ твердо:

-- Ну, что-жъ такъ и пойдемъ. Другіе за насъ закончатъ.

Ненастная, глухая ночь была надъ ними. Они шли и думали о своемъ замыслѣ.

Роковой для Царя кругъ замыкался.

XVIII.

22-го мая 1880-го года Государыня Императрица Марія Александровна тихо въ Бозѣ почила.

Она умирала одинокая, всѣми забытая и покинутая, сознающая, что она не нужна больше Государю. Сорокъ лѣтъ прожила она блѣдною тѣнью при блестящемъ Царственномъ Супругѣ. Сорокъ лѣтъ она молча терпѣла униженіе увлеченій Государя другими женщинами и послѣдніе годы должна была выносить присутствіе во дворцѣ княжны Долгорукой — Государевой «душеньки». Она страдала молча, тихо несла свой крестъ и тихо незамѣтно скончалась..

По совершеніи погребенія Государь выѣхалъ къ войскамъ въ Красно-сельскій лагерь. Княжна Долгорукая, одна или съ дѣтьми, стала появляться на военномъ полѣ или въ Дудергофѣ въ придворной коляскѣ съ камеръ казакомъ на козлахъ — какъ Императрица..

Нежелательные толки пошли среди офицеровъ лагеря.

Государь это зналъ и это его раздражало. Онъ и раньше замѣчалъ пренебреженіе его фавориткой. На малыхъ балахъ въ Эрмитажѣ, гдѣ всѣ на виду, офицеры не танцевали съ Екатериной Михайловной. Ее пренебрежительно называли: « *Mamzelle de Sa Majesté* » *). Деликатный Государь посылалъ своего адъютанта приглашать на танцы съ княжной тѣхъ офицеровъ, въ комъ онъ былъ увѣренъ. Съ Екатериной Михайловной постоянно танцевали и были ея кавалерами флотскій офицеръ Скрыдловъ, саперъ Прежбяно и конно-гвардеецъ Козловъ.

Были у Государя огорченія и другого рода. Его любимый братъ, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, находясь «въ ссылкѣ» въ Парижѣ разсказалъ Мадамъ Аданъ, почему не былъ взятъ Русскими войсками, имъ предводимыми, Константинополь. Мадамъ Аданъ помѣстила это въ газетахъ и сослалась на Великаго Князя.

Все это было тяжело. Какъ никогда Государю хотѣлось уйти отъ этого злобнаго міра, полнаго интригъ и не желающаго понять, что и у Государя могутъ быть человѣческія чувства и что послѣ тайной, скрытой связи съ Долгорукой Государю хочется открыто жить съ нею, минуя этикетъ.

Въ іюлѣ должны были быть очередные огрядные маневры подѣ Краснымъ Селомъ, а передъ ними ученіе всей кавалеріи въ Высочайшемъ присутствіи. Представлялъ кавалерію Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, только что вернувшійся изъ за границы.

Великій Князь встрѣтилъ Государя рапортомъ и обычно Государь, принявъ рапортъ, подавалъ руку Великому Князю. Теперь Государь, на виду у всѣхъ, руки Великому Князю не подалъ, поднялъ лошадь въ галопъ и поскакалъ здороваться съ полками. Послѣ ученія кавалеріи Государь сѣлъ въ коляску и, отѣзжая, сказалъ Великому Князю:

— Кавалег'ія, какъ всегда, нѣкъ'асно училась. Благодарю. Пг'едположенія на маневг'ы и задачи пришлешь мнѣ въ Цаг'ское Село.

8-го іюля вечеромъ адъютантъ Великаго князя пріѣхалъ

*) Барышня Его Величества.

въ Царское Село во дворецъ съ пакетомъ. Старый камердинеръ, изъ бывшихъ унтеръ офицеровъ, знавшій адъютанта еще на войнѣ, сказалъ ему.

— Ваше высокоблагородіе, вамъ придется снять трауръ. У насъ сегодня такой день. Полагается быть безъ траура.

У адъютанта, вслѣдствіе траура по Императрицѣ, — эпoletы, аксельбанты, портупья, перевязь и шарфъ — все было зашито крепомъ.

— Какой-же сегодня такой день? — сказалъ адъютантъ, стараясь вспомнить, что такое могло быть 8-го іюля...

— Его Величество изволили сегодня вѣнчаться. Такъ позвольте я помогу вамъ траурочекъ спороть.

Государь вышелъ къ адъютанту въ разстегнутомъ поверхъ бѣлаго жилета кителѣ. Онъ былъ веселъ и счастливъ.

И точно Государь очень скромно и тихо обвѣнчался съ Княжною Долгорукой въ малой дворцовой церкви при одномъ священникѣ и псаломщикѣ, безъ дьякона и пѣвчихъ. Таинствомъ брака закрѣплялъ онъ свою давнишнюю, послѣднюю, 12-ти лѣтнюю любовь... Шаферомъ Государя былъ Генераль-Адъютантъ графъ Барановъ, шаферомъ Княжны Долгорукой Генераль-Адъютантъ Рыльцевъ..

Извѣстіе объ этомъ бракѣ было встрѣчено въ Государевой Семьѣ не хорошо. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, бывшій на водахъ въ Гапсаль, собрался уѣхать въ Данію, къ родителямъ своей жены. Лорисъ Меликовъ помчался въ Гапсаль и убѣдилъ Наслѣдника пріѣхать къ отцу и помириться съ нимъ.

Государь съ молодой женой уѣхалъ въ Ливадію. Когда Наслѣдникъ прибылъ въ Крымъ, Государь лично встрѣтилъ сына на пристани. Отецъ и сынъ обнялись и оба заплакались. Обоимъ было нестерпимо тяжело.

Не даромъ давалось Государю то счастье, которое онъ себѣ исподволь готовилъ, мечтая о тихой жизни среди новой семьи. Государь хотѣлъ уйти подальше отъ заботъ правленія.

Зимою 1880-1881-го года Государь съ Лорисъ Меликовымъ вырабатывалъ серьезныя реформы въ управленіи государствомъ, шель пересмотръ основныхъ законовъ Госу-

дарства. Въ обществѣ ходили слухи — будетъ дана конституція и одновременно съ обнародованіемъ закона о представительномъ образѣ правленія, Долгорукая, получившая титулъ Княгини Юрьевской, будетъ провозглашена Императрицей и произведено ея вѣнчаніе на царство.

Въ высшихъ Петербургскихъ сферахъ расло недовольство Государемъ. По либеральнымъ гостинымъ шептали — Государь ненормаленъ. Онъ долженъ передать Правленіе Государствомъ сыну и удалиться на покой.

Въ эти дни партія народовольцевъ прислала Государю смертный приговоръ и грозила ему динамитомъ...

Такъ начался 1881-й годъ, двадцать шестой годъ благополучнаго царствованія Государя Императора Александра II.

XVIII.

На Малой Садовой, въ молочной лавкѣ Кобозева работы по устройству подкопа шли по ночамъ при свѣтѣ лампадки, горѣвшей у большого образа Св. Георгія Побѣдоносца. Дѣло подвигалось медленно. Только вышли подъ фундаментъ дома, какъ наткнулись на чугунныя водопроводныя трубы. Ихъ удалось обойти, но за ними показалась большая деревянная фановая труба. Пройти подъ нею мѣшала вода, идти надъ нею было опасно, могла провалиться мостовая и тогда обнаружился-бы подкопъ. Сдѣлали въ трубѣ прорѣзъ и черезъ него протаскивали на середину улицы мину и провода. Какъ только сдѣлали прорѣзъ, изъ трубы пошло такое зловоніе, что пришлось работать съ ватными респираторами, пропитанными марганцемъ. Рабочій могъ оставаться подъ землею всего нѣсколько минутъ. Повторялось то, что было при подкопѣ въ Москвѣ. Но теперь уже былъ опытъ и Перовская неотступно слѣдила за работою.

Слѣдила не одна она. Повидимому лавка Кобозева возбуждала подозрѣнія полиціи. Въ лавку, подъ видомъ санитарной комиссіи, заходилъ околоточный надзиратель съ участковымъ врачомъ и дворникомъ. Они поверхностно осматрѣ-

ли лавку, не замѣтили того, что въ углу подъ рогожами лежала земля и ушли. Надо было торопиться.

Зашелъ въ лавку и содержатель другой молочной по со-
сѣдству, купецъ Новиковъ, опасавшійся конкуренціи, ку-
пилъ полъ круга сыра и, вернувшись, рассказывалъ:

— Ни то, ни се... Въ торговцѣ этомъ мнѣ сомнѣваться не приходится — онъ моею торговлѣ вредить не можетъ.

«Кобозевы» знали про это и понимали долго такъ не укрыться — нужно спѣшить.

Къ концу февраля подкопъ былъ оконченъ и Желябовъ самъ отвезъ въ лавку динамитъ и все нужное для взрыва.

Въ то же время для окончательной разработки плана покушенія отъ Исполнительнаго комитета прибылъ изъ Одессы Тригони, имѣвшій кличку «Милордъ». Онъ зналъ, что полиція слѣдитъ за нимъ и тѣмъ не менѣе остановился, какъ то дѣлалъ и раньше, въ меблированныхъ комнатахъ госпожи Мессюра и прописался подъ своимъ подлиннымъ именемъ.

У госпожи Мессюра жили — и подолгу — тихіе и спокойные люди — отставные артисты на пенсіи, старухи, вдовы чиновниковъ, пріѣзжіе изъ глухой провинціи по тяжбы-
нымъ дѣламъ.

Тригони спокойно прожилъ около мѣсяца, выдаваясь съ нужными ему людьми.

25-го февраля рядомъ съ его комнатою появился сосѣдъ — отставной флота капитанъ. Это былъ человѣкъ средняго роста въ сѣдьющихъ, очень черныхъ бачкахъ — Милорду показалось — уже не накладныхъ ли? — съ пунцовымъ носикомъ. Онъ поджидалъ Тригони въ корридорѣ.

— Позвольте рѣкомендоваться, — сказалъ онъ со сладчайшей улыбкой и необычайно почтительно, — изволите быть, какъ мнѣ тутъ сказали, изъ Одессы-съ... Ужасно, какъ меня это обстоятельство порадовало. Помилуйте-съ такой городъ!.. Забыть никакъ нельзя-съ! И служба моя, долженъ пояснить вамъ, протекла вся въ Черноморскомъ флотѣ-съ

Было что-то ненатуральное, актерское въ этомъ человѣкѣ съ ласковыми глазами, съ набѣгающею на нихъ постоянною слезою, съ частыми «словоерсами», съ навязчивой услужливостью.

Тригони съ трудомъ отдѣлался отъ него.

На другой день капитанъ опять захватилъ Тригони въ корридорѣ.

— За покупочками ходить-съ изволили.. Позвольте я вамъ донесу. Устать изволили-съ... А у меня въ номерѣ самоварчикъ кипить-съ... вотъ вмѣстѣ и напились-бы чайку-съ... Съ Кронштадскими сухарями-съ...

И опять Тригони съ трудомъ освободился отъ навязчиваго сосѣда.

Черезъ день, 27-го февраля, Тригони въ седьмомъ часу вечера возвратился домой. Капитанъ не встрѣтилъ его на этотъ разъ въ корридорѣ, дверь его комнаты была закрыта и на ней висѣлъ ключъ, но, когда Тригони проходилъ мимо комнаты ему показалось, что тамъ не пусто.

Тригони ожидалъ къ себѣ Желябова и тотъ, какъ было условлено, черезъ полчаса пришелъ къ нему.

— Милордъ, — сказалъ Желябовъ тихимъ голосомъ, — у тебя въ корридорѣ, кажется, полиція.

Тригони молча пожалъ плечами и вышелъ за дверь. Его тотчасъ-же схватили городовые, выскочившіе изъ комнаты капитана. На шумъ борьбы выбѣжалъ Желябовъ. Онъ тотчасъ-же былъ тоже схваченъ.

— Кто вы такой, — спросилъ Желябова околodочный, и что здѣсь дѣлаете?..

— Я — Петръ Ивановъ, — быстро отвѣтилъ Желябовъ. — А по какому дѣлу — это васъ не касается.

— Пожалуйте въ участокъ. Тамъ разберемъ, по какому дѣлу вы здѣсь.

Тригони и Желябовъ были отвезены изъ участка въ канцелярію градоначальника. Ихъ принялъ градоначальникъ Федоровъ и съ нимъ находился вызванный для допроса товарищъ прокурора Добржинскій.

Федоровъ всмотрѣлся въ Тригони и сказалъ, хмурясь:

— Вы --- Тригони, по партійной кличкѣ «Милордъ» .. Мы давно васъ ищемъ... А вы — Петръ Ивановъ?

Добржинскій всталъ и внимательно посмотрѣлъ въ лицо Желябова, ярко освѣщенное висячей керосиновой лампой.

— Желябовъ, — сказалъ онъ, да это -- вы!..

Желябовъ поклонился.

— Вашъ покорнѣйшій слуга... Но мой арестъ вамъ нисколько не поможетъ.

— Ну, это мы еще посмотримъ. На всякую старуху бываетъ проруха. — Добржинскій обратился къ Тригони: — какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда вы знали-же, что мы васъ давно разыскиваемъ? Знаете-съ — не осторожно...

Желябова и Тригони отправили въ Домъ Предварительнаго заключенія.

На другой день Лорисъ Меликовъ послалъ докладъ Государю:

«Всеподданнѣйшимъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что вчерашняго числа вечеромъ арестованы Тригони (онъ-же «Милордъ») и сопровождавшее его и не желающее до настоящаго времени назвать себя другое лицо; при семъ послѣднемъ найденъ въ карманѣ заряженный большого калибра револьверъ: хотя по всѣмъ примѣтамъ въ личности этой можно предполагать Желябова, но до окончательнаго выясненія не беру на себя смѣлость утверждать это».

Лорисъ Меликову никакъ не вѣрилось, что произошла такая удача и что такъ просто попался въ руки полиціи Желябовъ, виновникъ всѣхъ послѣднихъ покушеній на Государя, маніакъ, имѣвшій цѣлью своей жизни -- царевѣйство.

XIX.

Какъ на войнѣ въ Зимницѣ или въ Горномъ Студентѣ, такъ и дома въ Зимнемъ Дворцѣ Государь велъ простой солдатскій образъ жизни. Онъ спалъ на низкой походной койкѣ, накрывался шинелью. Вставалъ онъ рано, зимою за-долго до свѣта и утромъ при свѣчахъ занимался дѣлами, чтеніемъ докладовъ, донесеній и записокъ.

Когда, несмотря на зажженные свѣчи, штора на боль-

шомъ квадратномъ окнѣ, выходившемъ на Неву начинала свѣтлѣть. Государь звонилъ камердинера, приказывалъ погасить свѣчи и поднять шторы. Онъ подходилъ, разминая ноги отъ долгаго сидѣнія, къ окну и смотрѣлъ на широкій видъ слиянія Большой и Малой Невы, на зеленовато малиновые колонны маяковъ у Биржи, на самую Биржу — все бѣлое, занесенное снѣгомъ, подернутое инеемъ.

Еще рѣдки были прохожіе на мосткахъ перехода и на переѣздахъ, обставленныхъ елочками и на Дворцовомъ плашкоутномъ мосту... Сѣрое зимнее небо низко висѣло и дали скрадывались морознымъ туманомъ.

Такъ и въ этотъ день, 14-го февраля, Государь, заложивъ руки въ карманы чакчиръ, въ разстегнутомъ сюртукѣ подошелъ къ окну.

Знакомая, печальная, надѣвшая картина снѣжнаго простора открылась передъ нимъ. Какой то предметъ лежалъ на желѣзномъ наружномъ подоконникѣ, занесенномъ снѣгомъ. Государь посмотрѣлъ на него. На бѣломъ чистомъ снѣгу были капли крови и кѣмъ-то убитый голубь лежалъ подлѣ.

— Это что такое? — сказалъ Государь.

Камердинеръ подошелъ къ окну.

— Голубь, Ваше Императорское Величество, — отвѣтилъ онъ.

— Я самъ, милый, вижу, что голубь. — сказалъ Государь. — Откуда онъ взялся?

— Возможно, что крыса, Ваше Императорское Величество... Или — кошка.

— Что, любезный, вздогъ болтаешь.. Откуда тутъ можетъ взяться кр'ыса, или кошка?.. Что она по ледяной каменной стѣнѣ п'олѣзеть.

— Не могу знать, Ваше Императорское Величество.

— Достань...

Достать было не легко. Вторыя рамы были наглухо вмазаны въ стѣну, форточка была наверху. Когда ее открыли, морозный паръ повалилъ въ спальню Государя. Каминными щипцами камердинеръ вытащилъ голубя и подалъ государю. Тотъ внимательно осмотрѣлъ птицу.

— Конечно, не кр'ыса и не кошка... А птица... Хищная

птица... Ну, унеси... Бг'ось куда нибудь... Какъ комнату настудиль...

Пустякъ, но почему го стало неприятно. Этого еще никогда здѣсь не бывало...

Но за заботами дня Государь позабылъ про голубя. И за обѣдомъ съ княгиней Юрьевской рассказывалъ ей про то, какъ доставали они съ камердинеромъ голубя и какъ боялись упустить его, уже въ шутиливомъ тонѣ.

Но, когда на другой день привычными размѣренными шагами подходилъ къ окну, уже издали увидалъ на снѣгу наружнаго подоконника лежащаго мертваго голубя.

Это очень разстроило Государя. Конечно — это была хищная птица, но почему она клала убитаго голубя на подоконникъ спальни, почему не уносила съ собою, почему не оставляла на одномъ изъ безчисленныхъ оконъ дворца? Это было очень странно.

И первый разъ за свою долгую жизнь, полную всяческихъ опасностей, покушеній, превратностей войны и поѣздокъ по Россіи, Государь колебался. Что, если это Господь предупреждаетъ его, или грозитъ покарать его за все... за все?.. За позднюю любовь, за княгиню Юрьевскую, за семейныя отношенія, за сестеръ Екатерины Михайловны Альбединскую и княгиню Мещерскую...

И когда еще разъ голубь оказался на подоконникѣ спальни Государя — Государь приказалъ во что бы то ни стало поймать хищную птицу, убивающую голубей на его окнѣ.

На крышѣ дворца и точно усмотрѣли какую то большую черную птицу и донесли Государю, что на крышѣ дворца поселился — «орелъ».

— Ну, не ог'ель, вѣроятно, — сказалъ Государь. — Откуда тутъ взялся ог'лу. Поставьте силки и поймайте мнѣ этого ог'ла.

Птица попала ногой въ капканъ, но она была такъ сильна, что унесла съ собою капканъ и, обезсилѣвъ, упала на Дворцовой площади, гдѣ ее подобрали городовые.

Птица была принесена Государю.

— Ког'шунъ, — сказалъ Государь. — Но какой гг'омад-

ный! Я никогда такихъ въ Петег'бург'ѣ не видалъ. Сдѣлать чучело и послать въ Кунстъ-камер'у.

Мертвые голуби нашли простое объясненіе, но тяжелое чувство ожиданія чего то неизбѣжнаго осталось.

— — —

XX.

На послѣдней недѣлѣ февраля Государь съ княгиней Юрьевской и ея дѣтьми говѣлъ въ церкви Зимняго Дворца, и въ субботу, 28-го февраля, пріобщался. Всю недѣлю онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Стояла сырая зимняя погода съ большими туманами. Сильнаго мороза не было и днемъ таяло. Государь не выходилъ на прогулку.

Послѣ принятія Святыхъ Тайнъ, Государь, напившись чаю по семейному, на половинѣ княгини Юрьевской, въ концѣ одиннадцатаго часа прошелъ въ свой кабинетъ, просмотрѣлъ бумаги, докладъ Лорисъ Меликова объ арестѣ Триго-ни и Желябова и приказалъ просить пріѣхавшихъ къ нему съ докладомъ министровъ.

Первымъ былъ принятъ военный министръ Милютинъ. Ничего особеннаго не было. Государь подписалъ очередные приказы о назначеніяхъ и производствѣ. Онъ былъ въ духѣ. Недомоганіе, бывшее всю недѣлю оставило его. Послѣ причащенія, какъ всегда это бывало, Государь чувствовалъ притокъ силъ и бодрость.

Принимая отъ Государя послѣднюю подписанную бумагу военный министръ спросилъ:

— Ваше Императорское Величество, какъ прикажете на завтра разводу въ Михайловскомъ манежѣ быть въ Вашемъ присутствіи?..

— Да... А, что?... Отъ какой части главный каг'аулъ и каг'аулы пег'ваго отдѣленія?..

— Лейбъ гвардіи отъ Сапернаго батальона, Ваше Императорское Величество.

— Отлично... Кстати я давно моихъ сапер'ъ не видалъ... Такъ значить отдашь -- въ моемъ п'исутствіи.

Милютинъ откланялся. Послѣ него былъ съ докладомъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Гирсъ. Тоже ничего важнаго не было. Докладъ касался пустой переписки съ Англійскимъ правительствомъ о торговыхъ дѣлахъ. Послѣ Гирса въ кабинетъ Государя вошелъ министръ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ Лорисъ Меликовъ. Государь всталъ ему навстрѣчу.

— Здѣлавай, Михайль Таг'иловичъ. Тебя съ побѣдой поздѣлать можно. Наконецъ, наша полиція пг'оснулась. Аг'естованъ Желябовъ. Мнѣ давно пг'о него докладывали. Это тотъ который подкопы дѣлалъ на желѣзныхъ дог'огахъ. Главный ихъ коноводъ... Кг'амольниковъ...

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество. Полиція, слава Богу, оказалась теперь на высотѣ. Мы держимъ всѣ нити заговора противъ васъ въ рукахъ. На васъ предполагалось эти дни самое страшное покушеніе. Инициаторомъ и руководителемъ его, какъ это выясняется, былъ Желябовъ. Онъ схваченъ. Аресты идутъ по всему городу. Къ сожалѣнію и среди офицеровъ флота оказались причастные къ заговору.

— А сколько ихъ всего ты считаешь было заговорщиковъ?..

— По свѣдѣніямъ полиціи въ исполнительномъ комитетѣ тридцать человѣкъ. Деньги получали изъ за границы. Съ арестомъ Желябова они потеряли душу заговора.

— Тг'идцать человѣкъ, -- сказалъ, садясь въ кресло передъ столомъ. Государь. --- И это пг'отивъ ста двадцати миллионовъ вѣг'наго мнѣ наг'ода... Безумцы!...

— Сумасшедшіе, Ваше Императорское Величество... Желябовъ --- маніакъ. Держится нагло, развязно. Грозить, что и безъ него все будетъ исполнено.

— Да-а-а?..

— Ваше Императорское Величество, мнѣ графъ Димитрій Алексѣевичъ сейчасъ сказывалъ -- Ваше Императорское Величество предполагаете завтра ѣхать въ Михайловскій манежъ на разводъ...

— Да... А что?..

— Ваше Императорское Величество, умоляю Васъ не дѣлать этого.

— Но вѣдь Желябовъ схваченъ... Милог'дѣ аг'естованъ. Ихъ шайка обезглавлена.

— Ваше Императорское Величество, все это такъ. Но по городу говорятъ о какомъ-то подконѣ въ улицахъ, по которымъ вы поѣдете. Все это надо выяснить... Полиція доносила о бомбахъ, будто-бы испытывавшихся третьяго дня на Медвѣжьемъ Станѣ за Пороховыми погребами. Часовые отчетливо слышали взрывы. Дайте намъ все это провѣрить и забрать всѣхъ негодяевъ.. Ваше Императорское Величество всѣ знаютъ, что вы были не совсѣмъ здоровы эту недѣлю. Такъ легко вамъ не быть на разводѣ.

— И совсѣмъ, милый Михаилъ Таг'иловичъ не легко и не пр'осто... А мой долгъ?.. Долгъ показаться пег'едъ войсками особенно завтг'а, послѣ всѣхъ этихъ слуховъ и тогда, когда я соби'гаюсь подписать актъ большого Госудаг'ственного значенія. У тебя все, надѣюсь, готово?..

— Все готово, Ваше Императорское Величество.

— Такъ послѣ г'азвола, къ тг'емъ часамъ и пг'ѣзжай во двог'ецъ. Я пг'юбился сегодня, гог'ячо молился Богу и вѣг'ю, что Господь поможетъ мнѣ довег'шить и это дѣло для блага Г'оссіи и моего наг'ода.

Но ночью Государь опять, какъ всѣ эти дни, проснулся отъ сухого жара, вдругъ охватившаго все его тѣло. Государь зналъ, что это отъ неправильнаго кровообращенія, отъ склероза, въ общемъ - - отъ старости — но, какая-же старость въ шестьдесятъ два года?.. Сталъ вспоминать прошлое. Въ такія безсонныя ночи часто представлялъ себя молодымъ и странно было думать, что это у него была любовь и такая молодая, сильная и яркая къ Ольгѣ Калиновской, такъ сурово и неожиданно прерванная по приказу отца. Ранній бракъ съ принцессой Гессенской, которую онъ не зналъ и такъ и не могъ никогда полюбить, какъ слѣдуетъ и которая была всегда чужою ему и Россіи..

Государь задумался о Россіи.

Въ спальнѣ было тихо. Ни одинъ звукъ извнѣ не проникалъ черезъ толстыя стѣны дворца. Лишь тихо и какъ то заунывно гудѣла въ печи заслонка, да почувствовавшій, что

хозяинъ не спитъ ворочался подлѣ печки на своей подстилкѣ «Милордъ».

Его тихая воркотня и лясканье зубами обратили на него вниманіе Государя.

«Все не добьюсь, чтобы блохъ у Милорда вычесывали какъ слѣдуетъ... Странно... и того, кого третьяго дня арестовали тоже звали Милордъ — собачья кличка Тригони — Милордъ. И фамилія какая то странная. Чего имъ нужно, чего имъ не достаетъ?.. Они за народъ, но знаютъ они, что нужно народу?.. Общественность — не народъ. Народъ это тайна...»

Нашла какая то пелена и казалось, что вотъ заснетъ сейчасъ, но снова схватилъ сухой жаръ въ головѣ и побѣждали смутныя, перебивающія одна другую мысли.

Умирая отецъ — Императоръ Николай I — сказалъ, что сдаетъ «команду не въ порядкѣ»... Да, тяжелое наслѣдство — Севастопольская война, оставленный, но не сданный Севастополь, вся Европа противъ Россіи и тяжелый Парижскій миръ... И только покончилъ съ этимъ — возстали поляки... А потомъ покушенія на жизнь... За что?

Государь не спалъ и, точно понимая его заботы не спалъ и вѣрный Милордъ. Онъ лежалъ, приподнявъ голову и пристально глядя умными глазами на хозяина.

Государь повернулся на спину и въ этой непривычной для него позѣ вдругъ почувствовалъ, что не заснетъ. У образа теплилась лампада, рядомъ на столикѣ горѣлъ ночникъ. свѣча была приготовлена и книга. Государь смотрѣлъ на колѣблющееся пятно свѣта отъ лампы на потолокъ и думалъ о новой своей семьѣ. Да — грѣхъ, конечно, грѣхъ... И крутомъ говорить, не хорошо говорить. Обиженъ на меня и сынъ... Любовный мой грѣхъ погашенъ бракомъ — дѣти законныя. Отчего ей не быть Императрицей? Она такъ хочетъ этого. Пусть будетъ на Русскомъ Престолѣ — Русская. И потомъ — конституція. Знаю, многіе осудятъ меня за нее. Недавно на дежурствѣ заговорилъ объ этомъ со старымъ Разгильдяевымъ. Славный старикъ, а не можетъ понять. Говорить, что Россія не можетъ быть съ представительнымъ образомъ правленія. Въ ней до ста двадцати различныхъ народностей и какъ имъ быть въ Парламентѣ? Можетъ быть

онъ и правъ... А общественность требуетъ... И опять подумалъ: общественность не народъ...

Тяжело, мучительно ощущая ревматическія боли, повернулся на бокъ, хотѣлъ позвать къ себѣ Милорда и приласкать его и вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, все въ томъ-же сухомъ старческомъ жару забылся крѣпкимъ сномъ и, когда проснулся былъ въ легкой испаринѣ, чувствовалъ себя слабымъ и усталымъ и, вставши и подойдя къ окну рѣшилъ не ѣхать въ Михайловскій манежъ, побережь себя отъ простуды.

Сѣрое утро висѣло надъ Невой. Кругомъ, по утреннему, было пусто и уныло. Никого не было видно на переходахъ.

Въ гардеробной былъ приготовленъ мундиръ Лейбъ Гвардіи Сапернаго батальона.

«Надо будетъ приказать убрать его», — подумалъ Государь и прошелъ на половину Княгини Юрьевской.

Какъ всегда по воскресеньямъ Государь отстоялъ обѣдню въ дворцовой церкви. Онъ еще не отдалъ распоряженія о томъ, что онъ не будетъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. На обѣднѣ была Супруга Великаго Князя Константина Николаевича, Александра Юсифовна. Она подошла къ Государю.

— Я къ Вамъ, Ваше Императорское Величество, — сказала она, здороваясь и цѣлуя руку Государя, когда тотъ цѣловалъ ея руку.

— Что скажешь?...

Они стояли въ аванъ-залѣ передъ церковью. Съ ними остановилась и княгиня Екатерина Михайловна, дѣти прошли впередъ съ госпожой Шебеко.

— Ваше Величество вы поѣдете сегодня на разводъ?..

— А что?.. Что тебя это такъ интересуешь?..

— Для меня и моего сына особенный день... Дмитрій назначенъ отъ полка подъѣзжать на ординарцы къ Вашему Величеству. Онъ такъ мечталъ объ этомъ, ночи не спалъ и уже съ утра умчался въ полкъ, чтобы все провѣрить. Вы знаете, что такое для молодого офицера быть ординарцемъ на разводѣ?.. Да еще для Димитрія!..

— Его Величество не хорошо себя чувствуетъ и я ду-

маю, что онъ не поѣдетъ на разводъ, — грубовато сказала Княгиня Юрьевская.

Государь и точно уже рѣшилъ не ѣхать на разводъ. Но вмѣшательство Юрьевской въ присутствіи Великой Княгини показалось ему неумѣстнымъ и онъ сказалъ:

— Да, мнѣ не здог'овилось, но это мой долгъ быть на г'азводѣ. Я не люблю отмѣнять г'азъ отданное пг'иказаніе. Я, конечно, буду на г'азводѣ и счастливъ буду повидать твоего молодца, а какъ онъ ѣздитъ, я объ этомъ уже имѣю представленіе.

Княгиня Юрьевская заплакала.

— Александръ, — сказала она, прижимая платокъ къ глазамъ, — я умоляю васъ не ѣхать!..

Государь нѣжно обнялъ Княгиню за галію и сказалъ строго:

— Но, моя милая, я долженъ быть съ моими войсками и я буду...

Черезъ полчаса, точно вывѣривъ время своего отъѣзда, чтобы пріѣхать въ манежъ ровно къ двѣнадцати часамъ, Государь сѣлся въ карету. Онъ былъ въ мундирѣ лейбъ гвардіи Сапернаго батальона, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ каскѣ съ плюмажемъ.

— Въ манежъ, по Инженег'ной, — сказалъ онъ кучеру и сѣлъ въ глубину кареты.

На душѣ у Государя было тихо и спокойно. Онъ зналъ, что онъ долженъ дѣлать въ манежѣ, что кому сказать, кого и какъ обласкать. Разводъ былъ имъ созданъ и былъ ему привыченъ. Государь смотрѣлъ на разводъ, какъ на свою службу, свой долгъ и ѣхалъ въ спокойной увѣренности, что онъ правильно исполняетъ свой долгъ.

Карету окружили казаки Конвоя Его Величества съ ротмистромъ Кулебякинымъ, тѣмъ самымъ, кто сложилъ въ Кишиневѣ пѣсню, которою такъ восхищался Порфирій и которую пѣли во всѣхъ войскахъ. Сзади въ парныхъ саняхъ ѣхалъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій.

Карета помчалась къ Михайловскому манежу.

XXI.

Сухановъ первымъ узналъ, -- вѣрнѣе догадался объ арестѣ Желябова. Тотъ не вернулся къ нему послѣ свиданія съ Тригономъ.

Надо было спасать Перовскую. Сухановъ ночью поѣхалъ къ ней въ Измайловскій полкъ.

Перовская не ложилась спать -- она въ тревогѣ ожидала Андрея.

— Николай Евгеньевичъ, сказала она, сухими глазами въ красныхъ вѣкахъ глядя на Суханова, --- Да?

— Да... Его взяли... Его и Милорда...

— Ты въ этомъ увѣренъ?..

— Мнѣ сказалъ дворникъ дома Лихачева, что полиція взяла какого то Тригономъ, который жилъ у Мессюра и еще одного Петра Иванова съ черной бородой. Все ясно. Не надо было туда ходить.

— Это ужасно. Ты не думаешь?.. Возможно предательство?..

Сухановъ пожалъ плечами. Перовская опустила голову на руки. Ни стоны, ни рыданій не вырвалось у нея. Такъ просидѣла она долго, очень долго, почти цѣлый часъ, не двигаясь и не шевелясь. Потомъ подняла голову и пронзительно посмотрѣла на Суханова. Ея вѣки были красны и по прежнему сухи. Въ глазахъ горѣлъ тотъ безумный огонь, какой подмѣчалъ и у себя эти дни Сухановъ, когда смотрѣлъ въ зеркало.

— Ну что-жъ?.. -- сказала она твердо. -- Дѣло прежде всего. Наши знаютъ?..

— Не думаю... Но завтра все равно узнаютъ... Въ газетахъ будетъ...

— Растеряются... Испугаются... Что-жъ?... Надо дѣлать... Теперь мнѣ надо все дѣлать. Ѣдемъ сейчасъ въ Исполнительный Комитетъ. Надо всѣхъ собрать и перераспредѣлить роли... Это ничего, что Андрея съ нами не будетъ. Мы сдѣлаемъ свое дѣло и тогда освободимъ его. Помоги мнѣ собрать всѣхъ у Вѣры Фигнеръ.

Рано утромъ, 28-го февраля, на квартирѣ Исаева и

Вѣры Фигнеръ собрались всѣ наличные члены исполнительнаго комитета.

Всѣ молчали, ожидая Перовскую. Она совѣщалась въ сосѣдней комнатѣ съ пришедшимъ съ Садовой Фроленко. Когда она вошла и поклонилась общимъ поклономъ всѣ еще болѣе притихли.

— Страшный ударъ, — сказала Фигнеръ. — И ударъ тогда, когда у насъ все готово. Царь завтра ѣдетъ въ манежъ играть живыми солдатиками... У насъ все готово и вотъ!.. Нѣтъ главнаго!..

Кибальчичъ сидѣлъ рядомъ съ Фигнеръ и мялъ руками свою черную бороду. Изъ сосѣдней комнаты несло химическимъ, кислотнымъ запахомъ гремучаго студня. Сухановъ, не спавшій всю ночь, стоялъ, прислонившись къ желѣзной круглой печкѣ.

Перовская сухими, лихорадочно горящими глазами окинула всѣхъ присутствующихъ. Она поняла — еще минута и эти люди откажутся отъ своего плана и убѣгутъ въ подполье — на долгое время. Можетъ быть, на годы отложить то, что должно совершиться завтра... Маленькая, блѣдная, послѣ безсонной ночи, съ припухшими вѣками, съ небрежно приглаженными волосами, но, какъ всегда чисто и аккуратно одѣтая, она чувствовала, что только она одна можетъ все повернуть по прежнему. Она начала говорить. Въ ея голосѣ слышались суровыя, властныя, металлическія ноты, такія, какія бывали у Желябова, когда тотъ убѣждалъ въ чемъ нибудь товарищей.

— Товарищи, сказала она -- что случилось?.. Да, выбылъ еще одинъ изъ нашихъ смѣлыхъ борцовъ за народную волю... Но мы привыкли къ потерямъ и потерями насъ не испугаешь. Выбылъ — начальникъ. Я становлюсь на его мѣсто... Я — потому, что мнѣ извѣстны всѣ планы Андрея, мы ихъ вмѣстѣ вырабатывали... Итакъ за дѣло... Исаевъ, ты сегодня ночью заложишь мину на Садовой... Николай Ивановичъ, вы съ Фигнеръ, Николаемъ Евгеньевичемъ, съ Грачевскимъ и со мною сейчасъ-же тутъ принимаетесь готовить снаряды. И завтра мы совершимъ то, что мы должны совершить во имя блага народа. За работу, товарищи!.. За дѣло!..

— Н-н-да, — устраиваясь за рабочимъ столомъ рядомъ съ Сухановымъ сказалъ Кибальчичъ, — я радъ, что Софья Львовна не растерялась. Обидно было-бы упустить такой случай... А снаряды мои, сами завтра увидите — прелесть!

Нѣсколько минутъ онъ молча рѣзалъ жестъ и сворачивалъ ее для устройства коробки, потомъ сказалъ угрюмо:

— А замѣтили — вы, Николай Евгеньевичъ, что наши женщины много жестче мужчинъ. Поглядите-ка, какъ Перовская и Фигнеръ работаютъ. Вы поглядите на ихъ глаза... Въ нихъ такая воля, что жутко становится.

— Ну, васъ-то, Николай Ивановичъ, исключить надо. Вы посильнѣе еще будете.

— Я — особая статья... Я — изобрѣтатель. И мнѣ для моей идеи — царь, или дубовый чурбанъ — все равно. Мнѣ интересно посмотрѣть, какъ они дѣйствуютъ.

Всю ночь на квартирѣ Фигнеръ готовили снаряды. Обрѣзывали жестянки изъ подъ керосина, отливали свинцовые грузики, наполняли жестянки гремучимъ студнемъ и запаковывали ихъ. Всю ночь горѣли лампы и пылалъ каминъ. Всю ночь пили пиво.

Въ восемь часовъ утра, 1-го марта, четыре снаряда были готовы и Перовская съ Кибальчичемъ отнесли ихъ на квартиру Саблина на Телѣжной улицѣ. Тамъ въ невзрачномъ сѣромъ деревянномъ домѣ ихъ ожидали метальщики — Рысаковъ, Емельяновъ, Гриневецкій и Тимофей Михайловъ, туда-же пришелъ изъ лавки Кобозева Фроленко.

Перовская рассказала, какъ и гдѣ имъ ожидать проѣзда Государя и на конвертѣ нарисовала планъ улицъ.

— Вы соберетесь въ народной толпѣ на площади у манежа, — спокойно и дѣловито говорила Перовская. — Если Государь поѣдетъ по Садовой, Фроленко соединить провода. Ему скажетъ о приближеніи Царя Якимова-Баска, которая увидитъ его изъ лавки... Если Государь поѣдетъ по Инженерной я махну вамъ платкомъ. Тогда дѣйствуйте на каналъ. Какъ я жалѣю, что нѣтъ пятого снаряда! Я стала-бы первой метать.. Первымъ бросаетъ снарядъ Тимофей. Если почему нибудь ему не удалось — бросаетъ Рысаковъ, потомъ Гриневецкій, потомъ Емельяновъ... Нѣтъ, теперь не уйдетъ!..

Ни за что не уйдетъ онъ отъ насъ. По окончаніи всѣмъ сходиться въ кондитерской Исакова... Тамъ получите указанія, что дальше дѣлать... Все вамъ ясно?..

Все было ясно.

Цареубійцы по одиночкѣ расходились, направляясь къ Михайловскому манежу.

Глухо ударила на бастіонѣ Петро-Павловской крѣпости полуденная пушка. Сѣренькій день стоялъ надъ городомъ.

III.

Разводъ карауловъ въ Высочайшемъ присутствіи, какъ какое то парадное торжество начался еще въ царствованіе Императора Петра III, муштровавшаго своихъ Голштинцевъ въ Ораніенбаумѣ, а потомъ и Русскіе полки на площадкѣ у Зимняго Дворца.

Увлекался такими разводами Императоръ Павелъ I. Императоръ Николай I внесъ въ нихъ порядокъ и «однообразную красоту пѣхотныхъ ратей и коней». Но самага пышнаго расцвѣта достигли разводы въ царствованіе Императора Александра II.

При немъ разводы производились въ громадномъ Михайловскомъ манежѣ.

Кромѣ дворцовыхъ и городскихъ карауловъ на разводы приводились взводы отъ специальныхъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса и отъ военныхъ училищъ, посылались ординарцы отъ полковъ гвардейской кавалеріи.

На разводахъ повѣрялось обмундированіе частей до послѣдней мелочи. Каждый «трынчикъ»*), каждая пряжка парадной сѣдловки или ранцеваго снаряженія были осмотрѣны и провѣрены.

На эти разводы были обязаны являться всѣ офицеры

*) Трынчикъ — ремешокъ, которымъ стягивается шинель, скатанная для того, чтобы надѣть черезъ плечо.

полковъ гвардіи и Петербургскаго гарнизона, и въ парадной формѣ выстраиваться противъ линіи карауловъ развода. Въ эти воскресныя утра Петербургскія улицы были полны офицерами, спѣшившими на разводъ. И весь городъ зналъ: Государь будетъ на разводѣ.

На разводахъ Государь знакомился съ офицерами Гвардіи и пріѣзжими изъ провинціи, которые были тоже обязаны бывать на разводахъ и благодаря исключительной «Романовской» памяти на лица и на фамиліи, Государь зналъ многихъ и многихъ офицеровъ арміи.

Эти разводы были священнодѣйствіе.

Команда, интонація голоса, каждый поворотъ, каждый шагъ были вывѣрены и разучены. За всѣмъ этимъ слѣдило не только начальство, но въ тысячу паръ глазъ смотрѣли офицеры всѣхъ полковъ и горе тому несчастному поручику, который спутаетъ команду, или не такъ зайдетъ, не во время отсалютуетъ саблей. Позоръ тому корнету, у котораго занесетъ лошадь, или закинется на препятствіи.

О томъ, какъ и когда подъѣзжали на ординарцы къ Государю вспоминали потомъ всю жизнь и рассказывали съ неменьшимъ восторгомъ и увлеченіемъ, чѣмъ о минувшихъ бояхъ. Старшіе товарищи писали своимъ младшимъ друзьямъ: — ...«ты хорошо ѣздилъ на ординарцахъ и прекрасно вель лошадь... А у бѣднаго Арапова каска съѣхала на затылокъ на галопѣ и было смѣшно и жалко смотрѣть на него»... Эти письма хранились до глубокой старости.

«Хорошо ѣздилъ на ординарцахъ» — это былъ лучший аттестатъ кавалерійскому офицеру.

Разводы и парады и подготовка къ нимъ занимали значительную часть службы офицера. Въ торжественной обстановкѣ сумрачнаго манежа, въ священнодѣйствіи командъ и движеній, пріемовъ и захожденій, рапорта подъ яснымъ взглядомъ прекрасныхъ глазъ Государя выковывались тѣ «неимовѣрные молодцы» часовые, какими показали себя Финляндцы въ день взрыва 5-го февраля 1880-го года, какими были тѣ Николаевскіе часовые, которые во время наводненія 8-го ноября 1824-го года стояли по грудь въ ледяной водѣ, а постовъ своихъ не покидали.

Здѣсь создавались репутаціи и карьера, и здѣсь можно

было навсегда уронить себя, какъ исправнаго строевого офицера...

Въ это пасмурное, сѣрое, зимнее мартовское утро въ громадномъ Михайловскомъ манежѣ стоялъ сѣдой сумракъ. Два безконечныхъ ряда многостекольныхъ оконъ не въ силахъ были освѣтить его. Широкій и длинный манежъ, вслѣдствіе своей величины, казался низкимъ. Въ туманной дали тонули бѣлыя колонны и гимнастическіе снаряды противоположной стороны манежа, той, что выходитъ на Инженерную улицу. Плотнo убитая глинистая почва манежа, посыпанная коричневымъ пескомъ, была тверда и упруга. Далекое эхо двоило и троило голоса и долго гудѣло по манежу.

Государя ожидали съ параднаго крыльца, выходившаго на Михайловскую площадь.

За крыльцомъ, за колоннами, отдѣлявшими манежъ отъ входныхъ дверей, отъ одной большой бѣлой печи до другой, хвостами ко входу, къ одиннадцати часамъ утра выстроились ординарцы кавалеріи. Они стали въ три шеренги. Офицеры, за ними унтеръ офицеры и въ третьей шеренгѣ посыльные — карабинеры.

Лошади были вычищены и убраны образцово. Хвосты и гривы разобраны руками и примочены пивомъ. Копыта замыты, и на подковахъ рашпилемъ наведена «бронза». Каждая пряжка горѣла золотомъ, желѣзо мундштуковъ было, какъ чистое серебро. Вахмистръ Лейбъ Гвардіи Коннаго полка укоризненно качалъ головою, увидѣвъ, что у Его Императорскаго Высочества корнета Димитрія Константиновича пѣна упала на кольцо мундштука.

— Ваше Императорское Высочество, дозвольте обтереть-съ...

Пестрымъ носовымъ платкомъ вахмистръ обтеръ пѣну.

Казенныя солдатскія лошади стояли, подобравшись, какъ монументы. Не то было съ офицерскими. То вдругъ заганцуетъ, испугавшись, когда сзади хлопнули дверью, то взовется на дыбы, то нервно ударить задней ногой.

— Господа, прошу не разравниваться, — десятый разъ повторяетъ начальникъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.

На правомъ флангѣ ординарцевъ, въ нарядномъ аломъ кунтушѣ съ откидными рукавами, расшитомъ серебрянымъ галуномъ и кавказской тесьмой, на раскормленномъ гнѣдомъ жеребцѣ стоитъ красавецъ конвоецъ Принцъ Персидскій. За нимъ въ затылокъ — громадный дѣтина — 2 аршина 13 вершковъ роста — всѣ удивляются, какъ будетъ онъ джигитовать на своемъ небольшомъ сухомъ горскомъ конѣ — унтеръ офицеръ Магометъ Алдатовъ. У него длинная въ мелкихъ завиткахъ и кольчикахъ черная, какъ смола, борода и дѣтски ясные, съ длинными рѣсницами, черные глаза. Онъ въ кольчугѣ изъ стальныхъ цѣпочекъ и въ низкомъ стальномъ шлемѣ. За нимъ стоитъ «посыльный» отъ Конвоя Гуріецъ Амилохвари въ аломъ кунтушѣ, обшитомъ собольимъ мѣхомъ... Какою то индѣйскою сказкою Шехеразады вѣетъ отъ этихъ красивыхъ древнихъ кавказскихъ костюмовъ.

Подлѣ Горскаго наряда почѣстились ординарцы отъ Терскаго и Кубанскаго эскадроновъ Конвоя — они въ яркихъ красныхъ черкескахъ, обшитыхъ кавказскимъ галуномъ съ блестящими серебряными гозырями.

Въ шагѣ отъ нихъ ординарцы Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, Учебнаго эскадрона, Кавалергардовъ и Коннаго полка въ золотыхъ каскахъ съ бѣлыми волосяными султанами, отъ эскадроновъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго и Атаманскаго дивизионовъ и Уральскаго эскадрона въ алыхъ, голубыхъ и малиновыхъ мундирахъ, потомъ ординарцы отъ Гвардейской Конной артиллеріи.

— Лярскій!.. Лярскій!.. — окликаетъ въ полголоса ординарецъ Конной батареи поручикъ Кузьминъ Караваевъ красиваго высокаго офицера въ адъютантской формѣ, — Лярскій, скажи мнѣ, какъ ты дѣлаешь, что у тебя каска никогда не слѣзаетъ на галопѣ на затылокъ.

— А ты ее — квасомъ!..

— Ка-акъ?..

— Смочи тулью квасомъ. Она и прилипнетъ ко лбу — не шелохнется.

— Ква-асомъ!.. Да гдѣ-же достать-то теперь квасу?..

Но уже расторопный артиллеристъ - вѣстовой, стоявшій сзади своего офицера услышалъ разговоръ и побѣждалъ

въ швейцарскую каморку и несесть оттуда графинъ темнаго хлѣбнаго кваса...

— Господа офицеры, прошу не разравниваться, — кричить — и въ который уже разъ! графъ Мусинъ Пушкинъ.

Вдоль длинной стѣны манежа, правымъ флангомъ къ воротамъ построены караулы. Съ края стоятъ въ алыхъ длинныхъ черкескахъ Конвойцы внутренняго дворцоваго караула, рядомъ съ ними взводъ такого же караула отъ Кавалергардовъ въ бѣлыхъ колетахъ и каскахъ съ султанами, потомъ въ голубыхъ мундирахъ карауль отъ Лейбъ гвардіи Атаманскаго полка.

Лѣвѣ этихъ карауловъ построены взводы военныхъ училищъ.

Юнкера стоятъ, такъ напряженно вытянувшись, что кажется, что они и не дышутъ. Не шелохнутся черные волосяные султанчики ихъ кепи.

— Ты далъ-бы имъ «вольно», — шепчетъ офицеру, командиру взвода Павловскаго училища, красивый рыжеусый Семеновецъ.

— Они у меня и такъ «вольно» стоятъ, — удивляясь предложенію, отвѣчаетъ училищный офицеръ.

— А что-же у тебя значить стоять «смирно»?..

— А вотъ, когда совсѣмъ дышать перестанутъ, затаятъ дыханіе.

Сейчасъ за юнкерами блестятъ трубы и барабаны музыкантовъ Лейбъ Гвардіи Сапернаго батальона и стоитъ его рота со знаменемъ — наружный карауль Зимняго дворца и рядомъ съ нею взводъ Лейбъ Гвардіи Финляндскаго полка — внутренній карауль дворца и потомъ длинной линіей алыхъ лапкановъ, блестящихъ пуговицъ, тесаковъ и бѣлыхъ ремней вытянулись взводы и полуроты городскихъ карауловъ.

Тутъ — полная тишина и неподвижность. Обойдетъ офицеръ, одернетъ полу мундира, поправитъ подсумокъ, пробѣжитъ вдоль фронта проворный ефрейторъ со щеткой, смахнетъ пушинку, обмахнетъ сапоги.

Противъ карауловъ, вдоль другой стороны манежа — сплошное сверканіе эполетъ, перевязей, шарфовъ и сабель...

Тамъ не смолкаетъ нестройный гулъ голосовъ, повторяемый эхомъ манежа. Все подходятъ и подходятъ туда, то по одному, то по два, по три офицеры въ парадныхъ мундирахъ и чѣмъ ближе стрѣлка часовъ къ половинѣ двѣнадцатаго, тѣмъ торопливѣе шаги прибывающихъ. Послѣдніе бѣгутъ, придерживая сабли... Опоздаешь — хорошо если только выговоръ, а можетъ быть и гауптвахта...

Здѣсь -- «лавочка» *).

О чемъ, о чемъ не говорятъ только здѣсь! Какія новости не передаютъ! О спектаклѣ въ Михайловскомъ театрѣ, о томъ, что вотъ теперь Великимъ постомъ, кромѣ первой, четвертой и страстной недѣль будутъ разрѣшены представленія въ Большомъ и Александринскомъ театрахъ, что приѣзжаетъ нѣмецкая труппа, о томъ, какъ танцевали на масленицѣ Петипа и Ваземъ и что Ваземъ вовсе не лучше Соколовой и о томъ, что вотъ упорно говорятъ, что сегодня Государь «дастъ конституцію» и хорошо-ли это будетъ?..

-- Неужели у насъ Парламентъ? — говоритъ блѣдный поручикъ Гренадерскаго полка. -- Русскій парламентъ. Не звучитъ это какъ то...

-- Да вотъ -- газеты пишутъ...

-- Ну мало ли что онѣ пишутъ? Все одна брехня!..

-- А *maimzelle de Sa Majesté* будетъ Императрицей?..

-- Ну-ну!..

-- Слышали -- Желябовъ арестованъ... .

-- Это кто-же такой -- Желябовъ?..

-- А тотъ, знаете, что подкопы на желѣзныхъ дорогахъ дѣлалъ... Народоволецъ...

-- По всѣмъ нимъ веревка плачетъ...

-- М-мер-рзавцы!..

-- На такого Государя дѣлать покушенія!..

-- А?.. Не узнаешь?... А помнишь — «на Шипкѣ все спокойно» и мы подошли тогда...

-- Боже мой!.. Пустынинъ!.. Какими судьбами!... У Брота съ тобой на «ты» выпили...

*) «Лавочка» — скамейка подлѣ избы, гдѣ собираются досужія кумушки посудачить и посплетничать.

— И пили и пѣли подъ « Postillon »... *)

— Да вотъ и война прошла. Славянъ освободили... Ты что-же?...

— Въ Академіи грызу гранить науки... Говорятъ -- конституція будетъ.

— Ничего такого, милый, не слыхалъ...

— Пора. И намъ въ Европу...

Шумить разговоръ, двоится эхомъ, перескакиваетъ съ одной темы на другую.

— Радецкому — Бѣлаго Орла...

— Рыкачевъ получилъ Лейбъ Гвардіи Волынскій полкъ.

— Серегина на семь сутокъ на Сѣнную площадь упекли...

— За дѣло... Сумасбродъ! -- А на Сѣнной --- не важно... При Комендантскомъ-то много лучше.

— Среди морскихъ офицеровъ оказались народовольцы...

— Какой ужасъ!..

— Какой-то Дегаевъ ихъ выдалъ...

- Какая мерзость - въ офицерской средѣ заговоры и доносы.

— А декабристы?

Отъ воротъ манежа. отражаясь эхомъ раздается голосъ унтеръ офицера Манежной команды. Откуда только подбирали въ эту команду такихъ голосистыхъ унтеровъ!?

--- Его Им-пер-ратор-ское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Стар-ршой изволятъ фх-ха-а-ать!!.

Двоится, троеится манежное эхо. Стихаютъ, умолкаютъ разговоры въ офицерскихъ группахъ. Все подтягивается и подравнивается. По ту сторону манежа раздается одинокая команда дежурнаго по карауламъ:

— Смир-р-рна!... Разводъ! на пле-ечо!.. Господа офицеры!..

Великій Князь обходитъ караулы.

На часахъ ровно половина двѣнадцатаго. Поздоровавшись съ караулами Великій Князь подходитъ къ офицерамъ.

*) «Почтальонъ» — любимая пѣсенка во время Русско-Турецкой войны. Ее играли во всѣхъ румынскихъ ресторанахъ.

Сколько тутъ его соратниковъ по войнѣ, участниковъ тяжелаго Забалканскаго похода. Каждому Великій Князь найдетъ сказать ласковое слово, о каждомъ вспомнить. Но тотъ же унтеръ офицерскій голосъ прерываетъ его бесѣду.

— Ихъ-хъ Сіятельство военный министръ изволить ѣх-ха-а-ать!

Великій Князь командуетъ разводу: — «смирно»!

Въ полной тишинѣ Военный министръ обходитъ караулы. Онъ все поглядываетъ на стрѣлку большихъ манежныхъ часовъ. Стрѣлка подходитъ къ двѣнадцати.

Отъ воротъ несется голосъ:

— Ихъ-хъ Император-ское Величество изволятъ ѣх-ха-а-ать!!

Въ тотъ мигъ, когда на Петро-Павловской крѣпости ударяетъ полуденная пушка и стекла въ окнахъ манежа звенятъ отъ выстрѣла, двери манежа широко распахиваются и въ облакъ морознаго пара въ нихъ входитъ Государь.

XXIII.

Молочная торговля Кобозева на Малой Садовой улицѣ закрыта. Это никого не удивляетъ — воскресенье. Дверь на замкѣ. Сквозь незаставленные ставнями окна видна лавка, прилавокъ въ ней, сыры, кадки, накрытыя холстомъ и въ углу большой образъ Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ. Передъ образомъ теплится лампада. Все мирно и тихо. Дошатый полъ посыпанъ бѣлыми опилками. Не достаетъ только жирнаго, сытаго, мягкаго, пушистаго, лѣниваго, лавочнаго кота.

У окна въ лавкѣ сидитъ хозяйка. Растрепанная книга лежитъ у нея на колѣняхъ. Хозяйка часто посматриваетъ въ окно. Дверь во внутреннюю комнату открыта и тамъ невидимый съ улицы сидитъ мужчина въ черномъ драповомъ пальто и шапкѣ подъ бобра.

Въ лавкѣ на стѣнѣ висятъ простые деревянные часы съ мѣдными гирями. Маятникъ машетъ вправо и влево, влево и

вправо. Гро́мко тикають часы. Время идетъ. Уходитъ прошлое, наступаетъ будущее — нѣтъ настоящаго.

— Что, Анна Васильевна, наши прошли?.. — спрашиваетъ изъ глубины сосѣдней съ лавкой комнаты мужчина.

— Рысакова видала — прошелъ. А другихъ — нѣтъ. Да за народомъ трудно каждыа увидеть. Много народа идетъ. И офицеры... Все ѣдутъ и ѣдутъ... Сколько ихъ!..

— На разводъ ѣдутъ. Значить и онъ будетъ.

— Да.. Навѣрно... Это, Фроленко, какіе же будутъ въ мѣдныхъ каскахъ съ бѣлыми султанами? Красиво...

— Не знаю, Анна Васильевна. Я въ солдатахъ не служилъ. Удалось освободиться.

Замолчали.

Долгая, долгая тишина. Въ лавкѣ пахнетъ сыромъ, землей, сыростью. Изъ угла, гдѣ навалены рогожи несетъ выгребными ямами и еще чѣмъ то прѣснымъ, непріятнымъ химическимъ.

— Воздухъ у насъ, Фроленко, какъ въ могилѣ.

— Да... Въ могилѣ, Анна Васильевна, пожалуй и во все не будетъ воздуха... Это все та труба даетъ себя знать... У меня, знаете, все бѣлье даже провоняло. Да, вѣдь, Анна Васильевна это и есть наша могила.

— Вы думаете и насъ — съ нимъ?..

— Исаевъ, какъ закладывалъ, говорилъ, не меньше, какъ полъ дома должно обрушиться. Насъ непременно задавить.

— Что-жь... Значить такъ надо.

Якимова-Баска тяжело полною грудью вздыхаетъ.

— Недолго мы съ вами и прожили, Фроленко.

— За народное дѣло. Анна Васильевна.

— Да, конечно... За народное...

Опять замолчали.

— Офицеры больше не ѣдутъ. Должно быть скоро и начнется.

— Вѣра Николаевна про разводъ рассказывала — ровно въ двѣнадцать всегда начало.

— Да. Потихе на улицѣ стало. И какъ то страшно... А, когда кончится этотъ ихъ разводъ-то?

— Вѣра Николаевна говорила въ полвторого.

Якимова гяжело вздыхаетъ.

— Тогда, значить, и мы... Спиралька у васъ готова?..

— Готова.

— А вы провѣрили-бы?

Чуть слышно сипитъ въ сосѣдней комнатѣ спираль Румкорфа. Тикаютъ часы. Такъ напряженно сильно колотится сердце у Якимовой-Баски, что она слышитъ каждый его ударъ.

— Такъ вы говорите, Фроленко, задавить?..

— Да не все-ли равно.. Ахнетъ вѣдь основательно.

— Мнѣ народа жалко... Вотъ съ дѣтями идутъ — въ Лѣтній садъ, должно быть.. Сколько народа ходитъ. Всѣ погибнуть.

— Тутъ, Анна Васильевна, шпиковъ на половину. Что ихъ жалѣть...

— Все таки — люди... И казачки тоже... Поди — жены, матери есть. Мнѣ е г о не жалко. Пожилъ довольно. Попилъ народной кровушки, а вотъ — ихъ... Да...

— Безъ этого нельзя. Андрей говорилъ, гдѣ лѣсъ рушатъ — щепки летятъ. Вотъ и мы съ вами — щепки...

— Какъ думаете, — Андрея — повѣсятъ?..

— Должно быть — повѣсятъ. Не помилуютъ.. И намъ того-же не миновать. Тутъ-ли, тамъ-ли — все одно — смерть.. Жизнь революціонера короткая жизнь.

— У васъ рука-то, Фроленко, не дрогнетъ, какъ соединять будете?...

— А отчего ей и дрогнуть?..

— Все таки смерть...

И опять долгое, очень долгое молчаніе. Якимова-Баска смотритъ въ книгу, видитъ строчки, буквы, но буквы не складываются въ слова, строчки ничего не говорятъ. Якимова поднимаетъ голову и смотритъ съ боку въ окно.

— Вотъ, — Фроленко, и Соню вижу. Пришла... Стоитъ на углу въ толпѣ народа. А смѣлая Соня. Ее вѣдь и узнать кто можетъ.

— Значить скоро.

Да уже двадцать минутъ второго. Десять минутъ намъ жить осталось. Спиральку-то провѣрьте. Не отказали-бы провода.

— Вы не беспокойтесь, Анна Васильевна, у меня всё въ исправности.

Часы все тикають и тикають... Точно зовуть, приглашаютъ смерть.

Много смертей...

XXIV.

Ловкимъ, молодымъ движеніемъ Государь скинулъ шинель съ плечъ на руки унтеръ офицера Манежной команды и бодро подошелъ къ лошади, которую держалъ за колоннами конюшенный офицеръ. По манежу гулко отдавалось эхо командъ. Караулы взяли «на плечо».

Всякій разъ, какъ Государь входилъ въ манежъ, гочно бремя лѣтъ покидало его. Походка становилась легкой и упругой, глаза блитали, движенія были молоды и гибки.

Привычнымъ жестомъ, какъ училъ его еще отецъ, Императоръ Николай I, Государь просунулъ два пальца въ бѣлой перчаткѣ подъ ремень подпругъ, провѣряя сѣдловку, легко вставилъ ногу въ лакированномъ ботинкѣ въ стремя и перекинулъ высокое стройное тѣло въ сѣдло.

Залившійся въ командѣ «шай на кр-р-а-а» дежурный по карауламъ торжественно и четко оборвалъ: — «уль!»

Караулы вскинули ружья, шашки и палаши выдвинулись впередъ, офицеры взяли сабли подвысь и опустили ихъ остриемъ къ лѣвому носку. Трубацы конвоя рѣзко и отрывисто затрубили гвардейскій походъ — къ нимъ примкнули барабанщики и горнисты Сапернаго батальона.

Верхомъ на темно-караковомъ конѣ, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго и своего друга, Прусскаго генераль адъютанта фонъ Швейдница Государь шагомъ поѣѣзжалъ къ Конвойному караулу.

— Здог'ово, казаки!

— Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество!..

Изъ за шеренгъ внутреннихъ дворцовыхъ карауловъ

стали видны восторженные, чистые, молодые безусые, розовые лица пажей и юнкеровъ.

— Зд'аствуйте, господа!...

И еще не замерло эхо послѣ ихъ рьянаго, молодого, звонкаго отвѣта, какъ музыканты заиграли «Боже Царя храни» и грянуло ура!

Государь ѣхалъ вдоль фронта, мимо отвѣсно поднятыхъ ружей, съ новыми блестящими погонными ремнями, съ черненными, четырехгранными штыками Берданокъ. Онъ смотрѣлъ своими очаровательными глазами прямо въ глаза каждому и въ передней и въ задней шеренгахъ, глазами приветствовалъ стариковъ шевронистовъ фельдфебелей, съ особой лаской поздоровался съ Финляндцами и подъ громовые крики ура, отраженные и усиленные эхомъ, подъ звуки гимна доѣхалъ до фланга карауловъ. Потомъ повернулъ лошадь и легкимъ галопомъ проскакалъ на середину манежа, гдѣ, вытянувшись и опустивъ саблю, въ напряженнѣйшей позѣ стоялъ дежурный по карауламъ. Государь остановилъ лошадь противъ него и сказалъ:

— Командуй!...

Бравый полковникъ-саперъ въ сѣдѣющихъ, нафабранныхъ бакенбардахъ, отчетливо повернулся кругомъ и на весь манежъ, сталъ командовать:

— Р-разво-одъ! на пле-е-чо!.. Къ но-о-гѣ!.. Бей сборъ!..

Барабанщики глухо ударили въ барабаны. Кто то въ офицерской группѣ негромко сказалъ:

— Смотрите... Сейчасъ платокъ..

И точно, какъ всегда во время боя барабановъ Государь это дѣлалъ, — онъ вынулъ платокъ и вытеръ имъ усы и бакенбарды, еще сырые отъ зимняго инея, наѣвшаго во время дороги къ манежу.

Изъ за правыхъ фланговъ частей показались адъютанты, фельдфебели и вахмистры Шефскихъ частей. Стали слышны въ наступившей, послѣ грохота барабановъ, тишинѣ короткіе рапорты.

— Ваше Императорское Величество, въ ротѣ Имени Вашего Императорскаго Величества Пажескаго Корпуса все обстоитъ благополучно...

— Ваше Императорское Величество, въ ротѣ Имени Ва-

шего Императорскаго Величества 1-го Военнаго Павловскаго Училища...

— Ваше Императорское Величество, въ ротѣ... Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полка...

Адъютанты подавали дневныя записки о состояніи частей. Сбоку стояли, проходя по очереди, командиры шефскихъ полковъ. Государь всѣхъ ихъ зналъ, каждаго помнилъ. Однихъ отпускалъ молча, другимъ задавалъ вопросы, вспоминалъ, когда видѣлись послѣдній разъ, вспоминалъ про боевыя приключенія.

Все шло, какъ всегда, какъ двадцать пять лѣтъ его благополучнаго царствованія.

Рапортъ конченъ и, захлебываясь и щеголяя громовымъ своимъ голосомъ, на весь манежъ вопить плацъ адъютантъ:

— По кар-раул-ламъ стр-р-ройся!..

Розданы пароли... Скомандовали «на плечо» и «на карауль» и караульные начальники, офицеры, держа подвысь и салютуя, унтеръ офицеры, держа ружья у ноги, являются Государю и снова раздаются въ манежѣ изъ воскресенья въ воскресенье повторяющіяся слова:

— Въ Главный карауль Зимняго Вашего Императорскаго Величества дворца наряженъ..

— Въ карауль на Охтенскіе Пороховые заводы наряженъ..

— Въ Галерную Гавань...

— Рундомъ наряженъ.

— Дежурнымъ по карауламъ наряженъ...

Шеренга караульныхъ начальниковъ все растеть и растеть противъ Государя. Послѣдній brave ефрейторъ сдалъ рапортъ и сталъ на лѣвомъ флангѣ. Явились Рундъ и Дежурный по карауламъ.

— Караульные Начальники на свои мѣста!.. Шаг-гомъ!.. Маршъ!..

Правая половина караульныхъ начальниковъ повернулась направо, лѣвая налево, взяли сабли подвысь и мѣрно, тщательно отбивая шагъ, пошли по карауламъ.

Да все было, какъ всегда, какъ то написано въ Уставѣ, и этотъ однообразный обрядъ прогоняетъ мысли и дѣлаетъ

голову бездумной. Глазъ радуется математической точности пріемовъ, поворотовъ, красивой маршировкѣ.

— Вздоами лѣвыя плечи впередъ въ колонну стройся!.. Шаг-гомъ!.. Маршъ!..

Прямая линейка карауловъ повернулась и обратилась въ длинный людской прямоугольникъ.

— Разводъ! Стой!..

— На пле-е-чо!.. Разводъ впередъ!.. Равненіе направо... Шагомъ!.. Маршъ!..

Ударили барабанщики и сейчасъ-же къ нимъ влились пѣвучими звуками стариннаго Преображенскаго марша музыканты. Взводъ за взводомъ, караулъ за карауломъ идутъ мимо Государя.

Государь привычно благодарить солдатъ и слышитъ ихъ громкіе, напряженно радостные отвѣты.

Дальнія ворота на Инженерную улицу распахнуты настежь. Оттуда валитъ сѣдой паръ, тянетъ по ногамъ сыростью и холодомъ. Тамъ въ воротахъ толчея. торопливо надѣваютъ шинели и караулъ за карауломъ съ барабаннымъ боемъ расходятся по всему городу.

За послѣднимъ карауломъ идутъ музыканты.

Музыка смолкла... Еще нѣсколько мгновеній по манежу гудѣло эхо. Ворота закрыли, наступила тишина.

Государь проѣхалъ на середину манежа и сказалъ графу Мусину-Пушкину:

— Ординарцамъ являться шагомъ.

— Палаши, сабли, шашки — вонъ! — скомандовалъ Мусинъ-Пушкинъ. — Ординарцы, равненіе направо, шагомъ — ма-а-аршъ!..

И опять все идетъ, какъ всегда. мѣняются лица, но пріемъ все тотъ же. Такъ же, какъ и раньше, храпятъ и прыгаютъ офицерскіе кони и прямою стѣною надвигаются шеренги унтеръ-офицеровъ и карабинеровъ. Сабли подняты подвысь. Государь объѣзжаетъ шеренгу.

— Ваше Императорское Величество, на ординарцы нарядень.

— Вашему Императорскому Величеству отъ Кавалер-

гардскаго полка на ординарцы присланъ унтеръ-офицеръ Зинченко...

— Къ Вашему Императорскому Величеству для посылокъ присланъ карабинеръ Габельченко.

— Ваше Императорское Величество, отъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка на ординарцы наряженъ корнетъ, Великій Князь Димитрій Константиновичъ.

— А здг'авствуй!... Отличная, бг'ать, у тебя лошадь. Какого она завода?

— Завода князя Барятинскаго, Ваше Императорское Величество.

Юное лицо Великаго Князя вспыхиваетъ отъ восторженнаго волненія. Это волненіе передается лошади, и она, сдерживаемая мундштукомъ, танцуетъ на мѣстѣ.

— Гдѣ досталь ее?

— Приобрѣлъ у ротмистра Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка Карандѣва 1-го.

— Какъ зовутъ жег'ебца?

— Агать, Ваше Императорское Величество.

— Отличный, отличный... Какая сухая голова, шея... И ноги пг'екг'асныя. Поздг'авляю съ хог'ошей покупкой.

И, чувствуя, что счастье Великаго Князя отъ ласки доходить до предѣла, Государь трогаетъ лошадь и, подѣхавъ къ унтеръ-офицеру Коннаго полка, слушаетъ его рапортъ.

Тѣмъ временемъ положили по срединѣ манежа три листа бумаги, и какъ только окончили свою явку ординарцы, понеслись въ лихой джигитовкѣ казаки Собственнаго Государева Конвоя, Казачьяго и Атаманскаго дивизионовъ и Уральскаго эскадрона. Они на карьерѣ стрѣляли изъ пистолетовъ въ бумагу и разбивали ее въ клочья, потомъ соскакивали и вскакивали на лошадей.

Какъ только кончилась джигитовка началась ординарцевая ѣзда.

Мѣрнѣй рысью проходили мимо Государя ординарцы, и Государь любовался лошадьми, людьми, красивыми мундирами, посадкой.

Бѣлые колеты кавалергардовъ и Конной Гвардіи смѣнялись темными мундирами Конной артиллерій, алыми, голубыми и малиновыми казаковъ.

— Равненіе направо, галопомъ...

Всѣ лошади шли съ правой ноги, ни одна не врала. Красивы были тогдашнія натянутыя посадки, стремя, играющее на носкѣ, нѣсколько отваленныя назадъ корпуса.

— Равненіе налѣво...

Перемѣнили ногу, кое у кого зашалила, упрямясь, лошады, и опять идутъ мимо Государя. Отдается глухимъ эхомъ мѣрный топотъ лошадей по твердому грунту манежа. Лошади храпятъ и фыркаютъ, разгорячаясь; рѣютъ въ воздухѣ султаны, конскія гривы колеблются, вытянуты хвосты, сильнѣе пахнетъ въ манежѣ лошадыю, свѣжей кожей новыхъ сѣделъ...

Вѣстовые принесли жердь, обтянутую соломеннымъ жгутомъ, и положили ее на согнутыя въ колѣнѣ ноги. Пошли на препятствіе. Отваливали корпуса назадъ, какъ то тогда требовалось, попускали мундштукъ. Никто не закнулся, никто не обнесъ барьера, одинъ за другимъ проскакали мимо Государя всадники.

Государь подѣхалъ къ Великому Князю Димитрію Константиновичу, — вѣдь онъ для него сегодня и пріѣхалъ.

— Спасибо тебѣ, — сказалъ онъ. — Молодцомъ ѣздишь и отлично вель лошады.

Государь обѣхалъ фронтъ офицеровъ и у колонны слѣзъ съ коня.

«Ну, вотъ, слава Тебѣ, Господи, все отлично прошло», подумалъ онъ съ облегченіемъ и почувствовалъ, какъ прежняя лихорадка холодкомъ возвращается къ нему. Онъ поблагодарилъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго за разводъ, накинулъ шинель и вышелъ на крыльцо.

Все тотъ же былъ сѣрый, неопредѣленный, безрадостный день, не холодный и не теплый. Грязный снѣгъ на лошади, толпы народа, сдерживаемыя городовыми и конными жандармами въ каскахъ, недружное «ура».

— Фроль! Въ Михайловскій дворецъ, къ Великой Княгинѣ...

Въ каретѣ Государь почувствовалъ усталость отъ развода, и снова стало знобить отъ сырости манежа. Сталъ думать о горячемъ чаѣ у Великой Княгини Екатерины Михай-

ловны, о разговорахъ, конечно, о томъ, какъ ѣздить Димитрій, о новыхъ назначеніяхъ....

Государь разсѣянно смотрѣлъ въ окно на лица встрѣчныхъ и замѣчалъ про себя:

«Какая отвратительная рожа!.. А у этого такое славное Русское лицо... Этотъ, вѣрно, профессоръ, а тотъ музыкантъ. Милая барышня... Зазябла совсѣмъ. Жалко, что стриженная... Стоитъ на углу Садовой... Махнула зачѣмъ-то платкомъ... Что она?»

Привычно приложился двумя пальцами къ краю каски.

Колеса зашуршали по бѣлому снѣгу просторнаго двора, и карета въѣхала въ высокій подъѣздъ Михайловскаго дворца.

XXV.

Первымъ, кто долженъ былъ бросить снарядъ Кибальчича, стоялъ на углу Инженерной улицы и Екатерининскаго канала, Тимофей Михайловъ.

Это былъ молодой парень, 21-го года, рабочій-котельщикъ, громадный, несуразный, громоздкій и съ такимъ же, какъ его тѣло, тяжелодумнымъ умомъ. Онъ повѣрилъ Желябову, какъ солдатъ вѣритъ своему полководцу. Когда читалъ воззваніе «отъ рабочихъ членовъ партіи народной воли», гдѣ было сказано: «Товарищи рабочіе! Каково наше положеніе, объ этомъ говорить много не приходится. Работашь съ утра до ночи, обливаясь кровавымъ потомъ; жрешь хлѣбъ да воду, а придетъ получка, хоть бы что осталось въ рукахъ. Такъ было прежде; но теперь положеніе наше становится съ каждымъ днемъ все хуже, все ужаснѣе. Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ идетъ разсчитываніе рабочихъ. Голодные, оборванные, цѣлыми толпами ходятъ они отъ завода къ заводу, прося работы», — Михайловъ плакалъ отъ жалости. Онъ не видѣлъ, что все написанное было ложью. Онъ не хотѣлъ посмотрѣть на самого себя: здоровый, крѣпкій, сильный, какъ быкъ, онъ зналъ, что

всегда получить работу. Онъ зналъ, что рабочіе пропиваютъ свои заработки и оттого бѣдны, но онъ повѣрилъ воззванію, повѣрилъ Желябову. Такимъ хорошимъ «господиномъ» казался ему Желябовъ.

— Меня на самое опасное мѣсто... Угожу-сь, — говорилъ онъ, преданными, ласковыми глазами глядя на Желябова. — Андрей Ивановичъ, понимаю-сь!.. Они оруженныя, съ какимъ великолѣпнымъ казацкимъ конвоемъ, а мы съ голыми руками...

Въ Желябовѣ онъ видѣлъ ту правду Божію, которую искалъ, и такъ понравился онъ Желябову, что первое мѣсто было дано Желябову, а второе ему, и когда Желябова арестовали, Михайловъ сталъ на его мѣсто.

Онъ стоялъ, прислонившись къ чугунной рѣшеткѣ канала и уже издали молодыми, зоркими глазами увидѣлъ, какъ изъ-за зданія Михайловскаго театра показалась карета, окруженная казаками въ алыхъ черкескахъ, и за нею сани.

По каналу проходили люди. Только что прошелъ взводъ юнкеровъ, прошли матросы 8-го Флотскаго экипажа, мальчикъ несъ на головѣ корзину съ хлѣбомъ. На углу стояли городовые.

«Они оруженныя — я безоружный», — вспомнилъ свои слова Михайловъ. «Какая же это правда, когда они не знаютъ, какая у меня, какой страшной силы бомба? Они на лошадяхъ, Царь въ каретѣ, что они со мною могутъ сдѣлать, когда они и не подозрѣваютъ, кто я есмь и для чего здѣсь стою... Вѣдь ахну — ни синь пороху отъ нихъ не останется. Да и мальчика, пожалуй, прихватить»...

И въ короткій этотъ мигъ все показалось ему совсѣмъ инымъ, чѣмъ было тогда, когда онъ клялся въ вѣрности революціи.

Кучеръ на крутомъ поворотѣ задержалъ лошадей — было скользко на снѣговомъ раскатѣ. Наступилъ мигъ, когда нужно было бросить бомбу.

Михайловъ плюнулъ и быстрыми шагами пошелъ вдоль канала къ Михайловскому саду.

— Вездѣ одинъ обманъ... — думалъ онъ.

Вторымъ металыщикомъ стоялъ тихвинскій мѣщанинъ

Рысаковъ, 19-лѣтній молодой человѣкъ съ грубымъ лицомъ, толстоносый, толстогубый, съ дѣтскими довѣрчивыми глазами. Онъ такъ увѣровалъ въ Желябова, что смотрѣлъ на него, какъ на Бога. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что, вотъ, бросить онъ бомбу, взорветъ, убьетъ Царя, и сейчасъ же, сразу, настанетъ таинственная, заманчивая революція — и онъ станетъ богатъ и славенъ. Тогда — «получу пятьсотъ рублей и открою мелочную лавку въ Тихвинѣ»...

У Рысакова не было никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній.

«Желябовъ сказалъ — годъ исключительный. Голодъ, язва на скотѣ. Будетъ народное возстаніе, и, значить, мы станемъ героями, первыми людьми въ возстаніи. Желябовъ говорилъ: студенты, интеллигенція, рабочіе, всѣ пойдутъ на какія-то баррикады и насъ выручатъ»...

Въ этой вѣрѣ, что «выручатъ», что онъ дѣлаетъ геройское и вмѣстѣ съ тѣмъ ничѣмъ особеннымъ ему самому не угрожающее дѣло, Рысаковъ ловко нацѣлился и бросилъ снарядъ подъ колеса карсты.

Раздался страшный грохотъ. Столбъ темнаго дыма, снѣга и земли высоко поднялся въ воздухѣ, изъ дома по ту сторону канала посыпались стекла. Что-то ахнуло въ сердцѣ Рысакова. Онъ бросился бѣжать, но за нимъ погнались, какой-то человѣкъ въ «вольной» одеждѣ схватилъ его, сейчасъ же подбѣжалъ городской съ обнаженной шашкой, и Рысакова приперли къ краю набережной.

Изъ облака дыма и снѣга показался Государь въ шинели и каскѣ. Онъ рукою смахнулъ снѣгъ съ полъ шинели.

Кучеръ Фроль Сергѣевъ съ трудомъ остановилъ испуганныхъ лошадей. Конвойный офицеръ, ротмистръ Кулебякинъ, съ окровавленнымъ лицомъ, безъ папахи, соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ Государю.

— Ваше Императорское Величество, — сказалъ онъ, почтительно беря Государя подъ руку, — вы ранены?

— Я ничего, — сказалъ Государь, а посмотри, что они надѣлали!

Государь показалъ на мальчика, катавшагося въ судорогахъ по панели, и на убитаго казака, лежавшаго на улицѣ.

— Это кто такой?

— Максимовъ, Ваше Императорское Величество.

— Цаг'ство ему небесное! Все изъ-за меня... изъ-за меня...

Кучеръ осадилъ карету. У нея была выбита спинка, но ѣхать было можно. Полковникъ Дворжицкій подѣхалъ съ саними.

— Ваше Императорское Величество, умоляю васъ, — сказалъ онъ, — садитесь въ сани, ѣдемъ во дворецъ...

Государь спокойно посмотрѣлъ своими прекрасными глазами на полицеймейстера и сказалъ:

— Погоди...

Фролъ снялъ шапку и сказалъ со слезами въ голосъ:

— Ваше Императорское Величество, Царь Батюшка, садитесь, не то злодѣи убьютъ.

Государь махнулъ кучеру рукою и обратился къ слѣдовавшему за нимъ Кулебякину:

— Кулебякинъ, тамъ еще казакъ... Что съ нимъ?

— Это Лузенко, Ваше Императорское Величество, онъ, кажется, только раненъ.

Государь еще разъ перекрестился.

— Ужасно, — сказалъ онъ, — хуже, чѣмъ на войнѣ. Это что же? — обратился онъ къ Дворжицкому, показывая на Рысакова, — этотъ и бг'осилъ?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество.

Государь подошелъ къ Рысакову.

— Ты кто такой? — строго, но не сердито сказалъ Государь.

— Мѣщанинъ, — хмуро, глядя въ землю, отвѣтилъ Рысаковъ. — Грязновъ!

— Смотри ты у меня! — Государь погрозилъ пальцемъ въ бѣлой перчаткѣ Рысакову.

— А гдѣ взог'вало? — сказалъ Государь и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ въ снѣгу чернѣло круглое отверстіе воронки взрыва.

Государь былъ совершенно спокоенъ. Онъ зналъ, что у него есть долгъ передъ убитыми и ранеными, долгъ передъ собравшеюся толпою. Онъ не можетъ ничѣмъ показать своего волненія или растерянности.

Кто-то изъ толпы громко спросилъ:

— Что съ Его Величествомъ?

— Слава Богу, ничего, — сказалъ Государь и услышалъ, или ему только показалось, что онъ услышалъ, какъ кто-то мрачно и угрюмо сказалъ:

— Погоди, еще рано благодарить Бога...

Въ тотъ же мигъ какъ бы огонь охватилъ Государя. Страшный грохотъ оглушилъ его. Все потемнѣло передъ глазами, все исчезло. Государь ощутилъ холодное прикосновение снѣга къ лицу, страшную, непереносимую боль въ ногахъ, на мгновенье передъ нимъ мелькнуло чье-то совсѣмъ незнакомое лицо, и Государь, застонавъ, закрылъ глаза.

Студентъ Гриневецкій, двадцати одного года, быть можетъ, послѣ Желябова и Перовской самый убѣжденный въ необходимости «акта», — сказалъ: «Погоди, еще рано благодарить Бога» и, выхвативъ изъ-подъ полы пальто круглую бомбу, завернутую въ носовой платокъ, обѣими руками съ силой бросилъ ее къ ногамъ Государя.

Взрывомъ оторвало Государю обѣ ноги выше колѣна, и Государя отбросило къ панели Екатерининскаго канала, гдѣ онъ и лежалъ въ полузабытѣи, хватая руками снѣгъ и тихо стеная. Этимъ же взрывомъ поразило Гриневецкаго, и тотъ лежалъ безъ признаковъ жизни у самой рѣшетки канала.

Толпа въ паникѣ разбѣжалась во всѣ стороны и прошло нѣсколько мгновений тяжелой тишины.

— Помогите... Помогите! — простоналъ Государь.

Какой-то прохожій по имени Новиковъ и юнкеръ Павловскаго училища Грузевичъ-Нечай первыми подбѣжали къ Государю.

— Мнѣ холодно... Холодно, — тихо сказалъ Государь.

Два матроса 8-го Флотскаго экипажа подхватили Государя подъ разбитыя ноги и понесли его къ санямъ Дворжицкаго. Они были съ винтовками и въ волненіи и страхѣ за Государя не догадались оставить ружья, и ружья мѣшали имъ нести.

Изъ Михайловскаго дворца, гдѣ были слышны взрывы, почувствовавъ недоброе, прибѣжалъ любимый братъ Государя, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Государь очень неудобно полулежалъ въ узкихъ саняхъ Дворжицкаго.

Великій Князь подошелъ къ нему и, плача, склонился къ лицу Государя.

— Саша, — сказалъ онъ, — ты меня слышишь?

И будто изъ какой-то глубокой, могильной дали послышался тихій отвѣтъ Государя:

— Слышу...

— Какъ ты себя чувствуешь?

Послѣ долгаго молчанія Государь сказалъ очень слабымъ настойчивымъ голосомъ:

— Скорѣ... Скорѣ... Во дворецъ...

Кто-то изъ окружившихъ сани офицеровъ или прохожихъ сказалъ:

— Не лучше ли перенести въ ближайшій домъ и сдѣлать перевязку?

Государь услышалъ эти слова и громче и настойчивѣе, все не открывая глазъ, сказалъ:

— Во дворецъ... Тамъ умереть...

Государя уложили въ саняхъ спиною къ лошадямъ, Кулебякинъ сѣлъ у ногъ Государя и положилъ окровавленные ноги къ себѣ на колѣни и накрылъ ихъ чьею-то поданною ему солдатскою шинелью.

Государь открылъ глаза и узналъ Кулебякина. Увидѣвъ, что лицо ротмистра было залито кровью, Государь тихо и участливо спросилъ:

— Кулебякинъ, ты г'анень?

— Ваше Императорское Величество, что думать обо мнѣ.. Царапина и только...

Кулебякинъ заплакалъ. Государь тихо пожалъ руку своего конвойнаго офицера, закрылъ глаза и не произнесъ больше ни слова.

Когда сани въѣхали на высокій подъѣздъ дворца и были раскрыты настежь двери, чтобы внести Государя, любимая собака Государя, сопровождавшая его и на войну, сеттеръ Милордъ, какъ всегда, бросился навстрѣчу своему хозяину съ радостнымъ визгомъ, но вдругъ почувствовалъ кровь и не услышавъ голоса Государя, упалъ на ступени

лѣстницы безъ сознанія. Параличъ охватилъ его заднія лапы.

Государя внесли въ его рабочій кабинетъ и тамъ сначала посадили въ креслѣ, потомъ переложили на узкую походную койку.

Дворцовый комендантъ приказалъ начальнику внутренняго пѣхотнаго караула, только что заступившаго на посты, Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка поручику Савицкому поставить часовыхъ у спальни Государя и никого туда не впускать, кромѣ членовъ Царской Семьи.

Вызванные наспѣхъ доктора — Дворяшинъ, врачъ Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковаго батальона, придворный врачъ Боткинъ и придворный хирургъ Круглевскій забинтовали ноги. Государь былъ безъ сознанія.

Подлѣ раненаго стояли Государь Наслѣдникъ съ женою и сыномъ, Николаемъ Александровичемъ и княгиня Юрьевская. Врачи совѣщались между собою.

— Ваше Сіятельство, — тихо обратился къ Юрьевской Круглевскій. — Ампутація ногъ неизбѣжна. Разрѣшите приступить?

Юрьевская посмотрѣла вопросительно на Наслѣдника. Громадный, въ широкой русой бородѣ, тотъ стоялъ у изголовья государева ложа.

Наслѣдникъ молча кивнулъ головою.

— Если еще сдѣлать переливаніе крови?.. Казаки Конвоя просятъ взять ихъ кровь, — нерѣшительно сказалъ Дворяшинъ.

Дыханіе Государя становилось все тише и тише. Грудь едва поднималась. Боткинъ взялъ руку Государя и слушалъ затихающій пульсъ. Онъ выразительно посмотрѣлъ на княгиню Юрьевскую, потомъ на Наслѣдника.

Тѣ перекрестились.

Было три часа двадцать пять минутъ. Государь, страдавъ около часа, тихо скончался.

Дворцовый комендантъ послалъ скорохода приказать приспустить Императорскій штандартъ на середину мачты.

XXVI.

Вѣра не знала когда э т о будетъ. Она только догадывалась, что это будетъ 1-го марта.

Она чувствовала, что Перовская и Желябовъ сторонились ея, избѣгали эти дни съ нею видѣться, и это оскорбляло Вѣру. Точно ей не догѣляли, точно боялись, что она выдастъ.

1-го марта около двухъ часовъ дня Вѣра пришла на Екатерининскій каналъ.

Сѣрый зимній день съ легкимъ морозомъ стоялъ надъ городомъ. Красиво разубрались инеемъ деревья Михайловскаго и Лѣтняго садовъ. Щемящая грусть томила Вѣру и несказанно печальными казались ей серебряные сады въ лиловой дымкѣ тумана.

По Невскому проспекту съ музыкой прошелъ дворцовый караулъ. Музыка отражалась о дома Екатерининскаго канала и двоилась. Въ этой музыкѣ Вѣрѣ почудилось что-то роковое и ужасное.

Вѣра знала, что на Малой Садовой въ лавкѣ Кобозева ожидаетъ Государя смерть отъ страшнаго взрыва — полтора пуда динамита тамъ было заложено, Вѣра знала, что на Екатерининскомъ каналѣ разставлены Перовской метальщики съ бомбами.

Она ходила то по каналу, то по Невскому, и ей казалось, что ея нервы не выдержатъ больше, что она бросится къ первому попавшемуся полицейскому офицеру и крикнетъ ему: «Что вы дѣлаете, почему такъ спокойно стоите на посту? Да предупредите же!.. Да спасите же своего Государя! Схватите преступниковъ и меня первую».

Потомъ одумывалась. Все это неизбежно. Это нужно — для счастья народа, для его великаго будущаго... Сейчасъ совершается героическій актъ, который благословлять будетъ исторія... За нимъ — революція и счастье...

«Какъ?.. Какъ это будетъ? Что же произойдетъ? Народъ широкимъ крестнымъ знаменемъ осѣнитъ себя, когда узнаетъ, что избавился отъ тирана»...

Вѣра шла, задумавшись. Она точно видѣла взволнованную, ликующую толпу, красныя знамена мятежа, Перовскую

во главѣ народа. Они идутъ освобождать Желябова и всѣхъ политическихъ заключенныхъ страдальцевъ. Они несутъ счастье народу.

Вѣра была у Невского, когда раздался первый взрывъ. За нимъ черезъ какую-нибудь минуту второй, еще болѣе оглушительный.

Прохожіе въ недоумѣніи останавливалосьъ. Иные привычнымъ движеніемъ хватились за часы — но былъ не полдень, а половина третьяго...

Вѣра видѣла, какъ промчались парные сани. Конвойный офицеръ сидѣлъ въ нихъ и держалъ кого-то на колѣняхъ, кучеръ гналъ лошадей, и парные рысаки скакали галопомъ.

Вѣра поняла. Удалось!.. Государя убили.

Вся похолодѣвъ, чувствуя, какъ внутренняя дрожь бѣгаетъ ее, Вѣра вышла на Конюшенную улицу, желая стороною пробраться къ Зимнему дворцу. Здѣсь было пусто и безлюдно.

Извозчикъ ѣхалъ порожнемъ, похлопывая руку объ руку. Навстрѣчу другой везъ господина въ очкахъ. И первый крикнулъ пьяно и задорно:

— Ванька, дьяволь, будетъ тебѣ баръ возить. Государя разорвало на четыре части.

Долго потомъ вспоминала Вѣра эти извозничьи слова. Это и была в с я р е в о л ю ц і я! Только это и услышала она отъ «народа» революціоннаго и дерзкаго за всѣ эти тягостные, печальные и полные леденящаго ужаса дни.

Вѣра вернулась на Невскій. По проспекту густою безпорядочною колонной, въ кожаныхъ киверахъ, съ красными пиками на бедрѣ проскакали карьеромъ къ Зимнему дворцу казаки.

На Дворцовой площади толпился народъ. Пошелъ рѣдкій, мокрый снѣгъ и увеличилъ печаль хмураго дня.

Вѣра увидала, какъ вдругъ на сѣромъ небѣ задрожалъ тихо рѣявшій въ воздухѣ желтый штандартъ съ чернымъ Государственнымъ орломъ и сталъ медленно опускаться къ срединѣ флагштока.

— Флагъ... Флагъ спускаютъ, -- заговорили въ толпѣ.

Одна за другой стали обнажаться головы людей. Всѣ

нстово крестились. Какая-то простая женщина жалостливо и скорбно сказала:

— Кончился нашъ голубчикъ... Царство ему небесное... Доканали злодѣи.

И съ силою кто-то сзади Вѣры сказалъ:

— Какого Государя убили!

Все болѣе и болѣе было молившихся людей. Многіе становились на колѣни. Ближе къ дворцу не подпускали казаки, ставшіе цѣпью вокругъ площади.

Долго стояла Вѣра въ безмолвной, въ неимовѣрной печали въ затихшей толпѣ...

Ни баррикадъ,.. Ни революціи — ничего не было. Былъ одинъ обманъ. Вѣра видѣла глубокое чувство потрясенныхъ людей и видѣла, какъ молились горячо и искренно за погибшаго Государя народныя толпы. Она кругомъ слышала осужденіе злодѣямъ, злобу и презрѣніе къ нимъ...

Только развязный извозчикій голосъ: «Ванька, дьяволъ, будетъ тебѣ баръ возить — Государя разорвало на четыре части» — на мгновеніе показавъ ей народное нутро... Но тогда Вѣра этого не поняла.

— Вотъ оно какъ обернулось-то, — сказали подлѣ Вѣры въ толпѣ, — Царь-Освободитель — Царь-Мученикъ...

Вѣра не посмѣла оглянуться на говорившаго и тотъ продолжалъ:

— Это всегда и вездѣ такъ бываетъ... Христа, освободившаго людей отъ смерти, — распяли. Чѣмъ кто больше сдѣлаетъ добра, чѣмъ милостивѣе и величественнѣе править — тѣмъ скорѣе ожидаетъ его вѣнецъ мученика...

Другой отвѣтилъ:

— Бѣсы... Подлинныя бѣсы-разрушители — эти чортовы народовольцы...

Еще слышала Вѣра, какъ говорили въ толпѣ:

— Господа убили царя. Мстили ему за освобожденіе крестьянъ.

— Какого царя!

— И безпремѣнно не обошлось безъ англичанки.

— Конечно, — на ея деньги... Изъ-за границы руководство злодѣями было.

Вобравъ въ плечи голову, точно ожидая, что ее сейчасъ

ударять или накинуть на нее висѣличную петлю, шла Вѣра назадъ по Невскому.

Темнѣло. Мартовскій день догоралъ. Фонарщикъ съ лѣстницей пробѣгалъ отъ фонаря къ фонарю, зажигая газъ. Непрерывной вереницей тянулись извозничьи сани, позванивая, катились по рельсамъ конныя кареты. На всѣхъ перекресткахъ стояли конные казаки.

Вѣра прошла къ тому мѣсту, гдѣ былъ взрывъ. Въ народѣ уже назвали это мѣсто — «мѣстомъ преступленія». Оно было оцѣплено солдатами. Тамъ за солдатскою цѣпью лежали вѣнки и букеты цвѣтовъ. Священникъ и пѣвчіе готовились служить панихиду. Черная толпа народа стояла безмолвно. Изрѣдка раздавалось чье-нибудь приглушенное всхлипываніе.

Тихо рѣялъ, падая на землю, мокрый снѣгъ. Несказанная печаль и тоска застыли въ воздухѣ.

XXVII.

Домой Вѣра вернулась поздно.

Какъ всегда по воскресеньямъ, у Афиногена Ильича была «пулька». Были Порфирій съ женою, Карелинъ и Гарновскій.

Въ кабинетѣ, на ломберномъ столѣ, по угламъ горѣли свѣчи, щеточки и мѣлки были разложены, карты распечатаны. Афиногенъ Ильичъ, Карелинъ, Гарновскій и Порфирій сидѣли за картами. Въ углу за круглымъ столомъ графиня Лиля заваривала изъ самовара чай.

— Гдѣ ты пропадала, Вѣра? — спросилъ Афиногенъ Ильичъ. — И какъ блѣдна... Устала?

— Да, дѣдушка, я очень, очень устала. Я была т а м ъ. Я почти видѣла, какъ все это было, — отвѣтила тихо Вѣра. — А потомъ ходила по городу. Все не могла успокоиться. Очень было мнѣ страшно... Что же теперь будетъ? Революція?

— Все спокойно. Никакой революціи не будетъ, —

сказалъ Карелинъ. Трактиры и кабаки закрыты. Всѣ мѣры приняты.

— Да никакой революціи никто и не боится, — сказалъ Порфирій. — Кабацкій разгулъ полезно предупредить.

— Да, все спокойно, — подтвердилъ Гарновскій.

— Это спокойствіе ужасно, — сказалъ Порфирій. — Ихъ, этихъ негодяевъ, народъ долженъ былъ разорвать всѣхъ до единого. Взяли одного, какого-то Грязнова, оказавшагося Рысаковымъ. Другой цареубійца, не приходя въ сознаніе, умеръ въ Конюшенномъ лазаретѣ... Сведется къ одному, а ихъ много. Всѣхъ надо раскрыть и публично повѣсить. А тутъ спокойны. Вотъ, кто былъ по-настоящему преданъ Государю-Мученику, — это его собака Милордъ... Представьте, такъ разстроился, что его параличъ схватилъ, не пережилъ своего хозяина.

Афиногенъ Ильичъ посмотрѣлъ на стоявшихъ подлѣ его стула въ ожиданіи чайнаго сухарика Флика и Флока и сказалъ:

— Ну, а вы, подлецы, если меня такъ принесутъ, что будете дѣлать? Разстроитесь, или нѣтъ?

«Подлецы» дружно виляли хвостами вправо и влѣво и смотрѣли преданными собачьими глазами въ глаза старому генералу.

— Вамъ сдавать, — сказалъ Карелинъ.

Въ кабинетѣ воцарилось молчаніе. Вѣра забилась въ темный уголъ, графиня Лиля разливала по стаканамъ чай, стараясь не шумѣть.

Слышались отрывистые голоса играющихъ.

— Два безъ козырей...

— Три въ червяхъ...

— Фу, фу, фу, какая игра-то, — проговорилъ отдуваясь, Порфирій. — Во всемъ рука Господня. Могла быть и конституція. Чего, кажется, хуже... Папа, тебѣ ходить.

Изъ своего угла Вѣра страшными, безумными глазами смотрѣла на нихъ.

«Вотъ она — жизнь! — думала она. Такого Государя убили. А тутъ — «два безъ козырей», «три въ червяхъ»! — да вѣдь это то же самое, что — «Ванька, дьяволъ, будетъ баръ возить — Государя разорвало на четыре ча-

сти»... Нѣтъ, никогда и ничѣмъ ихъ не прошибешь... Никакими бомбами»...

XXVIII.

Съ ранняго утра Вѣра уходила изъ дома и бродила по городу. Она все еще ждала — революціи.

Петербургъ принималъ обычный видъ. Постепенно убрали съ перекрестковъ конныхъ казаковъ, наряды полиціи становились меньше.

4-го марта открыли подкопъ на Малой Садовой, тамъ поставили рогатки, и саперы вынимали мину.

8-го марта въ печальномъ и торжественномъ шествіи перенесли тѣло Государя изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ и туда началось паломничество петербургскихъ жителей, чтобы поклониться праху Царя-Мученика.

Дивно-прекрасный лежалъ Государь въ гробу. На груди у скрещенныхъ рукъ стоялъ небольшой образъ Спасителя. Кругомъ груды цвѣтовъ и вѣнковъ и почетная стража въ зашитыхъ чернымъ крепомъ мундирахъ.

Рано утромъ Вѣра шла по Невскому и вдругъ увидала Перовскую.

Страшно блѣдная, съ опухшимъ лицомъ Перовская шла Вѣрѣ навстрѣчу. Она обрадовалась Вѣрѣ.

— Соня, пойдемъ, поговоримъ... Такъ тяжело у меня на сердцѣ.

Онѣ прошли въ кофейную Исакова и сѣли въ темномъ углу.

— Только у меня денегъ вовсе нѣтъ, — сказала Перовская, — и я два дня ничего не ѣла.

Вѣра заказала кофе и пирожки, и Перовская, оглянувшись, заговорила:

— Я сама не своя. Ты слышала, можетъ быть — Рысакъ хотѣли судить военно-полевымъ судомъ и уже 4 марта казнить... Андрей, узналъ объ этомъ и написалъ заявленіе. Вотъ оно, я знаю его наизусть. Вѣрные люди мнѣ его передали: «Если новый Государь, — писалъ Андрей, — полу-

чивъ скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи цареубійцъ старой системы; если Рысакова намѣрены казнить, было бы вопіющей несправедливостью сохранить жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшаго физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Я требую приобщенія себя къ дѣлу 1-го марта и, если нужно, сдѣлаю уличающія меня разоблаченія. Прошу дать ходъ моему заявленію... Меня беспокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону новаго монарха трупомъ одного юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну висѣлицу, а не двѣ». Я узнаю въ этомъ письмѣ моего гордаго и самолюбиваго Андрея...

— Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

— Вѣрно, такъ нужно было, — тихо сказала Перовская.

— Но это же самоубійство...

— Его нужно спасти, и мы его спасемъ. Эти десять дней я почти не спала. Я обошла всѣхъ, я была среди рабочихъ, которые меня знаютъ, я была въ военныхъ кружкахъ. Я умоляла устроить нападеніе на 3-е Отдѣленіе, куда его водятъ. Для этого я искала квартиру на Пантелеймоновской улицѣ, чтобы слѣдить за нимъ. Да, наконецъ, возможно напасть и на самый Домъ Предварительнаго Заключенія на Шпалерной, у меня все придумано и разработано. Но... нѣтъ людей! Мнѣ вездѣ отказали. Такая вездѣ растерянность, такая подавленность! Гдѣ я ночевала, я сама не помню, кажется, даже на улицѣ. Я ничего не ѣла. Одна мысль — спасти его...

Вѣра потребовала еще кофе и пирожковъ. Она участливо смотрѣла на Перовскую и думала:

«Бѣдная Соня, она вилась, какъ вьется птица надъ головою коршуна, отнявшаго ея птенца. Она сама попадется въ когти коршуну»...

— Но самое ужасное, Вѣра, это Рысаковъ. «Юный герой» — назвалъ его Андрей!.. Герой!.. Я видѣла его... Я

слышала про него, я все про него узнала... Его лицо опухло отъ смертельной тоски и покрылось темными, точно уже трупными пятнами. Онъ все вертитъ головою, точно уже чувствуетъ веревку на своей шеѣ. Его постоянно водятъ на допросы. Онъ всѣхъ выдаетъ. По его оговору разгромили квартиру на Телѣжной. Ищутъ Кибальчича и Гесю. Меня ищутъ, и я боюсь ходить въ тѣ края и шатаюсь по самымъ люднымъ улицамъ, въ расчетѣ, что никому въ голову не придетъ искать меня на Невскомъ. Это по его оговору раскапываютъ подкопъ на Малой Садовой. Якимову-Баску и Фроленко ищутъ. И найдутъ... Какъ не найти, когда Рысакову извѣстны всѣ наши адреса... Онъ умоляетъ, чтобы его взяли въ Охранную полицію и за то помиловали. Онъ говорилъ, что онъ принялъ участіе въ царевубійствѣ, чтобы лучше бороться съ терроромъ.

— Ему вѣрятъ?

— Наврядъ ли. Во всемъ онъ обвиняетъ Андрея и меня. Говорить, что мы его околдовали... Ну, мнѣ пора. Тутъ могутъ придти люди...

Перовская встала, Вѣра хотѣла идти съ нею, но Перовская остановила ее.

— Спасибо и за то, что посидѣла со мною, дала душу отвести. Спасибо и за кормежку. Ты такъ рисковала. Тутъ, положимъ, не выдадутъ... Но на улицѣ!.. Меня ищутъ...

Вѣра видѣла, какъ ушла Перовская качающейся походкой, полная тревоги за любимаго человѣка и за себя, блѣдная, отчаявшаяся во всемъ... Вѣрѣ казалось, что Перовская теперь забыла все то, что говорилось о счастьѣ народа, и думала только съ однимъ — спасти Андрея или умереть вмѣстѣ съ нимъ...

Дома за обѣдомъ, на которомъ былъ Порфирій съ женою, Порфирій съ радостнымъ торжествомъ рассказывалъ, что наконецъ-то удалось схватить Перовскую.

— Околодочный Ширковъ изъ участка, гдѣ она жила, который день ѣздилъ на извозчикѣ по всему городу съ хозяйкой молочной, гдѣ Перовская закупала продукты, и вдругъ сегодня утромъ видитъ — идетъ эта самая цаца, да и гдѣ-же! По Невскому противъ Аничкова дворца! Хозяйка

и говорить ему — а вѣдь это она и есть... Ну, соскочилъ околodочный съ извозца и схватилъ ее. И не сопротивлялась... Теперь, кажется, вся шайка будетъ представлена на судѣ въ полномъ комплектѣ.

Вѣра низко опустила голову. Перовская была арестована, какъ только разсталась съ Вѣрой. Задержи Вѣра ее хотя на минуту и, можетъ быть, околodочный ее не увидѣлъ бы, выйди Вѣра вмѣстѣ съ Перовской — и она попала бы съ нею... Судьба!..

Судъ приближался, и вмѣстѣ съ судомъ приближалась и неизбѣжная казнь шестерыхъ, привлеченныхъ по дѣлу о нареубійствѣ 1-го марта: Желябова, Перовской, Рысакова, Тимофея Михайлова, Кибальчича и Геси Гельфманъ.

Имена этихъ злодѣевъ были на устахъ у всѣхъ. Нигдѣ въ народѣ, въ его толщѣ, ни въ кругахъ дѣловыхъ, торговыхъ, среди служащихъ, въ войскахъ не было къ нимъ никакого сожалѣнія. Ихъ вездѣ осыпали проклятіями.

— Такого Царя убили!

Только въ кругахъ интеллигенціи, кругахъ профессорскихъ и писательскихъ, среди учащейся молодежи, особенно женской, нарастало болѣзненное чувство ожиданія большой смертной казни.

По рукамъ ходило кѣмъ-то достанное и списанное письмо писателя графа Льва Николаевича Толстого, написанное Государю Александру III и посланное черезъ Н. Н. Страхова Побѣдоносцеву.

Вѣра читала это письмо. Оно показалось Вѣрѣ фальшивымъ, написаннымъ наигранно простецкимъ языкомъ, поражаало ссылками на Евангеліе и толкованіемъ его такъ, какъ это было нужно для Толстого. Изъ письма выходило, что казнить Императора Александра II и убить вмѣстѣ съ нимъ полдесятка ни въ чемъ неповинныхъ людей — было можно, но казнить народовольцевъ, убившихъ Русскаго Государя и отца Императора Александра III — было нельзя. Убийцъ нужно было — простить.

Толстой писалъ: «Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой совѣтникъ, пишу письмо Русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, труд-

ныхъ обстоятельствахъ, которыя когда-либо бывали. Я чувствую, какъ это странно, неприлично, дерзко и все-таки пишу. Я думаю себѣ: ты напишешь письмо, письмо твое будетъ не нужно, его не прочтутъ, или прочтутъ и найдутъ, что это вредно, и накажутъ тебя за это. Вотъ все, что можетъ быть. И дурного въ этомъ для тебя не будетъ — ничего такого, въ чемъ бы ты раскаивался. Но, если ты не напишешь, и потомъ узнаешь, что никто не сказалъ Царю то, что ты хотѣлъ сказать, и что Царь потомъ, когда уже ничего нельзя будетъ переменить, подумаетъ и скажетъ: «Если бы тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ это?», если это случится такъ, то ты вѣчно будешь раскаиваться, что не написалъ того, что думалъ. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю»...

— Все это о себѣ, — подумала Вѣра и, пропустивъ нѣсколько строкъ, продолжала читать грязно отпечатанный лиловыми марками чернилами на гектографѣ листокъ.

«...Отца Вашего, Царя Русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей; убили во имя какого-то высшаго блага всего человѣчества».

«Если можно убивать и прощать убійцъ, убившихъ во имя блага, — подумала Вѣра, — а кто знаетъ, гдѣ и въ чемъ благо человѣчества? — то уже, конечно, можно убивать на войнѣ во имя блага и свободы славянъ... Во имя того же блага — можно и казнить... Войны и казни будутъ оправданы, и кто разберется въ томъ, кто убиваетъ правильно, и кто нѣтъ?»

Она читала дальше:

...«Вы стали на его мѣсто, и передъ вами тѣ враги, которые отравляли жизнь вашего отца и погубили его. Они враги ваши потому, что вы занимаете мѣсто вашего отца, и для того мнимаго общаго блага, которое они ищутъ, они должны желать убить и васъ. Къ этимъ людямъ въ душѣ вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ той обязанностью, которую вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго, потому, что нельзя

себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. «Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь вѣрнныхъ милліоновъ и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы Русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ. Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца. Этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія»...

«Въ этомъ-то искушеніи и состоитъ весь ужасъ вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвѣщенные ученіемъ Христа.

«Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ Царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основой обязанностей царя и должны сойтись съ ними. Богъ не спроситъ васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить нами въ тѣ страшныя минуты искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній»...

Письмо Толстого произвело на Вѣру страшное впечатлѣніе. Она замкнулась въ своей комнатѣ, достала забытое послѣдніе годы Евангеліе и стала листать его, прочитывать то то, то другое мѣсто, и потомъ долго сидѣла, устремивъ глаза въ пространство.

«Царство Божіе не отъ міра сего»... «Царство Божіе внутри насъ»... «Воздадите Кесарево Кесарю, а Божіе Богови»... Предсмертная бесѣда Христа съ Пилатомъ — все это получало послѣ письма Толстого совсѣмъ другое освѣщеніе.

По Евангелію — передъ Богомъ отвѣтитъ Государь, не какъ христіанинъ, а какъ Государь. «Кому много дано, съ того много и взыщется»...

Если каждый скажетъ: «Я христіанинъ и живу по Евангелію, никому зла не дѣлаю и за зло плачу добромъ» — такъ вѣдь тогда рухнетъ государство и зло восторжеству-

еть въ мірѣ, потому что всѣ люди отъ природы злы. Толстой проповѣдуетъ ту самую анархію, о какой говорилъ Вѣрѣ князь Болотневъ.

«Все та же ложь, -- подумала Вѣра, — въ письмѣ Толстого та же ложь, что и въ прокламаціяхъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли. Каждый гнетъ туда, куда ему это хочется... И что же будетъ, если полиція, суды, солдаты, офицеры вдругъ станутъ прежде всего христіанами и во имя непротивленія злу перестанутъ преслѣдовать разбойниковъ и убійцъ? И что же дальше, какой же выходъ для Царя?»

Вѣра читала письмо.

...«Не простите, казните преступниковъ — вы сдѣлае-те то, что изъ числа сотенъ вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло родитъ зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ вырастутъ тридцать, сорокъ, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка, — минуту, въ которую вы могли исполнить волю Бога, и не исполнили ее, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ вы могли выбрать добро вмѣсто зла, и навѣки завязнете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой.

«Простите, воздадите добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ перейдутъ не къ вамъ, не къ намъ (это не важно), а перейдутъ отъ дьявола къ Богу, и у тысячъ, у миллионовъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ Престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту...»

— Не такъ!.. Не такъ, — прошептала Вѣра, отрываясь отъ Толстовскаго письма.

Она знала этихъ людей. Однихъ знала лично, о другихъ много слышала отъ Перовской и Андрея. Среди всѣхъ нихъ, можетъ быть, только Тимофей Михайловъ понялъ бы прошеніе и исправилъ бы свою жизнь. Прощенный Рысаковъ всю жизнь пресмыкался бы и велъ грязныя и подлыя дѣла... Кибальчичъ — маніакъ. Прости его и скажи ему — мы дадимъ тебѣ средства построить летучій корабль, но съ тѣмъ, что ты сбросишь съ этого корабля бомбы на домъ того самаго Царя, который простилъ тебя. — Кибальчичъ ни на минуту не задумается сдѣлать это.

Толстой говорить о Богѣ и о Христѣ, но Толстой не знаетъ того, что знаетъ Вѣра. У этихъ людей нѣтъ ни Бога, ни Христа, у нихъ нѣтъ и совѣсти. Они всѣ — Перовская, Желябовъ, Гельфманъ, прощенные Государемъ, съ новою силою и энергіей стали бы охотиться за простившимъ ихъ Государемъ.

Сколько разъ Андрей при Вѣрѣ говорилъ: «Сначала отца, а потомъ и сына придется». Актъ царскаго милосердія ихъ не смутить. Для нихъ не только нѣтъ Царя, они въ Царѣ не видятъ и человѣка. Есть «объектъ», мѣшающій имъ и который они рѣшили устранить.

Когда послѣ Воронежскаго съѣзда Вѣра возвращалась съ Перовской, она была умилена. Ей тогда казалось, что она поднялась надъ пошлостью жизни, взобралась на нѣкую высоту, откуда по-иному увидѣла міръ и людей. Смѣлымъ показалось отрицаніе Бога, отрицаніе Царя, свобода отъ обывательскихъ путей. Сама становилась, какъ богъ.

Не на высоту взобралась она въ тѣ дни, а спустилась въ мрачную и смрадную, полную крови и мертвечины яму, гдѣ не видно свѣта Божьяго. Смрадь подкоповъ, могильная тяжесть земли надъ человѣкомъ, ехидно ведущимъ подкопъ чтобы уничтожить своего ближняго, своего Государя, — это не высоты, а жуткіе, дьявольскіе низы!

Теперь задумалась.

Эти дни Вѣра не выходила изъ дома. Она стала ласкова къ Афиногену Ильичу.

Шель Великій постъ. Старого генерала мучила подагра. Онъ не могъ ходить въ церковь, и Вѣра предложила ему читать по вечерамъ Евангеліе. Въ кабинетѣ былъ полумракъ. Афиногенъ Ильичъ устраивался въ креслѣ съ протянутой ногой. Фликъ и Флокъ круто сгибались кольчиками подлѣ него на коврѣ.

Низались, низались и низались слово за словомъ святыя слова и приобрѣтали для Вѣры новое значеніе. Возвращали ее къ Богу.

— «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить»...

— «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ»...

— «Исусъ отвѣчалъ: Царство Мое не отъ міра сего; если бы міра сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ; но нынѣ Царство Мое не отсюда».

— «Пилать говоритъ Ему: мнѣ ли не отвѣчаешь? Не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя и власть имѣю отпустить Тебя?. Исусъ отвѣчалъ: «Ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше; посему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ»... *)

XXX.

28-го марта привать доцентъ философіи при Петербургскомъ университетѣ и профессоръ философіи на Высшихъ Женскихъ Бестужевскихъ Курсахъ, кумиръ курсистокъ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ въ большомъ залѣ Кредитнаго Общества, на площади Александринскаго театра, читалъ лекцію: «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ мірового процесса».

Большой залъ былъ переполненъ. На лекцію пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ. Много было лицъ изъ общества, литераторовъ, журналистовъ, офицеровъ, но преобладала молодежь, -- студенты и курсистки. Всѣ задніе ряды, проходы съ боковъ зала за колоннами, сама эстрада сзади лектора были полны ею. Гулъ молодыхъ голосовъ стоялъ въ высокомъ свѣтломъ залѣ. Юные глаза блистали, всѣ ожидали, что Соловьевъ «что-то скажетъ».

Третій день шелъ процессъ народовольцевъ. Ихъ дѣло въ виду особой его важности было передано на разрѣшеніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Первоприсутствующимъ

*) Евангеліе отъ Матѳея, гл. 5, ст. 17. Гл. 10, ст. 34, отъ Іоанна гл. 18, ст. 36. Гл. 19, ст. 10 и 11.

былъ сенаторъ Фуксъ, членами суда — сенаторы Биппенъ, Писаревъ, Орловъ, Синицынъ и Бѣлостоцкій. Обвинялъ Н. В. Муравьевъ.

Въ Петербургѣ со дня на день ожидался приговоръ, и никто не сомнѣвался, что приговоръ этотъ будетъ: смертная казнь... Такъ полагалось по закону.

Молодежь волновалась. Она не допускала мысли о возможности смертной казни шестерыхъ преступниковъ. Знали о письмѣ Толстого, оно ходило по рукамъ въ спискахъ, и теперь ожидали, что скажетъ философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ былъ свѣточемъ христіанства и для многихъ казался пророкомъ. Все привлекало къ нему сердца молодежи: аскетическій образъ жизни, духовность напряженного мышления и, можетъ быть, больше всего, сильнѣе всего — его особая наружность.

Вѣра стояла въ правомъ проходѣ, за колоннами, въ толпѣ курсистокъ.

Прямо противъ публики, надъ эстрадой, висѣлъ громадный портретъ убитаго Государя. Прекрасное лицо Государя, съ большими выпуклыми глазами было ярко освѣщено газовыми лампами. Золото широкой рамы было перевито черною, креповою траурною лентою.

На фонѣ портрета появилось лицо Соловьева. Оно показалось Вѣрѣ изумительнымъ. Свѣтлые, золотистые волосы ниспадали прядями на лобъ, такая же небольшая бородка отгѣняла блѣдность лица, но особенно были красивы глаза въ длинныхъ рѣсницахъ.

Соловьевъ говорилъ медленно, съ частыми паузами. Онъ не читалъ, но говорилъ «отъ себя», какъ бы подбирая слова для своихъ мыслей, и Вѣрѣ показалось, что это не онъ зажигалъ толпу слушателей, но самъ заряжался волей, желаніями, кипѣніемъ напряженно его слушающей молодежи, думающей свои думы. Черезъ сіяніе тысячи паръ глазъ, блестящихъ, безпокойныхъ, молящихъ, страстныхъ — воля толпы передавалась философу.

Соловьевъ говорилъ о культѣ Богородицы, о значеніи этого культа, какъ нѣкоей высокой, нравственной, очищающей силы. Онъ углублялся въ мистическія тайны христі-

анства. Его глаза сіяли небеснымъ свѣтомъ. Онъ преображался.

Вѣра думала, что если бы не наружность Соловьева — онъ не имѣлъ бы такого успѣха, если бы все это говорилъ какой-нибудь уродливый, лохматый «профессоръ» въ очкахъ, — пожалуй, не стали бы такъ терпѣливо и молитвенно-тихо слушать его изслѣдованія глубинъ православнаго культа Богородицы.

— За нами, за нашею землею жизнью, — говорилъ Соловьевъ, и синіе глаза его точно видѣли нѣчто потустороннее, — необъятные горизонты невѣдомой намъ, грядущей жизни... Мы идемъ къ этимъ далямъ и когда-нибудь мы придемъ къ «тому берегу» бытія!

Соловьевъ остановилъ плавную свою рѣчь. Была долгая, долгая пауза. И во время нея невидимыми путями, невидимыми токами все лились и лились желанія, вопросы, хотѣнія всей этой молодежи и, казалось, овладѣвали лекторомъ.

Соловьевъ стоялъ молча и неподвижно. Онъ поднималъ опущенные глаза. Темныя рѣсницы открыли синее пламя, все болѣе и болѣе разгоравшееся въ нихъ отъ пламени огней молодыхъ глазъ.

Онъ началъ тихо, медленно, раздѣльно, бросая слово за словомъ въ толпу слушателей:

— Завтра — приговоръ... Теперь, тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить... б е з о р у ж н ы х ъ!..

И опять было молчаніе.

— Но, если это дѣйствительно совершится, если Русскій Царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ — русскій народъ, народъ христіанскій — не пойдетъ за нимъ. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

Соловьевъ остановился. Такая тишина была въ залѣ, что слышно было, какъ сипѣли газовые рожки. Онъ поднималъ голову и сталъ говорить все громче и громче, какъ пророкъ древности, творя заклинанія. И каждое его слово огнемъ жгло слушателей.

— Царь можетъ простить ихъ. Народъ Русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божию за правду — то другой для него — нѣтъ... Правда Божія говоритъ — не убій!.. Если можно допускать смерть, какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты... то убійство холодное надъ безоружнымъ претить душѣ народа... Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія. Пусть Царь и Самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что прежде всего онъ христіанинъ и, какъ вождь христіанскаго народа, онъ долженъ... онъ обязанъ быть христіаниномъ.

Соловьевъ замолчалъ. Поникъ лицомъ, потомъ поднялъ голову. Его глаза сверкали теперь нестерпимымъ блескомъ, голосъ поднялся до страшной силы, и онъ бросилъ въ толпу:

— Царь м о ж е т ъ ихъ простить! — онъ остановился, сдѣлавъ выдержку и подъ громъ аплодисментовъ выкрикнулъ:

— Онъ д о л ж е н ъ ихъ простить!!

Дикій ревъ восторга, грохотъ стульевъ, крики, рукоплесканья, визги женщинъ потрясли залъ. Всѣ кинулись къ эстрадѣ.

Кто-то въ переднихъ рядахъ всталъ и погрозилъ пальцемъ Соловьеву. Сквозь крики и вопли былъ слышенъ его громкій и твердый голосъ:

— Тебя перваго казнить, измѣнника! Тебя перваго вѣшать надо, злодѣй!

Сквозь крики «браво», аплодисменты прорывались визгливые выкрики курсистокъ:

— Ты намъ вождь! Веди насъ!

— Ам-нис-тія!..

— Помилованіе!

— Иначе и быть не можетъ!

— Послѣ такихъ-то словъ!

— Онъ долженъ помиловать осужденныхъ!

Соловьевъ стоялъ, наклонившись къ рукоплещущей кругомъ него толпѣ. Казалось, онъ хотѣлъ разслышать, что кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Вѣра шла домой, глубоко потрясенная и взволнованная.

«Все ложь, и тутъ ложь, — думала она. — «Безоружные»!.. Полтора пуда динамита подъ Садовой улицей и металлические снаряды Кибальчича, разрывающіе на части людей, это — безоружные? Зачѣмъ — прославленный, великій, любимый — унизился до фиглярства передъ толпой? Гнался за аплодисментами, за криками толпы и визгомъ курсистокъ!.. Ложь... для толпы!.. Ужасно... Гдѣ же подлинная правда?»

XXXI.

Вѣра пришла къ ужину. За столомъ разглагольствовала графиня Лиля. Всѣ эти дни она не выходила изъ залы суда, куда пускали по особымъ билетамъ.

— Подумаешь, что дѣлается, — говорила она, красная отъ возмущенія. — Убійцъ Государя судятъ правильнымъ судомъ, какъ обыкновенныхъ преступниковъ... Спрашиваютъ: «Признаете ли вы себя виновнымъ?» Подумаешь! Ихъ слѣдовало бы народу отдать на растерзаніе. А вмѣсто того этотъ черный... маніакъ Кибальчичъ жалуется, что при арестѣ городской обнажилъ шашку, и сенаторъ Фуксъ, почтенный старикъ съ длинными сѣдыми бакенбардами вызываетъ городского и спрашиваетъ того: «Что, братецъ, побудило тебя обнажить шашку?»... Подумаешь! Тѣмъ — «вы», а городскому: «ты»! Несчастный городской такъ растерялся передъ такимъ глупымъ вопросомъ сенатора, что уже ничего не могъ объяснить. И... Перовская!.. Боже мой! Соня Перовская! Какъ можно такъ низко пасть! Ей на слѣдствіи сказали, что, если она назоветъ всѣхъ участниковъ — она избѣжитъ висѣлицы. Она воскликнула: «Не боюсь я вашей висѣлицы!» Ей заговорили о Богѣ — она закричала: «Не боюсь я вашего Бога!» — «Кого же вы боитесь?» — спросили ее. — «Я боюсь за благополучіе моего народа, которому служу»... Тогда ей сказали, что она не будетъ повѣшена, но выведена на площадь и отдана на судъ народа... Она заплакала и стала умолять казнить ее, но не отдавать народу... Нехристи швейцарскіе!.. Когда я выходила изъ

суда, извозчики кинулись на какую-то дѣвушку въ очкахъ со стриженными волосами и стали бить ее съ криками: «Это специалистка!» Насилу городовые отбили ее... Народъ!.. Служу м о е м у народу. Подумаешь — какая государыня!.. М о е м у народу!!!

Графиня Лиля залпомъ выпила стаканъ бѣлаго вина и продолжала:

— И этому... Желябову... Красавцу... Даютъ говорить, и онъ произноситъ длинныя пропагандныя рѣчи. Зачѣмъ это, Порфирій, зачѣмъ?

— Въ угоду обществу.

— Очень нужно, — пожимая широкими плечами, сказала Лиля.

— Ихъ казнять? — тихо спросила Вѣра.

— А что же? Наградить ихъ прикажешь? Не было въ Россіи еще такого ужаснаго преступленія. И по закону.

— А развѣ Государь не можетъ ихъ простить?

— Государь... Знаю... Слышала... Толстой писалъ изъ Ясной Поляны... Писатель. Какое ему дѣло? Царь не можетъ ихъ простить. Простить ихъ — это пойти противъ своего народа въ угоду маленькой кучкѣ интеллигенціи. Простить ихъ?.. Подумаешь!.. Ну-ка, милая, прости ихъ... Они тебѣ покажутъ по-настоящему.

И, обернувшись къ Афиногену Ильичу, графиня Лиля сказала съ оживленіемъ:

— Мнѣ сказали на судѣ — казнь будетъ публичная.... На Семеновскомъ плацу. Въ Петербургѣ палача не оказалось, такъ будто выписываютъ изъ Москвы и называется онъ — «заплечныхъ дѣлъ мастеръ», по-старинному.

— Вотъ этого и не нужно, никакъ не нужно, — тихо сказалъ старикъ. — Казнь — страшная вещь, и не надо дѣлать изъ нея зрѣлища.

— Но, папа, — сказалъ Порфирій, — такая публичная казнь устрашаетъ.

— Э, милый Порфирій, никогда никого еще казни не устрашали.

Послѣ ужина Порфирій сейчасъ же сталъ прощаться.

— Прощай, папа, зашли къ тебѣ только для того, чтобы подѣлиться этими страшными впечатлѣніями.

— Прощайте, Афиногенъ Ильичъ! Храни васъ Христось!.. Прощай, Вѣра! Все худѣешь... И блѣдная какая стала... Замужъ пора...

Вѣра пожала плечами и пошла проводить дядю и тетку въ переднюю.

XXXII.

На другой день послѣ суда, 29-го марта, подсудимымъ былъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ: смертная казнь черезъ повѣшеніе.

Рысаковъ и Михайловъ подали прошенія на Высочайшее имя о помилованіи. Помилованія не послѣдовало. Геся Гельфманъ заявила о своей беременности, и исполненіе надъ нею приговора было отложено *).

Казнь была назначена на 3-е апрѣля утромъ, и, чего давно въ Россіи не было, — публичная.

Наканунъ казни въ домъ Предварительнаго Заключенія прибылъ священникъ со Святыми Дарами, и осужденнымъ было предложено исповѣдаться и причаститься. Рысаковъ исповѣдался, плакалъ и пріобщился. Михайловъ исповѣдался, но отъ причастія отказался: «Полагаю себя недостойнымъ», сказалъ онъ. Кибальчичъ долго спорилъ и препирался со священникомъ на философскія темы, но исповѣдываться и пріобщаться отказался: «Не вѣрую, батюшка, ну, значить, и канителиться со мною не стоитъ».

Желябовъ и Перовская отказались видѣть священника.

День 3-го апрѣля былъ ясный, солнечный и морозный. Яркое солнце съ утра заливало золотыми лучами петербургскія улицы. Народъ толпился на Литейной, Кирочной, по Владимірскому проспекту и на Загородномъ. Семенов-

*) Гельфманъ не была казнена. Она разрѣшилась въ крѣпости отъ бремени ребенкомъ, который вскорѣ умеръ, и сама умерла отъ родильной горячки.

скій плацъ съ еще не потаявшимъ снѣгомъ, съ лужами на немъ, съ ранняго утра былъ полонъ народными толпами.

Вѣра пошла проводить осужденныхъ. Было это ей мучительно трудно, но она считала это своимъ долгомъ. Она прошла на Шпалерную и видѣла, какъ изъ воротъ дома Предварительнаго Заключенія, одна за другой, окруженныя конными жандармами, выѣхали черныя, двухколесныя, высокія, на огромныхъ колесахъ позорныя колесницы. Въ первой сидѣли Желябовъ и Рысаковъ. Оба были одѣты въ черныя грубаго сукна арестантскіе халаты и черныя шапки безъ козырьковъ. Вѣра сейчасъ же узнала Желябова по отросшей красивой бородѣ. Рысаковъ сидѣлъ, выпучивъ въ ужасъ глаза, и все время ворочалъ головой. Во второй колесницѣ сидѣли Кибальчичъ и Михайловъ и между ними Перовская; всѣ были въ такихъ же арестантскихъ халатахъ. Михайловъ и Кибальчичъ были смертельно блѣдны. На лицѣ Перовской отъ мороза былъ легкій румянецъ. У каждаго преступника на груди висѣла доска съ надписью: «шареубійца».

Когда колесницы выѣзжали изъ воротъ, Вѣра видѣла, какъ развѣвалъ ротъ громадный Михайловъ, вѣроятно, что-то кричалъ, но въ это время въ войскахъ, стоявшихъ шпалерами подлѣ воротъ, били дробь барабаны и нельзя было разобрать, что такое кричалъ Михайловъ.

Вѣра шла съ толпою за колесницами. Все время грохотали барабаны. Возбужденно гомонила толпа.

Ни отъ кого Вѣра не слышала слова сожалѣнія, сочувствія, милосердія, пощады. Ненависть и злоба владѣли толпой.

— Повѣсятъ!.. Ихъ мало повѣсить... Такихъ злодѣевъ запятать надо-тъ.

— Слышь — ее, значить, въ колесницу сажаютъ, ну, и руки назадъ прикручиваютъ, а она говоритъ: «Отпустите немного, мнѣ больно». Ишь, какая нѣжная, а когда бомбы бросала, не думала — больно это кому, или нѣтъ? А жандармъ ей и говоритъ: «Послѣ еще больнѣй будетъ».

— Генеральская дочь, извѣстно, не привычна къ такому.

— Живьемъ такую жечь надобно. Образованная.

— Тѣ мужики, по дурости. А она понимать дѣлжна, на какое дѣло отважилась.

Войти на Семеновскій плацъ Вѣра не рѣшилась, да и протолкаться черезъ толпу было не просто. Она стояла въ переулкѣ и слышала барабанный бой и то, что передавали тѣ, кто взобрался на заборъ у Семеновскихъ казармъ и съ высоты видѣлъ все, что дѣлалось на плацу.

— Помощники палача, — говорилъ кто-то освѣдомленный, — изъ Литовскаго замка взяты молодцы, подъ руки ведутъ Желябова; и не упирается — смѣло идетъ... Красивый изъ себя мужчина... Ведутъ Рысакова. Ослабѣлъ, видно... Подъ руки волокутъ. Вотъ и остальныхъ поставили подъ петлями...

Забилы барабаны, и гулкое эхо отдавалось о стѣны высокихъ розовыхъ казармъ. Потомъ наступила тишина. Сверху пояснили:

— Читаютъ чего-то.

— Прокуроръ приговоръ читаетъ, — поправили его.

— И не прокуроръ вовсе, а оберъ-секретарь Поповъ, — пояснилъ тотъ, кто все зналъ.

— Священникъ подошелъ съ крестомъ. Цѣлуютъ крестъ....

— Невѣры! А, видать, народа боятся. Себя показать не хотятъ.

— Желябовъ молодцомъ, что солдатъ стоитъ пряменькій, а Перовская ослабѣла. Валится, помощники поддерживаютъ.

За спинами толпы Вѣра ничего не видѣла, но по этимъ отрывочнымъ словамъ она мучительно и явственно переживала всю страшную картину казни.

— Цѣлуются другъ съ дружкой, — видать, проститься имъ разрѣшили.

— Поди, страшно имъ теперича!

— Ну, какъ! А убивать Царя шли — пожалѣли, ай нѣтъ?

— Рысаковъ къ той маленькой подошелъ, а она отвернулась.

— Значить, чего-то не хочет... Злая, должно быть. На смерть оба идутъ, а все простить чего-то не желаетъ.

— Змѣя!

— Мышки надѣваютъ... Саваны бѣлые... Палачъ под-
девку снялъ. Лѣстницы ставить.

Опять забили барабаны, и мучительно сжалось сердце Вѣры. Въ глазахъ у нея потемнѣло. Ей казалось, что вотъ сейчасъ и она вмѣстѣ съ тѣми умреть.

Вдругъ всколыхнулась толпа. Стономъ понеслось по ней:

— А-а-ах-ххъ!

— Съ петли сорвался!..

— Который это?

— Михайловъ, что ль... Чижолый очень. Веревка не сдержала.

Изъ толпы неслись глухіе выкрики:

— Его помиловать надо-тъ!

— Перстъ Божій... Нельзя, чтобы супротивъ Бога!..

— Простить, обязательно простить! Нѣтъ такого закона, чтобы вѣшать сорвавшегося.

— Завсегда такимъ бываетъ царское помилованіе. Пришлетъ своего фигель-адъютанта...

Глухо били барабаны.

— Вѣшаютъ... Снова вѣшаютъ...

— Не по закону поступаютъ.

— Опять сорвался. Лежить. Обезсилѣлъ, должно быть.

— Третій разъ вѣшаютъ... Веревка, что ли, перетирается?..

— Вторую петлю на него набросили.

— Ну, и палачъ! А еще заплечныхъ дѣлъ мастеръ прозывается. На хорошую веревку поскупился...

— Ужъ очень онъ чижолый, этотъ самый Михайловъ.

И еще минутъ двадцать въ полномъ молчаніи стояла на площади толпа. Должно быть, тѣла казненныхъ укладывали въ черные гробы, приготовленные для нихъ подлѣ эшафота.

Потомъ толпа заколебалась, пошатнулась и съ глухимъ говоромъ стала расходиться. Послышались звуки военной

музыки, игравшей веселый маршъ. Войска уходили съ Семеновскаго плаца.

Вѣра тихо шла въ толпѣ. Вдругъ кто-то взялъ ее за руку выше локтя. Вѣра вздрогнула и оглянулась. Дѣвушка въ плохонькой шубкѣ догнала Вѣру. Она печальными, кроткими глазами, гдѣ дрожали невыплаканныя слезы, внимательно и остро смотрѣла на Вѣру.

Вѣра видѣла эту дѣвушку на встрѣчѣ новаго года на конспиративной квартирѣ у Перовской, она не знала ея фамиліи, но знала, что звали ее «Лилой».

Онѣ пошли вмѣстѣ и долго шли молча. Рѣже становилась толпа. Вѣра и Лиля вышли на Николаевскую улицу. Впереди нихъ шла, удаляясь, конная часть, и трубачи играли что-то рѣзко бравурное. Звуки музыки плыли мимо домовъ, отражались эхомъ и неслись къ веселому синему весеннему небу. Окна домовъ блистали въ солнечныхъ лучахъ. Становилось теплѣе, и свѣжій вѣтеръ бодро пахнулъ моремъ и весною.

— Вы знаете, Лила, — тихо сказала Вѣра, — я хотѣла бы умереть тамъ, вмѣстѣ съ ними.

— Я понимаю васъ, — отвѣтила Лила, — я тоже.

Веселые, бодрящіе звуки музыки неслись отъ круглаго рынка; сверкали на солнцѣ копья, древки пикъ голубою кисеею дрожали надъ черными киверами.

Лила шла и декламировала:

— Бываютъ времена постыднаго разврата...
Ликують образа лишенные людского
Клейменные рабы...

Вѣра тяжело вздохнула и низко опустила голову.

XXXIII.

Вѣра замкнулась въ себѣ. Больше мѣсяца она не выходила изъ дома. Она мучительно переживала все то, что произошло на ея глазахъ и съ нею самою за эти два послѣднихъ года. Часами она читала Евангеліе и Молитвословъ, или сидѣла долго, долго, устремивъ прекрасные глаза въ пространство и ни о чемъ не думая. Внутри ея совершался какой-то процессъ и приводилъ ее къ рѣшенію. Но въ церковь она не ходила и къ священнику не обращалась. Она боялась священника. Въ тайну исповѣди она не вѣрила, да и какъ сказать все то, что было, когда она сама не разобралась, какъ слѣдуетъ, во всемъ происшедшемъ. Она старалась опредѣлить степень своей вины въ царевубійствѣ и постановить надъ собою приговоръ.

А между тѣмъ шелъ май, и наступало въ Петербургѣ то плѣнительное время свѣтлыхъ, бѣлыхъ ночей, когда Петербургъ становится по-особенному прекрасенъ, когда что-то неопредѣленное, призрачное, точно потустороннее витаетъ надъ нимъ; по скверамъ и бульварамъ томно пахнутъ тополевою почкой и молодымъ березовымъ листомъ. И празднично-радостенъ грохотъ колесъ извозничьихъ дрожекъ по булыжнымъ мостовымъ.

Поздно вечеромъ Вѣра вышла изъ своего затворничества и пошла безцѣльно бродить по городу.

На Фонтанкѣ, у Симеоновскаго моста, была выставка картинъ художника В. В. Верещагина. Она была давно открыта и теперь заканчивалась. Никто уже не ходилъ на нее.

Вѣра поднялась во второй этажъ, купила билетъ у соннаго сторожа и вошла на выставку.

Передъ нею открылась длинная анфилада комнатъ, ярко освѣщенныхъ новыми круглыми электрическими фонарями Яблочкова. Ихъ ровный, яркій бѣлый свѣтъ былъ холоденъ и какъ бы мертвый. Чуть сипѣли угли въ матовыхъ шарообразныхъ фонаряхъ. Посѣтителей не было. Часъ былъ поздній. Разсѣянно проходила Вѣра по пустымъ, безъ мебели комнатамъ, гдѣ по стѣнамъ, въ широкихъ золотыхъ и черныхъ лѣпныхъ рамахъ висѣли картины. Вѣра безразлично скользила глазами по Туркестанскимъ видамъ и сценамъ. На

мгновеніе остановилась передъ картиной Самарканда. Такъ блистательно ярко была написана мраморная мечеть, ея бѣлыя стѣны, бѣлые халаты и чалмы сидящихъ подлѣ туркменъ, бѣлая земля подъ ними, солнечные блики повсюду, что Вѣра казалось, что отъ картины пышетъ азіатскимъ зноемъ.

Вѣра шла дальше по пустымъ комнатамъ. Въ одной изъ нихъ, отдѣленная отъ середины лиловымъ шнуромъ на столбочкахъ, висѣла только одна большая картина. Никого подлѣ нея не было, и Вѣра вздрогнула и почувствовала, какъ холодъ побѣжалъ по ея спинѣ, когда она взглянула въ картину.

Въ черную раму, какъ бы черезъ громадное прямоугольное окно безъ стеколъ, Вѣра увидѣла: сѣрый, туманный, осенній день. Низкія тучи совсѣмъ упали на землю. Сухая трава, и въ ней, между стеблей, до самаго горизонта лежатъ обнаженные мертвыя тѣла. Множество тѣлъ... Тысячи... Въ углу картины — священникъ. Онъ совсѣмъ какъ живой. Вѣрѣ показалось, что онъ пошевелился, когда она вошла. На священникѣ черная потертая риза съ серебромъ. У него въ рукѣ кадило. За нимъ солдатъ-причетникъ съ коротко стриженными черными волосами. Онъ въ мундирѣ. Бѣлесый ладанный дымокъ вьется отъ кадила, и Вѣрѣ кажется, что она видитъ, какъ онъ таетъ въ сыромъ, холодномъ воздухѣ. Вѣра ощущаетъ и запахъ ладана. Къ этому запаху примѣшивается никогда еще не слышанный ею сладкій запахъ тлѣнія. И Вѣрѣ кажется, что слышитъ она, какъ два хриплыхъ голоса свиваются въ панихидномъ пѣніи.

Картина и называлась — «Панихида»...

Вѣра, какъ подошла къ картинѣ, такъ и не могла уже отойти, точно вросла въ землю; что-то притягивало ее къ ней. Ей было тяжело, мучительно смотрѣть, было страшно, пугала реальность картины, но уйти не могла.

«Вотъ они, — думала Вѣра, — герои за вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившіе на браняхъ... Голыя, мертвыя тѣла... Никому больше не нужны, брошенные на сѣденіе воронамъ... Священникъ и солдатъ-дьячокъ — вотъ и вся честь героямъ, вотъ и вся панихида по убитымъ солдатамъ».

Снова стали подниматься откуда-то изнутри притушенные было бунтовщицкія мысли. Онѣ начались еще тогда, когда пять лѣтъ тому назадъ Вѣра увидѣла перваго чело-вѣка, умершаго на ея глазахъ, матроса, убившагося въ Петергофѣ. Эти мысли, тогдашнія, дѣтскія, толкнули ее на страшный путь участія въ народовольческомъ движеніи и привели къ тому, что теперь ее мучить, что она не раздѣлила участи казенныхъ.

Она стояла, и картина оживала передъ нею и доводила до галлюцинаціи. Вѣра все позабыла; позабыла, гдѣ она. Она ежилась въ своей весенней мантильѣ, какъ будто холодный вѣтеръ и дождь картины пронизывали ее насквозь...

«Брошены»... «Именинный пирогъ изъ начинки людской»...

Она такъ ушла въ картину и въ свои мысли, что вздрогнула всѣмъ тѣломъ, когда услышала сзади себя шаги. Странные были эти шаги и такъ отвѣчали картинѣ. Одна нога стучала, какъ обыкновенно стучать каблукъ и подошва по полу, другая пристукивала деревянно.

Невысокаго роста офицеръ въ длинномъ черномъ сюртукѣ роты Дворцовыхъ гренадеръ, такъ называемой «Золотой роты», съ солдатскимъ и офицерскимъ Георгіевскими крестами на колодкѣ на груди, входилъ въ комнату. У офицера было молодое лицо и бѣлые, сѣдые волосы. Щеки и подбородокъ были тщательно пробриты и небольшіе русые бакенбарды отпущены по сторонамъ. Одна нога у него была въ сапогѣ, вмѣсто другой изъ длинной штанины съ алымъ кантомъ торчала круглая деревянная култышка. Вѣра внимательно посмотрѣла на него и по глазамъ, сѣрымъ, дерзновенно-смѣлымъ и въ то же время грустно-задумчивымъ, узнала князя Болотнева. Она пошла навстрѣчу князю.

— Князь, — сказала она порывисто, — вы не узнали меня?

— Какъ не узнать! Я давно слѣжу за вами.

— Почему же не подошли?

— Я не смѣлъ сдѣлать этого. Я далъ слово не говорить съ вами, не бывать у васъ, но я давно слѣжу за вами и я в с е про васъ знаю.

Вѣра не обратила вниманія на конецъ фразы. Ее поразило начало.

— Кому вы могла дать такое слово? — хмуря пушистыя брови, спросила Вѣра.

— Вашему жениху Афанасію.

— Афанасій никогда, ни одной минуты не былъ моимъ женихомъ... И... онъ... убить...

— Я все это знаю.

— И все-таки не смѣли подойти ко мнѣ?

— Можетъ быть, только не хотѣлъ.

Вѣра пожала плечами.

— Я, повторяю, — в с е про васъ знаю. Подойти къ вамъ, заговорить съ вами, это — все вамъ сказать! А сказать — нельзя...

Вѣра поблѣднѣла. Ей показалось, что она стоитъ надъ пропастью. Надо было перемѣнить разговоръ. Вѣра обернулась къ картинѣ и, стараясь быть спокойной, сказала:

— Скажите... Эта картина... Правда?.. Такъ было?..

— Нѣтъ, эта картина — ложь.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ? Вы говорите.. Ну, а тамъ? «На Шипкѣ все спокойно», или «Траншеи на Шипкѣ»... Морозъ и выюга... И морозъ и горное солнце съ его лиловыми тѣнями... Замерзающіе часовые... Скажете — тоже ложь?

— Нѣтъ, тамъ — правда, — спокойно сказалъ Болотневъ. — Такъ у меня на Балканахъ замерзли сопровождавшіе меня стрѣлки и проводникъ-болгаринъ. Тоже выюга, снѣгъ и морозъ... Меня спасъ Господь Богъ... Да, можетъ быть, тотъ спиртъ, которымъ въ ту пору были пропитаны всѣ мои жилы.

— Хорошо... Такъ зачѣмъ же эта ложь? Этой панихиды.

— Уступка толпѣ. То же, что сдѣлалъ на лекціи, гдѣ я васъ видѣлъ, — профессоръ Соловьевъ. Сорвать апплодисменты у толпы. И для того — покадить ей.

— Ну, хорошо. Но развѣ на войнѣ не такъ бываетъ?

— Нѣтъ, Вѣра Николаевна, не такъ. Хоронятъ всегда торжественно. Если много убитыхъ — въ братскихъ могилахъ, и все-таки пріодѣвши покойниковъ. У cadaго изъ этихъ остались полковые товарищи, а Русскій простолоудинъ, Русскій солдатъ почтителенъ къ мертвымъ. И если

уже могли придти священникъ и причетникъ, то могли придти и люди полка, а если они, допустимъ, въ бою, — пришли бы тыловые люди, изъ обозовъ, наконецъ, просто любопытные или болгары. Нѣтъ — такъ не хоронили и не хоронять. Бываетъ, что вовсе брошены. Это бываетъ... Бываетъ, что тѣла шли на постройку брустверовъ, какъ то было въ третью Плевну, — но если есть священникъ, есть панихида и похороны, то есть и народъ. А это?.. Для уловленія жалостливыхъ душъ.

— Да-а, — сказала Вѣра и уже иными глазами посмотрѣла на картину. Священникъ не былъ больше живымъ и ладанный дымокъ мертво висѣлъ въ воздухѣ.

Было одиннадцать часовъ. Выставка запиралась, и сторожъ проходилъ по комнатамъ, звоня и приглашая посѣтителей уходить.

Вѣра и князь вышли вмѣстѣ.

Вѣру раздражалъ стукъ деревянной ноги князя. Ей все казалось, что князю должно быть нестерпимо больно тамъ, гдѣ кончается живая нога и начинается деревяшка. Этотъ стукъ сбивалъ ее съ мыслей, и Вѣра молчала.

Такъ дошли они до Невы, и по предложенію Вѣры, — очень ужъ мѣшала ей стукъ деревянной ноги — сѣли на каменной скамьѣ на набережной.

Подъ ними беззвучно, безъ шелеста, безъ всплеска проносилась широкая и глубокая рѣка. Въ бѣлой ночи она блестѣла, какъ серебряная парча. Противоположный берегъ, гдѣ была крѣпость, тонулъ въ прозрачномъ сумракѣ. Давно догорѣла заря, все погружалось въ тихое оцѣпенѣніе грустной бѣлой ночи.

— Вы мнѣ сказали, князь, что все про меня знаете, — тихо сказала Вѣра. — Что же это «все»?

— Вы знаете: Сухановъ арестованъ.

Вѣра вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Она поняла — это и былъ отвѣтъ.

— Да что вы!

— По военнымъ кружкамъ идутъ аресты. Дегаевъ всѣхъ выдалъ... Вы и Дегаева знали?

— Нѣтъ.

— Партія народной воли разгромлена до конца.

Мимо нихъ по булыжной мостовой проѣхалъ порожнемъ извозчикъ съ узкими дрожками на висячихъ рессорахъ. Онъ придержалъ лошадей и вопросительно посмотрѣлъ на женщину, сидѣвшую съ офицеромъ на скамьѣ. Потомъ, точно разсердившись, что его не наняли, ударилъ лошадей кнутомъ и поскакалъ, громяхая колесами, къ Фонтанкѣ.

Вѣра сидѣла, низко, низко опустивъ голову, и теребила пальцами края своей мантильи.

— Что же мнѣ дѣлать? — едва слышно проговорила она дрожащимъ голосомъ

— Не знаю... Не знаю, — совсѣмъ такъ, какъ отвѣчалъ когда-то Алешѣ, сказалъ князь.

— Князь, — тихо, тихо шептала Вѣра, точно думала вслухъ, — я сознаю всю свою вину. Я считаю... И я много это время объ этомъ думаю, — я должна... Должна казнить себя.

— Самоубійство, Вѣра Николаевна, самый страшный грѣхъ...

Послѣдовало долгое, очень долгое молчаніе.

Чуть слышно сказала Вѣра:

— Какъ вы измѣнились князь!

— Да. Я измѣнился.

— Вы не тотъ, что были въ Петергофѣ.

— Да, не тотъ. Я потому и слѣдилъ издали за вами, что считаю себя виноватымъ передъ вами. Въ тотъ страшный для васъ день, когда ваша юная, еще дѣтски воспримчивая душа была смятена, я бросилъ въ васъ сѣмена сомнѣнія. И толкнулъ васъ на ложный путь...

— Не вы толкнули, князь. Толкнули обстоятельства, обстановка, молодость, жажда чего-то новаго... Пресыщенность праздной жизни. Отсутствие настоящаго дѣла. Вотъ я и пошла... Я и сама долго, очень долго не понимала, что тамъ дѣлается. Вѣрнѣе — въ серьезъ не принимала того, что замышляется. Очень мнѣ все это казалось чудовищнымъ. Меня подкупили простота и смѣлость всѣхъ этихъ людей... Ихъ дерзаніе... Пошла такъ... Именно, просто — т а к ѣ!.. Если бы я любила, какъ любила Перовская Ан-

дрея — тогда и сгорѣть было можно... Я никого еще не любила, а теперь знаю — отравлена навсегда и никогда не полюблю никого. Знаете, князь, на земляникѣ бываютъ такіе цвѣты — пустоцвѣты, что ягоды не даютъ, — вотъ и я такой пустоцвѣтъ.

Вѣра опять помолчала, потомъ чуть слышно сказала: — Я вѣдь ничего и не дѣлала... Я только молчала...

— Да — молчали... Вы, Вѣра Николаевна, однимъ своимъ присутствіемъ среди нихъ — крѣпили ихъ. Вся эта разношерстная, малокультурная толпа, видя Перовскую и васъ съ собою, вѣрила въ свое дѣло, въ свою кровавую миссію. Вы были изъ того свѣтлаго міра, который они ненавидѣли и загасить который они поставили себѣ цѣлью. Но все-таки — почему вы пошли къ нимъ?

— И сама не знаю...

Подъ ними тихо проносилась могучая Нева и далеко за новымъ Литейнымъ мостомъ уже розовѣла заря наступающаго дня. Отъ Лѣтняго сада тянуло сладкимъ запахомъ липовой почки и все сильнѣе и радостнѣе становилось тамъ чирикание и пѣніе птицъ въ вѣтвяхъ. Природа пробуждалась. Городъ же спалъ тяжелымъ, крѣпкимъ, предутреннимъ сномъ.

Золотой точкой загорѣлся ангелъ на шпилѣ Петропавловскаго собора и по-утреннему грустно заиграли печальными перезвонами старинные куранты.

XXXIV.

— Прощайте, князь. И, прошу васъ, не провожайте меня.

Князь всталъ, поцѣловалъ Вѣрѣ, дѣвушка, черезъ перчатку руку и снова сѣлъ.

Вѣра прошла нѣсколько шаговъ. За нею упорно стучала деревяшка князя. Вѣра оглянулась. Въ тихомъ сумракѣ бѣлой ночи далеко была видна Невская набережная. На ней не было ни души. Пока Вѣра стояла — не было слышно

и стука деревяшки, но какъ только она пошла — снова въ тактъ ея шагамъ застучала деревянная нога князя.

«Богъ знаетъ, что со мною творится — это галлюцинація слуха... Я съ ума схожу»...

Вѣра взяла себя въ руки, старалась не слушать — деревяшка стучала. Вѣра останавливалась — переставала стучать деревяшка. Вѣра ускоряла шаги, и деревяшка ускоряла съ нею, Вѣра замедляла — и деревяшка шла медленнѣе и стучала въ тактъ ея шагамъ по граниту набережной.

Мимо спящаго Солянаго города Вѣра прошла къ Цѣпному мосту, перешла по нему Фонтанку и мимо розоваго зданія цирка Чинизелли по Караванной вышла къ Михайловскому манежу. Какая-то невѣдомая сила влекла ее по тому скорбному пути, по которому ѣхалъ Императоръ Александръ II, послѣдній разъ возвращаясь съ развода своихъ полковъ. И все такъ же неотступно стучала за нею невидимая деревянная нога.

Ужась гналъ Вѣру. Она сознавала, что этого не можетъ быть, что Болотневъ не идетъ за нею, и все-таки слушала и слышала стукъ несуществующей деревяшки. Она бѣжала и будто призракъ князя гналъ ее туда, куда ей именно и не нужно было идти, гналъ къ «мѣсту преступленія».

Тамъ была построена временная деревянная часовня. Въ ней горѣли и въ этотъ глухой ночной часъ лампы и свѣчи передъ образами. Часовой Дворцовой роты въ старинной мохнатой, высокой медвѣжьей шапкѣ стоялъ подлѣ.

Вѣра не посмѣла подойти къ часовнѣ, она перешла на другую сторону канала и тою стороною, боязливо поглядывая на часовню и все преслѣдуемая стукомъ ноги, прошла мимо. Мураши бѣжали по ея тѣлу, волосы шевелились на головѣ, она уже была внѣ себя. Ей казалось, что все это снится въ какомъ-то страшномъ кошмарномъ снѣ, что ничего этого нѣтъ, и въ то же время понимала, что это не сонъ, а какой-то сплошной ужасъ.

Стукъ ноги гналъ ее дальше. Вѣра перешла пустынный Невскій у Каменнаго моста и по узкой набережной канала пошла къ Казанскому собору.

Память точно листала страницы ея прошлаго. Вотъ

здѣсь она была на первой студенческой сходкѣ, вотъ здѣсь ее ударилъ плетью казакъ, послѣ чего и началось ея исканіе новыхъ путей. И здѣсь... Это было самое страшное... Однажды здѣсь стояла она по просьбѣ Перовской на сторожѣ, когда съ портомойнаго плота Перовская и Желябовъ погружали въ каналъ два съ половиной пуда динамига въ резиновыхъ мѣшкахъ, чтобы взорвать мостъ, когда Государь поѣдетъ по нему. Тогда ей казалось это героизмомъ, интереснымъ порученіемъ, теперь..

Деревянная нога недаромъ ее преслѣдовала и гнала куда-то. Это призракъ. Это ея совѣсть стучала за нею. Куда-то вела... Только — куда?

Въ узкомъ мѣстѣ канала, гдѣ была только пѣшеходная панель, въ наружной стѣнѣ коричневатого собора, уже освѣщеннаго начинающимся разсвѣтомъ бѣлой ночи, показалась вдѣланная въ стѣну большая икона Казанской Божіей Матери. Вѣра знала, что за стѣною виситъ та самая чудотворная икона, около которой она когда-то такъ страстно молилась... Въ фонарѣ малиноваго стекла тихо мигала лампада.

Кругомъ было пусто. Крѣпкимъ сномъ спалъ городъ.

Красный свѣтъ, какъ маякъ, манилъ Вѣру. Она бросилась къ иконѣ и упала на колѣни передъ Божіей Матерью. Она забилась лбомъ о холодныя сырыя гранитныя плиты тротуара, потомъ перекрестилась и затихла, устремивъ глаза на освѣщенный утреннимъ свѣтомъ образъ.

Тихо, тихо стало на душѣ. Гдѣ-то далеко, точно не въ этомъ свѣтѣ, просыпался городъ. Гудѣлъ гудокъ на фабрикѣ, прогремѣлъ дрожками ночной извозчикъ. Вѣра ничего не слышала. Она затихла, вся уйдя внутрь себя. И изъ какой-то глубокой, нутряной, дѣтской дали прошлаго, изъ самыхъ тайныхъ нѣдръ все наплывали и наплывали давно слышанныя и когда-то за няней заученныя молитвенныя слова. Казалось — давно и навсегда позабытыя.

— Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго... за всѣхъ молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всѣмъ твориши спастися въ державный Твой Покровъ прибѣгающимъ: всѣхъ насъ заступи, о, Госпоже, Царице и Владычице, иже въ напастехъ и въ скорбехъ и въ болѣзняхъ обре-

мененыхъ, грѣхъ многими, предстоящихъ и молящихся Тебѣ умиленною душою...

Вѣра земно поклонилась, откинулась назадъ и съ тяжкимъ вздохомъ повторила: «Умиленною душою».

Слезы лились изъ ея глазъ... И вмѣстѣ со слезами Вѣра ощущала, какъ умиленіе сходило на нее. Все то, что было — земное — отлетало отъ нея, она какъ будто очищалась, готовясь къ чему-то давно продуманному, но никогда еще себѣ до конца не высказанному.

— Сокрушеннымъ сердцемъ, — шептала Вѣра, забывъ, гдѣ она и что съ нею, — предъ пречистымъ Твоимъ образомъ... Со слезами... Со слезами... со слезами...

И слезы сами лились изъ глазъ. Всклипыванія становились рѣже. Вѣра дышала легче и свободнѣе...

— Всепѣтая, отъ рова и глубины прегрѣшеній возведи...

Вѣра содрогнулась, вспомнивъ, въ какую пропасть, полную всякой мерзости, она попала и, глядя съ глубокою вѣрой и мольбой на образъ, вдругъ почувствовала, что какая-то сила поднимаетъ ее и ведетъ изъ этой темной могильной пропасти.

Все легче и легче становилось на сердцѣ, слезы изсякали, глаза ясниѣли, новая твердость стала во всемъ тѣлѣ. Вѣра встала съ колѣнъ, съ глубокою благодарностью посмотрѣла на образъ, трижды перекрестилась и повторила уже съ силою и вѣрою:

— Пречистая Богородица предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ великихъ бѣдъ и золь!

Вѣра чувствовала, что она уже избавлена отъ бѣдъ и золь, она знаетъ, до конца знаетъ, что она должна дѣлать.

Вѣра пошла назадъ по каналу. Деревяшка не стучала за нею. Навстрѣчу ей надъ домами поднималось яркое, слѣпящее глаза солнце. Все казалось чистымъ и омытымъ въ пустомъ еще городѣ. Невѣдомая сила несла Вѣру впередъ къ новой, опредѣленной и ясной цѣли.

XXXV.

Прислуга Афиногена Ильича не посмѣла скрыть отъ стараго генерала, что «барышня не ночевали дома и еще не вернувшись».

Страшно встревоженный, генераль сейчасъ же послалъ за Порфириемъ. Тотъ прїѣхалъ съ Лилей. Не было и тѣни подозрѣнія, что тутъ могло быть «романическое» приключеніе — слово л ю б о в н о е само собою исключалось. Не такая была Вѣра и при томъ же И ш и м с к а я! Могъ быть только несчастный случай. Раздавили на улицѣ.

Порфирій помчался въ канцелярію градоначальника. Исчезновеніе Вѣры Николаевны Ишимской, внучки любимаго генераль-адъютанта въ Бозѣ почившаго Царя-Мученика подняло на ноги всю городскую полицію. Уже къ вечеру Афиногену Ильичу былъ доставленъ подробный полицейскій отчетъ о городскихъ происшествіяхъ за то время, что Вѣры не было дома.

Нигдѣ не было ни задавленныхъ, ни случайно убитыхъ. Благополучный былъ день. И пожаръ былъ только одинъ, на Охтѣ, и тотъ былъ скоро погашенъ. Въ городскомъ моргѣ не было подходящихъ покойниковъ. Въ больницы, какъ казенныя, такъ и городскія и частныя, не доставляли ушибленныхъ и не являлась ни одна молодая дѣвушка.

Только было одно показаніе, которое осторожнымъ шопотомъ доложилъ Порфирію приставъ Василеостровской части: будто чинъ рѣчной полиціи подъ утро усмотрѣлъ со своего поста у Николаевского моста, что въ воду бросился какой-то человѣкъ, но мужчина или женщина, того чинъ этотъ разобрать не могъ. Хотя и бѣлая была ночь, но именно потому, что бѣлая, безтѣнная — трудно было далеко ясно видѣть. Чинъ этотъ бросился было къ лодкѣ, но не слыша криковъ о помощи и не видя никого, кто барахтался бы въ водѣ, полѣнился отвязывать лодку.

Это былъ единственный слѣдъ, и тотъ какой-то невѣрный. О немъ рѣшили не говорить Афиногену Ильичу, но Порфирій и графиня Лиля просили полицію давать имъ свѣдѣнія, если будутъ обнаруживаться тѣла утонувшихъ женщинъ.

Въ іюль, когда знойное лѣто висѣло надъ Петербургомъ и въ улицахъ пахло гарью горящихъ въ окрестностяхъ Петербурга лѣсовъ, Порфирія, жившаго на дачѣ въ Петергофѣ, извѣстили изъ Сестрорѣцкаго стана, что море выбросило на берегъ трупъ молодой женщины, сильно разложившійся, пробывшій въ водѣ долгое время, и что: «по распоряженію исправника, вслѣдствіе отношенія Санктъ-Петербургскаго градоначальника отъ 4-го мая сего года за № 14571 тѣло не будетъ предано погребенію до распоряженія вашего высокоблагородія».

Порфирій съ Лилей рѣшили поѣхать и самимъ посмотреть — могло быть это тѣло несчастной Вѣры.

Это было длинное и утомительное путешествіе. Приѣхали въ Петербургъ и оттуда на извозчакѣ потащились на Лисій носъ, гдѣ было найдено тѣло.

Тѣло находилось подъ присмотромъ полицейскаго урядника и было покрыто рогожей.

Второй разъ приходилось Порфирію въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ опознавать покойника. Передъ нимъ вставала ненастная Плевненская ночь, Горталовская траншея и въ ней тѣло его сына съ лицомъ, изуродованнымъ до неузнаваемости. Тутъ было еще хуже.

Уже вечерѣло, когда въ сопровожденіи станового Порфирій и Лиля подошли къ пустынному, плоскому берегу залива. Стражникъ при шашкѣ сидѣлъ на камнѣ. Онъ всталъ при приближеніи приѣхавшихъ и поднялъ рогожи.

Полуобнаженное смрадное тѣло лежало на пескѣ.

Это не могла быть Вѣра. Вообще невозможно было опредѣлить, кто это былъ. Темныя пятна полного разложенія покрывали зеленоватое тѣло. Волосы совершенно сошли съ головы, и черепъ былъ обнаженъ. Глаза провалились и носъ запалъ. Только свѣтлые, яркіе, блестящіе зубы, виднѣвшіеся изъ источенныхъ тлѣніемъ губъ говорили, что трупъ принадлежалъ молодой и здоровой женщинѣ. Зубы были похожи на Вѣрины зубы. Нестерпимъ былъ трупный запахъ. Онъ болѣе всего мѣшалъ усвоить, что это могла быть Вѣра.

Остатки платья — темная юбка, изорванная о камни, простые чулки, башмаки, совершенно рыжіе отъ долгаго

пребыванія въ водѣ, — все это настолько утратило цвѣтъ и форму, что только тщательное изслѣдованіе ихъ могло установить качество и цвѣтъ матеріала. На такое изслѣдованіе ни у Порфирія, ни у Лили не хватило духа.

Молча стояли они оба надъ трупомъ. Прѣсная вонь тлѣнія застрѣвала въ ноздряхъ. Она потомъ долгіе дни преслѣдовала Порфирія и Лилю.

— Нѣтъ, это не Вѣра, — рѣшительно сказалъ Порфирій. — Я не допускаю мысли, что это — Вѣра.

И про себя вспомнилъ, какъ и тамъ, на Горталовской траншеѣ, онъ тоже отказался признать въ изуродованномъ тѣлѣ своего милаго Афанасія.

— Такъ разрѣшите — къ погребенію? — спросилъ становой.

Порфирій еще разъ бросилъ взглядъ на трупъ. Обнаженный черепъ точно смѣялся бѣлыми зубами и былъ страшенъ. Удушающій запахъ шелъ отъ тѣла. «Это — Вѣра?»

Шейные позвонки торчали сквозь прорванную мѣстами кожу. Ужасна была смерть въ своемъ разрушеніи.

— Конечно, къ погребенію, — быстро сказала Лилия.

Она чувствовала, что сейчасъ лишится чувствъ отъ трупнаго запаха.

Порфирій внимательно разглядывалъ трупъ. Зубы были положительно Вѣрины.

— Да... Къ погребенію, — раздумчиво и какъ бы колеблясь сказалъ Порфирій.

Весь долгій путь Порфирій и Лилия молчали. И только въ Петергофѣ, когда сѣли въ уютное, продушенное Лилиными духами тѣсное купе, запряженное парой рыжихъ кобылъ съ короткими хвостами, Порфирій тихо сказалъ:

— А что, если это и точно — Вѣра?

— Подумаешь! — воскликнула Лилия. — Такой запахъ! Я и ужинать сегодня не буду... Какой ужасъ! А ты! Вѣра!!

XXXVI.

Прошло два года. Шло благополучное, твердое, сильное царствованіе Императора Александра III. Европа благоговѣла передъ Россіей. Англія поджала хвостъ.

Афиногень Ильичъ умеръ отъ тоски и бездѣйствія. Онъ не подошелъ къ новому царствованію. Надъ нимъ рѣяли тѣни Бисмарка и Мольтке — а нѣмцы были не въ модѣ. Съ потерей внучки онъ остался совсѣмъ одинокъ. Лиля, правда, была трогательною невѣсткой и часто навѣщала его, но живого, близкаго человѣка въ самомъ домѣ не было. Въ полномъ сознаніи, исповѣдавшись и причастившись соборовавшись, подъ чтеніе отходной, со свѣчею въ рукѣ отошелъ въ вѣчность старый генераль-адъютантъ, и голько Фликъ и Флокъ въ полной мѣрѣ ощутили его уходъ изъ жизни.

Красивая была смерть и такія же красивыя и богатыя были похороны. Великіе Князья, генералитетъ провожали покойнаго до Александро-Невской Лавры. Гремѣла музыка, били барабаны. Большой войсковой нарядъ сопровождалъ гробъ.

— Генерала хоронятъ, — говорили въ толпѣ любопытныхъ.

Порфирій былъ произведенъ въ генералы и получилъ назначеніе быть губернаторомъ на далекую окраину — это было очень видное и самостоятельное мѣсто. Передъ отправленіемъ къ мѣсту службы онъ взялъ двухмѣсячный отпускъ и рѣшилъ совершить паломничество ко Святымъ мѣстамъ, въ Палестину.

Паломничество это состояло въ томъ, что онъ съ женою сначала ѣхали до Одессы въ купѣ 1-го класса, потомъ шли въ отдѣльной каютѣ новаго прекраснаго пассажирскаго парохода «Царь» Русскаго Общества пароходства и торговли, съ остановками въ лучшихъ отеляхъ до Яффы, а въ Іерусалимѣ были прекрасно устроены въ Горней Женской Обители у матушки настоятельницы. Эта новая Горняя Обитель была основана на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находился во времена Спасителя домъ Захаріи и Елизаветы, куда

приходила Божія Матерь — «вставши же Марія во дни сін, съ поспѣшностью пошла въ н а г о р н у ю страну въ городъ Іудинъ и вошла въ домъ Захаріи и привѣтствовала Елизавету»... *)

Здѣсь окружили Порфирія и Лилію такія дивныя, святые воспоминанія, что сердца ихъ растопились и стали они вѣрить въ чудо.

Только что кончилась литургія. Чинными рядами выходили монахини изъ свѣтлаго храма и спускались черезъ садъ къ трапезной.

Блестящій гравій хрустѣлъ подъ ихъ легкими шагами. Стройные кипарисы, раскидистыя смоковницы, цвѣтущее алыми цвѣтами гранатовое дерево, алоэ, воздушные эвкалипты, палево-желтыя розы, богато-цвѣтушія вдоль каменной ограды дикаго камня — все сверкало и благоухало подъ знойнымъ палестинскимъ солнцемъ. Синее небо было тако-го голубого цвѣта, что графиня Лилія глазъ не могла оторвать отъ него. Казалось, что святость мѣстъ, освященныхъ пребываніемъ здѣсь Сына Божія, отразилась и на природѣ.

У Лили земля горѣла подъ ногами. Ея походка стала легкой и воздушной. Душа ея точно растворялась въ прозрачномъ эфирѣ. Она стояла въ сторонѣ отъ дорожки и смѣрѣла на проходящихъ съ опущенными головами монахинь. Одна, проходя мимо Лили, приподняла голову и посмотрѣла на Лилію. Ясные голубые глаза въ опушкѣ длинныхъ рѣсницъ спокойно и безстрастно глядѣли на графиню изъ-подъ чернаго монашескаго куколя. Лилія увидѣла матовую блѣдность прекраснаго и будто знакомаго, роднаго лица, красивый рисунокъ поджатыхъ губъ. Точно что толкнуло ее. Она крѣпко схватила Порфирія за руку.

— Смотри! Вѣра! — прошептала она въ страшномъ волненіи.

Монахиня опустила глаза. Сходство исчезло. Она не могла не слышать шопота Лили. Ни одна черта не дрогнула въ ея лицѣ. Только еще строже были поджаты блѣдныя губы и казались суше.

*) Евангеліе отъ Луки. Гл. 1, ст. 39-40.

Въ покаяхъ матушки настоятельницы за чаемъ съ какимъ-то особеннымъ апельсиновымъ вареньемъ графиня Лиля соотвѣтственно мѣсту рассказывала матушкѣ настоятельницѣ и матушкѣ казначей о томъ знаменіи, какое было явлено кievскому схимнику Алексѣю Голосѣевскому 1-го марта 1881-го года.

— Вы Алексѣя того знаете, матушка? — спросила Лиля.

— Ну, какъ же, Елизавета Николаевна, видать, правда, не сподобилась, а слышать много чего слыхала. До 10-ти лѣтъ нѣмымъ былъ, а послѣ, по молитвѣ, сталъ сразу говорить и пошелъ служить Богу. А вотъ про знаменіе-то я и не слышала ничего. Расскажите, милая.

— Вынималъ тотъ Алексѣй въ чинѣ іеромонаха 1-го марта за жертвенникомъ частицы о здравіи и только вынулъ о здравіи Государя Александра II и говоритъ сослужащему съ нимъ отцу діакону: «Поосторожнѣе надо, отецъ діаконъ, на частицу вино чего пролилъ! Красная, какъ въ крови частица»... Діаконъ смотритъ съ удивленіемъ, что такое говоритъ отецъ архимандритъ: частица совсѣмъ бѣлая. — «Батюшка, отецъ Алексѣй, — говоритъ діаконъ, — да что вы, частица же бѣлая...» — «Что вздоръ мелешь, — говоритъ отецъ Алексѣй, — красная частица, въ крови выкупана»... Тогда никто ничего не понялъ, а послѣ-то все объяснилось. Прозорливецъ былъ отецъ Алексѣй.

Графиня подождала, когда мать казначея вышла изъ покоевъ и они остались наединѣ съ матерью-настоятельницей и сказала довѣрительно:

— Я вотъ о чемъ хотѣла спросить васъ, матушка. Проходили сейчасъ изъ церкви монахини и между ними одна была такая красивая, съ голубыми глазами и совсѣмъ молоденькая.

Настоятельница радостно засмѣялась.

— Ну, знаю, знаю, — сказала она. — Всѣ ее примѣчаютъ. Это сестра Вероника. Ангелъ — не человѣкъ. И работаетъ какъ, и молится!..

— Матушка, можетъ быть, этого и нельзя, я прошу вамъ открыть только мнѣ и мужу, кто такая была въ міру эта сестра Вероника?

— Мы не можемъ никому, Елизавета Николаевна, открывать мірское прошлое нашихъ чадъ. Это, какъ тайна исповѣди.

— Даже если на то есть особыя и очень важныя обстоятельства? Я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло.

И графиня Лилия, торопясь и довольно сбивчиво, рассказала о Вѣрѣ, о ея странностяхъ, о томъ, какъ Вѣра пропала вскорѣ послѣ царевубійства, какъ думали, что она наложилась на себя руки и утопилась, и какъ никто ее больше не видѣлъ.

Настоятельница слушала съ большимъ вниманіемъ рассказъ графини Лили.

— Что же, много бываетъ загадочнаго въ мірѣ, Елизавета Николаевна, — сказала тихо и въ глубокой задумчивости настоятельница. — Но ничего такого сказать вамъ про сестру Веронику не могу. Просто не знаю ничего такого. Она ангельскій чинъ приняла и съ нимъ отрѣшилась отъ всего земного, ушла отъ міра. Кто она была — я не знаю. Пришла она къ намъ точно два года тому назадъ, лѣтомъ, съ партіей богомолковъ, все больше простыхъ крестьянокъ. Пришла изъ Яффы пѣшкомъ, съ клюкою, въ черномъ, очень бѣдномъ платьѣ и видимо очень нуждавшаяся. Просилась остаться у насъ и осталась на послушаніи. Рабо-отала! Такъ ни раньше, ни послѣ никто у насъ и не работалъ. Видите — какой садъ. Все ея руками создано. Ручками своими нѣжными тяжелые камни на гору таскала, землю набрасывала и любила цвѣты. Поэтическая натура. Ну, да у насъ о прошломъ не принято спрашивать. Что было въ міру, насъ не касается. Я и сама слышала что-то про Вѣру Ишимскую... Такъ у насъ тайна исповѣди — тайна по гробъ и дальше. Годъ тому назадъ постриглась — стала Вероникой и ушла изъ міра. Пока послушницей была, могли мы сказать ея имя — теперь никакъ это невозможно, и не гнѣвайтесь на меня за то. Наша Вероника образецъ цѣломудрія, чистоты тѣлесной и душевной, добролюбія и трудолюбія, и не нужно смущать ея души, примирившейся со своимъ положеніемъ. Она у насъ и посейчасъ садомъ завѣдуетъ.

— Вы намъ, матушка — вмѣшался Порфирій, — только скажите, какая она — блондинка или брюнетка?

Матушка шутливо замахала рукою на Порфирія и даже пальцемъ ему пригрозила:

— Ка-к-кой! — съ прежнею свѣтскою кокетливостью былой дамы свѣта сказала она, — и ни блондинка и ни брюнетка, — а монахиня. Не напрасно волосы мы обрѣзаемъ, да куколемъ покрываемъ. Платомъ лобъ укручиваемъ, чтобы женскими прелестями никого не смущать. Монахиня Вероника не пожелала открывать тайну своего прошлаго — значить, имѣла на то основаніе.

Вероника какъ будто стала скрываться отъ пріѣзжихъ гостинниковъ. Только еще разъ удалось Порфирію увидѣть ее, когда она работала въ саду, и Порфирій сталъ послѣ этого увѣрять графиню Лилію, что усмотрѣлъ на ея верхней губѣ черный пушокъ, какъ не могъ быть у блондинки.

Графиня Лилія даже не на шутку разсердилась на Порфирія.

— Подумаешь! — говорила она, устраиваясь въ каютѣ парохода, стоявшаго въ Яфѣ. — Сказаль! Усики! Брюнетка! Что же, ты хотѣлъ бы, чтобы та страшная, на морскомъ берегу, зарытая безъ молитвы — была нашей Вѣрой? Нѣтъ — именно монахиня Вероника и есть наша милая Вѣра. У Вѣры всегда была склонность къ мистицизму, къ возвышенному. Мірское ее не удовлетворяло. Подумаешь! Афанасію она отказала. Послѣднее время, передъ тѣмъ, какъ исчезнуть, помнишь, твоему отцу все Евангеліе читала. Не спроста это было. И всегда была такая скрытная. Гдѣ она ходила, съ кѣмъ она видѣлась, развѣ мы когда-нибудь знали? Можетъ быть, и тогда она молиться ходила, съ Божьими людьми видалась... И я такъ счастлива, что мы, наконецъ, нашли нашу Вѣру... Такъ жутко было всегда думать о томъ, что мы видѣли тогда на берегу. Мнѣ даже часто снилась она. Жаль, умеръ Афиногенъ Ильичъ... Какимъ было бы это ему утѣшеніемъ... А теперь — все въ порядкѣ. Монахиня Вероника... И — красота! За садомъ ходитъ. Ишимская! Несказанная прелесть ихъ Горній садъ.... Ты куда положилъ букетъ розъ, что дала намъ настоятельница? Вероника его рѣзала. И банку съ вареньемъ изъ апельсиновъ? Я такого варенья и не видала никогда. Цѣльными плодами сварено, и — сочно!.. Жалко, рецепта не спросила, какъ оно

дѣлается. Ну, вотъ — банку на сѣтку! А качка будетъ, намъ на головы и полетитъ — хорошо развѣ будетъ?

Оживленная, красивая, — годы ее не брали — Лилия пустила теперь въ свои черныя косы бѣлыя пряди — «*poivre et sel*» *) — она устанавливала по-своему вещи въ каютѣ «Царя».

Золотые зайчики, отраженія маленькихъ волнъ на рейдѣ, затѣйливымъ узоромъ играли по бѣлому, крашеному масляной краской потолку каюты. Въ круглый иллюминаторъ видны были розовыя скалы, бѣлые дома, пальмы, миндальныя деревья, смоковницы. Тихо и сонно плескало о борта парохода море. Порфирій сидѣлъ подъ иллюминаторомъ и вспоминалъ Балканы и тотъ Востокъ, который онъ освобождалъ, проливая свою кровь и отдавъ сына по волѣ Императора Александра II.

Все было въ прошломъ, точно съ тѣхъ поръ цѣлая вѣчность прошла.

Грустныя мысли одолѣвали Порфирія:

«Нѣтъ Царя-Освободителя, котораго Порфирій крѣпко любилъ и за котораго пролилъ кровь. Внезапно отъ удара, въ Москвѣ, въ гостинницѣ, умеръ кумиръ Порфирія Скобелевъ. Александровское прошлое кануло въ вѣчность. Шли новыя вѣянія, новые являлись люди, и строительство Россіи шло большимъ, но мирнымъ темпомъ, и про Государя Александра III говорили: «Царь-Миротворецъ». Бѣдно одѣтая, по новому, утвержденному военнымъ министромъ Ванновскимъ образцу, армія вела работу незамѣтно, безъ прошлаго параднаго блеска, и не было больше разводовъ въ Михайловскомъ манежѣ. На новую дорогу выходила Россія. И въ семьѣ Порфирія сколько переменъ... Недавно похоронилъ отца, безъ погребенія лежатъ гдѣ-то кости Афанасія, и ушла Вѣра... И, конечно, — Вероника не Вѣра... Вѣра — та, страшная, гнилая, на пустынномъ морскомъ берегу. Была бы Вероника Вѣрой, не подошла бы она? Не сказала бы слова привѣта, не разспросила бы хотя о дѣдушкѣ?»

Но сказать своихъ мыслей Лилѣ Порфирій не могъ и не смѣлъ.

*) Перецъ съ солью.

Въ жаркой каютѣ уже пахло тонкими Лилиными духами, пахло всею ею, обаятельной, милой женошкой, жизнерадостной и живой, всюду, куда ни входила она, умѣвшей вносить свой особенный уютъ и свое женское очарованіе.

«Ну, что же? — думалъ Порфирій. — Тѣ умерли, какъ и намъ придетъ пора умирать, а съ этой онъ пойдетъ и тальше по пути работы, по пути строительства Россіи на далекой окраинѣ, понесетъ съ нею въ глухія мѣста Русскую культуру и Русское очарованіе. Такія простыя, честныя, любящія, немудренныя жены больше нужны и больше слѣлаютъ, чѣмъ сложныя и мудренныя натуры, какъ Вѣра, и Господь зналъ, кому послать смерть, кому сохранить жизнь...»

К О Н Е Ц Ъ.

Декабрь 1935 — Сантени. Франція.

Январь 1938 — Далевицъ. Германія.

ТОГО ЖЕ АВТОРА :

1. **Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.** Романъ въ четырехъ томахъ. Изданіе третье. Имѣется на: англійскомъ, болгарскомъ, голландскомъ, датскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, финскомъ, французскомъ, хорватскомъ, чешскомъ (иллюстрированное изданіе) и шведскомъ языкахъ.
2. **Опавшіе листья.** Романъ. Имѣется на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.
3. **Понять — простить.** Романъ. Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и чешскомъ языкахъ.
4. **Единая-недѣлимая.** Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
5. **Бѣлая свитка.** Романъ. Имѣется на англійскомъ, голландскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ.
6. **« Largo ».** Романъ. Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ.
7. **Выпашь.** Романъ.
8. **Подвигъ.** Романъ.
9. **Ненависть.** Романъ. Имѣется на итальянскомъ и нѣмецкомъ яз.
10. **За чертополохомъ.** Фантастическій романъ. 2-е изданіе. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
11. **Амазонка пустыни.** Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, норвежскомъ, польскомъ, словенскомъ, французскомъ, хорватскомъ, чешскомъ и шведскомъ языкахъ.
12. **Все проходитъ.** Историческая повѣсть. Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

13. Съ нами Богъ. Историческій романъ въ двухъ томахъ. Имѣется на англійскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ (иллюстрированное изданіе) языкахъ.
14. Цесаревна. Историческій романъ. Имѣется на нѣмецкомъ яз.
15. Екатерина Великая. Историческій романъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ (иллюстрированное изданіе).
16. Мантыкъ — охотникъ на львовъ. Повѣсть для юношества, иллюстр. Имѣется на итальянскомъ (иллюстрированное изданіе) и французскомъ языкахъ.
17. Съ Ермакомъ на Сибирь. Иллюстр. изд. Имѣется на англійскомъ языкѣ (иллюстрированное изданіе).
18. Домой. Романъ.
19. Терунешъ (Любовь абиссинки) и др. Разказы.
20. Поѣздка на Ай-Петри и др. Разказы.
21. Степь. Восьмидесятый. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
22. Душа Арміи. (Опытъ военной психологіи). Имѣется на болгарскомъ языкѣ.
23. Тихіе подвижники. Очеркъ.
24. Казачья самостоятельность. Очеркъ.

Achevé d'imprimer
le vingt mai mil
neuf cent trente huit.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

LIBRAIRIE E. DE SIALSKY
2, rue Pierre-le-Grand, Paris (8°)
Tél. Carnot 88-67.